

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

БОРИС СОКОЛОВ

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

БОРИС СОКОЛОВ

НЕВИДИМЫЙ

ФРОНТ

ВТОРОЙ МИРОВОЙ

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Москва
алгоритм
2017

УДК 94(100)“1939/45”
ББК 63.3(0)62
С59

Соколов, Борис Вадимович.

С59 Невидимый фронт Второй мировой: мифы и реальность / Борис Соколов. — Москва : Алгоритм, 2017. — 384 с. — (Тайны военной истории).

ISBN 978-5-906842-68-8

В книге известного историка Бориса Соколова представлен новый взгляд на историю борьбы советской и германской разведок в годы Второй мировой. Воспетая в романах и кинофильмах романтика деятельности разведчиков, как убедительно показывает автор, зачастую ничего общего с реальностью не имеет. Информация же, добытая агентами, способна повлиять на судьбы мира, лишь когда она используется штабами и ведомствами... — а вот с этой стороны изучать деятельность разведки у нас как-то не принято, сетует автор и предлагает свои ответы на вопросы:

— как борьба разведок отразилась на ходе боев на советско-германском фронте?

— что противники действительно знали друг о друге?

— кем был Штирлиц и что из истории легендарного Николая Кузнецова из разряда вымысла?

— как на самом деле «Смерш» ловил вражеских лазутчиков и кто в действительности шпионил на Гитлера?

— кто из числа выдающихся агентов вел двойную игру?

— что в известных фильмах о разведчиках является правдой?

УДК 94(100)“1939/45”
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-906842-68-8

© Соколов Б.В., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Почему была написана эта книга	6
Подлинная история Николая Кузнецова: обер-лейтенант Пауль Зиберт и несостоявшаяся охота на «Большую Тройку» в Тегеране	8
Дело комиссара Люшкова	103
«Красная капелла» против «Барбароссы»	152
Кем был Штирлиц?	192
Головокружение от успехов после Московской битвы	203
Дело майора Рейхеля	214
По следам советских Штирлицев	223
Воздушные замки, или Как генерал Кириченко орден Ленина заслужил	239
Вместо агентов — «языки»	256
Тайна Рудольфа Ресслера	260
Что произошло под Курском	281
Крах генерала Соколовского	305
Кто предал Зою Космодемьянскую	339
Был ли Папаша Мюллер советским агентом	343
«Смерш» без карнавальной маски	356
Примечания	380

ПОЧЕМУ БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА

О советских и германских спецслужбах в годы Второй мировой войны писали много, но неясно. Разведки умеют хранить свои тайны, а правительствам частенько и полвека спустя невыгодно их раскрывать. Нередко правда о разведывательных и контрразведывательных операциях может основательно подорвать международную репутацию страны. Архивы спецслужб, как правило, закрыты для независимых исследователей. Публикации же, осуществляемые самими разведывательными организациями в сотрудничестве с «дружественными» историками, представляют собой причудливую смесь правды, полуправды и красивых мифов, и здесь очень трудно отделить зерна от плевел. Порой имеющиеся материалы позволяют построить несколько взаимоисключающих версий одного и того же события, ни одна из которых не может быть строгим образом подтверждена или опровергнута. Неслучайно о шпионах всего мира написано гораздо больше романов или беллетризованных повествований неопределенного жанра, чем собственно документальных исследований. В романах очень много места уделяется романтике профессии разведчика. Мы узнаем, как он ловко уходит от слежки, как напряженно вглядывается в дождливую ночь, ожидая агента с ценной информацией. Но вот что это была за информация, как использовалась в дальнейшем, повлияла ли на судьбы мира и исход войны, обычно сообщается довольно скупно.

В романах и документальных книгах про разведчиков сведения, добываемые героями, всегда имеют чуть ли ни решающее значение для достижения победы над врагом. Но в действительности любая добытая разведкой информация, даже самая уникальная, только тогда чего-нибудь стоит, когда используется вышестоящими штабами и ведомствами — потребителями информации. А вот с этой стороны изучать деятельность разведки у нас как-то не принято. Весь упор — на героизм и искусство советских разведчиков и их друзей-антифашистов. Героизм, слов нет, был. Ведь эти люди ходили буквально по лезвию ножа и многие заплатили жизнями за свою нелегкую и незаметную для широкой публики работу.

Я хочу рассказать о нескольких подлинных и мнимых агентах советской разведки, работавших в годы Второй мировой войны, равно как и о некоторых предполагаемых агентах германских спецслужб в Советском Союзе. Речь также пойдет о некоторых сложных играх друг против друга советских и германских спецслужб.

От мифов тяжело избавляться, но жить с мифами опасно. Мифологизируя историю, мы утрачиваем также и реальное представление о нашем настоящем. А история разведки — это одна из наиболее мифологизированных отраслей исторического знания. Я очень надеюсь, что хотя бы некоторые из устоявшихся мифов мне удастся заменить более или менее правдоподобными версиями.

**Подлинная история Николая Кузнецова:
ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ ПАУЛЬ ЗИБЕРТ И НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ОХОТА
НА «БОЛЬШУЮ ТРОЙКУ» В ТЕГЕРАНЕ**

Широко распространено мнение, что германские спецслужбы планировали организовать покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встречи в Тегеране и только благодаря бдительности советских контрразведчиков зловещие замыслы не были реализованы. В СССР первое сообщение о несостоявшемся покушении на «Большую» появилось 19 декабря 1943 года. В этот день газета «Правда» поместила корреспонденцию из Лондона, помеченную 17-м числом: «По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они смогли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной, в то время как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра...».

После окончания войны были опубликованы документы Тегеранской конференции «Большой тройки». Уже в послании Сталину от 24 ноября 1943 года Рузвельт выражал беспокойство по поводу обеспечения безопасности уча-

стников встречи в Тегеране: «Я знаю, что ваше Посольство и Британское Посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя Миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне сообщили (явно из советских источников. — Б. С.), что все трое из нас подвергались бы ненужному риску, отправляясь на заседания, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга. Где, по вашему мнению, должны мы жить?».

Запись беседы наркома иностранных дел В. М. Молотова с послом США в Москве Авереллом Гарриманом, состоявшейся в советском посольстве в Тегеране в ночь с 27 на 28 ноября 1943 года, свидетельствует, что у «дядюшки Джо» было вполне определенное мнение, где лучше всего остановиться американскому президенту. Вячеслав Михайлович, зная об озабоченности Рузвельта проблемой безопасности, еще больше пугал американцев: «В последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать. Поэтому с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства».

Гарриман, похоже, испугался, но, чтобы сохранить лицо, сделал вид, что президент и сам собирался поступить именно так, до всяких молотовских страшилок: «Рузвельт с самого начала предполагал остановиться в советском посольстве с целью избежать переездов. Но в последнее время ему, Рузвельту, сообщили, что передвижение по улицам совершенно безопасно, и поэтому, а также для того, чтобы не создавать неудобного положения для Черчилля, он решил остановиться в американском посольстве. Я не сомневаюсь в серьезности дела, но ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, хотел бы получить более подробную информацию».

И Молотов такую информацию охотно предоставил: «Речь идет о лицах, связанных с германским агентом в

Иране Майером (резидент германской разведки, настоящая фамилия которого Рихард Август; еще в августе 43-го его арестовала британская контрразведка. — Б. С.). В отношении группы Майера иранское правительство приняло меры и выслало некоторых лиц из Ирана. Однако агенты Майера еще остаются в Тегеране, и от них можно ожидать актов, которые могут вызвать нежелательные инциденты. Поэтому представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве».

Гарриман с облегчением подтвердил, что не сомневается: президент в Тегеране воспользуется советским гостеприимством. Но попросил уточнить, имеется ли в виду возможность покушения или речь идет о демонстрациях, которые прогерманские элементы могут устроить в персидской столице.

Молотов ответил уклончиво, поскольку слишком запугивать американцев тоже не стоило — вдруг Рузвельт вообще испугается ехать в Тегеран: «Эти элементы могут предпринять враждебные акты против кого-либо из руководителей наших государств и спровоцировать инцидент, который вызовет ответные меры. При этом могут пострадать невинные люди. Этого следует избежать, так как это выгодно лишь немцам и крайне нежелательно для союзников. Если что-либо случится, то будет непонятно, почему не было осуществлено первоначальное предложение».

Гарриман обещал тотчас передать президенту полученные сведения и выразил уверенность, что, раз маршал Сталин считает наилучшим решением, чтобы президент остановился в советском посольстве, то Рузвельт так и сделает. Действительно, днем 28 ноября президент Рузвельт покинул американскую миссию и срочно перебрался в советское посольство. Ему щедро отвели главное здание. Сталин же со своими спутниками скромно разместился во флигелях.

Черчилль тоже был обеспокоен возможными происками германских агентов в Тегеране и полностью одобрил решение Рузвельта. Британский премьер писал в мемуа-

рах: «Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента (у американцев был богатый и печальный опыт удавшихся покушений на собственных президентов, что не помешало через 20 лет убийце-одиночке Ли Харви Освальду уложить наповал Джона Фицджеральда Кеннеди. — Б. С.). Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всей конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у

нас глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, — сказал он, — это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в здание русского посольства, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех обсуждать проблемы мировой войны».

Англичане и американцы, как кажется, были настолько наивны, что полагали: Сталин приглашает Рузвельта в советское посольство исключительно из-за заботы о безопасности дорогого гостя. Думаю, не все здесь обстояло так просто. И далеко не случайно советская сторона щедрым жестом уступила американской делегации главное здание посольства. Оно наверняка было напичкано «жучками», и там легче было осуществлять прослушивание конфиденциальных разговоров Рузвельта со свитой. Да и психологически сам факт пребывания в советском посольстве должен был сделать американского президента более восприимчивым к аргументам Сталина. Не говоря уже о том, что нагнетаемая «дядюшкой Джо» в Тегеране атмосфера страха должна была побудить западных партнеров больше ценить союз с ним и сделать Рузвельта и Черчилля более покладистыми.

Между прочим, версию с советскими подслушивающими устройствами в апартаментах Рузвельта в Тегеране подтверждает сын Лаврентия Берии Серго, учившийся на факультете радиосвязи военной электротехнической академии в Ленинграде. Вот что он рассказывает: «Я уже год учился в академии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая

из Ленинграда, знал только, что направляюсь в распоряжение Генерального штаба — приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: «Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте».

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из спецлаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято. Подъехали к какому-то зданию, прошли вовнутрь.

Я не предполагал, что могу встретить здесь, в Иране, отца. Специалисты лишь успели сказать, что аппаратура уже подключена, когда вошел незнакомый офицер:

— Вас вызывают.

Пройдя несколько комнат, я попал к отцу. Не виделись мы давно.

— Видишь, — говорит отец, — где встретились? Тегеран... Тебя уже предупредили, чем будешь заниматься? Иосиф Виссарионович лично потребовал, чтобы тебя и еще кое-кого подключили по его указанию к этой работе. Кстати, как у тебя с английским? Язык не подзабыл? Нет? Это хорошо. Вот мы тебя сейчас и проверим.

Пригласили одного из переводчиков. Перебросились мы приветствиями, пошутили.

— Да нет, — говорит отец, — Нормально поговорите.

Отец послушал нас и сказал:

— Нормально, не забыл.

Когда переводчик вышел, отец заговорил о деле:

— Только имей в виду: это довольно тяжелая и монотонная работа.

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Но мы и поговорить-то толком не успели, как меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу...

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

— Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

— Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы... Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой...

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не расспрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно...

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не сказал. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегаций и в часы отдыха.

Что касается технологии — обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но, конечно же, Сталин не читал никогда, да и не собирался читать весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем,

была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт. Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны... находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы... обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбрать из этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было... не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штабов обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим, по объему всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полтора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем... Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал: «Убежденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?».

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Поэтому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром — к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас так же тихо вывезли, как и привезли.

Присутствие Лаврентия Берии в Тегеране во время встречи Большой тройки подтверждает и сталинский переводчик В. М. Бережков. Валентин Михайлович вспомина-

ет: «На Тегеранской конференции в советскую делегацию официально входили только Сталин, Молотов и Ворошилов. Но с ними в советском посольстве находился также и Берия. Каждое утро, направляясь к зданию, где проходили пленарные заседания, я видел, как он объезжает территорию посольского парка в “бьюике” с затемненными стеклами, подняв воротник и надвинув на лоб фетровую шляпу. Поблескивали только стекла пенсне». Бережков, по всей вероятности, не подозревал, какими «неэтичными делами» занимается в Тегеране грозный шеф НКВД.

Вот где собака зарыта! Дядюшке Джо очень хотелось послушать, о чем говорят между собой друг Уинстон и друг Франклин. А удобнее всего это было сдать, поселив Рузвельта в советском посольстве. Потому-то Иосиф Виссарионович и предоставил широким жестом американскому президенту главное здание советского посольства, что там заранее «специалисты из спецлаборатории» расставили скрытые от посторонних глаз микрофоны. А чтобы побудить Рузвельта воспользоваться сталинским гостеприимством, была пущена в ход легенда о якобы готовящемся германской разведкой покушении на лидеров Антигитлеровской коалиции.

В данном случае отношения Сталина с его западными партнерами напоминают один известный анекдот. Американец из техасской глубинки впервые побывал в Лондоне и возвращается оттуда со ста тысячами долларов.

— Билл, откуда у тебя такие деньги? — спрашивают его земляки.

— Выиграл в покер.

— Ой, как же тебе повезло!

— Да ничего особенного. Сел я играть с двумя британскими лордами. Ну, сделали ставки, сравнялись. Я открываю свои карты — тройка. Англичанин говорит: «У меня флеш-рояль» — и забирает деньги. Я — ему: «Ты флеш-то покажи, открой карты». А он — мне: «Ну что вы, сэр, мы же джентльмены». Джентльмены? Ну-ну... Ох, поперла же мне карта...

Рузвельт и Черчилль, равно как и начальники их охраны, вели себя в точности, как те лорды, и в мыслях не допуская, что друг и союзник будет за ними шпионить во время конференции. Сталин же, зная заранее об истинной реакции Черчилля и Рузвельта на сделанные им предложения, имел на руках все козыри. Карта, по крайней мере дипломатическая, ему еще как перла!

На чем же основывались те предупреждения, которые Молотов довел до сведения американцев? Если верить книге Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева «Сильные духом», первое покушение на Сталина, равно как и на президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, готовилось германской разведкой в 43-м году во время встречи «Большой тройки» в Тегеране. Информация об этом поступила от действовавшего во взаимодействии с отрядом Медведева легендарным разведчиком Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Прежде чем проанализировать события, связанные с этим действительно планировавшимся или мнимым покушением, я хочу на личности того, которые миллионы кинозрителей фильмов «Сильные духом» и «Отряд особого назначения» и читателей одноименной книги Д. Н. Медведева запомнили под именем обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта, агента по кличке «Пух» и партизана медведевского отряда по имени Николай Васильевич Грачев.

Это был незаурядный артист, сыгравший роль обер-лейтенанта Зиберта лучше, чем сыгравшие потом роль самого Кузнецова в кино профессиональные актеры Гунар Циллинский и Александр Михайлов. Николай Иванович родился 14/27 июля 1911 года в глухой деревне Зырянская тогдашней Пермской губернии (ныне эта деревня — в Свердловской области). Первоначально родители-старобрядцы нарекли его Никанором. Однако в начале 30-х годов по непонятной причине Никанор превратился в Николая. Хотя ни капли немецкой крови не было у Кузнецова, он совершенно свободно говорил по-немецки. И внешность у

Николая Ивановича была абсолютно арийская — высокий статный блондин, настоящая белокурая бестия!

Немецким будущий разведчик овладел так хорошо, потому что в маленьком городке Талица, где Кузнецов учился в школе-семилетке, была небольшая колония бывших австрийских пленных, осевших на уральской земле. С ними маленький Никанор много говорил по-немецки, совершенствуясь в разговорной речи. У него была природная способность к языкам. Школьник, в частности, овладел только вошедшим тогда в моду эсперанто. Вот Талицкий лесотехнический техникум окончить не успел. В декабре 1929 года Кузнецова исключили из комсомола «за сокрытие кулацкого происхождения» и отчислили из техникума за полгода до завершения курса. В ноябре 31-го ему удалось восстановиться в комсомоле, представив справки, что отец в гражданскую служил в Красной армии, а до этого, хоть и был зажиточным крестьянином, но батраков не эксплуатировал. Но досдавать после реабилитации экзамены в техникуме Николай Иванович уже не стал.

В 1932 году Кузнецов, работавший в центре Коми-Пермяцкого национального округа Кудымкаре лесоустроителем, был арестован по обвинению в хищениях. Чекисты обратили внимание на человека с поразительными лингвистическими способностями. Ведь коми-пермяцкий язык — не самый легкий для русского человека, а Кузнецов освоил его поразительно быстро. Арест произошел 4 июня, а уже 10 июня Николай Иванович дал подписку о работе секретным сотрудником ОГПУ и получил кличку «Кулик». Вполне вероятно, что ему намекнули: если откажешься быть сексотом, к хозяйственным статьям добавим политическую. Очень может быть, что на Кузнецова был уже донос, содержащий его будто бы «контрреволюционные разговоры». Органы сделали будущему разведчику такое предложение, от которого он не смог отказаться. В результате на суде выяснилось, что сам Кузнецов к хищениям не причастен, зато его начальство получало деньги и продукты по подложным ведомостям. Начальникам дали от 4 до 8 лет лагерей. Николаю Ивановичу же за халатность опре-

делили год исправительных работ по месту службы. Судимость будущему Зиберту и тогдашнему «Кулику» ОГПУ организовало на всякий случай.

Кстати, к тому времени Николай Иванович успел уже жениться и развестись. 2 декабря 1930 года он зарегистрировал брак с медсестрой местной больницы Еленой Петровной Чугаевой. Но уже 4 марта 1931 года молодые развелись. Более никогда Кузнецов в брак не вступал. И не только в брак. У нас нет никаких сведений, что он когда-нибудь еще был близок с женщиной. Для молодого красивого 20-летнего мужчины это несколько странно. Ведь до войны и прихода Кузнецова в разведку оставалось еще 10 лет. Неужели он так и не встретил если и не настоящую любовь, то хотя бы девушку, с которой у него возникла бы взаимная симпатия? И впоследствии Николай Иванович никому и никогда не рассказывал, что в молодости был женат. Ничего не рассказывала о своем первом замужестве и Елена Петровна, пережившая Кузнецова на несколько десятилетий. Много лет спустя после гибели Николая Ивановича ее разыскал в Алма-Ате кудымкарский краевед Г. К. Конин. Елена Петровна охотно рассказала о своей последующей жизни, но отметила, что никому не говорила, что три месяца была женой легендарного разведчика. И Конину ничего не сказала, почему они с Кузнецовым расстались навсегда. Какая тайна здесь скрывается?

Нельзя исключить, что причиной развода и последующего одиночества Николая Ивановича стала импотенция. Это печальное обстоятельство могло только усилить притягательность Кузнецова как объекта вербовки для компетентных советских органов. Вот здорово! Агент, красавец-мужчина, будет очаровывать нужных женщин, флиртовать с ними, добывая нужную информацию. А вот установить с ней более длительную связь и из-за этого, кто знает, забыть о долге или, что еще хуже, стать жертвой красавицы, подложенной неприятельской разведкой, не сможет никогда. Вспомним, что многие чекисты-нелегалы становились предателями именно под влиянием любовниц. Взять хотя бы знаменитого Георгия Агабекова, издавшего

в 30-е годы в Берлине нашумевшие книги «ГПУ. Записки чекиста» и «ЧК за работой». Любовь к дочери британского чиновника заставила резидента ОГПУ в Стамбуле порвать с Советами. И по той же самой причине убийца лидеров украинских националистов Льва Ребета и Степана Бандеры Богдан Сташинский предпочел сбежать в Западную Германию с любовницей-немкой перед самым возведением Берлинской стены.

Или, быть может, на разводе настояло ОГПУ, рассчитывавшее использовать Кузнецова как холостого героя-любовника? Но ведь развод был за полтора года до того, как Николай Иванович превратился в «Кулика». Впрочем, вполне возможно, что в действительности никаких проблем в общении с прекрасным полом у легендарного разведчика не возникало, а о его любовницах мы ничего не знаем как из соображений секретности, так и потому, что в советское время герой-разведчик с точки зрения пропагандистского мифа никак не мог позволить себе иметь внебрачные связи.

В 1935 году Кузнецов поступил работать в бюро технического контроля конструкторского отдела Уралмаша. Здесь, в Свердловске, он встретился с трудившимися на заводе немецкими инженерами. Несомненно, Николай Иванович действовал уже по заданию НКВД, прощупывая настроения иностранных специалистов. Параллельно он еще больше усовершенствовался в немецком, освоив диалекты различных германских земель. В своей однокомнатной квартире он сразу же поставил патефон с немецкими песнями, учил их наизусть. Возможно, уже тогда готовился к разведывательной работе в Рейхе.

Еще в школе Кузнецов занимался в драмкружке, его игра запомнилась многим одноклассникам. Театром увлекался в Кудымкаре и Свердловске, не пропускал ни одной премьеры. Таким образом, он брал уроки у мастеров сцены, чтобы не сплеховать, когда придется сыграть свою главную роль в жизни. Будущий разведчик не знал тогда, что обессмертит себя образом обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Параллельно Николай Иванович занимался альпи-

низмом. Тоже могло пригодиться в профессии разведчика, например при переходе границы. Хотя Николай Иванович не предполагал тогда, что смерть настигнет его в Карпатских горах.

В январе 36-го Кузнецов увольняется с Уралмаша. Отныне единственная его профессия — разведчик, вернее, пока что — контрразведчик, наблюдающий за деятельностью иностранных специалистов и вступающих с ними в контакт советских граждан. А псевдоним поменяли еще в 1934 году — в связи с переездом в Свердловск «Кулик» стал «Ученым». Но вскоре после ухода с Уралмаша ему пришлось еще раз побывать в тюремной камере. В 37-м году, когда началась «ежовщина», Кузнецова арестовали и несколько месяцев продержали в застенке Свердловского НКВД. Трудно сказать, собирались ли навесить на него «контрреволюционную» 58-ю статью в рамках начавшейся смены людей Ягоды людьми Ежова или использовали молодого агента, слишком мелкую сошку для репрессий, в качестве «наседки», помещая в камеры с «врагами народа», чтобы узнать, что арестованные говорят между собой.

После выхода из тюрьмы Кузнецов был направлен в Сыктывкар в распоряжение нового наркома внутренних дел Коми АССР Михаила Ивановича Журавлёва. Заодно получил и новый псевдоним — «Колонист». Николай Иванович, как специалист, помог Журавлёву выполнить приказ Москвы об упорядочении лесозаготовок на Северном Урале и заслужил от него благодарность. И Михаил Иванович помог Кузнецову перебраться в Москву.

Об обстоятельствах этого перевода несколько десятилетий спустя журналисту Теодору Кирилловичу Гладкову рассказывал бывший генерал-лейтенант госбезопасности Леонид Федорович Райхман, в 1938 году — начальник отделения в отделе контрразведки Главного управления Госбезопасности НКВД СССР: «Журавлёв мне часто звонил, советовался по некоторым вопросам, поэтому я не удивился его очередному звонку, кажется, в середине 1938 года:

— Леонид Федорович, — сказал Журавлёв после обычных приветствий, — тут у меня есть на примете один чело-

век, еще молодой, наш негласный сотрудник. Очень одаренная личность. Я убежден, что его надо использовать в Центре, у нас ему просто нечего делать.

— Кто он? — спросил я.

— Специалист по лесному делу. Честный, умный, волевой, энергичный, инициативный. И с поразительными лингвистическими способностями. Прекрасно владеет немецким, знает эсперанто и польский. За несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык настолько, что его в Кудымкаре за своего принимали...

Предложение меня заинтересовало. Я понимал, что без серьезных оснований Журавлёв никого рекомендовать не станет. А у нас в последние годы погибло множество опытных, не липовых, а настоящих контрразведчиков и разведчиков. Некоторые линии и объекты были попросту оголены или обслуживались случайными людьми.

— Посылай, — сказал я Михаилу Ивановичу. — Пусть позвонит мне домой.

Прошло несколько дней, и в моей квартире на улице Горького раздался телефонный звонок: Кузнецов. Надо же было так случиться, что в это самое время у меня в гостях был старый товарищ и коллега, только что вернувшийся из продолжительной командировки в Германию, где работал с нелегальных позиций. Я выразительно посмотрел на него, а в трубку сказал:

— Товарищ Кузнецов, сейчас с вами будут говорить по-немецки.

Мой друг побеседовал с Кузнецовым несколько минут на общие темы, потом вернул мне трубку и, прикрыв микрофон ладонью, сказал удивленно:

— Говорит как исконный берлинец.

Позднее я узнал, что Кузнецов свободно владел пятью или шестью диалектами немецкого языка, кроме того, умел говорить в случае надобности по-русски с немецким акцентом.

Райхман оставил нам и подробный портрет Кузнецова, увиденный глазами профессионального контрразведчика: «...Он пришел ко мне домой. Когда он только вступил

на порог, я прямо-таки ахнул: ариец! Чистокровный ариец. Росту выше среднего, стройный, худощавый, но крепкий, блондин, нос прямой, глаза серо-голубые. Настоящий немец, но без таких примет аристократического вырождения. И прекрасная выправка, словно у кадрового военного, и это — уральский лесовик!».

Леонид Федорович сразу понял, что сама судьба послала ему нежданный подарок: «Нам остро нужны были люди, способные активно противостоять немецкой агентуре в нашей стране, прежде всего в Москве. Мы затребовали из Свердловска личное дело “Колониста”, внимательно изучили его работу на Урале. Кузнецов оказался разведчиком прирожденным (правда то, чем Николай Иванович занимался на Урале и первое время после переезда в Москву, называют обычно словом гораздо менее благозвучным — стукач. — Б. С.), что говорится, от бога. Как человек он мне тоже понравился. Я любил с ним разговаривать не только о делах, но и просто так, на отвлеченные темы. Помнится, я сказал ему: обрастайте связями.

И он стал заводить знакомства в среде людей, представляющих заведомый оперативный интерес для немецкой разведки».

Иными словами, Кузнецов входил в доверие к людям, преимущественно из числа интеллигенции, которых НКВД в чем-либо подозревало, и «освещал» их деятельность. Многим это «освещение» реально могло стоить свободы, а то и жизни. Причем часто вся вина кузнецовских собеседников заключалась в неосторожных разговорах «на отвлеченные темы» с «чистокровным арийцем». Но Кузнецова готовили и для куда более серьезных дел.

Райхман утверждал: «Идеальным вариантом, конечно, было бы направить его (Кузнецова. — Б. С.) на учебу в нашу школу (будущих разведчиков-нелегалов. — Б. С.), по окончании которой он был бы аттестован по меньшей мере сержантом госбезопасности (офицерский чин, соответствовавший армейскому лейтенанту. — Б. С.), зачислен в какое-нибудь подразделение в центральном аппарате и начал службу. Но мешали два обстоятельства. Во-первых, учеба

в нашей школе, как и в обычном военном училище, занимала продолжительное время, а нам нужен был работник, который приступил бы к работе немедленно (из-за нарастающей угрозы возникновения войны в Европе. — Б. С.)... Второе обстоятельство — несколько щепетильного свойства. Зачислению в нашу школу или на курсы предшествовала длительная процедура изучения кандидата не только с деловых и моральных позиций, но и с точки зрения его анкетной чистоты. Тут наши отделы кадров были беспощадны, а у Кузнецова в прошлом — сомнительное социальное происхождение, по некоторым сведениям отец то ли кулак, то ли белогвардеец, исключение из комсомола, судимость, наконец. Да с такой анкетой его не то что в школу бы не зачислили, глядишь, потребовали бы в третий раз арестовать...».

Тут Леонид Федорович или действительно не знает всей кузнецовской истории, или сознательно лукавит. Ведь первый арест Николаю Ивановичу сами чекисты и устроили. Да и второй арест, скорее всего, был произведен, что называется, в оперативных целях. Слишком уж целенаправленным выглядит поведение Кузнецова еще в Свердловске. Отмечу прежде всего стремление досконально овладеть немецким языком, что далеко выходило за пределы нужд контрразведывательной и осведомительной работы среди немцев-инженеров на Урале. А как рассматривать страсть к театру, стремление играть не только на самодеятельной сцене, но и в жизни? Знавшие Николая Ивановича вспоминали, что он и в 30-е годы очень удачно выдавал себя за того, кем в действительности никогда не был: студента-заочника, иностранного специалиста, инженера-испытателя... В библиотеке Свердловского Индустриального института Кузнецов тщательно изучал литературу о Германии и германской промышленности. Возможно, сперва его думали использовать для промышленного шпионажа в этой стране.

Вообще же создается впечатление, что с начала 30-х годов Николая Ивановича Кузнецова готовили по индивидуальной программе будущего разведчика-нелегала со

специальным заданием, соблюдая строжайшую конспирацию. Потому и в школу определять не стали. Райхман, возможно, не был полностью в курсе этой операции или даже несколько десятилетий спустя не захотел раскрывать методы чекистской работы. Во всяком случае, то, что сообщает Леонид Федорович о дальнейшей судьбе Кузнецова, хорошо укладывается в рамки подобного предположения: «В конце концов мы оформили Кузнецова как особо засекреченного спецагента с окладом по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай почти уникальный в нашей практике, я, во всяком случае, такого второго не припоминаю...

Кузнецов был чрезвычайно инициативным человеком и с богатым воображением. Так, он купил себе фотоаппарат, принадлежности к нему, освоил фотодело и впоследствии прекрасно сам переснимал попадавшие в его руки немецкие материалы и документы. Он научился управлять автомобилем, и, когда во время войны ему в числе иных личных документов изготовили шоферские права, выданные якобы в Кенигсберге, ему оставалось только запомнить, чем немецкие правила уличного движения отличаются от наших.

“Колонист” был талантлив от природы, знания впитывал, как губка влагу, учился жадно, быстро рос как профессионал. В то же время был чрезвычайно серьезен, сдержан, трезв в оценках и своих донесениях. Благодаря этим качествам мы смогли его впоследствии использовать как контрольного агента для проверки информации, полученной иным путем, подтверждения ее или опровержения.

К началу войны он успешно выполнил несколько моих важных поручений. Остался весьма доволен им и мой товарищ, также крупный работник контрразведки Виктор Николаевич Ильин, отвечающий тогда за работу с творческой интеллигенцией. Благодаря Ильину Кузнецов быстро оброс связями в театральной, в частности балетной, Москве. Это было важно, поскольку многие дипломаты, в том числе немецкие, и установленные разведчики весьма тяготели к актрисам, особенно к балеринам. Одно время даже

всерьез обсуждался вопрос о назначении Кузнецова одним из администраторов... Большого театра».

Наши органы госбезопасности были положительно равнодушны к Большому театру. Уже упоминавшийся охранник Сталина майор А. Рыбин после войны служил комендантом Большого театра явно не потому, что был завзятым театралом. Здесь всегда было полно иностранцев, и многие балерины не зря получали вторую зарплату на Лубянке...

О работе Кузнецова в предвоенные годы в Москве написал и уже знакомый нам Судоплатов, в феврале 39-го назначенный заместителем начальника разведки НКВД, а в 1940 году организовавший убийство Троцкого: «Кузнецова привлекло к работе местное НКВД и в 1939 году направило в Москву на учебу. Он готовился индивидуально, как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве. Красивый блондин, он мог сойти за немца, т. е. советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе интеллигенцией (умри, Павел Анатольевич, лучше не скажешь! — Б. С.). Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами.

Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах «Метрополь» и «Националь», а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возможность предупре-

ждать нас о том, когда собираются приехать дипкурьеры и когда можно будет нашим агентам, размещенным в этих отелях и снабженным необходимым фотооборудованием, быстро переснять документы».

Сам я личное дело Кузнецова не читал. На мой запрос ФСБ отказалось выдать какие-либо материалы о разведчике, указав при этом, что все то, что смогли рассекретить, передали Теодору Гладкову для его книги о Кузнецове «С места покушения скрылся...». В этой книге про связи Николая Ивановича с балеринами ничего не говорится. Но здесь я склонен доверять Судоплатову, только с одной оговоркой. Если верна моя гипотеза об импотенции Кузнецова, то любовником у балерин он мог быть чисто платоническим. Это как раз и помогало ему выступать в роли сводника, подкладывая балерин нужным людям из московского дипломатического корпуса. Очаровывать-то женщин Кузнецов умел! Вот, например, один из начальников Кузнецова, генерал-лейтенант госбезопасности Василий Степанович Рясной вспоминал, как «Колонист» затеял легкий флирт с горничной германского военно-морского атташе в Москве Норберта Вильгельма фон Баумбаха. Пока Николай Иванович водил ее в кино, чекисты провели в квартире Баумбаха негласный обыск и сфотографировали нужные документы. Сводить девушку в театр, кино или ресторан, развлечь остроумными разговорами Кузнецов умел очень хорошо. Но если бы он действительно делил постель своей любовницы с кем-то из дипломатов, это создавало бы сложные психологические проблемы в любовно-разведывательном треугольнике.

Хотя я могу ошибаться, и отнюдь не исключено, что на самом деле Николай Иванович был вполне полноценным любовником. Вот Гладков, например, упоминает некую Оксану Оболенскую, с которой будто бы Кузнецов встречался накануне войны. О ней рассказала журналисту вдова Д. Н. Медведева Татьяна Ильинична. Ксане Кузнецов представлялся советским немцем Рудольфом Вильгельмовичем Шмидтом, авиационным инженером (или летчиком — тут не вполне понятно). После начала войны Оболенская

предпочла расстаться с человеком с немецкой фамилией (люди с такими фамилиями сразу стали исчезать из Москвы). Николай Иванович будто бы расстроился, особенно когда до него дошли слухи, что Ксана вышла замуж за красного командира с исконно русской фамилией (бедняга «Шмидт» не мог ей признаться, что на самом-то деле он Кузнецов). Когда в январе 44-го Кузнецов последний раз встретился с Медведевым перед поездкой во Львов, из которой ему не суждено было вернуться, то попросил Дмитрия Николаевича в случае чего навестить в Москве Ксану и рассказать, кем на самом деле был Рудольф Шмидт. В ноябре 44-го, вскоре после награждения Кузнецова Золотой Звездой Героя, Дмитрий Николаевич отправился по указанному адресу на Петровку. Встретился ли он с Ксаной, неизвестно. Татьяна Ильинична вспоминала только, что вернулся муж злой и раздраженный. Сегодня трудно сказать, была ли эта история в действительности. Никаких документов, подтверждающих существование Ксаны, обнаружить пока не удалось.

Кстати, возможно у руководства НКВД и НКГБ были планы использовать Кузнецова и против Англии и Америки. Если бы так случилось, он, возможно, затмил бы славой Рудольфа Абеля и Конона Молодого. Сохранился рапорт Николая Ивановича с просьбой помочь в поступлении на английское отделение Института иностранных языков, но надвигавшаяся война с Германией, очевидно, заставила отказаться от этих планов.

С началом войны Николай Иванович Кузнецов стал готовиться к заброске в тыл врага. Рудольфу Вильгельмовичу Шмидту выдали «белый билет», бессрочное освобождение от военной службы, чтобы не загребли в военкомат и на фронт. Получил Кузнецов и новый псевдоним, в августе 42-го из «Колониста» превратившись в «Пуха». Хотя и старым тоже продолжал пользоваться. Когда в октябре 41-го положение под Москвой стало угрожающим, предполагалось, что Кузнецов может остаться в подполье, если немцы захватят город. Этого, к счастью, не случилось. Во время советского контрнаступления под Москвой, как утвер-

ждает Л. Ф. Райхман, Николай Иванович прошел боевое крещение. С разведывательным заданием его забросили в тыл 9-й немецкой армии, противостоявшей Калининскому фронту под древним русским городом Ржевом. Вскоре Кузнецов благополучно вернулся назад. Однако в своем последнем рапорте от 3 июня 1942 года «Колонист» райхмановскую версию не подтверждает. В этом рапорте перечислено практически все, чем занимался Кузнецов с начала войны и до отправки на Украину:

«...В первые же дни после нападения германских армий на нашу страну мною был подан рапорт на имя моего непосредственного начальника с просьбой об использовании меня в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск.

На этот рапорт мне тогда ответили, что имеется перспектива переброски меня в тыл к немцам за линию фронта для разведывательно-диверсионной деятельности, и мне велено ждать приказа. Позднее, в сентябре 1941 года, мне было заявлено, что ввиду некоторой известности моей личности среди дипкорпуса держав оси в Москве до войны... во избежание бесцельных жертв, посылка меня к немцам пока не является целесообразной. Меня решили тогда временно направить под видом германского солдата в лагерь германских военнопленных для несения службы разведки. Мне была дана подготовка под руководством соответствующего лица из военной разведки. Эта подготовка дала мне элементарные знания и сведения о германской армии... 16 октября 1941 года этот план был отменен и мне было сообщено об оставлении меня в Москве на случай оккупации столицы германской армией... В начале 1942 года мне сообщили, что перспектива переброски меня к немцам стала снова актуальной. Для этой цели мне дали элементарную подготовку биографического характера (вот когда родился Пауль Зиберт. — Б. С.). Однако осуществления этого плана до сих пор по неизвестным мне причинам не произошло. Таким образом, прошел год без нескольких дней с того времени, как я нахожусь на полном содержа-

нии советской разведки и не приношу никакой пользы, находясь в состоянии вынужденной консервации и полного бездействия, ожидая приказа (годовое безделье кого угодно с ума сведет, а Николай Иванович по натуре был человек активный. — Б. С.). Завязывание же самостоятельных связей типа довоенного времени исключено, так как один тот факт, что лицо "германского происхождения" оставлено в Москве во время войны, уже сам по себе является подозрительным. Естественно, что я, как всякий советский человек, горю желанием принести пользу моей Родине в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих. Бесконечное ожидание (почти год!) и вынужденное бездействие при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способности принести существенную пользу моей Родине в минуту, когда решается вопрос быть или не быть, страшно угнетает меня. Всю мою сознательную жизнь я нахожусь на службе в советской разведке. Она меня воспитала и научила ненавидеть фашизм и всех врагов моей Родины. Так не для того же меня воспитывали, чтоб в момент, когда пришел час испытания, заставлять меня прозябать в бездействии и есть даром советский хлеб? В конце концов, как русский человек я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага, вторгшегося в пределы моей Родины и угрожающего всему нашему существованию! Разве легко мне в бездействии читать в течение года сообщения наших газет о тех чудовищных злодеяниях германских оккупантов на нашей земле, этих диких зверей?

Тем более что я знаю в совершенстве язык этих зверей, их повадку, характер, привычки, образ жизни. Я специализировался на этого зверя. В моих руках сильное и страшное для врага оружие, гораздо серьезнее огнестрельного. Так почему же до сих пор я сижу у моря и жду погоды?

Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Поэтому прошу вас довести до сведения верховного руководства этот рапорт. В заключение заявляю следующее: если почему-либо

невозможно осуществить выработанный план заброски меня к немцам, то я с радостью выполнил бы следующие функции:

1. Участие в военных диверсиях и разведке в составе парашютных соединений РККА на вражеской территории.

2. Групповая диверсионная деятельность в форме германских войск в тылу у немцев.

3. Партизанская деятельность в составе одного из партизанских отрядов.

4. Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца».

Показательно, что Кузнецов допускал сочетание разведывательной и диверсионной деятельности одним человеком. Такого же мнения придерживались и руководители советской разведки. Между тем, такое сочетание может принести только вред, по крайней мере с точки зрения получения разведывательной информации. Диверсант, конечно, может попутно, перед подготовкой диверсии и после ее свершения, собирать какие-то сведения о противнике. Взять документы с убитых солдат, захватить языка — все это никак не повредит его основной миссии — уничтожению того или иного неприятельского объекта. Но серьезной информации таким способом получить практически невозможно. Наоборот, если разведчик, имеющий доступ к разведывательным сведениям стратегического характера, отвлекается на проведение террористических и диверсионных актов, это может принести очень большой вред. Ведь он не только надолго перестает заниматься своей основной деятельностью, но и совершенно неоправданно с точки зрения своей главной миссии рискует погибнуть или попасть в руки неприятельской контрразведки.

По словам Райхмана, только в 42-м году из контрразведывательного управления Кузнецова передали в разведывательное, в распоряжение Судоплатова, но оставив фор-

мально в «негласном штате» контрразведки. Подозреваю, что все это делалось лишь в целях конспирации, тогда как в действительности Николая Ивановича с самого начала готовили для разведывательной деятельности в Германии. Но война внесла свои коррективы. Теперь под германской оккупацией на какое-то время оказалась родная для Судоплатова Украина. И именно туда был направлен будущий обер-лейтенант Пауль Зиберт.

В составе партизанского отряда «Мстители» под командованием Д. Н. Медведева Кузнецову предстояло высадиться в лесах под Ровно. Этот небольшой западноукраинский город стал столицей рейхскомиссариата «Украина». Бойцы отряда Медведева знали агента по кличке «Пух» как Николая Васильевича Грачева. В Ровно же он должен был появиться как обер-лейтенант вермахта Пауль Зиберт.

Перед высадкой во вражеском тылу, последовавшей в ночь на 25 августа 1942 года, Кузнецов досконально изучил германские вооруженные силы, чтобы не попасть впроак при встречах с патрулями и беседами с офицерами ровенского гарнизона. Для этого он даже провел несколько недель в офицерском бараке лагеря немецких пленных в Красногорске, причем никто не заподозрил, что этот симпатичный пехотный обер-лейтенант в действительности русский. И Пауль Зиберт так же хорошо, как язык, освоил стрельбу из немецкого оружия. Ведь главной его задачей должно было стать осуществление террористических актов против высших чиновников германской оккупационной администрации на Украине. Использовать столь квалифицированного агента для подобных целей было равносильно тому, чтобы топить печку ассигнациями. Но летом 42-го положение Красной армии было чрезвычайно тяжелым, и руководители НКВД, нарком Л. П. Берия и его первый заместитель В. Н. Меркулов, бывший глава НКГБ, вынуждены были бросать все силы на решение сиюминутных задач. Сам Меркулов подписал приказ о направлении Кузнецова в отряд Медведева. Не исключено, что чекисты надеялись террором против высокопоставленных служащих рейхскомиссариата дезорганизовать оккупационную ад-

министрацию и спровоцировать антинемецкое восстание на Западной Украине. Однако местное население, не симпатизируя уже в ту пору немцам, к русским большевикам относилась весьма настороженно и не собиралась идти в бой за Сталина. Популярностью пользовалась Украинская Повстанческая Армия, провозгласившая борьбу как против немцев, так и против большевиков. УПА также рассматривалась как один из будущих противников отряда Медведева, наряду с немецкими войсками и подчиненной им украинской вспомогательной полицией.

При приземлении Кузнецову не повезло — потерял в болоте сапог. Но к месту сбора группы из 11 человек добрался благополучно, доложил Медведеву, как положено, руки по швам, только одна нога босая. Но это не страшно. Сапоги для него нашлись. А потом Николаю Ивановичу предстояло облачиться в другую форму — немецкого обер-лейтенанта. Но его первый визит в столицу рейхскомиссариата задержался почти на два месяца. Надо было не только разведать предварительно обстановку в городе и установить связи с агентурой. Выяснилось, что Николай Иванович обладает одной неприятной для разведчика-незаконника особенностью — разговаривает во сне, причем, естественно, на родном языке — по-русски. Многие годы Кузнецов жил один и не знал этого. Только в отряде соседи по палатке обратили внимание, что боец Грачев (про Зибберта знали только Медведев, его заместитель по разведке Александр Александрович Лукин и группа прикрытия) вскрикивает во сне. Кстати, этот факт — косвенное доказательство того, что Кузнецову не приходилось спать с женщинами. Иначе какая-нибудь из подруг указала бы ему на эту не очень симпатичную для дам привычку.

От бессознательных ночных разговоров пришлось срочно отучаться. Кузнецов приказал товарищам, чтобы его будили, как только слышат речь во сне. Иногда разведчик вынужден был просыпаться по несколько раз за ночь. В конце концов, Николай Иванович решил, что если придется ночевать в Ровно, то ложиться спать так, чтобы в комнате он был один.

Тут я немного забегу вперед. Возможно, чувствуя, что своих детей у него не будет, Кузнецов думал о приемном сыне. Во время одной из поездок в Ровно он нашел четырехлетнего мальчика Пиню, чудом вырвавшегося из гетто, и привез его в отряд. Партизаны отогрели и накормили малыша, а потом отправили самолетом на Большую землю. Кузнецов мечтал после войны усыновить Пиню. Не успел.

Для первой поездки в Ровно, состоявшейся только 19 октября 42-го, офицерский френч, за неимением утюга, пришлось отгладить нагретым на костре топором. Легенда у обер-лейтенанта Пауля Зиберта была железная. Раненный во Франции, а до этого в Польше награжденный Железным крестом, он с началом войны против СССР числился чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования в прифронтовых областях, снабжающим фронт лесом. Интендантская должность открывала разведчику двери многих немецких учреждений в Ровно. Но, поскольку офицеры-фронтовики недолюбливали тыловых офицеров, Зиберт-Кузнецов модернизировал легенду и стал рассказывать, что ранен был в битве под Москвой. Но это потом. О первом же дне пребывания в Ровно Николай Иванович составил специальное донесение:

«19 октября 1942 года в 7.00 подошел с севера к главному асфальтовому шоссе Корец — Ровно у населенного пункта Бела Криница в 9 км от города. Движение по шоссе... с 6.00 до 22.00 по германскому времени (с 7.00 до 23.00 по московскому) очень оживленное. Каждые 15 минут автомашины легковые с 3-4 офицерами и чиновниками, грузовик с солдатами или с грузом, мотоциклы с колясками, а в них офицеры. Много велосипедов. Велосипеды не имеют никаких номеров. Все офицеры и солдаты одеты по-осеннему, в хороших шинелях и плащах... Офицеры в фуражках и очень редко в пилотках...

В 7 км от города мне навстречу попала процессия. Впереди 2 полубронированных авто с 4 офицерами в каждом. Затем большая машина "мерседес" черного цвета с опущенными занавесками, а за ней грузовик с 20 солдатами, а за

ним мотоцикл с коляской и с офицером. Несомненно, проезжало важное лицо. Машины идут на большой скорости...

Регулярного контроля на шоссе нет. Много полицейских в форме, без оружия. По канавам валяются полусгоревшие танки и бронеавтомобили (несомненно, еще советские, оставшиеся с лета 41-го. — Б. С.). Изредка встречаются транспорты советских военнопленных. У них ужасный вид измученных до предела людей. Их охрана — немцы и полицейские с повязкой на рукаве и свастикой на пилотке. Свастика из белой жести величиной в 1 кв. см, а на повязке немецкая надпись "На службе германских вооруженных сил". Охрана вооружена винтовками.

Перед въездом в город по Корецкому шоссе расположены с левой стороны автозаправочные станции и организация "Тодт", также лагерь советских военнопленных. Шоссе вливается в город под названием "Немецкая улица". Она очень оживленна. У въезда в город громадное объявление: "Вниманию военных! При приезде в город тотчас же зарегистрироваться в местной комендатуре. Отметка о прибытии и выбытии обязательна. Без нее занятие квартиры и ночевка запрещены".

На Немецкой улице две стоянки автомашин по 100 штук на каждой. Стоят день и ночь. На этой улице расположены основные немецкие военные учреждения. Ровно — это город тыловых военных учреждений. Много штабных офицеров, чиновников, гестапо, охранной полиции.

Я был в городе с 8.00 до 19.00 по немецкому времени. Меня приветствовали около 300 солдат и офицеров. Наивысший чин, попавший мне навстречу, — полковник (генералы-то пешком по городу не ходят. — Б. С.). Видел представителей финской, словацкой, румынской и итальянской армий (мало). Основной контингент — немцы средних и старших возрастов. Есть среди них инвалиды, кривые и т. д., но много и совсем молодых.

Проходят курсанты летной и полицейской школ. Все приветствуют образцово, по уставу. Солдаты в городе ходят со штыком на поясе, офицеры и унтер-офицеры с пистолетами "вальтер". Много элегантно одетых немцев. Офи-

церы расквартированы по частным квартирам и частично в квартирах по шоссе на Дубно около аэродрома. По улице Словацкой, 4 расположен штаб связи. Во время моего наблюдения за этим штабом туда вошли полковник и капитан военно-воздушных сил. По улице Кенигсбергской в 50 метрах от улицы Немецкой помещается жандармерия, напротив гестапо (в действительности — СД, отдел безопасности Главного Имперского Управления Безопасности, выполнявший контрразведывательные функции и заменявший гестапо на оккупированных территориях СССР; в советских документах его ошибочно именовали гестапо. — Б. С.), рядом гебиткомиссариат и далее рейхскомиссариат. Это здание усиленно охраняется. По улице Немецкой, 26 находится политическая полиция.

Прием у рейхскомиссара по вторникам и четвергам. Кох живет якобы на верхнем этаже. Его частная квартира — на Монополевой улице, 23.

Город наводнен шпиками, агентами гестапо. На улицах у киосков трутся штатские с велосипедами... Офицеры СС отчаянно спекулируют казенным имуществом, папиросами, табаком и т. д. Я беседовал в кафе с двумя такими офицерами. Они заняты тем, чтобы нажиться и не попасть на фронт...».

Это донесение практически не содержит оперативной информации, которой могло бы воспользоваться командование Красной армии. Зато для историка оно ценно и сегодня, поскольку фиксирует то, что называется бытом войны. Кузнецов неслучайно фиксировал все эти мелочи: во что одеты солдаты и офицеры, как происходит проверка документов, где расположены основные учреждения. И особенно: как охраняется резиденция рейхскомиссара Эриха Коха, где он живет и когда осуществляет прием просителей (ведь лже-Зиберту предстояла «охота на Коха»). Все это нужно было для будущих разведчиков, которым предстояло работать в Ровно и других городах во вражеском тылу. Даже какой значок на пилотке у полицейских подробно описал: умельцам из отряда Медведева и в Москве предстояло сделать такие пилотки для партизан. И самому Николаю Ивановичу пришлось кое-что изменить в своей эки-

пировке. Хотя забрасывали его под Ровно в самый канун осени, но почему-то снабдили только летним обмундированием. Пришлось срочно досылать осеннюю и зимнюю форму. А вскоре в отряде появился варшавский портной Ефим Драхман, которому посчастливилось бежать из гетто. Когда-то он классно шил театральные костюмы. Теперь закройщику приходилось поставлять реквизит для пьесы, где ставкой была жизнь. И Ефим не подвел. Пошитые для Зиберта френчи, бриджи и шинель не только сидели как влитые, но и ни одной деталью не отличались от тех, что носили настоящие офицеры вермахта.

Выяснилось, что в пилотке, в которой Зиберт впервые появился в Ровно, там ходят только командированные с фронта. Тыловые офицеры предпочитали фуражки. Пришлось срочно обзавестись фуражкой и научиться ее правильно надевать и снимать — немцы делали это иначе, чем советские командиры, и на такой мелочи легко можно было сгореть. И «парабеллум», с которым сначала щеголял Зиберт, оказался атрибутом фронтового офицера, тогда как тыловики предпочитали более компактный «вальтер». Пришлось и нашему разведчику срочно перевооружиться.

Документы Кузнецова были надежны. Их сделали мастера своего дела на подлинных немецких бланках. Более 70 раз Зиберта проверяли патрули и ни разу ничего не заподозрили. Кроме, быть может, последней проверки, когда уже были разосланы ориентировки на мнимого обер-лейтенанта. В Ровно Кузнецов посещал рестораны и казино, знакомился с офицерами, получал от них определенную информацию, главным образом о переброске тех или иных дивизий на различные участки фронта. Однако время жизни такой информации было невелико — всего несколько дней. Эти дни как раз уходили на то, чтобы добраться до отряда Медведева и передать оттуда радиограмму в Москву. К моменту, когда радиограмма доходила до советского командования, прибытие неприятельских соединений фиксировалось уже фронтовой разведкой. Правда, в ноябре 42-го, в разгар Сталинградской битвы, Дмитрий Николаевич рискнул направить в Ровно радистку, но через ше-

стнадцать дней ее пришлось отозвать в отряд. В городе, где были радиопеленгаторы и полно полиции, работать стало слишком опасно. Вот и получилось, что, имея задатки превосходного разведчика, Кузнецов в этой области мог приносить только очень ограниченную пользу.

Главное же, чем занимался Кузнецов-Зиберт в Ровно, был террор. Ему удалось уничтожить несколько высокопоставленных чиновников рейхскомиссариата. Высокопоставленных, замечу, только в масштабах оккупированной немцами Украины. В истории же Второй мировой войны их имена сохранились только благодаря кузнецовским покушениям. Главной же мишенью для обер-лейтенанта Пауля Зиберта был сам рейхскомиссар и по совместительству гаулейтер Восточной Пруссии (по нашему — первый секретарь Восточнопрусского обкома партии) Эрих Кох. Кузнецову даже удалось попасть на прием к нему. Предлог был подходящий. Проживавшая в Ровно разведчица Валентина Довгер была мобилизована для отправки на принудительные работы в Германию. Она обратилась с заявлением Коху, где указывала, что является «фольксдойче» (этнической немкой) и невестой обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта. Валя просила разрешить ей остаться в Ровно и работать здесь в немецких учреждениях. В результате Валя и Зиберт были приглашены на прием к рейхскомиссару: обер-лейтенант собирался хлопотать за свою «невесту». В описании Д. Н. Медведева события в этот день, 31 мая 1943 года, развивались следующим образом:

«Адъютант Бабах, щеголеватый офицер в форме гауптмана, сразу узнал в вошедших протезе своего земляка Шмидта (дрессировщика собак Коха. — Б. С.), которым он, Бабах, сам заранее заготовил пропуска. Он проводил их на второй этаж, в приемную. Здесь сидело уже несколько офицеров. В кресле у окна, ожидая вызова, скучал тучный генерал.

— Я доложу о вашем приходе, — сказал Бабах и скрылся за дверь. Маленький юркий армейский офицерик конфиденциально спросил у Кузнецова, кивнув на Валю:

— Ваша?

— Да, — сказал Зиберт, посмотрев сверху вниз на армейца, давая этим понять, что его — Зиберта — нисколько не интересует мнение других.

— Говорят, гаулейтер сегодня в хорошем расположении духа, — как бы извиняясь за свой неуместный вопрос, сказал офицер. — Мы ждем его уже больше часа.

Приоткрылась тяжелая дверь. В приемной появился адъютант.

— Вас готовы принять, — произнес он, глядя на Валю.

Остановил поднявшегося с места Кузнецова:

— Только фрейлейн.

Кузнецов смешался. Он не ожидал, что вызовут не его, а Валю. Овладев собой, он сел в кресло и обратился к офицеру с первой же пришедшей на ум, ничего не значащей фразой.

...Валя сделала лишь шаг вперед, как к ней в два прыжка подскочила огромная овчарка. Валя вздрогнула.

Раздался громкий окрик: "На место!" — и собака отошла прочь.

Только теперь Валя увидела, что в глубине, под портретом Гитлера, за массивным столом, развалившись в кресле, восседал упитанный холеный немец с усиками под Гитлера, с длинными рыжими ресницами. Поодаль от него стояло трое гестаповцев в черной униформе.

Кох молча показал ей на стул в середине комнаты. Едва Валя подошла к стулу, один из гестаповцев встал между ней и Кохом, другой занял место за спинкой стула. Третий находился у стены, позади Коха, немного правее гаулейтера...

— Почему вы не хотите ехать в Германию? — услышала Валя голос Коха. Он сидел, уставясь в листок бумаги, в котором она узнала свое заявление. Валя немного смутилась и замедлила с ответом.

— Почему вы не хотите ехать в Германию? — повторил Кох, поднимая на девушку глаза. — Вы, девушка немецкой крови, были бы полезны в фатерланде.

— Моя мама серьезно больна, — тихо произнесла Валя, стараясь говорить как можно убедительнее. — Мама больна, а кроме нее у меня сестры... После гибели отца я зарабатываю и содержу всю семью. Прошу вас, господин гаулейтер, разрешить мне остаться здесь. Я знаю немецкий, русский, украинский и польский, я могу здесь принести пользу Германии.

— Где вы познакомились с офицером Зибертом? — спросил Кох, смотря на нее в упор.

— Познакомилась случайно, в поезде... Потом он заезжал к нам по дороге с фронта...

— А есть у вас документы, что ваши предки — выходцы из Германии?

— Документы были у отца. Они пропали, когда он был убит.

Кох стал любезнее. Разговаривая то на немецком, то на польском языке, которым он владел в совершенстве, он расспрашивал девушку о настроениях в городе, интересовался, с кем еще из немецких офицеров она знакома. Когда в числе знакомых она назвала не только сотрудников рейхскомиссариата, но и гестаповцев, в том числе фон Ортеля (о нем речь впереди. — Б. С.), Кох был удовлетворен.

— Хорошо, ступайте. Пусть зайдет ко мне лейтенант Зиберт...

— Хайль Гитлер! — переступив порог кабинета и выбрасывая руку вперед, возгласил Кузнецов.

— Хайль! — лениво раздалось за столом. — Можете сесть. Я не одобряю вашего выбора, лейтенант! Если все наши офицеры будут брать под защиту девушек из побежденных народов, кто же тогда будет работать в нашей промышленности?

— Фрейлейн — арийской крови, — почтительно возразил Кузнецов.

— Вы уверены?

— Я знал ее отца. Бедняга пал жертвой бандитов.

Пристальный, ощупывающий взгляд гаулейтера упал на железные кресты офицера, на круглый значок со свастикой (фантастическая деталь: Кузнецов-Зиберт не был

членом НСДАП, поскольку членство в национал-социалистической партии офицеров вермахта было большой редкостью; партийный значок сразу привлек бы к разведчику совсем ненужное ему внимание окружающих. — Б. С.).

-- Вы член национал-социалистической партии?

— Так точно, герр гаулейтер.

— Где получили кресты?

— Первый во Франции, второй на Остфронте.

— Что делаете сейчас?

— После ранения временно работаю по снабжению своего участка фронта.

— Где ваша часть?

— Под Курском.

— Под Курском?..

Ощупывающий взгляд Коха встретился со взглядом Кузнецова.

— И вы — лейтенант, фронтовик, национал-социалист — собираетесь жениться на девушке сомнительного происхождения?!

— Мы помолвлены, — изображая смущение, признался Кузнецов. — И я должен получить отпуск и собираюсь с невестой к моим родителям, просить их благословения.

— Где вы родились?

— В Кенигсберге. У отца родовое поместье... Я единственный сын.

— После войны намерены вернуться к себе?

— Нет, я намерен остаться в России.

— Вам нравится эта страна? — в словах Коха послышалось что-то похожее на иронию.

— Мой долг — делать все, чтобы она нравилась нам всем, герр гаулейтер! — твердо и четко, выражая крайнее убеждение в справедливости того, о чем он говорит, сказал Кузнецов.

— Достойный ответ! — одобрительно заметил гаулейтер и подвинул к себе лежавшее перед ним заявление Вали.

В это мгновение Кузнецов впервые с такой остротой физически ощутил лежащий в правом кармане брюк взведен-

ный “вальтер”. Рука медленно соскользнула вниз. Он поднял глаза и увидел оскаленную пасть овчарки, увидел настороженных гестаповцев. Казалось, все взгляды скрестились на этой руке, поползшей к карману и здесь застывшей.

Нет, стрелять — никакой возможности. Не дадут даже опустить руку в карман, не то что выдернуть ее с пистолетом. При малейшем движении гестаповцы готовы броситься вперед, а тот, что стоит за спинкой стула, наклоняется всем корпусом так, что где-то у самого уха слышно его дыхание, — наклоняется, готовый в любое мгновение перехватить руку...

Между тем гаулейтер, откинувшись в кресле и слушая собственный голос, продолжает:

— Человеку, который, подобно вам, собирается посвятить жизнь освоению восточных земель, полезно кое-что запомнить. Как вы думаете, лейтенант, кто для нас здесь опаснее: украинцы или поляки?

У лейтенанта есть на этот счет свое мнение.

— И те и другие, герр гаулейтер! — отвечает он.

— Мне, лейтенант, нужно совсем немного, — продолжает Кох. — Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец убивал поляка. Если до этого по дороге они пристрелят еврея, это будет как раз то, что мне нужно. Вы меня понимаете?

— Тонкая мысль, герр гаулейтер!

— Ничего тонкого. Все весьма просто. Некоторые весьма наивно представляют себе германизацию. Они думают, что нам нужны русские, украинцы и поляки, которых мы заставили бы говорить по-немецки. Но нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны плодородные земли... Мы будем германизировать землю, а не людей. Здесь будут жить немцы!

Кох переводит дух, внимательно смотрит на лейтенанта:

— Однако я вижу, вы не сильны в политике.

— Я солдат и в политике не разбираюсь, — скромно ответил Кузнецов (ответ для члена НСДАП, согласимся, несколько странный. — Б. С.).

— В таком случае бросьте путаться с девушками и возвращайтесь поскорее к себе в часть. Имейте в виду, что именно на вашем курском участке фюрер готовит сюрприз большевикам. Разумеется, об этом не следует болтать.

— Можете быть спокойны, герр гаулейтер!

— Как настроены ваши товарищи на фронте?

— О, все полны решимости! — бойко отвечает лейтенант, глядя в глаза гаулейтеру.

— Многих испугали недавние события?

— Сталинград?.. Он укрепил наш дух!

Гаулейтер явно удовлетворен столь оптимистическим ответом. Он еще раз любопытным взглядом окидывает офицера и, наконец, принимается за заявление его подруги. Он пишет резолюцию».

Дмитрий Николаевич основывался, по всей видимости, как на личных беседах с Кузнецовым и Валентиной Довгер, так и на рапорте «Колониста» (он же — «Пух»). А кое-что сознательно присочинил. Например, по легенде, Зиберт был не дворянином, обладателем родового поместья (тогда к фамилии требовалась бы приставка «фон»), а всего лишь лесничим (пригодилась довоенная профессия Кузнецова), а затем управляющим в имении князя Шлобиттена. Главное же, Медведев в своей мемуарно-художественной книге почти целиком придумал диалог Зиберта и Коха.

Посмотрим же, как в действительности проходило знаменитое свидание террориста и гаулейтера. У нас есть такая возможность, поскольку сохранился отчет Кузнецова о визите к Коху. Вот что там говорится:

«...Я на фаэтоне с Валея, Шмидтом и собакой Коха подъехали к рейхскомиссариату, вошли в вахтциммер (караульное помещение. — Б. С.), где было около двадцати жандармов с автоматами, и взяли пропуск к Коху. Жандарм у ворот пропустил нас во двор дворца Коха. Прошли мимо второго жандарма, нас во дворе встретил адъютант. Он привел меня и Валею в нижний этаж дворца, где в приемной встретила нас одна дама и один приближенный Коха. Шмидт с собакой остались во дворе. В приемной нас попросили обождать, доложили о нашем приходе на

второй этаж и попросили подняться. Мы оказались в квартире Коха. Здесь нас встретил адъютант или личный секретарь Коха, который попросил сесть и начал расспрашивать о цели приезда, после этого он ушел в кабинет Коха и вернулся с тремя высокопоставленными телохранителями Коха с крестами на груди (очевидно, это были офицеры СД. — Б. С.). Они отрекомендовались, осмотрев нас, и попросили Валу в кабинет.

Я остался ждать. Один ушел с Валею, двое остались, молча глядя на меня...

У меня в кармане на боевом взводе со снятым предохранителем лежал "вальтер" со спецпатронами (оснащенными ядом. — Б. С.), в кобуре еще один пистолет. В коридорчике перед кабинетом меня встретила черная ищейка, за мной шел один из приближенных. Войдя в кабинет, я увидел Коха, и перед ним двое, которые сели между мной и Кохом, третий стоял за моей спиной, за креслом черная собака. Беседа продолжалась около тридцати — сорока минут. Все время охранники, как зачарованные, смотрели на мои руки. Кох руки мне не подал, приветствовал издали поднятием руки, расстояние было метров пять. Между мной и Кохом сидели двое, и за моим креслом сидел еще один. Никакой поэтому возможности не было опустить руку в карман. Я был в летнем мундире, и гранаты со мной не было.

Кох очень придирчиво ругал меня за то, что я решил просить за девушку не немецкой крови. Кох сказал: "Как вы можете ручаться за нее, у нас было много случаев, доказывающих, что нельзя ни за кого ручаться сегодня (в отношении наличия "арийской крови". — Б. С.)". Кох спросил меня, где я служил, в каких боях участвовал, в каком полку, давно ли я знаю девушку, откуда она, почему я о ней не навел предварительно справки в гестапо, где мои родные, в каких городах бывал, где и у кого работает мой отец, где мать. специальность, религия. Кох заявил мне, что если за каждую девушку, у которой убит отец, придут просить, то нам некого будет посылать в Германию...

В заключение он спросил меня, как и почему украинцы режут поляков, по моему мнению, кто хуже, поляки или русские, как уничтожить сопротивление поляков и русских одновременно, какого мнения наши офицеры и солдаты о подготовке наступления на Востоке.

Наконец, после подробного расспроса о боях на Востоке Кох взял карандаш и написал на заявлении Вали: "С получением работы в Ровно согласен. Кох". Заявление Вали он передал мне и предупредил об ответственности, в случае если Валя окажется шпионкой (Кох, разумеется, не знал, что обратился с таким предложением к самому крупному в Ровно советскому шпиону. — Б. С.). Снова приветствия, и я удалился, окруженный охранниками. В ожидании записали мое имя и адрес полевой почты, выпускали меня через другие двери, поздравляли много, даже один генерал пожал руку (этому "генералу", в действительности имевшему чин полковника, главному судье Украины Альфреду Функу Кузнецов за поздравления через пять с половиной месяцев отплатил пулей. — Б. С.), затем мы обошли дворец, поблагодарили адъютанта за услуги, последний подарил мне и Шмидту по две пачки папирос. Мы вышли, сдали пропуска и уехали в город».

Почувствуйте разницу! Одно дело: «именно на вашем курском участке фюрер готовит сюрприз большевикам». И совсем другое: «какого мнения наши офицеры и солдаты о подготовке наступления на Востоке». В первом случае Кох проявляет недопустимую беспечность, выдав первому встречному офицеру план секретной операции «Цитадель». Во втором — отделался ничего не значащей фразой о подготовке вермахтом наступления на Восточном фронте. Может быть, гаулейтер просто хотел подбодрить симпатичного ему лейтенанта-фронтовика, ничего конкретного не зная о военных планах. Мол, ничего, после Сталинграда будет и на нашей улице праздник! Да ведь и действительно ничего не знал! Кроме Гитлера, о «Цитадели» были осведомлены только несколько высокопоставленных генералов и фельдмаршалов, но никак не гаулейтеры. Кстати, по легенде часть Зиберта располагалась под Ленинградом,

а совсем не возле Курска. Даже если допустить, что интенсивные перевозки через Украину в последние недели навели Коха на мысль о предстоящем наступлении и чисто логически рейхскомиссар пришел к выводу, что оно состоится на южном крыле Восточного фронта, информация об этом никакой пользы советскому командованию принести не могла. Ведь как раз в то время в группе армий «Юг» по приказу тезки Коха фельдмаршала Эриха фон Манштейна свозили макеты танков к реке Миус, чтобы создать у противника впечатление: генеральное немецкое наступление будет в Донбассе.

Отмечу также, что, судя по кузнецовскому отчету, Кох действительно намекал Зиберту: для немцев совсем не плохо, если поляки и украинцы стреляют друг в друга. Но людоедских тирад об уничтожении всего ненемецкого населения Украины не произносил. Даже геноцид против евреев нацистская верхушка таила от народа: считалось, что несчастных отправляют не в газовые камеры, а переселяют далеко на Восток. Даже проверенному рядовому члену партии никогда не стал бы признаваться гаулейтер в намерении истребить всех славян во вверенном ему рейхскомиссариате. А тем более глупо было говорить такое беспартийному офицеру вермахта, невеста которого не была чистокровной немкой.

Легенда о ценнейших сведениях насчет предстоящего немецкого наступления на Курской дуге, будто бы полученных Кузнецовым во время аудиенции у Коха, призвана была скрыть горечь от неудавшегося покушения на рейхскомиссара. Даже граната, боюсь, не помогла бы Кузнецову. До гранаты надо было еще дотянуться и выдернуть чеку. К тому же Николай Иванович на собственном опыте убедился, что даже тяжелая граната стопроцентных гарантий успеха не дает. Когда он покушался на заместителя Коха Пауля Даргеля, противотанковая граната с дополнительным стальным чехлом с насечками ударилась о бровку тротуара, и взрывная волна пошла в противоположную от Даргеля сторону. Чиновник отделался легкой контузией.

Как оказалось, даже находясь в пяти метрах от Коха и разговаривая с ним сорок минут, террорист не имел возможности выстрелить. Система охраны обычного гаулейтера и рейхскомиссара была достаточно надежной, чтобы предотвратить покушение. Напомню, в советской номенклатуре это был бы первый секретарь обкома или в лучшем случае республиканской парторганизации. Немецкие спецслужбы на чиновника такого уровня просто не стали бы тратить времени и сил. Гитлера же и Сталина охраняли еще более основательно. Правда, в отличие от Коха, другого рейхскомиссара, белорусского Вильгельма фон Кубе, партизанам удалось уничтожить, однако благодаря тому, что бомбу в кровать жертвы подложила горничная, бывшая по совместительству любовницей Кубе и советским агентом. Точно так же и единственное покушение на Гитлера, имевшее серьезные шансы на успех, было осуществлено 20 июля 1944 года лицами из ближайшего военного окружения фюрера, имевшими возможность бывать на проводимых им совещаниях. Шансы внедрить своих людей, соответственно, в «ближний круг» Гитлера и Сталина у советской и немецкой разведок были близки к нулю. Тем более что оба диктатора не были особо падки до женщин. У Гитлера была одна постоянная любовница — Ева Браун. У Сталина же после самоубийства Надежды Аллилуевой, как кажется, даже любовницы не было.

Кстати говоря, убийство Кубе принесло определенную пользу советской стороне. Рейхскомиссар серьезно сотрудничал с белорусскими националистами, позволяя им беспрепятственно вести культурную деятельность, издавать газеты и даже участвовать в местном самоуправлении. Репрессии, последовавшие за убийством Кубе, способствовали росту рядов советских партизан. Правда, и при его приемнике принципиального изменения позиции немецкой администрации по отношению к белорусским националистам не произошло. Кох же, наоборот, всячески подавлял украинское национальное движение и тем фактически играл на руку Советам. Его гибель могла привести к либерализации оккупационной политики на Украине

и тем самым только осложнить положение коммунистических партизанских отрядов.

В книге Д. Н. Медведева немало и других фантазий. Например, история с майором Мартином фон Гителем (иногда его фамилию транскрибируют как Геттель), заподозрившем в обер-лейтенанте Зиберте... агента «Интеллидженс Сервис» и попытавшимся предложить свои услуги англичанам. Когда же он понял, кто такой Кузнецов на самом деле, и схватился за пистолет, партизаны скрутили офицера СД, допросили, а потом прикончили.

Дмитрий Николаевич так рассказывает об этих замечательных событиях: «...Рабочий день в рейхскомиссариате окончился, и Валя (Довгер. — Б. С.) собиралась уже уходить, когда к ней подошел майор Гитель, которого она в последнее время все чаще и чаще заставляла в рабочей комнате экспедиции.

— Не разрешит ли фрейлейн ее проводить? — спросил Гитель, наклоняясь к самому ее плечу и дыша перегаром.

— Сделайте одолжение, господин майор, — сказала Валя, отстраняясь...

Никто из Валиных сослуживцев толком не знал, чем занимается в рейхскомиссариате майор Гитель. Кабинет его на втором этаже бывал обычно закрыт, самого майора заставляли то в одном месте, то в другом. Как будто деятельность его заключалась в хождении по коридорам.

Как-то, задержавшись у себя в экспедиции после положенного времени и идя к выходу, Валя заглянула в приоткрытую дверь и увидела Гителя за странным занятием: он копался в ящиках чужого стола. Уже тогда Валя поняла, чем занимается в рейхскомиссариате этот рыжий щеголь и где он на самом деле работает (в сущности, Гитель занимался тем же, чем занимался Кузнецов до того, как превратился в обер-лейтенанта Зиберта. — Б. С.).

— Фрейлейн замужем? — спросил Гитель и, не дав ей ответить, продолжал сам: — О, я знаю, у фрейлейн есть жених.

— Совершенно верно, — сказала Валя. — Он офицер, имеет высокое понятие о чести и вряд ли был бы особенно доволен вами и мной, увидев нас вместе.

Она думала, что, может быть, этим отвадит назойливого майора. Но того, по-видимому, меньше всего интересовал сегодня успех у женщин. После нескольких фраз Валя поняла, чему обязана этой беседой с Гителем.

— А где он служит, ваш жених? — спросил майор, продолжая размахивать стэком. Валя обратила внимание на то, как украшен этот стэк: серебряная инкрустация в виде черепа со змеей...

— Он фронтовик.

— Разве фронтовики служат не на фронте? — шевельнул бровями Гитель.

— Он по снабжению армии.

— И как часто он бывает в Ровно?

— Часто... Как этого требуют дела.

— Я спросил, потому что случайно видел вас вместе в приемной у рейхскомиссара, — сказал Гитель. — С тех пор вы и ваш жених... простите, я забыл его имя...

— Лейтенант Пауль Зиберт.

— ...Вы и ваш жених внушили мне самую искреннюю симпатию. Вы не окажете мне честь, не познакомите меня с лейтенантом Зибертом?

— Пожалуйста, — отвечала Валя».

И советская разведчица с готовностью удовлетворила просьбу назойливого майора, но избрала при этом окольный путь. Через несколько дней Лидия Лисовская и Мария Микота, являвшиеся одновременно агентами Зиберта и СД, устроили вечеринку и пригласили Гителя принять в ней участие. Что же было дальше? Опять предоставим слово Дмитрию Николаевичу Медведеву:

«...В числе прочих приглашенных был назван Пауль Зиберт.

— Зиберт? — повторил Гитель. — Это интересно. — Приду с удовольствием.

— Придете ради этого Зиберта? — обиженно проговорила Майя (в книге "Сильные духом" Мария Микота фигурирует под псевдонимом Майя Микатова. — Б. С.). — Не понимаю, чем он заслужил ваше внимание? Обыкновен-

ный пруссак. Я бы его не пригласила, но он встретил кухню (Лидию Лисовскую. — Б. С.) и напросился.

— Я склонен думать, что это не “обыкновенный пруссак”, — таинственно усмехнулся Гитель, — а самый настоящий английский шпион.

— Что вы, майор! — изумилась Майя и тут же деловито спросила: — В чем же дело? Почему вы его не берете?

— Потому, что никто, кроме меня, этого не подозревает, — не без гордости ответил Гитель. — Это моя находка, и прошу о ней пока не болтать... впрочем, мне учить вас не надо. А потом, зачем же брать английского шпиона? Это не большевик. С ним можно подождать, посмотреть, что он за птица и чем может быть полезен...».

Тут майор Гитель удивительнейшим образом сочетает в себе черты пронизательного контрразведчика и набитого дурака-штафирки, выкладывающего свои самые сокровенные подозрения рядовому агенту, к тому же знакомой с объектом подозрений.

Финал истории, для майора весьма печальный, Медведев излагает следующим образом: «...На вечеринке у Лидии Лисовской, к удивлению Гителя, не оказалось никого, кроме Лидии, Майи да Зиберта, который уже ждал майора и, судя по всему, был рад возможности познакомиться (прямо как у Высоцкого: “Может, выпить нам, познакомиться, поглядим, кто быстрее сломается?” — Б. С.). Был он не один, а с денщиком, которого почему-то прихватил с собой на вечеринку (чтобы не скучно было! — Б. С.).

Вечеринка длилась недолго. Гителя связали, заткнули рот кляпом и черным ходом вынесли во двор, где стояла наготове машина. Денщик сел за руль, и машина, проехав несколько улиц и миновав заставу, оказалась на шоссе, а там, после нескольких километров пути, свернула в лес...

Был какой-то органический порок и в самих фашистских разведчиках. Все они словно были рассчитаны на то, что в странах, где они действуют, их встретит немая покорность, что они будут “работать” на побежденной земле. Но они попали в страну, которая не хотела, не могла быть побежденной. И самонадеянные, дефективные, самовлюб-

ленные гитлеровские разведчики терпели одно поражение за другим.

Майор Гитель, которого Кузнецов и Струтинский (игравший роль денщика. — Б. С.) привезли в отряд, являл собою прекрасный образец такого разведчика-гитлеровца. Куда делся весь лоск "рыжего майора"! Он ползал в ногах, заливался слезами, умолял о пощаде. При допросе он рассказал все, что знал, в частности сообщил много важных для нас данных о главном судье Функе — единственном оставшихся в живых заместителе Коха (через несколько недель Кузнецов и Функа благополучно отправил в царство мертвых. — Б. С.). Сам Гитель, как выяснилось, был доверенным лицом этого палача Украины...».

Опять Гитель демонстрирует чудесный сплав смелости с трусостью и глупостью. Он не боится в одиночку, без всякой страховки, идти на встречу с человеком, которого подозревает в работе на вражескую разведку, и даже не спешит делиться этими подозрениями с кем-либо из сослуживцев. Но, попавшись в руки партизан, демонстрирует малодушие и удивительную несообразительность. Он не только в ногах у партизан валяется, вымаливая пощаду, но и рассказывает сразу все, что знает. Между тем единственным шансом для майора спасти свою жизнь было если и не молчание, то хотя бы не полная откровенность. Знай Гитель что-нибудь существенное, действительно представлявшее интерес для советской разведки, ему надо было бы вести себя совершенно иначе. Майору стоило бы только дать понять медведевцам, что он на самом деле обладает ценной информацией, но полные и откровенные показания даст лишь в Москве их начальству. Тогда бы «Победителям» пришлось, скрепя сердце, отправить злосчастного немца самолетом на «Большую Землю». Но Гитель, дурак, сразу выложил все, ничего в заглавнике не оставил. И попал в отработанный материал, на который жаль тратить дефицитный авиационный бензин.

Вообще, в версии, выдвинутой Медведевым, бросается в глаза еще целый ряд нелепостей. Раз Гитель понял, что симпатичный обер-лейтенант не тот, за кого себя выдает,

значит, майор был достаточно проницательным контрразведчиком. Но почему же тогда ему в голову не пришла одна элементарная мысль. Что делать английскому агенту в Ровно, за тысячи миль от Британских островов? Чем могла заинтересовать «Интеллидженс Сервис» столица рейхскомиссариата Украина? И как «матерый британский шпион» Зиберт стал бы передавать информацию отсюда? Прибег бы к помощи партизан Медведева? Мы-то помним, что радиопередачи из самого Ровно практически исключались.

Видимо, чувствуя уязвимость того, что рассказано о похищении и убийстве Гителя в книге «Сильные духом», соратник Кузнецова Николай Владимирович Струтинский, который в качестве денщика Зиберта вязал руки и затыкал рот несчастному майору, в своей повести «Подвиг» выдал немного иную версию событий:

«...Кузнецов сообщил о новом задании командования отряда:

— Прежде чем разделаться с генералом Ильгеном (командующим “Восточными войсками” — коллаборационистскими формированиями вермахта; его Николай Иванович похитил в один день с убийством Функа. — Б. С.), мы должны убрать опасного фашиста Гителя. Завтра у меня с ним свидание, и оно весьма кстати. От Лисовской я узнал высказанное гестаповцем подозрение о моей принадлежности к иностранной разведке.

— Советской? — наивно прозвучал мой вопрос.

— Если бы! Всего-навсего... английской!

Мы все дружно рассмеялись. Николай Иванович продолжил:

— Смешно, конечно! Но, как говорят, дыма без огня не бывает. Раз завел он разговор на эту тему с Лисовской, то, несомненно, ему предшествовал подобный в другом месте. Хотелось бы только знать, кто пустил провокационный слухок? Если об этом один Гитель болтает, меня меньше волнует. Может, просто из-за ревности? Задался целью меня скомпрометировать перед красивой женщиной?.. Но мы, надеюсь, опередим события и избавим не в меру любопытного Гителя от его обременительных забот.

С Гителем Николая Ивановича познакомила Лисовская. Немец отрекомендовался начальником хозяйственного отдела рейхскомиссариата, а Кузнецов — офицером вермахта Паулем Зибертом. Перед Зибертом предстал фашист с приплюснутой головой и округленным лицом (замечательное определение фашиста! — Б. С.). По верхней тонкой губе ниточкой пробегали усики. Гитель любил хвастать своими похождениями. Особенно трагично звучал его рассказ о бесстрашном бое с русскими и его пленении.

— Несчастный! — сочувствовала Лидия Ивановна. — Как же вам удалось выбраться из того ада?

— Любовь к фатерлянду, моя милая.

В действительности все происходило иначе. Гитель трусливо сдался в плен и немедленно объявил о своей принадлежности к Коммунистической партии Германии. Он пустил в ход и такую версию, будто по заданию “центра” вошел в доверие приближенных Эриха Коха и не раз информировал подполье о готовящихся фашистами акциях против мирного населения. Из плена он бежал. Милостью Эриха Коха Гитель стал начальником отдела при рейхскомиссариате Украины...

Как только Кузнецов ушел, Гитель изменил тон и нелепно отозвался о чванливом и заносчивом офицере. Он не постеснялся повторить версию о подозрительной личности Зиберта. Уж слишком долго находится он в командировке в Ровно! Лидия Ивановна рассмеялась.

— В данном случае вами руководит чувство зависти, обыкновенной мужской зависти!

— Нет, нет, милая моя. Мной руководит только солдатский долг.

— И чего это вдруг, с первой встречи заподозрить в нем шпиона?

— Милая моя, не с первой...

Теперь Гитель понял, как он глупо проболтался, и недоверчиво посмотрел на Лисовскую. Он наполнил рюмку и залпом выпил ром.

— Хочу верить, милая моя, о моем откровении никто не узнает! Ни гу-гу!

— Помилуй бог! Избавьте меня от подозрений, я далека от таких поступков!

— И даже ваш...

— Тем более Пауль Зиберт!

— Время было позднее, Гитель собрался, но попросил разрешения прийти ко мне. Вот, пожалуй, и все, если не считать его противных сентиментальностей, — заключила Лисовская. — Передайте Николаю Ивановичу мое мнение: Гитель опасен для всех нас. Поэтому... В общем, подумайте совместно».

И Кузнецов, по словам Струтинского, решил последовать совету своего агента. Братья Гителя решили на квартире другого агента — голландца Хуберта Гляза, сотрудника рейхскомиссариата. Николай Иванович будто бы сказал: «Пожалуй, самый подходящий адрес. При встрече со мной голландец сказал: если вам нужен будет человек для риска, вспомните обо мне. Вот и вспомнил».

Правда, Струтинский буквально на следующей странице противоречит сам себе, уверяя, будто сначала Гителя собирались скрутить на квартире подпольщиков супругов Стукало, но у их дома неожиданно оказалась толпа народа, и пришлось использовать квартиру Гляза как запасной вариант.

По утверждению Николая Владимировича, на следующий день обер-лейтенант Зиберт заглянул к Лисовской и застал там Гителя. Кузнецов предложил майору оставить Лисовскую и вместе пойти «по девочкам». Гитель воодушевился:

— Вы, Зиберт, кудесник! Вслед за необыкновенным романом вы предлагаете красавицу! Как можно отказаться? Разумеется, едем!

Струтинский вспоминает: «Мы подъехали к дому Хуберта Гляза. Зиберт и Гитель вошли в квартиру, я последовал за ними с бутылками рома и коньяка.

— А где же девушки? — недоумевал Гитель.

— Не спешите, мой друг, они еще заняты туалетом, скоро появятся во всем своем ослепительном блеске. Вино! — скомандовал Зиберт.

Я подал отличное французское вино, предварительно вытерев бутылку влажным полотенцем. Два хрустальных бокала красиво искрилась. Гитель взял бутылку, приподнял брови и удовлетворенно подморгнул:

— Очень хорошо!

После второго бокала я подошел к Зиберту и заботливо предложил освободиться от ремней. “Ведь они стесняют!” Николай Иванович снял ремень вместе с кобурой и облегченно вздохнул. В кармане брюк лежал запасной “вальтер”.

— Разрешите? — вежливо обратился я к Гителю.

Немец, правда с меньшим энтузиазмом, тоже снял ремни с кобурой. Я повесил их на вешалку на виду у гостей...

Я сел за стол вместе с другими. Это обстоятельство возмутило Гителя. Как так! Рядовой солдат, а ведет себя как равный! В тот момент, когда я отвечал на вопросы Гителя, взбудораженного моим бестактным поведением, Кузнецов зашел за его спину, моргнул мне и с силой навалился на гестаповца. Я тут же ринулся на помощь, заломил руки фашиста за спину. Подоспел и Хуберт Гляз. Он воткнул в рот хрипевшему Гителю кляп. Фашист понял свое безвыходное положение и с выпученными от страха глазами замотал головой, подтверждая свою готовность пойти на все условия, лишь бы ему сохранили жизнь».

Теперь Кузнецов начал с майором задушевную беседу:

— Слушайте Гитель. Скажите правду, что вы знаете о немецком офицере, которого заподозрили в сотрудничестве с иностранной разведкой?

Гитель потрясенно молчал.

— Если вы не хотите говорить, я не настаиваю, — ласково продолжал обер-лейтенант Зиберт. — Тогда вы умрете без покаяния.

— Нет, нет! — в отчаянии заорал майор, взывая к чувству расовой солидарности. — Вы немец и не совершите преступления против немца!

— Говорите! — великодушно разрешил Кузнецов.

— О вас, обер-лейтенант, я знаю, только одно: вы очень часто приезжаете в Ровно и неизвестно откуда. Меня это заинтересовало, ведь если бы вы подольше были на фрон-

те, я бы свободнее себя чувствовал в... обществе Лидии Ивановны...

— Кому вы сказали о своих подозрениях? — поинтересовался Кузнецов.

— Только... Только Лидии Ивановне. Я сам хотел с вами разобраться. Но свои намерения, как видите, не выполнил.

Под конец Струтинский заставил обоих участников диалога заговорить патетически. Гитель будто бы вскрикнул:

— За меня отомстят!

Кузнецов заметил:

— Поздно. Мы выполняем приговор народа!

Гителя пристрелили, положили тело в брезентовый мешок и утром зарыли на огороде.

Версия Струтинского отличается от версии Медведева тем, что главным мотивом действий Гителя выступает не стремление войти в связь с английской разведкой через ее агента Зиберта, а ревность к тому же Зиберту. Но и в этом случае действия майора выглядят довольно нелепо. Если он весьма прохладно относился к обер-лейтенанту и к тому же подозревал его как иностранного шпиона, то почему так легко принял приглашение Зиберта поехать на незнакомую квартиру, да еще в одиночку. Если же Гитель хотел избавиться от соперника, претендующего на благосклонность Лисовской, то можно было использовать гораздо более безопасный путь: доложить начальству о своих подозрениях, оно бы запросило Берлин, и вскоре бы выяснилось, что Пауль Зиберт в кадрах вермахта не числится. Ему — пуля в застенке СД, а Гителю — медаль или даже крест за бдительность! Чем плохо! Так нет, майору, хоть и был он, по уверениям Струтинского, робкого десятка, захотелось рискованных приключений, за что бедняга Мартин и поплатился головой.

Николай Владимирович приписывает Гителю еще и двурушничество во время пребывания в советском плену, дабы лишний раз продемонстрировать подлую натуру майора и убедить своих читателей: этого фашиста грех было не

вывести в расход. Зато, в отличие от Медведева, ничего не говорит о связи Гителя с судьей Функом, поскольку называет майора начальником хозяйственного отдела рейхс-комиссариата. Между тем я думаю, что здесь-то Дмитрий Николаевич не соврал. Именно в близости Гителя к Функу и было все дело. Вероятно, майор хорошо знал привычки и распорядок дня судьи, расположение его апартаментов и понадобился готовившим покушение на Функа партизанам в качестве «языка». Получив необходимые сведения, Кузнецов и Струтинский Гителя прикончили. Вряд ли майор имел какое-то отношение к контрразведке, да и в советском плену, наверное, не был. Иначе как бы ему удалось из лагеря немецких военнопленных под Красногорском добраться до Ровно?

Вероятно, по той же причине, что и Гителя, во время похищения генерала Ильгена Кузнецов и его товарищи прихватили с собой и личного шофера рейхскомиссара Пауля Гранау. Видимо, у него надеялись получить подробные сведения о маршрутах поездок и распорядке дня шефа. А потом шофера Коха постигла та же участь, что и Гителя. Граунау застрелили вместе с Ильгеном, а трупы зарыли на хуторе вблизи между селами Новый Двор и Чешское Квасилово.

Что же касается таинственного майора фон Ортеля, то его история представляется абсолютно фантастической. Согласно мемуарам Д. Н. Медведева, дело обстояло следующим образом:

«Если одну черту в характере фон Ортеля — его непомерное тщеславие — Кузнецов уловил с самого начала их знакомства и, уловив, начал искусно играть на этой струнке, то теперь ему открылась другая черта, более важная, объясняющая всего фон Ортеля, со всеми кажущимися противоречиями. Этой чертой в характере Ортеля был цинизм...

Зиберт оставался верен своему обыкновению ни о чем не спрашивать. И его собеседник ценил в нем эту скромность.

— Послушай, Пауль, — предложил он вдруг, — а что если тебе поехать со мной? О, это идея! Клянусь богом, мы там не будем скучать!

— Из меня плохой разведчик, — уклончиво сказал Кузнецов (согласно законам жанра, хороший советский разведчик притворяется неопытным немецким собратом по профессии, чтобы вызвать у читателей улыбку; здесь обнаруживается чисто литературное происхождение диалога Зиберта с Ортелем. — Б. С.).

— Ха! Я сделаю из тебя хорошего!

— Но для этого нужно иметь какие-то данные, способности...

— Они у тебя есть. Ты любишь хорошо пожить, любишь удовольствия нашей короткой жизни. А что ты скажешь, если фюрер тебя озолотит? А? Представляешь, отдарит тебе, скажем, Волынь или, того лучше, земли и сады где-нибудь на Средиземном море. Осыплет тебя всеми дарами! Что бы ты на это сказал?

— Я спросил бы: что я за это должен сделать?

— Немного. Совсем немного. Рискнуть жизнью.

— Только-то?! — Кузнецов рассмеялся. — Ты шутишь, Ортель. Я не из трусов, жизнью рисковал не раз, однако ничего за это не получил, кроме ленточек на грудь.

— Вопрос идет о том, где и как рисковать. Сегодня фюрер нуждается в нашей помощи... Да, Пауль, сегодня такое время, когда надо помочь фюреру, не забывая при этом, конечно, и себя...

Пауль молча слушал.

И тогда фон Ортель сказал ему, куда он собирается направлять свои стопы. Он едет на самый решающий участок фронта. Тут Пауль Зиберт впервые задал вопрос:

— Где же он, этот решающий участок? Не в Москве ли? Или, может быть, надо на парашютах надо выброситься в Тюмень? Черт возьми, мне все равно, где он!

— За это дадут тебе, Зиберт, лишний железный крестик. Нет, мой дорогой лейтенант, решающий участок не там, где ты думаешь, и не на парашюте нужно туда спус-

каться, а приехать с комфортом, на хорошей машине и, что особенно запомни, нужно уметь носить штатское.

— Не понимаю. Ты загадываешь загадки, Ортель! Где же тогда этот твой “решающий” участок? Не в Москве ли? Или, может быть, надо на парашютах выброситься в Тюмень? Черт возьми, мне все равно где он!

— За это дадут тебе, Зиберт, лишний железный крестик. Нет, мой дорогой лейтенант, решающий участок не там, где ты думаешь, и не на парашюте не нужно туда спускаться, а приехать с комфортом, на хорошей машине и, что особенно запомни, нужно уметь носить штатское.

— Не понимаю. Ты загадываешь загадки Ортель! — в голосе Кузнецова прозвучала ирония. — Где же тогда этот твой “решающий участок”?

— В Тегеране, — с улыбкой сказал фон Ортель.

— В Тегеране? Но ведь это же Иран, нейтральное государство!

— Так вот именно здесь и соберется в ноябре Большая тройка: Сталин, Рузвельт и Черчилль...

И фон Ортель сказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером и получил весьма заманчивое предложение, о смысле которого Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он может сказать ему прямо: предполагается ликвидация Большой тройки. Готовятся специальные люди. Если Зиберт изъявит желание, он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа — в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не следует болтать.

— Теперь-то, ты понимаешь, наконец, как щедро награждает нас фюрер?

— Понимаю, — кивнул Зиберт. — Но уверен ли ты, что мне удастся устроиться?

— Что за вопрос! Ты узнай сначала, кому отводится одна из главных ролей во всей операции.

Зиберт промолчал.

— Мне! — воскликнул фон Ортель и рассмеялся, сам довольный неожиданностью признания. Он был уже порядком пьян...».

Сразу после этого разговора Николай Иванович скрутил злосчастного Гиттеля и прибыл в отряд. Там Кузнецов заявил о своем намерении прикончить фон Ортеля:

— Я едва сдержался и не убил его там — в казино.

— И прекрасно сделали, что сдержались, — успокоил разволновавшегося разведчика непосредственный начальник. — Вообще, надо подумать, нужно ли убивать Ортеля?

— Товарищ командир, — дрожащим от волнения голосом промолвил Николай Иванович. — Этот гестаповский выродок хочет посягнуть на жизнь нашего вождя! Как вы можете меня удерживать!

— Вы только что сказали, — увещевал разбушевавшегося «Пуха» Медведев, — что Ортель возглавляет целую группу террористов, предназначенных для Тегерана. А вы знаете эту группу? Нет. Здесь, в Ровно, вы сможете убить одного только Ортеля, а в Тегеран поедут те, кого мы не знаем и знать не будем. Ортеля надо не убивать, а выкрасть его из города живым. Здесь мы от него постараемся узнать, что за молодчики готовятся к поездке в Тегеран, их приметы, возможно, и адреса в Тегеране... Садитесь и напишите пока подробные приметы самого Ортеля. Обо всем, что вы сказали, и эти приметы мы сегодня же сообщим в Москву.

Кузнецов, закончив словесный портрет Ортеля, с возмущением сказал: «Этот прожженный шпион еще до войны пытался работать в Москве!.. Он говорит, что ходил как по раскаленному песку. Они, лишенные долга, родины, чести, не понимают, что в Советском Союзе весь народ — разведчики!».

И далее в книге «Сильные духом» идет патетическая тирада: «Весь народ — разведчики!.. Взять хотя бы самого Кузнецова. Рядовой инженер, человек, по существу, сугубо гражданский, никогда не помышлял стать разведчиком, а между тем в поединке с ним, с мирным человеком, потерпел поражение крупный немецкий разведчик-профессионал, прошедший не одну школу...».

То ли Дмитрий Николаевич действительно не знал подлинную биографию Николая Ивановича, то ли не имел права говорить правду. Но мы-то с тобой, читатель, знаем,

что Кузнецов был лесником, а не инженером, и его связь с «дорогими органами» до появления на улицах Ровно оберлейтенанта Пауля Зиберта длилась уже десять лет. Мирным человеком назвать Кузнецова было никак нельзя, хотя он и не имел воинского звания.

Эпопея же с Ортелем, по словам Медведева, закончилась ничем: «...Кузнецов случайно встретил Макса Ясковца (немецкого офицера, приятеля Ортеля. — Б. С.). Тот сообщил ему о том, что есть слух, будто застрелился фон Ортель...

Самоубийство фон Ортеля Кузнецову показалось подозрительным. Он не хотел этому верить еще и потому, что смерть этой гадины окончательно расстраивала план, намеченный командованием отряда... После получения задания о похищении фон Ортеля Николай Иванович его не видел. Но о том, что он находится в Ровно, Кузнецов знал от Вали: она несколько раз встречала его. И Кузнецов надеялся, что сегодня-завтра он выполнит задание.

“О предстоящей встрече «Большой тройки» в Тегеране никому неизвестно, — думал он теперь. — Возможно, что это вообще фантазия, которую придумал этот гестаповец, чтобы получить от меня лишнюю сотню марок. А вдруг эта тегеранская встреча будет? Как теперь узнать, кто из террористов туда поедет?”

Кузнецов отправился к Лидии Лисовской, выполнявшей функции двойного агента. Работая на партизан Медведева, она будто бы позволила завербовать себя Гиттелю и Ортелю и успешно их дурачила. Лидия подтвердила сомнения насчет самоубийства майора: “Три дня назад Ортель был у меня. Зашел проститься. Он собирался куда-то лететь из Ровно. Об отлете он просил меня не рассказывать никому, а если, говорит, скажут, что меня нет, что со мной что-нибудь случилось, то не опровергайте этого. Обещал привести хороший подарок. Когда я услышала о самоубийстве, мне показалось, что тут что-то не так. Ортель уехал, а слух, что он покончил с собой, распустили гестаповцы”».

Медведев утверждает, что расстроенный Николай Иванович направил в отряд письмо, где корил себя за то, что

не успел выкрасть Ортеля и дал ему возможность уехать из Ровно.

Как вы думаете, дорогие читатели, почему обер-лейтенант Зиберт не смог похитить майора Ортеля? Мне-то кажется, что ответ здесь ужасно прост: потому, что майора с такой фамилией не существовало в природе. И вся история с покушением на Большую Тройку была фантазией, только не «гестаповца Ортеля», а самого Дмитрия Николаевича Медведева. Интересно, кстати, почему это фон Ортель называл Черчилля, Рузвельта и Сталина «Большой тройкой»? Ведь данный термин употреблялся только в странах Антигитлеровской коалиции, но не в Германии.

И эта фантазия имела свое продолжение. В советской публицистике передавались слухи, будто к неудавшемуся покушению в Тегеране был причастен знаменитый похититель Муссолини Отто Скорцени. Распространились они после того, как сам признанный мастер спецопераций вроде бы подтвердил это в интервью парижскому журналу «Экспресс» в 1964 году: «Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране... Но бац! (Смеется.) Из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...».

Не уловив откровенной издевки над легковерными историками и журналистами, содержащейся в ответе Скорцени, уже знакомый нам Павел Анатольевич Судоплатов без тени сомнения написал в мемуарах: «Партизанскому соединению под командованием полковника Медведева первому удалось выйти на связи Отто Скорцени... Медведев и Кузнецов установили, что немецкие диверсионные группы проводят тренировки в предгорьях Карпат своих людей с целью подготовки и нападения на американское

и советское посольство в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция "Большой тройки". Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов (моложе самого Судоплатова всего на четыре года. — Б. С.) под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против "Большой тройки"».

Оттого, что Судоплатов заменил Ортеля на Остера, медведевская, а вернее, теперь уже судоплатовско-медведевская версия не стала убедительней. Слишком уж много в ней бросающихся в глаза нелепостей. Зачем понадобилось заставлять предназначенных для Тегерана террористов тренироваться в предгорьях Карпат, где действовали отряды Украинской Повстанческой Армии, польской Армии Крайовой и менее многочисленные, но гораздо лучше обученные и вооруженные советские партизанские отряды вроде медведевского? Почему было не послать людей Скорцени в гораздо более безопасные Баварские Альпы? И зачем было лагерь для подготовки покушения в Тегеране оборудовать в Копенгагене? Неужели рельеф и климат в Дании и Иране имеют большое сходство? И что было делать Ортелю в Ровно, от Карпат расположенного довольно далеко, зато обильно нашпигованного советской агентурой? Да и Скорцени, вот беда, в своих послевоенных мемуарах ни словом не обмолвился о планах покушения на членов «Большой тройки» в Тегеране или в каком-либо

ином месте. А ведь это бы только придало его воспоминаниям дополнительную сенсационность! Зато Скорцени точно сообщает, где именно он сам находился в конце ноября и начале декабря 43-го во время Тегеранской конференции. Оказывается, любимец фюрера в этот момент обретался в Париже, чтобы, в случае наступления чрезвычайных обстоятельств, с помощью своих людей предотвратить попытку правительства Виши укрыться в оккупированной западными союзниками Северной Африке. Полученный Скорцени приказ гласил: «Окружить город Виши кордоном немецких войск, соблюдая все меры предосторожности и как можно незаметнее. Военные силы должны быть расставлены так, чтобы по первому же сигналу из Ставки немедленно перекрыть все выходы из города и воспрепятствовать любой попытке бегства, в пешем порядке или на машине. Кроме того, следует поставить в резерв боевую группу достаточной мощности, для того чтобы по второму сигналу перекрыть выходы и в случае необходимости захватить здание собственно французского правительства. Войска, которые примут участие в этой операции, должны быть подчинены майору Скорцени...». Согласимся, что на подготовку нападения на советское и американские посольства в Тегеране это несколько не похоже.

Поведение же Зиберта в разговоре с фон Ортелем выглядит и вовсе странным. Как мы помним, даже в случае с самим Кузнецовым, давним и проверенным сексотом, прежде чем пригласить его на работу в Москву, там несколько месяцев изучали личное дело Николая Ивановича. А Ортель-то якобы сватал Зиберта для гораздо более деликатной миссии, чем подкладывать московских балерин немецким дипломатам. Неужели же майор не запросил бы прежде Берлин о заинтересовавшем его симпатичном обер-лейтенанте Пауле Зиберте? Тогда очень скоро последовал бы ответ, что такой офицер в составе вермахта не числится, и песенка Кузнецова была бы спета. Его следующая встреча с майором наверняка состоялась бы в застенке СД. Если бы Ортель действительно начал с Зибертом разговор о его возможном участии в акции в Тегеране,

советскому разведчику надо было думать только об одном: как благополучно унести ноги, и не собираются ли его арестовать тут же, в казино.

И почему вдруг организацией покушения на Сталина, Рузвельта и Черчилля должен был, как это якобы утверждал Ортель, заниматься шеф гестапо Генрих Мюллер? Не потому ли, что Медведев по советской традиции всех сотрудников германской Службы Безопасности СД называл гестаповцами. Между тем Вальтер Шелленберг, шеф 6-го управления Имперского Главного Управления Безопасности, как раз и занимавшегося разведкой и другими специальными операциями в тылу противника, ничего не сообщает в своих мемуарах о подготовке покушения в Тегеране в ноябре — декабре 43-го.

Думаю, что фантазию и Медведева, и Судоплатова питало цитировавшееся выше сообщение «Правды» о будто бы готовившемся покушении на Большую Тройку. Технически осуществить такое покушение немецкие спецслужбы в тот момент вряд ли могли. Сеть Франца Майера в Иране еще существовала, но находилась под плотным «колпаком» советской и британской контрразведки. Остается загадкой, каким образом немецкие террористы могли быть переброшены с территории Рейха в Тегеран. Высадка с моря исключалась. Ведь подводную лодку пришлось бы посылать в плаванье вокруг мыса Доброй Надежды, а судов, способных осуществить столь долгое автономное плаванье, в Германии, да и во всем мире тогда просто не существовало. И как, интересно, Скорцени мог бы вывезти Рузвельта из Ирана, если волшебным образом удалось бы похитить американского президента?

Главное же, никакого смысла в устранении всей «Большой Тройки» или кого-либо из ее членов для Гитлера объективно не было. В конце 1943 года немцы вели борьбу только за выигрыш времени. Они надеялись не столько на призрачное «чудо-оружие», сколько на раскол в Антигитлеровской коалиции. Но этим целям громкий теракт в Тегеране мог лишь повредить. Гибель одного из лидеров заставила бы его приемника вести войну до победного кон-

ца, совершенно независимо от собственных симпатий или антипатий к Гитлеру и партнерам по коалиции. Английское и американское общественное мнение просто не позволило бы Энтони Идену и Гарри Трумэну действовать иначе. В СССР, понятное дело, общественное мнение никакой существенной роли не играло. Но и здесь не было никаких указаний на то, что гипотетические приемники Сталина, скажем Молотов, Маленков или Жданов, могут пойти на сепаратный мир с Германией, когда до полной победы оставалось уже недолго. К тому же Шелленберг утверждает, что только осенью 44-го Гитлер созрел, для того чтобы санкционировать попытку покушения на Сталина. Хотя и это свидетельство, как мы увидим дальше, вызывает определенные сомнения.

Каков же был конец Николая Ивановича Кузнецова (и обер-лейтенанта Пауля Зиберта)? К сожалению, до сих пор это покрыто мраком неизвестности. Когда советские войска подошли к Ровно, произведенный в капитаны Зиберт командованием отряда был направлен во Львов. Там Кузнецов успел застрелить вице-губернатора дистрикта Галиция Отто Бауэра и шефа канцелярии президиума правительства дистрикта доктора Генриха Шнайдера. Но дальше удача изменила ему. На выезде из Львова, у села Куровицы, 12 февраля автомобиль, в котором ехали капитан Зиберт и еще два советских разведчика в форме немецких солдат — Ян Каминский и Иван Белов, — был остановлен патрулем фельджандармерии. К тому времени документа Пауля Зиберта были засвечены во время убийства во Львове подполковника люфтваффе Ганса Петерса. Тот перед смертью успел назвать имя капитана, у которого пытался проверить документы. Старший патруля майор Кантер потребовал у Кузнецова разрешение на выезд из города. Такого разрешения у Пауля Зиберта, естественно, не было. Раньше все нужные документы без труда изготавливали в отряде Медведева. Но теперь «Победители» были далеко. Приходилось полагаться только на собственные силы. Кузнецов раздумывал недолго. Увидев, что один из жандармов поднял шлагбаум, пропуская встречный грузовик, он вы-

хватил «вальтер» и двумя выстрелами в упор смертельно ранил Кантера. Водитель Белов сразу дал газ и успел прорваться через опускающийся шлагбаум. Жандармы открыли огонь вслед машине и пробили задние скаты. Метрах в 800 от поста автомобиль свалился в кювет. Кузнецов и его товарищи скрылись в лесу. Теперь им предстояло пробираться к линии фронта, тщательно избегая встреч как с немецкими патрулями, так и с отрядами Украинской Повстанческой Армии. Последние могли уничтожить их и как немцев, и как советских разведчиков. Зиберту и его спутникам еще раз роковым образом не повезло уже у самой цели.

Д. Н. Медведев впервые процитировал в своей книге следующий документ:

«Начальнику полиции безопасности
и СД по Галицийскому округу
14 Н — 90/44. Секретно.
Государственной важности.
Гор. Львов. 2. IV. 44 г.
Считать дело секретным,
государственной важности.
Телеграмма-молния

В главное управление имперской безопасности (правильнее — Имперское Главное Управление Безопасности. — Б. С.) для вручения СС группенфюреру и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру лично. Берлин.

При одной из встреч 1. IV — 44 украинский делегат сообщил, что одним подразделением украинских националистов 2. III. 44 задержаны в лесу близ Белгородки в районе Вербы (Волынь) три советских агента. Арестованные имели фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, среди них «Газета Львовска» с некрологом о докторе Бауэре и докторе Шнайдере, а также отчет одного из задержанных о его работе. Этот агент (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознан представителем УПА. Речь идет о советском партизане — разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности,

доктора Функа и похитив, в частности, генерала Ильгена. Во Львове "Зиберт" был намерен расстрелять губернатора доктора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президиал-шеф (начальник правительственной канцелярии. — Б. С.) доктор Шнайдер. Оба эти немецкие государственные деятели были расстреляны неподалеку от их частных квартир. В отчете "Зиберта" дано описание акта убийства до малейших подробностей.

Во Львове "Зиберт" расстрелял не только Бауэра и Шнайдера, но и ряд других лиц, среди них майора полевой жандармерии Кантера, которого мы тщательно искали.

Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени совершенных актов, о ранениях жертв, о захваченных боеприпасах и т. д. кажутся точными. От боевой группы Прицмана (другая транскрипция этой фамилии: Прюцман. — Б. С.) поступило сообщение о том, что "Пауль Зиберт" и оба его сообщника расстреляны на Волыни националистами-бандеровцами. Представитель ОУН подтвердил этот факт и обещал, что полиции безопасности будут сданы все материалы.

Начальник полиции безопасности и СС
по Галицийскому округу
Доктор Витиска СС оберштурмбанфюрер
и старший советник управления».

Этот документ, найденный в помещении СД и полиции безопасности во Львове в октябре 44-го, доказывал, что Кузнецова нет в живых. 5 ноября 1944 года его удостоили звания Героя Советского Союза. Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич Белов были награждены орденами Отечественной войны I степени. Поскольку тела разведчиков не были найдены, слово «посмертно» в указе проставлять не стали. Может быть, надеялись на чудо?

Более полный текст телеграммы-молнии от 2 апреля 1944 года за номером IVH-90/44 был опубликован только в 1998 году в книге Теодора Гладкова «С места покушения

скрылся...». Вот основные пункты этого документа, опущенные в книге Медведева:

«Относительно жены активиста-бандеровца Лебедь, находящейся в настоящее время в заключении в концентрационном лагере Равенсбрюк...

Некоторое время тому назад конспиративным путем до меня дошли сведения о желании группы ОУН — Бандеры в результате обмена мнений определить возможности сотрудничества против большевиков. Сначала я отказывался от всяких переговоров на основании того, что обмен мнений на политической базе заранее является бесцельным. Позже я заявил, что готов выслушать желание группы ОУН — Бандеры. 5 марта 1944 года была встреча моего референта-осведомителя с одним украинцем, который якобы уполномочен центральным руководством ОУН — Бандеры для ведения переговоров с полицией безопасности от имени политического и военного сектора организации и от территориальных организаций всех областей, где проживают или могут проживать украинцы.

В дальнейшем референт-осведомитель вел переговоры главным образом для того, чтобы получить интересующую полицию безопасности сведения о польском движении сопротивления и о положении с советской стороны фронта, а также в советском тылу, обещая взамен рассмотреть возможность освобождения арестованных бандеровцев.

При одной встрече 1. IV. 1944 года украинский делегат сообщил, что одно подразделение УПА 2. III. 44 задержало в лесу близ Белгородки в районе Вербы (Волынь) трех советско-русских шпионов. Судя по документам этих трех задержанных агентов, речь идет о группе, подчиняющейся непосредственно Ф., генералу ГБ НКВД.

УПА удостоверила личность трех арестованных, как следует ниже:

1. Руководитель группы под кличкой "Пух" имел фальшивые документы старшего лейтенанта германской армии, родился якобы в Кенигсберге (на удостоверении была фотокарточка "Пухова". Он был в форме немецкого обер-лейтенанта).

2. Поляк Ян Каминский.

3. Стрелок Иван Власовец (под кличкой "Белов"), шофер "Пуха" (тут Витиска явно напутал: настоящая фамилия кузнецовского шофера была Белов, а Власовцом он значился только по фальшивым документам русского "добровольного помощника" вермахта. — Б. С.).

Все арестованные советско-русские агенты имели фальшивые немецкие документы, богатый материал — карты, немецкие и польские газеты, среди них "Газета Львовска" и отчет об их агентурной деятельности.

Судя по этому отчету, составленному лично "Пухом", им и обоими его сообщниками в районе Львова были совершены следующие террористические акты.

После выполнения задания в Ровно "Пух" направился во Львов и получил квартиру у одного поляка, затем "Пуху" удалось проникнуть на собрание, где было совещание высших представителей властей Галиции под руководством губернатора доктора Вехтера. "Пух" намеревался расстрелять доктора Вехтера. Из-за строгих предупредительных мер со стороны полиции безопасности осуществить этот план не удалось, и вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его секретарь доктор Шнайдер...

После совершения акта "Пух" и его сообщники скрывались в районе Злочева, Луцка и Киверцы, где нашли убежище у скрывавшихся евреев, от которых получали карты и газеты. Среди них "Газета Львовска", где был помещен некролог доктора Бауэра и доктора Шнайдера...

Задержанный подразделением УПА советско-русский агент "Пух" — это, несомненно, советско-русский террорист Пауль Зиберт, похитивший в Ровно генерала Ильгена, а в Галицийском округе расстрелял подполковника авиации Петерса, одного старшего ефрейтора авиации, доктора Бауэра и доктора Шнайдера, а также майора полевой жандармерии Кантера, которого мы тщательно искали...

От боевой группы Прютцмана поступило сообщение о том, что Пауль Зиберт и оба его сообщника расстреляны на Волыни...

Представитель УПА обещал, что полиции безопасности будут переданы все материалы в копиях, фотокопиях или оригиналах, а также живые еще парашютисты (речь идет о захваченных УПА нескольких советских агентов из числа пленных немцев, у которых было письмо от председателя коллаборационистского "Союза немецких офицеров" генерала Вальтера фон Зейдлица-Курцбаха командующему группой армий "Юг" фельдмаршалу Эриху фон Манштейну. — Б. С.), если взамен этого полиция безопасности согласится освободить госпожу Лебедь с ребенком и родственниками.

Поскольку приобретение богатейших материалов агента "Пуха", т. е. Пауля Зиберта, и материалов генерала Зейдлица и его агентов имеет исключительную важность для обеспечения безопасности государства, я считаю необходимым освободить госпожу Лебедь и ее родственников. К тому же, по-видимому, они не представляют большой угрозы для немецких интересов в Галиции. Исходя из этого, прошу срочно рассмотреть вопрос и до 11 часов вторника 4.IV.44 телеграммой-молнией сообщить, будет ли обещано освобождение госпожи Лебедь, ибо в этот день мой референт-осведомитель будет встречаться делегатом группы ОУН — Бандеры. В случае отрицательного ответа существует опасность, что этот ценный материал будет передан не нам, а вермахту.

Представитель ОУН... снова подтвердил, что группа Бандеры, ввиду угрозы уничтожения украинского народа Советами, признает, что только союз с Германией может гарантировать существование украинцев...

На основании вышеизложенного я прошу об освобождении семьи Лебедь, которая, безусловно, окупится и может способствовать разрешению украинского вопроса в наших интересах. Следует ожидать, что если обещание об освобождении будет выполнено, то группа ОУН — Бандера будет направлять нам гораздо больше информации».

Телеграмме от 2 апреля предшествовал рапорт от 29 марта Витиске комиссара криминальной полиции гауптштурмфюрера СС Паппе о встрече представителя УПА «Гера-

симовского» (Ивана Гриньоха) с «осведомителем-референтом», состоявшейся 27-го числа: «Герасимовский рассказал, что одним из отрядов УПА за линией фронта удалось взять в плен 3 или 4 большевистских агентов. Руководителем их был человек, одетый в форму обер-лейтенанта немецких вооруженных сил... Герасименко не знает, живы ли еще пойманные отрядом УПА агенты, но он обещал собрать подтверждающий материал и предоставить его полиции безопасности вместе с агентами, если они еще живы, и их можно будет переправить через линию фронта».

Больше никакими документами о судьбе Кузнецова на сегодняшний день мы не располагаем. Правда, в 1951 году следователи МГБ допросили гауптштурмфюрера СС Петера Христиана Краузе, бывшего сотрудника львовского СД. Он показал, что «в марте 1945 года, находясь в Словакии, я узнал о его (Зиберта. — Б. С.) смерти. Об этом сообщил генерал Биркампф, по словам которого Зиберт был при попытке перехода линии фронта опознан и убит. Выдал Зиберта находящийся при нем дневник. Дневник с фотографиями Зиберта после смерти передан командованием УПА действующему в этой области СС-обергруппенфюреру Прютцману». Трудно сказать, насколько точен был Краузе в передаче обстоятельств смерти Зиберта. Ведь говорил он об этом с чужих слов и через шесть с лишним лет. Допросить же Прютцмана у чекистов не было возможности: после поражения Германии он покончил с собой. И сегодня мы не знаем, передали ли украинские повстанцы СД документы, взятые у Зиберта-«Пуха». Ведь в телеграмме-молнии, отправленной Витиской, говорилось только, что люди Прютцмана узнали от командования УПА о расстреле захваченных советских агентов. Вполне возможно, что Краузе ошибочно соединил сведения о написанном Зибертом докладе, полученные от своего шефа Витиски, и рассказ Биркампфа со ссылкой на Прютцмана о расстреле советских агентов на Волыни. Во всяком случае, никаких следов отчетов Прютцмана или Биркампфа о гибели Зиберта, равно как и отчета «Пуха», в немецких архивах до сих пор не обнаружено. Скорее всего, этот отчет так и не был получен немцами.

Неизвестно также, была ли освобождена жена Микола Лебедея Дарья Гнаткивська, и если да, то связано ли было это освобождение с обменом на «бумаги Зиберта», которые теперь для немцев, в сущности, представляли лишь исторический интерес. Известно только, что судьба некоторых лиц, которых бандеровцы просили освободить вместе с женой Лебедея, была печальна. Степан Рогуля был расстрелян уже 17 апреля 1944 года, через 15 дней после телеграммы Витиски с просьбой об их освобождении. Жена Степана Анастасию освободили 14 марта, еще до всех событий, связанных предлагавшимся обменом бумаг на людей, а дочь Софию отправили в Равенсбрюк.

Сложно также понять, по какую сторону фронта нашел свой конец Николай Кузнецов. Гриньох в первом сообщении утверждал, что это произошло на советской стороне и что было пленено 3 или 4 агента. Не исключено, что действительно с Зибертом было в тот момент не два, а три спутника. Дело в том, что в еврейском партизанском отряде, где несколько дней укрывались Кузнецов, Белов и Каминский, им дали проводника Самуила Эрлиха, который должен был довести разведчиков до линии фронта. Однако этот человек пропал без вести. Не исключено, что, доведя Кузнецова с товарищами до передовых позиций советских войск, решил вернуться к своим подо Львов и на обратном пути был убит либо немцами, либо бандеровцами. Но возможен и другой вариант: Эрлих находился со своими спутниками до самого конца и вместе с ними был убит бойцами УПА. Но, поскольку у проводника не было с собой никаких документов, сообщать о нем немцам просто не стали.

О том, что Зиберт и его соратники могли погибнуть уже в расположении советских войск, свидетельствует как будто и предположение бывшего начальника разведки в отряде Медведева Александра Лукина, высказанное в беседе с Теодором Гладковым со ссылкой на некий анонимный источник: Кузнецов наткнулся на отряд бандеровцев, переодетых в форму Красной армии. Такая форма могла пригодиться им только на территории, занятой советскими войсками. Вообще, нет ничего невероятного в том, что Зиберт

попал в руки украинских партизан уже на земле, освобожденной Красной армией. В лесистых предгорьях Карпат сплошного фронта не было, и в разрывах между советскими частями вполне могли действовать отряды бандеровцев в красноармейской форме. В немецком тылу щеголять в советской военной форме им не было никакого смысла. Это только бы увеличило риск неожиданного столкновения с подразделениями вермахта.

Если допустить, что Кузнецов, Каминский и Белов попали в плен к отряду УПА, бойцы и командиры которого были одеты в советскую военную форму, то это допущение может объяснить появление письменного отчета «Пуха», адресованного «генералу Ф.» — начальнику 2-го контрразведывательного главного управления НКГБ П. Федотову. Под его началом Николай Иванович работал в Москве. Предположим, что сначала Кузнецов принял бандеровцев за своих и по просьбе командира написал письменный отчет для передачи в вышестоящий штаб, чтобы доказать, что никакой он не офицер вермахта, а советский разведчик. Но бумага эта неизбежно попала бы на глаза людям непосвященным, которым к тому же Николай Иванович не вполне доверял. И он подписал отчет псевдонимом, не раскрыл и псевдонимов своих товарищей. Правда, может быть, один из них, Иван Белов, назвал свое подлинное имя, которое и попало в телеграмму Витиски, но уже как псевдоним. Вряд ли командир небольшого отряда УПА был посвящен в сложную игру своего руководства, стремившегося за необходимую немцам информацию выкупить своих арестованных товарищей. Тащить с собой Зиберта и его спутников через линию фронта обратно в немецкий тыл было делом сложным и рискованным. Обремененный пленниками отряд легко мог стать добычей какого-нибудь крупного советского или германского подразделения. Поэтому неизвестный нам командир повстанцев предпочел расстрелять Кузнецова, Белова и Каминского. Не исключено, что прежде он доложил наверх, что захватил трех советских разведчиков, и поэтому Гриньох, когда беседовал с немецким «референтом-осведомителем», думал, что пленники еще живы.

Но возможен и другой вариант. Кузнецов, стремясь оставить в истории память о своих делах, написал отчет, опасаясь, что может погибнуть в стычке с немцами, бандеровцами или даже от пуль своих при переходе через линию фронта. Это желание было сильнее, чем чувство страха: отчет при встрече с немецким патрулем представлял весомую улику, которая могла стоить жизни всем трем разведчикам-террористам. Но не исключено, что группа Кузнецова погибла еще на неприятельской стороне фронта, когда бойцы УПА приняли их за немцев и уничтожили в коротком бою. Написанный же «Пухом» доклад, найденный на теле Зиберта, помог бандеровцам понять, что это были советские агенты.

Загадкой остается и то, почему в немецких документах, основанных на данных украинской стороны, говорится, что погибший Зиберт был обер-лейтенантом. Ведь к тому времени Медведев уже «произвел» Кузнецова в гауптманы, о чем была сделана запись в его «зольдбухе» (удостоверении личности). Некоторые историки выдвигают версию, что «зольдбух» остался в руках убитого майора Кантера и представители УПА располагали лишь его водительскими правами, где Кузнецов-Зиберт был снят в форме обер-лейтенанта. Однако можно допустить, что «зольдбух» у разведчика все же сохранился до конца, но украинцы не стали особо разбираться с документами на немецком и ограничились просмотром только водительских прав, посмертно «разжаловав» Зиберта в обер-лейтенанты.

Так или иначе, но все сведения о времени и месте гибели Кузнецова, Каминского и Белова на сегодня сводятся к следующему. Они нашли свою смерть 2 марта 1944 года где-то у деревни Белгородка, в районе Вербы, на Волини, причем эта территория, скорее всего, уже находилась по советскую сторону фронта. Других данных из телеграммы Витиски и сообщения Паппе не извлечь. Сомневаюсь, что когда-нибудь найдется действительно могила Кузнецова. Но после публикации книги Медведева Зиберт стал истине легендарным героем, растиражированным официальной пропагандой. Такому герою обязательно требова-

лась смерть столь же героическая, как жизнь, и могила, на которую по праздникам пионеры будут возлагать цветы.

Смерть и могилу Кузнецову придумал его соратник Николай Владимирович Струтинский. Вот что он пишет в документальной повести «Подвиг»:

«...С чего начать? Чем руководствоваться в поисках места гибели Кузнецова?

Мы побывали во многих селах и на хуторах Волыни и Ровещины, где в свое время проходила линия фронта, подолгу беседовали с местными жителями. Но, к сожалению, не могли уцепиться за какую-либо существенную деталь. Тогда мы сосредоточили поиски на Львовской области... Особенно внимательно относились ко всему, касавшемуся боевых действий партизан в направлениях к Золочеву, Бродам, в районах Пеняцкого и Ганачивского лесов, разыскали бывших участников националистических банд, действовавших в этих лесах. Дополнительно изучили известный маршрут Кузнецова из Львова до села Куровичи».

Кто ищет, тот всегда найдет. Николай Владимирович продолжает: «Увлеченные, мы не заметили, как из орешника вышел старик, лет семидесяти пяти, одетый просто, но чисто. На нем была грубая суконная куртка, серые из плотного материала штаны, заправленные в высокие голенища сапог. На голове, несмотря на теплую погоду, красовалась островерхая баранья шапка. Проходя мимо меня и Жоржа (брата Н. В. Струтинского, тоже сражавшегося в отряде Медведева. — Б. С.), расположившихся под деревом, старик слегка коснулся рукой головного убора и сухо поздоровался.

— Куда, отец, спешишь? — окликнул его брат.

Старик остановился. Я принес из машины фуфайку, положил ее на землю и пригласил незнакомца сесть. Жорж налил в пластмассовую стопку вина и подал ее крестьянину. Тот вначале колебался, но потом качнул головой:

— За ваше здоровье, сынки! — и одобрительно протянул: — Смачна штука!

Мы почувствовали: старик хочет завязать беседу, но прикидывает, стоит ли. Как человек, много повидавший на

свете и плохого, и хорошего, он был осторожен и только задавал вопросы».

Зато приезжие явно хотели побеседовать со старожилем. Они прекрасно понимали, почему крестьянин осторожничает. Дело происходило в 1959 году. Всего шесть лет назад УПА прекратила вооруженное сопротивление. Жители Западной Украины хорошо помнили и карательные операции советских внутренних войск, и массовые депортации в Сибирь так называемых «пособников». Будешь тут осторожным! Но постепенно братья разговорили старика. Начали с семейных дел, потом перешли на охоту, рыбалку... После второй рюмки крестьянин обмяк, стал поразговорчивее. Поняв, что от него хотят собеседники, поругал украинских националистов-бандеровцев.

«— Говорят, советские партизаны при немцах тут бывали? — спросил Николай Струтинский.

— Видал их, — отозвался старик. — Они нас, мирных жителей, не трогали. Зато немцев, полицаев, разных предателей не щадили. Сказывали люди, как перед самым фронтом три таких партизана погибло. Все были в немецкой одежде и даже разговор вели по-немецки.

— Как же они погибли и где? — заволновались собеседники.

— Там, за лугом. На Березине — село такое есть. Когда их окружили, один из них гранатой ба-бах! Сам, бедняга, загинул, но и бандитов многих положил.

— Что-то, дедушка, сомнительное говоришь! Не верится, чтобы они сами себя гранатой! — провоцировал на откровенность Жорж.

Старик обиделся и распрощался:

— Молодой ты, да ранний! Не веришь! Кому? Здесь весь крестьянский люд мне верит! А он, видишь ли! Тьфу! Спасибо за гостинец. Пойду!».

В ту пору говорить, что бандеровцы сражались не только с большевиками, но и с немцами, было просто опасно, тем более с теми, кто явно сражался с УПА по разную сторону баррикад. И обиду старика понять можно: «Говорю то, что заказывали, и вы же еще обижаете недоверием!»

Но братья продолжили поиски. В местности южнее города Броды, на которую указал старик, располагались села Гута Пеняцкая, Черница и Боратин. Николай Владимирович утверждает: «Из рассказов жителей Боратина мы узнали о трех “немцах”, которые погибли от рук националистов. Установили: все происходило на сельской окраине, так называемой Березине, под лесом, в доме, где и поныне проживает бригадир полеводческой бригады местного колхоза Степан Голубович. Зашли к нему. Он подтвердил случай, происшедший в его доме в ночь на девятое марта 1944 года.

— Но эти немцы были загадочными людьми, — заметил Голубович.

— Сколько их было? Как одеты? На каком языке разговаривали? Какие у них приметы? Примерный возраст каждого? — забросали мы Голубовича вопросами».

Дальше Николай Струтинский предпочитает не продолжать свой диалог с Голубович, а нарисовать чисто беллетристическую картину, как трое разведчиков подходят к хате, радуясь надвигающейся канонаде. «Там наши! — ликует Кузнецов. — Стоит нам продержаться два-три дня, и они придут сюда! Свои, в серых шинелях!». Голубовичу, однако, троица на всякий случай представилась немцами. Пока Кузнецов и его спутники ужинали, в хату ворвался десяток бандеровцев и скрутили их. Сначала будто бы разведчиков приняли за немцев, но потом вошел старший и признал в пленном офицере Зиберта (и когда, интересно, успел с ним встретиться?). После этого националисты поняли, что перед ними — видный советский агент, и собирались продать его немцам. До этого будто бы один из бандеровцев объяснял Кузнецову: «Мы только у бродячих немцев отнимаем оружие. Мы вас не убиваем. Другое дело — коммунисты! С теми не церемонимся!». Хотя совершенно непонятно, как могли бы бандеровцы отпустить живыми немецкого офицера и солдата, если только что убили стоявшего на часах у хаты, как они считали, немецкого солдата (в действительности — Белова)? Уцелевшие непременно сообщит-

ли бы своим о происшествии, а у немцев в этом случае разговор был короткий: расстрелять заложников, сжечь село.

Но тут события приобрели неблагоприятный для Зиберта и его спутников оборот: «Вошел в черном мундире и высокой бараньей папахе главарь. Хищно прищурил глаза. Потом широко открыл их и во все горло гаркнул:

— Так это же он! Точно он! Хлопцы, сюда!

В комнату вбежали секирники.

Главарь в левой руке держал парабеллум, а правой торопливо шарил в нагрудном кармане френча, вытащил бумажку. Взглянув на нее, атаман одним духом выпалил:

— Зиберт! Чтоб меня гром убил — Зиберт!.. Роевой! Ко мне! — не спуская глаз с партизан кликнул главарь. Пригрозил: — За него отвечаешь головой! Сейчас придут Скиба и Сирий. Пусть посмотрят, какая у меня удача! Так за него немцы... Эге-ге-ге!

Главарь скрылся за дверью.

“Теперь, кажется, все!.. — пронеслось в сознании Николая Ивановича. — Остается одно: не дать себя живым...”.

Поняв, что положение безвыходное, Николай Иванович решил подороже продать свою жизнь. Он дождался, пока в комнату вернулись главари. Попросил закурить, свернул сигарку, наклонился прикурить к керосиновой лампе. Дальше, согласно Струтинскому, произошло следующее: «В комнату зашло еще несколько оуновцев. Один из них, в черной папахе, бросил на Кузнецова волчий взгляд. В тот же миг Кузнецов загасил лампу. Прозвучал его громкий, как набат, мужественный голос: “Сгиньте, проклятые! Мы умрем не на коленях!..” (непонятно, на каком языке Кузнецов говорил свои предсмертные слова: на немецком, украинском или русском? — Б. С.)

Загремели беспорядочные выстрелы. Вспышки озарили лицо Николая Ивановича. Он стоял во весь рост с гранатой, прижатой к груди. У кровати присел Ян Каминский, а под стенами застыли в ужасе секирники. Раздался оглушительный взрыв. Взметнулось желтое пламя. Истощенный вопль раненых наполнил комнату. Поднялась суматоха.

Сквозь выбитое окно выпрыгнул Ян Каминский. Присевший у стенки атаман надрывался:

— Уйдет, подлец! Стреляйте!

— Упал! Айда!

— Куда вас всех понесло! — прогудел старший. — Обыщите этого! Найлите лампу, а пока посветите фонариком. Боже мой, как кричат старшины! Что же он, мерзавец, наделал? Иисусе мой!

Посреди комнаты умирал Кузнецов. На груди и животе зияли раны. Лицо залито кровью, кисть правой руки оторвана... Он отрывисто дышал. Грудь высоко вздымалась. Все реже и реже... Лицо его, спокойное и строгое, застыло навеки.

А вокруг стонали раненые...

Превозмогая боль, Черногора спросил:

— Тот, что в окно выпрыгнул, убит?

— Наповал. Аж возле леса грохнули бисову душу! Вот его полевая сумка.

— Тщательно обыщите и того, что стоял возле хаты. Все, что изымете, сдать мне! Если что утаите, сам расстреляю!».

Перед нами красивая героическая сказка, не более того. Ни по времени, ни по месту обстоятельства гибели Кузнецова, изложенные Струтинским, не совпадают с тем, что мы находим в немецких документах. Зато понятно, почему Николай Владимирович так ухватился за Боратин. В этой местности советских войск в марте 44-го не было. Значит, можно было легко уйти от неприятной версии, что Кузнецов погиб на территории, уже занятой Красной армией. Получалось, что УПА могла довольно свободно чувствовать себя и там.

Есть и еще один очень подозрительный момент в повести Струтинского. Ни безвестный старик в лесу, ни Степан Голубович вообще не упоминают, чтобы трое неизвестных изъяснялись по-русски, наоборот, подчеркивают, что между собой те разговаривали по-немецки. Но ведь Белов почти не знал немецкого языка, почему и числился по документам русским из вспомогательного персонала вермахта, да и Каминский немецким владел плохо. Уж логичнее

Зиберту было бы беседовать с ними для маскировки на ломанном русском.

Подчеркну также, что мы не знаем результатов экспертиз трупа, извлеченного из могилы на окраине Боратина. Было опубликовано только одно заключение экспертов, на котором я остановлюсь чуть ниже.

27 июля 1960 года труп неизвестного из Боратина был торжественно перезахоронен на Холме Славы во Львове под именем Николая Ивановича Кузнецова. Но чей же прах там в действительности покоится?

Николай Владимирович Струтинский наиболее подробно рассказал в документальной повести «Во имя Родины», опубликованной в 1972–1973 годах в журнале «Байкал». Здесь он подвергает критике доклад Витиски Мюллеру с сообщением о гибели обер-лейтенанта Зиберта по двум основным пунктам. Николай Владимирович считает, что начальник СД Галицкого округа дезинформировал шефа гестапо насчет того, что «“Пух” со своими соучастниками нашел укрытие у евреев, скрывающихся в лесах в районе Луцка и Киверцы на Волыни, тогда как отлично знал, что это имело место на территории Львовского дистрикта (недалеко от села Ганычев. — Б. С.)». Струтинский также задается вопросом: «Почему в данной телеграмме Мюллеру Витиска утверждает, что “Пух” убит неподалеку от села Белгородка в районе Верба (Волынь)». И дает следующее объяснение: «Первое разгадывается просто: Витиска, отвечавший за безопасность Львовского округа, показал наличие вооруженных еврейских групп на чужой территории, которая входила в компетенцию шефа СД Волыни и Подолии доктора Карла Пютца. Таким образом трусливый фашист уходил от ответственности перед Берлином, понимая, что в момент подписания данной телеграммы территория, о которой шла речь, давно освобождена советскими войсками, а в районе Вербы — Белгородки ведутся бои. Так что проверить рапорт группенфюреру в Берлине почти невозможно. К тому же Витиска ссылается на данные группенфюрера СС Прюцмана — уполномоченного Берлина на той территории, уже списавшего со счета Пауля Зиберта

как действующего советского разведчика в тылу гитлеровских войск. О чем им было доложено в Берлин».

Честно говоря, возражения Струтинского не кажутся мне слишком убедительными. Начну с отряда еврейской самообороны. Мы ведь не знаем, откуда представители УПА узнали о его существовании. Попал ли в руки бандеровцев проводник Самуил Эрлиха или о посещении отряда Оиле Баума было написано в отчете Кузнецова? Возможно, Эрлих, спасая своих товарищей, мог указать неправильное место дислокации отряда. Бойцы УПА, как известно, беспощадно расправлялись как с поляками, так и с евреями. Если верна эта версия, то Эрлих, скорее всего, попался в руки бандеровцам именно на Волыни, и, значит, именно туда направлялись Зиберт и его спутники. Если же точное место дислокации людей Баума было указано в кузнецовском отчете, то водить за нос собственное начальство оберштурмбанфюреру Витиске не было никакого смысла. Он же сам предлагал выторговать у украинцев бумаги Зиберта, а попади они в руки Мюллера или Прюцмана, обман тотчас же раскрылся бы. Думаю, что точного места, где встретил Баума, Кузнецов в отчете из осторожности указывать не стал, и украинские повстанцы в данном случае ориентировались на недостоверные показания Эрлиха.

И уж совсем непонятно, зачем Витиске надо было обманывать Мюллера насчет места гибели русского разведчика? Неужели опять только для того, чтобы показать наличие отрядов УПА не на своей, а на чужой территории? Будто в Берлине не знали, что бандеровцы действуют как на Волыни, так и в Галиции. И зачем представителям УПА надо было обманывать немцев, называя ложное место гибели Зиберта? Ведь и у Боратина в апреле 44-го уже шли ожесточенные бои вермахта с наступавшими советскими войсками, и проверить точность сообщения украинцев люди Витиски все равно бы не смогли, да и не стали бы.

Все эти элементарные соображения почему-то не пришли в голову Струтинскому. Он продолжает: «Однако и этот факт (гибель группы Кузнецова в районе Верба — Белгородка. — Б. С.) подлежал проверке. В названный район

был командирован Иван Ильич Дзюба, который при помощи работников Дубновского райотдела Комитета Государственной Безопасности товарищей Кравец и Ярового удалось выявить несколько бывших бандитов (так Николай Владимирович именует бойцов и командиров УПА. — Б. С.), действовавших в тот период в районе сел Птыча, Великая Мильча и Белгородка. От них были получены сведения о том, что примерно в середине февраля 1944 года бандбоекка в ночное время столкнулась у села Белгородки с проходящим отрядом советских партизан. В завязавшейся перестрелке банда потеряла убитыми трех человек. Эти трое дезертировали из дивизии СС "Галичина" и были одеты в форму военнослужащих немецкой армии. Было установлено, что они похоронены на кладбище села Великая Мильча и что при погребении присутствовал священник. Отыскался и священник. Им оказался Ворона Иван Семенович, служивший в церкви села Птыча. В беседе с Дзюбой он посвятил нас в подробности:

— Ночью приехали за мной вооруженные люди. Тогда расспросами запрещалось заниматься, и я повиновался, совершенно не зная, куда меня везут. Меня доставили на кладбище села Великая Мильча. Здесь уже было несколько, видимо, местных крестьян, а у свежевырытой могилы стояло три гроба с покойниками в форме немецких военнослужащих. Я произвел положенный обряд, и они были погребены.

От жителей села Великая Мильча стало известно, что на могилу в послевоенные годы приходили женщины из соседних сел, оплакивали погибших, но кто были эти женщины и где они проживают, никто не мог сказать. Таким образом, все свидетельствовало о том, что оуновские главари дезинформировали своего шефа Витиску (! — оберштурмбанфюреру, наверное, и в страшном сне не приснилось бы, что его сделали главкомом УПА. — Б. С.) и умышленно вместо Боратина указали Белгородку — Вербу! Их можно было понять: чуяли, что час расплаты близок, и заматали следы».

Послушать Николая Владимировича, так руководство украинских повстанцев только тем и занималось, что дезинформировало всех и вся. Но мне, в отличие от Струтинского, понять здесь что-либо очень трудно. Получается, что руководство УПА всеми силами старалось скрыть факт нападения одного из своих отрядов на советских партизан в районе Белгородки и гибель в том бою трех дезертиров из галицийской дивизии СС. Для этого зачем-то потребовалось заменять трех перебежчиков на трех советских агентов в немецкой форме, да еще сообщать об этом немцам, очевидно, с тем расчетом, что после поражения Германии документ попадет к чекистам. Неужто убийство Кузнецова и его товарищей, с точки зрения Советской власти, было преступлением менее значительным, чем нападение на коммунистических партизан?

В рассказе Струтинского есть еще немало загадочного. Почему, например, в том бою с партизанским отрядом со стороны УПА погибли только люди в немецкой военной форме и не был убит ни один бандеровец, одетый в гражданское или в польский мундир? Почему дезертиры не сняли с себя погоны и петлицы? Ведь в сумятице боя свои могли принять их за немцев и ненароком подстрелить? А если перебежчики избавились от погон и петлиц, то почему Струтинский дважды повторяет, что они были одеты в немецкую военную форму, а не в мундиры без знаков различия? Почему, наконец, если после войны могилу посещали родные и близкие троих погибших, они не поставили креста с именами тех, кто там похоронен? Могила так и осталась безымянной.

Я бы на месте Николая Владимировича самым пристальным образом заинтересовался этим захоронением на кладбище в Великой Мильче. Ведь совпадений слишком много — и место то же самое, что фигурирует в немецких документах, и трое погибших в немецкой форме, ровно столько, сколько было в группе Кузнецова. Кстати, гауптман Зиберт и его спутники были одеты в армейскую форму, как и неизвестные, похороненные в Великой Мильче, тогда как бывшие солдаты дивизии «Галиция» должны

были носить эсэсовскую форму. Хотя в полевых условиях мундиры СС и вермахта различались только петлицами, и местные жители на такую деталь могли и не обратить внимания... Тем не менее, мне кажется, у Струтинского были серьезные основания вплотную заняться безымянной могилой на сельском кладбище, добиться эксгумации трупов и постараться определить, есть ли среди них останки Кузнецова, Белова и Каминского. Но версия представителей УПА о расстреле Зиберта и его соратников на территории, уже находившейся под формальным контролем советских войск, Николая Владимировича почему-то категорически не устраивала. Возможно, и мифическую стычку бандеровцев с советскими партизанами он отнес к середине февраля только потому, что в марте у Белгородки уже были части Красной армии и отряды УПА отошли дальше на запад от линии фронта, чтобы не оказаться между двух огней. Струтинский упорно держался за Боратин. Вот как, по его словам, развивались события дальше:

«...Наконец мы пришли туда, где, по данным следствия, должны быть захоронены останки Николая Кузнецова, погибшего в хате Голубовича. Площадь, которую пришлось нам исследовать буквально по метру, занимала около двух гектаров. И лишь после долгого упорного труда нам удалось определить примерное место захоронения на площади примерно до десяти квадратных метров. На этих десяти квадратах также густо зеленела молодая поросль, сплетались травы, так что никаких признаков могилы не было и в помине.

Иван Дзюба и Михаил Рубцов с недоверием поглядывали на щуплого человека, который привел нас на это место. Но тот твердо стоял на своем.

Еще и еще раз мы осмотрели место, прозванное урочище Кутыкы Рябого, и не могли отвязаться от одной и той же мысли: почему захоронили Кузнецова на насыпи, над канавой, а не в самой канаве? Ведь это было 9-го марта. Тогда здесь лежал снег, стояли морозы. Проще было закопать тело в канаве. Зачем бы бандитам рубить мерзлую землю на насыпи? Нет, здесь что-то не так. Как бы эти "друзья" не

направили нас по ложному следу... Последняя провокация была, когда следственные мероприятия привели нас в село Боратин и, в частности, к месту захоронения останков Кузнецова в урочище Кутыкы Рябого, и мы с Дзюбой и Рубцовым приступили к обследованию местности. В селе был пущен слух о том, что якобы одна женщина лично видела, как ранней весной 1944 года с советского самолета был убит за селом немецкий офицер, и он похоронен именно в том месте, которое мы обследуем.

Сигнал этот, понятно, потребовал тщательной проверки. Нами было затрачено более двух недель, но версия не подтвердилась. Мы понимали, что нас постоянно пытаются увести в сторону, направить действия по ложному следу. И теперь, на завершающем этапе расследования, было бы убийственно попасться на удочку врага. Ведь если раскопаем могилу, а в ней окажется совсем другой человек, какой козырь получит враг. Тогда следствие будет приостановлено на неопределенное время, да и возобновится ли? Как ни велико было наше нетерпение, мы решили отложить раскопки, чтобы еще раз изучить сведения, сопоставить факты, поговорить кое с кем».

С такими настроениями, понятное дело, объективная оценка фактов невозможна. Поиск приходилось вести с заранее заданным результатом. Николаю Владимировичу с товарищами необходимо было найти Кузнецова, и никого другого. А тут еще явная враждебность местного населения, нелюбимых чекистами «западников», которые не без оснований подозревались в сочувствии УПА. В повести «Во имя Родины», в отличие от более приглаженного и отредактированного «Подвига», Струтинский не слишком доброжелательного отношения со стороны крестьян к тем, кто искал Кузнецова, и не скрывает. Раскопки, напомним, происходили в 1959 году. Всего шесть лет прошло с тех пор, как повстанцы прекратили открытую вооруженную борьбу с советскими войсками. Но жители хорошо помнили и массовые депортации, и беспощадные карательные экспедиции войск МВД и госбезопасности. Поэтому с бывшим медведевским разведчиком Струтинским и его коллегами дер-

жались настороженно. Иной раз крестьяне действительно могли сознательно путать следы, особенно если приближение к истине могло выявить участие кого-либо из односельчан в УПА. В то же время, чтобы умиловить пришельцев и не иметь от них никаких неприятностей, жители Боратина могли охотно поддакивать Струтинскому, Рубцову и Дзюбе, подтверждая нужные тем версии.

Что же насторожило Николая Владимировича и заставило отложить раскопки? В его повести читаем: «...Снова втроем... прибыли в урочище Кутыкы Рябого. На этот раз мы обратили внимание на траншеи и блиндажи, едва различимые в зарослях и обвалах. Начали наводить справки. Выяснилось, что здесь пролегал второй эшелон обороны гитлеровских войск и что его сооружали во второй половине марта 1944 года, т. е. сразу после событий в хате Голубовича.

Траншеи начинались в 10–20 метрах от предполагаемого места захоронения. Поэтому нам пришлось еще дополнительно выяснить, когда пришли сюда немецкие войска, кто из населения привлекался на работы по строительству оборонительных сооружений. Все эти вопросы сводились к одному: почему могила советского разведчика оказалась на возвышенном месте? Нам казалось, что именно со строительством этих траншей связана тайна захоронения Н. И. Кузнецова. И мы не ошиблись».

Что ж, кто очень хочет найти, обязательно находит что-нибудь. А потом убеждает себя и других, будто найденное и есть именно то, что искали.

По рассказам очевидцев и анализу того, что было в конце концов обнаружено в могиле на насыпи, последние минуты жизни Кузнецова в повести «Во имя Родины» описываются следующим образом:

«В комнату вошел коренастый человек в полицейском черном мундире, в высокой бараньей папахе. Прищурив глаза, оглядел пленников, не скрывая ликования, крикнул: “Это он. Точно — он! Хлопцы, сюда! Оружие наизготовку и не спускать глаз!”.

“Теперь — все”, — решил Кузнецов».

Тут необходимо одно небольшое отступление. Глава банды Черныгора (Черногора), человек в полицейском мундире и папахе, по версии Струтинского, был агентом СД и по заданию Витиски и Краузе искал советского разведчика Зиберта. В «Подвиге» он прямо говорит своим хлопцам, что они поймали Зиберта. В «Во имя Родины» же ограничивается только неопределенным: «Это он».

Продолжим чтение второй повести:

«— Хлопцы, дайте закурить, — спокойно обратился Кузнецов к оуновцам (непонятно только, на каком языке. — Б. С.). — Может, у кого найдется?

Один из оуновцев молча насыпал на стол щепотку самосада, оторвал клочок газеты.

Свернув сигарку, Кузнецов с разрешения старшего привстал и наклонился к лампе (хоть и требовал Черныгора не спускать с задержанных глаз, а его подчиненные и руки Кузнецову развязали, и к лампе наклониться позволили! Чудеса, да и только! — Б. С.). Бандиты настороженно следили, как он пыхтел, пытаясь прижечь самокрутку от чадившей лампы.

Когда в комнату входили главари, лампа потухла, и четкий голос произнес: «Во имя Родины!».

Ударили выстрелы. Вспышки на какую-то долю секунды озарили Кузнецова, стоявшего во весь рост с гранатой у груди. За ним у кровати припал к полу Ян Каминский. У двери, давя друг друга, в ужасе столпились бандеровцы. Раздался взрыв. Взметнулось желтое пламя. Истошно завопили раненые. За стенами хаты среди бандитов поднялась суматоха. Беспорядочные выстрелы огласили тишину мартовской ночи. Со двора стреляли по стенам в потухшие окна (собственных старшин, что ли, рассчитывали прикончить? — Б. С.).

Спустя некоторое время около десятка бандитов осторожно вползли в хату. По стенам скользнули холодные лучи электрического фонаря. Кузнецов лежал посередине комнаты. Залитое кровью лицо конвульсивно вздрагивало. Вокруг разбросанные взрывом, словно скоты, рычали раненые бандиты. Сирий был ранен в живот. Скиба в спину.

У Черныгоры струйка черной крови стекала по жестким, как свиньячья скотина, волосам. Он дико стонал, сплевывая сгустки крови.

На дворе у завалины неподвижно лежал Иван Белов, внезапно убитый кинжалом. Ян Каминский, выпрыгнув в окно, которое распахнулось от взрывной волны, уходил к лесу и уже достиг его, но был скошен пулей и прикончен штыком подбежавшего бандита... "Вот он. Есть!" — прокричал басистый голос, подняв над головой большой портфель, который пытался унести тяжелораненый Ян Каминский».

А вот каким, по утверждению Струтинского, увидели труп Кузнецова боратинские крестьяне Спиридон Громьяк и Василий Олейник, которым бандеровцы поручили его похоронить: «Во дворе у забора лежало мертвое тело неизвестного человека. Окровавленная и обгоревшая одежда говорила о принадлежности его к немецким военнослужащим. Лоб был раздроблен, оторвана кисть руки, разорвана грудь».

Внимательный читатель наверняка уже обратил внимание, что некоторые детали в первой и второй повестях не совпадают. В «Подвиге» Ян Каминский пытается уйти с кузнецовской полевой сумкой, а в «Во имя Родины» — с портфелем. Это, конечно, мелочь. Велика ли разница, с портфелем ходил Зиберт или с полевой сумкой. Хотя даже по этой разногласии можно сделать вывод, что ни портфеля, ни сумки в предполагаемой могиле Кузнецова Струтинский и его товарищи так и не нашли. Не так уж важно, наверное, и какими были последние предсмертные слова легендарного разведчика. В первой случае Николай Владимирович заставил его произнести довольно длинную тираду на тему, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, во втором — ограничился коротким: «Во имя Родины», сделав эти слова названием повести. Но и из этого разночтения можно заключить, что Струтинский с непосредственными очевидцами последних минут жизни Кузнецова (или человека, которого он принял за Кузнецова) не встречался и не знал, что именно говорил Николай Иванович перед смертью.

А вот с описанием трупа Кузнецова после взрыва некоторые различия между двумя повестями имеют, как мы увидим дальше, принципиальное значение. И там, и там у Кузнецова оказывается оторвана кисть правой руки и разворочена грудь. Но в «Подвиге» тяжелые раны отмечаются еще и на животе разведчика, тогда как голова будто бы пострадала незначительно: у разведчика только залито кровью «спокойное и строгое» лицо, и несколько минут он еще живет, доходя в агонии. Во второй же повести живот разведчика как будто оказывается невредим, зато повреждения лица — гораздо тяжелее, чем в «Подвиге». Однако и с раздробленным лбом Николай Иванович ухитряется прожить еще некоторое время, раз лицо его «конвульсивно вздрагивало». После того как я процитирую ниже результаты экспертизы, читатели поймут весь «черный юмор» повестей Струтинского.

В «Во имя Родины» Спиридон Громьяк, один из двух крестьян, которым предстоит предать земле тело Кузнецова, говорит своему спутнику, Василию Олейнику: «Ты не смотри, Василий, что на нем мундир немецкий, — обратился к односельчанину. — Слух прошел, советских партизан погубили в хате Голубовича. Немцев эти холуи не трогают, в дружбе живут».

Василий с ним соглашается. Когда крестьяне привезли труп в урочище Кутыкы Рябого, то выяснилось, что земля скована морозом, а лома они не взяли. И Громьяк предложил похоронить неизвестного в снегу, в канаве, а когда земля оттает, вернуться и зарыть в землю. Как-никак советский партизан, а не немец какой-нибудь, чтобы оставлять его на съедение лесным зверям.

То, что здесь мы имеем дело с писательской фантазией, вряд ли стоит сомневаться. Откуда, интересно, крестьяне могли узнать, что погибшие в хате Голубовича немцы на самом деле советские разведчики? Неужели командир отряда повстанцев продемонстрировал всему селу найденный у Кузнецова отчет? Струтинскому же знание крестьян о партизанской сущности погибших понадобилось для того, чтобы лишний раз заклеить УПА как пособницу немец-

ких оккупантов и объяснить, почему в конце концов могила оказалась на насыпи, а не в канаве. Крестьяне-де хотели потом похоронить Кузнецова надлежащим образом, а пока просто зарыли в снег, чтобы через пару недель вернуться и похоронить как следует, по-христиански. Но вернуться так и не смогли. Словом, хотели как лучше, а получилось как всегда. Потому что дальше, по уверению Струтинского, случилось вот что:

«Спустя неделю в Боратине появились гитлеровские регулярные части. Солдаты ломали крестьянские хаты, стаскивали бревна на окраину села. Они сооружали двухэшелонную оборону. Командный пункт второго эшелона сооружался в урочище Кутыкы Рябого, куда спешно сгоняли население из окружающих сел и хуторов для рытья траншей, окопов и блиндажей (блиндажи, замечу, обычно все-таки строят, а не роют. — Б. С.). К этому времени солнце и ветер сняли сильно потемневший снег. В канаве, куда врезался уступ траншеи, образовалась впадина, из которой торчала рука человека... Пожилой высокий гауптман, в пенсне, в сопровождении двух офицеров прибыл на место. Он распорядился очистить труп от снега и извлечь на поверхность. Разглядев изодранную одежду, нательное белье и носки, гауптман с негодованием воскликнул: “Это же германский офицер! Он убит, видимо, местными бандитами. Поднять взвод Ганса. Рассчитайтесь с этими скотами за смерть нашего офицера!”

Гауптман указал на хутор Залуч: “Спалить! Дотла!.. А погибшего офицера похоронить вот здесь, на возвышенности!”».

Во так будто бы и появилась могила Кузнецова на насыпи рядом с канавой. Карательная экспедиция же направилась к соседнему селу Черница. Один из жителей Залуча, отводя угрозу от родного хутора, указал, что раненые бандиты, убившие немецкого офицера, скрываются в Чернице. Там немцы обнаружили только одного раненого бойца УПА по кличке Сирий, за которым ухаживала местная девушка Стефания Колодинская. Они были убиты немецкими солдатами и похоронены на черницком кладбище.

По Струтинскому получается, что Николай Кузнецов и после смерти еще какое-то время оставался гауптманом Паулем Зиббертом. Немцы похоронили его как германского офицера, погибшего от рук бандитов, и отомстили убийцам. Интересно, что украинских повстанцев одинаково именовали бандитами и советская, и немецкая сторона.

Но опять возникает слишком много вопросов. Неужели согнанные на оборонительные работы местные жители так хорошо знали немецкий, что потом смогли подробно рассказать, что именно говорил пожилой гауптман своим подчиненным? И действительно ли немецкая карательная акция была связана с обнаружением могилы в урочище Кутыкы Рябого? Ведь кого-то из солдат и офицеров вермахта могли убить и рядом с Черницей. И, строго говоря, нет никаких доказательств, что Сирий участвовал в схватке, происшедшей в хате Голубовича.

Вообще странно, что от взрыва кузнецовской гранаты, кроме самого Николая Ивановича, никто не погиб. Да и трупы Белова и Каминского подевались неизвестно куда. Ведь в обеих повестях Струтинского говорится о захоронении только одного трупа. Но не стали бы бандеровцы заставлять крестьян выдалбливать в мерзлой мартовской земле сразу три ямы. Наверняка сложили бы трупы всех трех погибших советских разведчиков в одну братскую могилу. Вот здесь, возможно, и разгадка, почему граната пощадила бойцов УПА. Ведь иначе пришлось бы еще объяснять, куда делись трупы погибших бандеровцев, а на это писательской фантазии Николая Владимировича уже не хватало. Искать же надо было в первую очередь останки Героя Советского Союза Николая Кузнецова, после появления книги Медведева и фильма «Подвиг разведчика» постепенно превращавшегося в культовую фигуру. Его боевые товарищи Иван Белов и Яна Каминский, удостоенные только орденов Отечественной войны I степени, так и не стали главными героями фильмов и книг.

Странно также, что в обеих повестях Струтинского даже по кличкам фигурируют только те члены отряда Черныгоры, кто был ранен во время инцидента в хате Голубо-

вича. Неужели память односельчан не сохранила других имен или хотя бы кличек?

Из четверых раненых в хате Голубовича (они носили клички Сырый, Скиба, Мазепа и Черныгора) Струтинскому и его товарищам в 1959 году удалось разыскать только одного. Скибой оказался Петр Васильевич Куманец, двумя годами ранее осужденный за участие в банде Черныгоры в 44-м и отбывающий срок в Сибири. По признанию Струтинского, «были и другие бандиты с такой кличкой, но мы остановились на Куманце». Может быть, потому, что он единственный подвернулся под руку?

Петру Васильевичу выбирать особо не приходилось. Чекисты теперь шили ему еще и подлинное или мнимое участие в немецких карательных отрядах, а это грозило лишней десяткой, а то и вышкой. И Скиба-Куманец охотно подтвердил, что они «окружили хату, в которой разоружили двоих неизвестных, одетых в форму гитлеровских военнослужащих». Вспомнил он и о взрыве гранаты и своем ранении: «И сейчас у меня в печенках сидят осколки той гранаты... После взрыва гранаты я потерял сознание...». Струтинский считает, что тем не менее «Куманец... не был до конца откровенен». Возможно, Николаю Владимировичу не понравилось, что Скиба забыл упомянуть третьего псевдонемца, Белова.

Показания Куманца вроде бы убедили группу, проводившую расследование, что в урочище Кутыкы Рябого похоронен именно Кузнецов. Больше всего Струтинский и его друзья боялись обнаружить вместо легендарного разведчика кого-нибудь другого, не дай бог — настоящего германского офицера. Но, наконец, 16 сентября 1959 года могила на насыпи была эксгумирована. Струтинский свидетельствует: «На глубине чуть больше метра покоился скелет человека». Но для идентификации останки оказались малопригодны. Члены следственной группы прослышали о существовании в Москве лаборатории пластической реконструкции, восстанавливающей по черепу прижизненный портрет человека. В столицу был командирован эксперт Владимир Михайлович Зеленгуров, встретившийся с

заведующим лабораторией, доктором исторических наук Михаилом Михайловичем Герасимовым. И уже через несколько дней Зеленгуров позвонил Струтинскому и радостно сообщил: «Герасимов сказал: “Передайте товарищам, что все, что передано на экспертизу — фотографии, документы и череп, — на девяносто девять и девять десятых процента принадлежат одному и тому же человеку”». После этого следователь рискнул вынести и официальное постановление об экспертизе. Его стоит процитировать почти полностью, как это и делает в своей книге Николай Владимирович Струтинский:

«Постановление “О назначении в состав комиссии дополнительных экспертов”. 21 декабря 1959 года, г. Львов.

Старший следователь Управления Н. Рубцов, рассмотрев материалы дела, нашел: 9 марта 1944 года в оккупированном немецкими войсками селе Боратин Подкаменского района Львовской области (в действительности в этом селе не было не только немецкого гарнизона, но, как видно, и созданной немцами вспомогательной полиции, и настоящим хозяином положения в тех местах была УПА. — Б. С.) в доме Голубовича Степана Васильевича участниками банды оуновцев Черныгоры были захвачены двое неизвестных в форме военнослужащих немецкой армии, один из которых взорвал в руках гранату и погиб.

Из показаний свидетелей видно, что неизвестными являлись советские партизаны, переодетые в форму немецких военнослужащих, и, как устанавливается материалами следствия, ими могли быть Герой Советского Союза Кузнецов Николай Иванович и Каминский Ян Станиславович (Белов и в этом документе куда-то подевался. — Б. С.).

17 сентября 1959 года труп предполагаемого Кузнецова Николая Ивановича был эксгумирован, однако установить его личность по останкам данными следствия не представилось возможным.

Вместе с тем судебно-медицинской экспертизой установлено наличие ряда признаков, как то: рост, строение черепа, нижней челюсти, расположение и дефекты зубов, отсутствие кисти правой руки, которые убедительно ука-

зывают на сходство со словесным портретом Кузнецова Николая Ивановича. По эксгумированному черепу была назначена специальная экспертиза, производство которой было поручено заведующему лабораторией пластической реконструкции Института этнографии Академии Наук СССР доктору исторических наук Герасимову М. М.

Учитывая сложность экспертизы и требования тов. Герасимова М. М., руководствуясь статьей 64 УПК УССР, постановил: включить дополнительно в состав экспертов преподавателя Львовского государственного медицинского института Зеленгурова Владимира Михайловича со стажем эксперта 13 лет и лично знавшего Кузнецова Николая Ивановича — Струтинского Николая Владимировича, командировав их для этой цели в Москву в Институт этнографии Академии Наук СССР».

Прочитав это постановление, вполне можно прийти к выводу, что Кузнецов был инвалидом с ампутированной правой кистью. К сожалению, материалы судебно-медицинской экспертизы до сих пор не опубликованы. Из текста же постановления понять что-либо трудно. Какой именно рост был у Кузнецова и у того человека, чей скелет эксгумировали 17 сентября 1959 года? На каком основании были сделаны выводы о сходстве строения и дефектов зубов и нижней челюсти скелета и Кузнецова? Может быть, сохранилась стоматологическая карта Николая Ивановича? Но тогда ее одной, особенно если там был рентгеновский снимок полости рта, должно было хватить для более или менее надежной идентификации останков, без дополнительной пластической экспертизы. Если же состояние зубов разведчика определяли по показаниям свидетелей, то заключение следователя немного стоит.

Неясно также, были ли у скелета повреждения тазобедренных костей, что могло бы свидетельствовать о ранении в область живота. Почему в «Подвиге» упомянуто, что Кузнецов при взрыве гранаты был ранен не только в грудь и лицо, но и в живот? Придумал это писатель или позаимствовал из акта экспертизы?

Каковы же были результаты экспертизы, проведенной М. М. Герасимовым? Вот текст подписанного им заключения от 24 декабря 1959 года, также приведенного в повести Струтинского «Во имя Родины»: «В распоряжение лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР 24 октября 1959 года судебно-медицинским экспертом В. М. Зеленгуровым были переданы 18 фотографий Н. И. Кузнецова и эксгумированный череп. Перед экспертом был поставлен вопрос: является ли череп, представленный на экспертизу, черепом Н. И. Кузнецова?

Все представленные фотографии принадлежат одному лицу, сфотографированному в течение 1942–1943 годов.

Представленный череп фрагментарен. Вся лицевая часть и свод раздроблены на 15 кусков.

Состояние черепа требовало очень сложной и тщательной реставрации. Эта ответственная работа выполнена на научным сотрудником лаборатории Т. С. Сурниной.

Из всех полученных фотографий была выбрана фотография наиболее четкая, снятая с Н. И. Кузнецова в 1943 году. На ней Н. И. Кузнецов зафиксирован почти в фас с едва ощутимым поворотом влево, поза строгая, но не напряженная (см. фото № 1). Эта фотография была переснята. На полученном негативе карандашом были сделаны отметки: линия волос, нижняя часть крыльев носа, углы рта, углы нижней челюсти. Через наружные углы глаз была проведена прямая. Из этих точек были опущены две прямые, соединяющиеся в наиболее выступающей точке подбородка. Таким образом был построен треугольник, основание которого проходило под радужками глаз, а вершина была обращена к подбородку (см. фото № 2). На подлинном черепе были приклеены полоски бумаги, фиксирующие линии разреза глаз. К точкам, соответствующим наружным углам глаз, были приклеены полоски бумаги, которые соединялись в наиболее выступающей части подбородка. Кроме того, были сделаны отметки линии волос, нижней части крыльев носа и углов нижней челюсти (см. фото № 3), фотографирование черепа производилось через негатив лица. Совмещение треугольников на черепе и на лице сви-

детельствовало о совпадении ракурса лица и черепа. Негативы лица и черепа были совмещены. Полученные отпечатки прилагаются (см. фото № 4).

Заключение:

1. Рассмотрев представленные фотографии, прихожу к заключению, что все они представляют собой фотографии одного и того же лица. По данным постановления они принадлежат Н. И. Кузнецову.

2. Представленный на экспертизу череп был раздроблен, что подтверждает гибель в результате осколочного ранения при близком разрыве гранаты или мины.

3. Выполнение реставрации черепа (работа Т. С. Сурниной) правильно.

4. Проведенное совмещение фотографии лица и черепа дает отчетливое представление о полном совпадении всех морфологических деталей лица и черепа, принадлежащих одному и тому же человеку.

По условиям экспертизы, представленные фотографии принадлежат Н. И. Кузнецову. Эксгумированный и переданный на экспертизу череп также принадлежит Н. И. Кузнецову».

Казалось бы, заключение лаборатории пластической реконструкции однозначно устанавливает, что в могиле в урочище Кутыкы Рябого был похоронен Николай Иванович Кузнецов. Однако опять возникает целый ряд вопросов. Ведь, как явствует из слов Струтинского, Герасимов уже через несколько дней, еще до того, как была проведена реставрация черепа, был на 99,9 процента убежден, что этот череп принадлежит человеку, изображенному на фотографиях, т. е. Кузнецову. И заказчик у экспертизы был очень солидный — КГБ. Создается впечатление, что и чекистам, и экспертам очень хотелось, чтобы останки неизвестного, найденные в урочище Кутыкы Рябого, оказались останками прославленного разведчика. А тут еще и состояние представленного на экспертизу черепа было таково, что очень многое зависело от того, как будет проведена реставрация. А когда эксперты настроены пристрастно, всегда есть опасность, что результаты промежуточных

операций будут подогнаны под заранее заданный конечный результат.

Настораживает и другое. Судя по описанию в экспертном заключении, череп неизвестного был очень сильно поврежден именно в лицевой части. И не просто поврежден, а раздроблен аж на 15 частей. Нет гарантии к тому же, что в руки экспертов попали все фрагменты черепа. В этом случае результат экспертизы предопределялся тем, насколько точно будет проведена реставрация. А пристрастность экспертов заставляет усомниться в том, что реставрация была выполнена безукоризненно.

Замечу также, что повреждения, которые были нанесены перед смертью черепу неизвестного, слишком уж велики для обычной осколочной гранаты. Можно предположить, что Кузнецов не успел метнуть гранату, поскольку его сразили выстрелы бандеровцев, и граната взорвалась у разведчика в правой руке у груди, оторвав кисть и поразив лицо и грудную клетку. Однако не верится, что осколочная граната могла так основательно разрушить череп, раздробив его сразу на 15 фрагментов. И уж, конечно, человек с раздробленным черепом ни секунды бы не остался в живых после взрыва и не мог, как утверждал Струтинский, смотреть на своих убийц «спокойным и строгим лицом». От лица-то ничего не осталось.

Если же Кузнецов взорвал в хате Голубовича не осколочную, а гораздо более мощную противотанковую гранату, тогда непонятно, как вообще уцелела хата и почему находившиеся вместе с ним бандеровцы получили осколочные ранения. Струтинский ведь говорит именно об осколочных ранениях. И как, интересно, ухитрились уцелеть те несколько бойцов УПА, что находились в момент взрыва совсем рядом с Кузнецовым, в частности те, кто давал прикурить неизвестному немецкому офицеру. Кстати сказать, ни в постановлении следователя, ни в заключении эксперта, ни в тексте самого Струтинского — нигде не упоминается, что в черепе неизвестного из урочища Кутыкы Рябого были найдены металлические осколки гранаты. А они, строго говоря, должны были там быть. По осколкам же

можно было бы определить тип гранаты или иного взрывного устройства, мины, снаряда или авиабомбы. Может, неизвестный человек погиб не от взрыва гранаты, а от взрыва бомбы, мины или снаряда? Тогда все становится на свои места. Эти более мощные заряды вполне могли причинить те ужасные повреждения черепу, которые мы видим в заключении Герасимова. Учитывая, что от взрыва человек обычно инстинктивно закрывается правой рукой, можно объяснить, почему у неизвестного, помимо ран в груди, животе и на лице, оказалась оторвана правая кисть.

Если предположить, что неизвестный из урочища Кутыки Рябого погиб от бомбы или снаряда, то на первый план опять выходит версия жителей Боратина о немецком офицере, убитом бомбой с советского самолета в те дни, когда германские войска держали оборону у этого села. Возможно, что на самом деле причиной его смерти стал близкий разрыв мины или артиллерийского снаряда. Эта версия кажется мне наиболее правдоподобной. И погиб безымянный офицер вермахта вовсе не в неравной схватке с бойцами УПА на окраине Боратина. Самой этой схватки, скорее всего, не было. Эпизод с неизвестным, подрывающим себя и врагов последней гранатой, вполне могли придумать специально для героического мифа о Кузнецове.

Окончательно расставить все точки над *i* могла бы самая точная, генетическая, экспертиза. Для ее проведения необходима добрая воля ныне живущих родственников Николая Ивановича Кузнецова, а также правительства Украины и городских властей Львова. Оплатить такую экспертизу, отнюдь не дешевую, могло бы, наверное, правительство России. Ведь, в сущности, Кузнецов — наш национальный герой, и российские власти должны быть заинтересованы в точном установлении факта: кто же именно похоронен на Холме Славы во Львове под камнем с барельефом знаменитого разведчика и надписью «Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов». Боюсь, однако, что кузнецовские родственники будут против новой экспертизы из-за опасений, что в могиле окажется не легендарный разведчик. Украинские же власти могут воз-

ражать из опасений прямо противоположных: вдруг подтвердится, что в могиле захоронен Кузнецов и никто другой. Думаю, что в действительности шансы здесь — пятьдесят на пятьдесят.

Если выяснится, что на львовском Холме Славы покоится Кузнецов, можно будет рассмотреть вопрос о переносе его праха на Родину, на Урал. На Украине сейчас считаются героями бойцы Украинской Повстанческой Армии, от рук которых погиб Николай Иванович. И отношение к советскому разведчику здесь теперь иное, чем в 1960 году. Неудивительно, что его могила уже подвергалась варварскому осквернению. Наверное, спокойнее Кузнецову сейчас было бы лежать в родной земле.

Если же экспертиза докажет, что на Холме Славы покоится не Николай Иванович, а другой человек, то в этом тоже можно усмотреть некий глубокий смысл. Кузнецов два самых знаменательных года своей жизни блестяще играл роль обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта. А после его смерти неизвестный германский офицер играет роль легендарного советского разведчика, но теперь уже — в могиле. И можно будет сделать это захоронение Могилой Неизвестного Немецкого Солдата. Сотни тысяч их вместе с миллионами красноармейцев встретили смерть на украинской земле, честно выполняя свой долг, веря, что сражаются за Родину и свой народ, и не имея никакого отношения к преступлениям нацистского режима. Мой друг Дэвид Глэнц свою книгу «Величайшее поражение Жукова. Впечатляющая неудача Красной армии в операции «Марс»» о сражении на Ржевско-Вяземском плацдарме осенью и зимой 1942 года посвятил «памяти десятков тысяч советских и германских солдат, которые сражались и погибли или выжили в ужасной мясорубке этой операции только для того, чтобы быть забытыми историей». Наверное, и нам через пятьдесят с лишним лет после окончания Второй мировой войны! стоит также относиться к нашим бывшим врагам и не числить солдат вермахта фашистами и преступниками?

И зачем создавать миф? Пусть место и время смерти Кузнецова, детали его последнего боя навсегда останутся

неведомы. Пусть мы не узнаем, погиб ли Николай Иванович в бою, или был пленен, а потом расстрелян, убили ли его украинские повстанцы как немецкого офицера или как большевистского агента. Это был один из последних рыцарей нашей отнюдь не романтической эпохи, свято веривший в свою миссию. 20 сентября 1943 года, перед тем как отправиться убивать заместителя Коха Даргеля (который чудом уцелел), Николай Иванович оставил в отряде Медведева письмо, которое просил вскрыть только в случае своей гибели. Вот что писал он в этом своеобразном завещании: «25 августа 1942 года в 24 часа 05 минут я спустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа — германского тирана на Украине Эриха Коха. Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик (хотя членом партии Кузнецов так и не стал, мировоззрение у него было коммунистическое; о таких говорили — “беспартийный большевик”. — Б. С.). Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце. Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны... Я пойду на смерть с именем моего Сталина, отца, друга, учителя. Передайте ему привет».

Николай Иванович Кузнецов обрел бессмертие. Мы не знаем, где его могила, но образ обер-лейтенанта Зиберта, бесстрашно расстреливающего высокопоставленных нацистов, навсегда остается в нашей памяти. Хочу подчеркнуть, что почти все жертвы кузнецовских пуль в той или иной степени были причастны к военным преступлениям или преступлениям против человечества. Эрих Кох, в частности, в 1961 году польским судом был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением

(гаулейтер скончался в 1986 году). И в этом же ряду стоял тот, с чьим именем Николай Иванович шел на смерть, ничего не зная о сталинских преступлениях.

Конечно, Кузнецова, гениального разведчика, стоило бы послать на многолетнюю нелегальную работу в Германию. Но начавшаяся война перечеркнула подобные планы. Времени на «акклиматизацию» нового резидента и создание в Рейхе агентурной сети уже не было. И Николая Ивановича использовали как фронтового разведчика, добывавшего сведения главным образом тактического характера, и как террориста, уничтожающего чиновников оккупационной администрации.

ДЕЛО КОМИССАРА ЛЮШКОВА

Ранним утром 13 июня 1938 года навстречу маньчжурским пограничникам, охранявшим границы марионеточной империи Маньчжоу-Го с Советским Союзом неподалеку от озера Хасан, направился человек лет 37-38, небольшого роста (около 160 см) с густой черной шевелюрой и гимнастерке с тремя ромбами комиссара госбезопасности 3 ранга на петлицах (в армии это соответствовало званию комкора). Его большие кристально чистые глаза, прикрытые длинными ресницами, пронзали встречных острым взором профессионального дознавателя. Раннее брюшко выдавало человека, привыкшего к кабинетной работе. При задержании неизвестный не оказал никакого сопротивления и сразу же заявил, что является высокопоставленным сотрудником НКВД. В доказательство он предъявил служебное удостоверение за номером 83, выписанное на имя Генриха Самойловича Люшкова, комиссара государственной безопасности 3 ранга, состоящего в должности начальника Управления НКВД Дальневосточного края. Удостоверение подписал сам Народный Комиссар Внутренних Дел СССР Генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов. Вернее, проставлены все его должности и звание, но сам автограф отсутствует. Выданное 1 февраля 38-го, удостоверение было действительно до конца года. Еще задержанный имел с собой депутатский билет Верховного Совета СССР, причем избирался Генрих Самойлович от Камчатско-Колымского избирательного округа, самого для НКВД подходящего — из-за обилия лагерей. 3500 маньчжурских юаней, которые, как честно признался, прихватил с собой из средств, предназначенных для оплаты иностранной агентуры.

Генрих Самойлович попросил, чтобы его поскорее переправили в Японию. Свой побег он объяснил бояз-

ную стать жертвой очередной кровавой чистки. И готов был рассказать японцам все, что знал. Через три недели, 1 июля, японские власти приняли решение обнародовать факт бегства в Страну Восходящего Солнца высокопоставленного чекиста. В газетах поместили фотографию Люшкова и фотокопию его удостоверения. Заголовки были соответствующие: «Жертвы чисток», «Казнен миллион советских граждан», «СССР в потоках крови». Вот что писала, например, 8 июля 1938 года газета «Хакодате симбун» в связи с делом Люшкова: «На Дальнем Востоке создана система лагерей, созданных для жертв террора, развязанного Сталиным внутри страны. По свидетельству Люшкова, все показательные процессы, организованные после убийства Кирова в декабре 1934 года (объединенного зиновьевско-каменевского блока, центра Сокольникова-Пятакова, маршала Тухачевского и др.), сфабрикованы с начала и до конца. Они готовились и проводились по личным указаниям Сталина... В лагерях находится между 4 и 5 миллионами человек... И это тот прогрессивный социальный строй, который Сталин при помощи Коминтерна старается навязать мировой цивилизации?».

В цифрах Люшков позволил себе кое-какие поэтические преувеличения. Так, в лагерях в 1938 году было только 1882 тыс. заключенных, а число приговоренных к смертной казни за политические преступления в 1921–1954 годах далеко не достигло названной Генрихом Самойловичем цифры и составило только 643 тыс. человек. Однако насчет фабрикации политических процессов и масштаба репрессий бывший комиссар госбезопасности говорил правду. В этом он и сам принимал самое деятельное участие.

Побег Люшкова вызвал переполох в Москве, причем на самом высоком уровне. Его дело обсуждалось на Политбюро и стало одним из поводов для смещения еще недавно всесильного Н. И. Ежова. 23 ноября 1938 года еще недавно всесильный «железный нарком» обратился в Политбюро, ЦК и лично к товарищу Сталину с просьбой об отставке. Одной из причин такого шага Николай Иванович назвал

дело Люшкова: «Вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как бывший начальник УНКВД Дальневосточного Края предатель Люшков и последнее время наркомвнудел Украинской ССР предатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предупредительности и тем самым дал возможность Люшкову скрыться в Японию и Успенскому неизвестно куда (уже при Берии чекисты выследили Александра Ивановича Успенского, которому не удалось избежать пули в лубяном подвале. — Б. С.)...». В этом же письме Ежов, как положено, каялся, признавал «большие недостатки и промахи», но при этом гордо заявил: «Погромил врагов здорово».

В конце ноября 1938 года Николай Иванович, только что лишившийся поста наркома внутренних дел, но еще оставаясь на эфемерной должности наркома водного транспорта, признавался в письме Сталину: «Решающим был момент бегства Люшкова. Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского (первого заместителя наркома внутренних дел, командарма 1 ранга. — Б. С.) и предложил вместе докладывать вам. Один был не в силах. Тогда же Фриновскому я сказал: "Ну, теперь нас крепко накажут...". Я понимал, что у вас должно создаться настороженное отношение к работе НКВД. Оно так и было. Я это чувствовал все время». Ежов не ошибся. Опального шефа НКВД действительно собирались «громить», точно так же, как он сам ранее «громил врагов народа». Правда, наказания пришлось ждать полтора года. Расстреляли «железного наркома» за руководство заговорщической организацией, шпионаж, фальсификацию уголовных дел и гомосексуализм 4 февраля 1940 года. Два первых обвинения были вполне фантастичны и самим Николаем Ивановичем не раз навешивались на фигурантов политических процессов. Два последних наоборот, были абсолютно истинны (хотя гомосексуализм по сегодняшнему уголовному кодексу России преступлением уже не является). В тот же день казнили и М. П. Финовского. Инкриминировали ему все то же самое, за исключением гомосексуализма.

О судьбе руководителей НКВД стало известно много лет спустя. Однако Люшков наверняка догадался, что с Ежовым и Фриновским поступили так же, как они собирались поступить и с ним самим. В начале июня 38-го Генриха Самойловича отозвали из Владивостока в Москву для назначения на работу в центральный аппарат НКВД. Люшков сразу решил, что Ежов собирается расправиться с ним как с представителем «старой гвардии» прежнего наркома Г. Г. Ягоды. В первые же дни после прибытия в Японию бывший глава НКВД Дальнего Востока написал дневник, где рассказал, почему стал перебежчиком. Отрывки из дневника были опубликованы в японских газетах, а в полном виде он появился в августе 1938 года в издававшемся «для служебного пользования» ежемесячном бюллетене «Гайдзи гэппо» (Ежемесячнике иностранного отдела полиции). Вот как звучат откровения Люшкова в обратном переводе с японского, сделанном А. В. Трехсвятским: «Почему я, человек, который занимал один из руководящих постов в органах власти “Советов”, решился на такой шаг, как бегство? Прежде всего, я спасался от чистки, которая вот-вот должна была меня коснуться. Накануне я получил приказ о переводе на новое место службы в Москву и директиву о немедленном отбытии туда; вместе со мной аналогичную телеграмму получил секретарь Далькрайкома Легконрахов; вызов руководящих сотрудников в Москву с последующим арестом стал в последнее время обычным. (В качестве примера можно привести: глава НКВД по Ленинградской области Заковский, глава НКВД Украины Леплевский, глава НКВД Белоруссии Берман, глава НКВД по Свердловской области Дмитриев и др.). Все они принадлежали к руководящему звену чекистов “старого призыва”, к которому принадлежу и я. Я чувствовал, что в ближайшее время такая же участь постигнет и меня. Я стал готовиться к бегству, организовав командировку в район границы. Сначала я планировал переход в районе Гродеково, но в итоге перешел границу в районе Посьета (под предлогом необходимости встретиться в пограничной полосе со своим агентом из Маньчжоу-Го. — Б. С.).

Я много размышлял, перед тем как пойти на такое чрезвычайное дело, как бегство из СССР. Передо мной была дилемма: подобно многим членам партии и советским работникам быть оклеветанным и расстрелянным как «враг народа» или же посвятить остаток жизни борьбе со сталинской политикой геноцида, которая приносит в жертву советский и другие народы. Мое бегство поставило под удар мою семью и друзей. Я сознательно пошел на эту жертву, чтобы хоть в какой-то мере послужить освобождению многострадального советского народа от террористически-диктаторского режима Сталина».

Здесь концы с концами у Генриха Самойловича явно не сходятся. Если ему пришлось бежать, спасаясь от неминуемого ареста и расстрела, то при чем здесь какая-то «сознательная жертва». Выбора-то все равно не было: требовалось свою шкуру спасти. Да и о семье, кстати сказать, Люшков успел позаботиться. При обыске японцы обнаружили у него телеграмму с довольно странным текстом: «Шлю свои поцелуи...». Перебежчик объяснил, что, приняв решение о побеге, отправил в Москву 27-летнюю жену Инну с 11-летней дочерью. Упомянутая телеграмма была условным сигналом, что семья выезжает на поезде через Польшу в Западную Европу, где дочери должны были сделать срочную операцию. Получив телеграмму, Люшков совершил переход границы. Семья его судьбы неизвестна до сих пор. Мы не знаем, в частности, удалось ли им вообще покинуть пределы СССР. Что же касается объяснений своего бегства высокими идейными соображениями, то в этом пункте Люшков вряд ли вызвал доверие у японцев. Сам Генрих Самойлович только что закончил депортацию с Дальнего Востока корейцев и китайцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию. И размах репрессий на восточной окраине России достиг пика именно при нем. Поэтому Люшков в дневнике счел необходимым покаяться: «Велики мои преступления перед народом, так как я сам участвовал в этой страшной сталинской политике, убившей многих и многих советских людей. Нет особой надобности говорить, что сам факт моего бегства будет преподнесен как

доказательство того, что я шпион, продавшийся японский наймит... Но у меня не было и нет иных целей бегства, кроме тех, о которых я уже говорил.

Почему я выбрал Японию? Я работал на Дальнем Востоке, т. е. важную роль сыграл географический фактор. Я благодарен стране, которая приняла меня как политического беженца и предоставила мне убежище. Не так уж редко противники политического режима, воцарившегося на их родине, вынуждены были бежать из своей страны. Руководители большевистской партии во времена борьбы с царизмом долгое время находили политическое убежище в капиталистических странах, и пользовались материальной помощью этих стран в борьбе за свой народ, и не стыдились этого».

Генрих Самойлович намекал на немецкие деньги, полученные большевиками в годы Первой мировой войны. И патетически восклицал: «Да, я предатель, но я предал Сталина, а не мой народ и родину, и однажды, когда деспот будет свергнут, я вернусь домой, в новую светлую Россию».

Люшков утверждал, что на него сильно повлияли события, связанные с убийством Сергея Мироновича Кирова: «Для меня стало очевидным, что ленинизм потерял стержневую роль в политике партии. Мои сомнения начались с убийства Кирова Николаевым в 1934 году. Это убийство оказало большое влияние на партию и государство. Я не только в то время находился в Ленинграде и под руководством Ежова принимал участие не только в расследовании этого убийства, но и в последующих событиях: публичных процессах и казнях. Я имел непосредственное отношение к следующим делам:

1. Дело «Ленинградского центра» в начале 1935 года.
2. Дело «террористического центра», готовившего убийство Сталина в Кремле в 1935 году.
3. Дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 года.

Перед лицом мировой общественности я должен прямо заявить, что все эти «дела» являются сфабрикованными

ми. Николаев никогда не принадлежал к группе Зиновьева. Из знакомства с его дневниками видно, что это человек неуравновешенный, находящийся в плену диких фантазий, возомнивший себя вершителем судеб человечества и исторической личностью. Это хорошо видно из его дневника. Обвинения, прозвучавшие на судебном процессе в августе 1936 года (о связи с троцкистами и фашистским гестапо, об участии в заговоре Зиновьева и Каменева и их связи через Томского, Рыкова и Бухарина с правым центром), являются выдумкой. Все они были убиты, потому что, как и многие другие, выразили свое несогласие с антинародной политикой Сталина. Но их нельзя назвать выдающимися политиками, поскольку они тоже ответственны за творимое в стране».

Однако Генрих Самойлович категорически опровергал слухи о том, что к убийству Кирова приложил руку Сталин. В частности, Люшков доказывал, что Сталин не мог организовать убийство кировского охранника Борисова, важного свидетеля по делу о покушении. Когда 2 декабря 1934 года Сталин позвонил заместителю Ягоды Я. С. Агранову и потребовал срочно доставить Борисова в Смольный на допрос, Лужков, в ту пору — заместитель начальника секретно-политического отдела НКВД, присутствовал при этом разговоре. От звонка Сталина до роковой аварии грузовика, в которой погиб Борисов, прошло всего полчаса, а этого времени, утверждал Люшков, как профессионал, абсолютно недостаточно для организации покушения. Опровергает он и распространенную версию, будто Л. В. Николаев убил Кирова из ревности, подозревая в нем любовника своей жены. Действительно, в николаевском дневнике, опубликованном несколько десятилетий спустя, главной причиной, толкнувшей его на теракт, выступает обида на несправедливое, как полагал Леонид Васильевич, увольнение его с работы — из ленинградского Института истории ВКП (б). В дневнике Николаев, человек с на редкость склочным характером, сначала писал о своем намерении убить директора Института, потом второго секретаря обкома и лишь потом остановил свой выбор на Кирове как главном

виновнике того, что жалобы обиженного партийца Ленинградский обком так и не удовлетворил. О любовных похождениях Мироныча говорил весь Ленинград, но нет никаких данных, что среди прочих он остановил свой выбор на николаевской жене Мильде Драуле и тем более что ее муж знал об этой связи. Неужели Мильда Драуле ухитрилась переспать со всей ленинградской номенклатурой?

Не исключено, что одним из непосредственных поводов к бегству Люшкова стала подготовка к осуществлению советской стороной провокации в районе высоты Заозерная у озера Хасан, о чем начальник Дальневосточного НКВД не мог не знать. 8 июня 1938 года Главный Военный Совет РККА принял постановление о создании на базе Особой Дальневосточной Краснознаменной Армии Дальневосточного фронта, что ясно указывало на приближение военной грозы. Люшков через сеть осведомителей и Особые отделы знал истинное состояние советских войск на Дальнем Востоке и всерьез опасался, что в случае неудачи станет одним из козлов отпущения. Здесь, по всей видимости, Генрих Самойлович тоже не ошибся. Неудача у озера Хасан стоила командующему Дальневосточным фронтом Маршалу Советского Союза Василию Константиновичу Блюхеру не только высокого поста, но и головы.

По японской версии, опубликованной в августе 1938 года в издававшемся Охранным бюро МВД Японии бюллетене «Гайдзи гэппо», события развивались следующим образом: «Инцидент у высоты Чангүфэнь (японское название Заозерной. — Б. С.) начался 12 июля 1938 года, когда несколько десятков советских солдат перешли советско-маньчжурскую границу и, противозаконно заняв высоту Чангүфэнь, начали возводить на ней укрепления. 14 июля представители властей Маньчжоу-Го, а 15 июля — правительство Японии выразили протест в связи с действиями советской стороны; в ответ на это СССР продолжал наращивать численность своего контингента в районе высоты. В результате контрмер, предпринятых императорской армией, а также переговоров между японским послом в СССР Сигэмицу и советским наркомом иностран-

ных дел Литвиновым, проходивших 4, 7 и 10 августа, было заключено соглашение о перемирии, а затем, 11–13 августа — соглашение о демаркации границы в этом районе, благодаря чему данный инцидент был окончательно урегулирован».

Советская версия того, из-за чего произошли бои у озера Хасан, естественно, иная. Согласно ей, 15 июля 1938 года в районе Заозерной нарушил границу японский жандарм Сякуни Мацусима. Выстрелом из винтовки нарушитель был убит. В него стрелял начальник инженерной службы Посьетского отряда В. Виневитин. Японцы утверждали, что труп лежал на маньчжурской стороне границы, и, следовательно, виноваты в инциденте русские. Последующее расследование, проведенное по инициативе Блюхера, показало, что убийство действительно произошло на территории Маньчжоу-Го. Но началось все несколькими днями раньше. В первых числах июля советские пограничники скрытно заняли позиции на вершине Заозерной и стали рыть там окопы и возводить проволочные заграждения. Граница же проходила по гребню сопки. 12 июля японцы обнаружили советские укрепления, а 15-го послали туда отряд жандармов, один из которых и был убит. В тот же день временный поверенный в делах Японии в Москве Ниси потребовал от советской стороны вернуть пограничников на прежние позиции. В ответ заместитель наркома иностранных дел Б. Стомоняков заявил, что ни один советский солдат границы не нарушал. Через четыре дня состоялся резкий обмен мнениями между послом М. Сигемицу и наркомом М. Литвиновым. По инициативе японского командования границу перешли десятки местных жителей с письмами, где просили русских уйти с маньчжурской земли. Интересно, что советская сторона бои у озера Хасан непосредственно увязывала с бегством бывшего шефа Дальневосточного НКВД. В стенгазете советского посольства в Токио с характерным названием «Высота Заозерная — исконно русская земля», содержание которой стало известно японскому агенту, утверждалось, что пресса Японии в связи с «делом Люшкова» раздула истерическую и лживую

пропагандистскую кампанию, и Советский Союз вынужден был укрепить свои дальневосточные границы. Но это была всего лишь пропагандистская уловка, правда, не для широкой публики, а для дипломатов и военных. На самом деле, как мы помним, Дальневосточный фронт был сформирован за несколько дней до побега Люшкова и за месяц до первых выстрелов на Заозерной.

Тем временем в дело вмешался Блюхер, пославший на Заозерную собственную комиссию. В секретном приказе наркома обороны Ворошилова, изданном 31 августа 1938 года и посвященного итогам хасанских боев, с возмущением говорилось: «Руководство командующего Дальневосточного Краснознаменного фронта маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным поражением. Все его поведение за время, предшествовавшее боевым действиям и во время самих боев, явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации (точнее, советской. — Б. С.) и о решениях правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив еще 22 июля директиву наркома обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действительных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного Совета тов. Мазепова, своего начальника штаба тов. Штерна, зам наркома обороны тов. Мехлиса и заместителя наркома внутренних дел тов. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске (все они далеко неслучайно прибыли еще до начала боев. — Б. С.), тов. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших по-

граничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила "нарушение" нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, "установила" нашу "виновность" в возникновении конфликта на озере Хасан. Ввиду этого тов. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других "виновников в провоцировании конфликта" с японцами. Эта телеграмма была отправлена тов. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей. Даже после указания от правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов наркома обороны, тов. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам».

25 июля, на следующий день после прибытия блюхеровской комиссии, начальник войск Дальневосточного пограничного округа Соколов отчитал своего подчиненного, начальника Посьетского пограничного отряда Гребенника:

«— Где сказано, что надо допускать на линию границы командный состав, не имеющей отношения к охране границы? Почему не выполняете приказ о недопуске на границу без разрешения?.. Вы не выполняете приказ, а начальник штаба армии фиксирует один окоп за линией границы, там же проволочные заграждения. Почему расходится с вашей схемой, подписанной Алексеевым (начальником штаба Посьетского погранотряда. — Б. С.)?»

— Оборудование высоты проходило ночью, — неуверенно оправдывался Гребенник.

— Почему не сходятся ваши донесения со схемой, правда это или нет? — не унимался Соколов.

— После проверки прибором теодолитом оказались небольшие погрешности, — признал начальник Посьетского погранотряда. — Сейчас эта ошибка исправляется.

— А 4-метровая пограничная полоса учтена? — допытывался шеф пограничников Дальнего Востока.

— Учтена, — заверил Гребенник.

— Значит, окоп и проволока находятся за 4-метровой пограничной полосой на сопредельной стороне? — уточнил Соколов.

— Окоп трудно определить, — объяснял командир погранотряда, — по приборам якобы часть окопа вышла на несколько сантиметров вперед, а проволочный спотыкач (наверное, одноименный напиток пограничник сильно уважал. — Б. С.) находится рядом перед окопом, на высоте травы. Повторяем, эту ошибку сейчас исправляем...».

Если перевести этот уклончивый диалог на обычный русский язык, станет ясно, что фактически нарушение границы со стороны советских пограничников имело место, но они предпочитали называть это ошибкой, связанной с несовершенством геодезических приборов. И Кузьму Евдокимовича Гребенника вроде бы можно понять. Со всем недавно на его участке ушел в Маньчжурию Люшков, а тут еще посланная Блюхером комиссия обвиняет беднягу в «провоцировании конфликта с японцами», и сам грозный дальневосточный маршал требует его ареста. Вряд ли, конечно, Кузьма Евдокимович послал бойцов на гребень Заозерной по своей инициативе. И роковой выстрел в японского жандарма, думается, был совсем не случайным. Но что именно его в случае чего сделают главным и единственным виновником инцидента, начальник Посьетского погранотряда понимал очень хорошо. Однако Сталин решил идти до конца и показать японцам силу Красной армии.

Беда была в том, что красноармейцы воевать не очень то умели. В итоговом приказе Ворошилова об этом говорилось вполне откровенно: «Виновниками в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней Дальневосточного Краснознаменного фронта, и в первую очередь командующий Дальневосточным Краснознаменным фронтом маршал Блюхер. Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации вредительства и боевой подготовки Дальневосточного Красно-

знаменного фронта и правдиво информировать партию и Главный Военный Совет о недочетах в жизни войск фронта, тов. Блюхер систематически из года в год прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного Военного Совета 28–31 мая 1938 года, в котором он скрыл истинное состояние войск Дальневосточного фронта и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск Дальневосточного Краснознаменного фронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов тов. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставил вопреки указаниям Главного Военного Совета и наркома незамещенными сотни должностей начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, не способными к выполнению своих задач. Такое положение тов. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам Дальневосточного Краснознаменного фронта».

Насчет боевой подготовки все в ворошиловском приказе было правдой. Один из участников боев у озера Хасан С. Шаронов вспоминал: «До хасанских событий я служил в 120-м стрелковом полку 40-й стрелковой дивизии. Боевой подготовкой занимались мало. В 1937–1938 годах многих командиров забрали. Командование дивизии обезглавили полностью: арестовали комдива Васнецова, комиссара Руденко, начштаба Шталя, начальника артиллерии, начмеда и его жену, офицера-медика. В полку — та же картина. Мы, рядовые бойцы, порой не знали, кому верить».

Тянулись только к политруку Матвееву, настоящему большевику, еще красногвардейской закалки. Его тоже забирали, а потом вернули. Мы спрашивали у него, когда же будем боевые гранаты метать, все деревянными да деревянными? Ему такие вопросы можно было задавать, мы знали. А Матвеев отвечал: "Вам гранату метнуть, а для государства это в корову обойдется". Он задумывался и добавлял: "Да... еще повоюете..."».

Повоевать пришлось очень скоро. Репрессии, разумеется, ослабляли боеспособность Дальневосточной армии. Но ведь еще за год до Хасана, когда после ареста Тухачевского и нескольких других высокопоставленных военных был созван Главный Военный Совет, Сталин никаких претензий к Блюхеру как будто не имел. Выступая с большой речью 2 июня 1937 года, Иосиф Виссарионович даже защищал его от претензий, высказывавшихся «заговорщиками»: «...Они сообщают (своим немецким хозяевам, как пытался убедить Сталин присутствовавших. — Б. С.), что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты — я, Тухачевский, а он, Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадет. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его

не знаем, в чем тут дело? Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается... Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо».

Василий Константинович на том заседании выразил готовность разобраться с вредителями у себя на Дальнем Востоке: «Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше, и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело».

— То есть пересчитать, кто арестован? — иронически заметил Сталин.

— Нет, не совсем так, — смутился Блюхер.

И Иосиф Виссарионович объяснил, что именно надо рассказывать подчиненным о «заговоре Тухачевского»: «Я бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Верхним сказал бы шире».

И «неплохой мужик» Блюхер вместе с Мехлисом и Фриновским так рьяно взялся искоренять «врагов народа» в Особой Дальневосточной, что к началу конфликта у озера Хасан многие командные должности оказались вакантны. Замещать же их новыми людьми маршал боялся: вдруг они завтра тоже сделаются «наемными людьми» японцев? Неудивительно, что исход боев у сопок Заозерная и Безымянная оказался не в пользу советских войск.

Как же развивались события на советско-маньчжурской границе? 29 июля японцы атаковали высоту Безымянная на советской территории, убив пятерых пограничников. Подошедшая рота Красной армии заставила их отступить. 31 июля японские войска заняли Заозерную, а также соседнюю сопку Безымянную, вытеснив оттуда советские пограничные посты. Советские атаки на захваченные японцами высоты начались только 2 августа, когда противник уже успел окопаться и оборудовать огневые позиции. В промедлении обвинили Блюхера, все еще надеявшегося на мирное урегулирование инцидента. 1 августа 1938 года состоялся неприятный разговор по прямому проводу Сталина, Молотова и Ворошилова с Блюхером. Сталин возмутился:

— Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

— Докладываю, — отвечал Блюхер. — Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову (командующему ВВС Дальневосточного фронта. — Б. С.) приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталина не волновали ни возможные потери своих войск от действий собственной авиации, ни тем более жертвы среди каких-то там корейцев, которых с советской стороны границы все тот же Люшков совсем недавно, как потенциальных японских шпионов, благополучно депортировал в Среднюю Азию. И он спросил угрожающе:

— Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту; а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно. Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это

вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население?.. Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины. Жду ответа.

Блюхеру ничего не оставалось, как скрепя сердце отрапортовать:

— Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в одиннадцать двадцать — истребители. Рычагов обещает в 14 часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, а если Бряндинский полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполняем их с большевистской точностью.

Черт с ним, с туманом. Нет таких крепостей, которых не смогли бы взять большевики! И не беда, что несколько самолетов могут разбиться, а бомбы лягут на головы красноармейцев. Лишь бы выполнить сталинский приказ, иначе уж точно маршалу головы не сносить.

Начатое 2 августа советское наступление захлебнулось. Артиллерист С. Шаронов вспоминал: «К началу боев я служил командиром орудия противотанковой батареи. Мы были приданы 7-й роте 3-го батальона 120-го стрелкового полка. Правда, пушки по прямому назначению не использовались — японцы танков не применяли. Наша дивизия наступала с юга в направлении сопки Пулеметной и Заозерной в узком коридоре (в некоторых местах ширина его не превышала 200 метров) между озером и границей. Большая сложность была в том, что стрелять через границу и переходить ее категорически запрещалось. Плотность в этом коридоре была страшной, бойцы шли вал за валом. Я это со своей позиции хорошо видел... Очень много там полегло. Из нашей роты, например, в живых осталось 17 человек...».

О том же говорит капитан Стороженко, командир батальона, атаковавшего Заозерную с юга: «Перед нами лежало пространство в 150 метров, сплошь оплетенное проволокой и находящееся под перекрестным огнем. В таком же положении находились наши части, наступавшие через

северный подступ на Безымянную... Мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели окопами, обходя их по маньчжурской территории (в районе Хасана сходились границы трех стран — СССР, Маньчжурии и Кореи. — Б. С.). Но наши части точно исполняли приказ командования и действовали в пределах своей территории...».

Сталин и Ворошилов хотели продемонстрировать миру силу Красной армии и рассчитывали на быструю и бескровную победу, отнюдь не собираясь затевать полномасштабную войну с Японией. Поэтому и приказали за пределами Заозерной границу не переходить. Но мини-блицкриг не удался. Японцы, чувствуя себя победителями, предложили урегулировать спор миром и вернуться к позициям, которые стороны занимали на утро 11-го июля. Эти предложения 4 августа Сигемицу передал Литвинову. Однако советский нарком заявил: «Под восстановлением положения я имел в виду положение, существовавшее до 29 июля, т. е. до той даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать высоты Безымянная и Заозерная».

На следующий день Ворошилов направил Блюхеру и его начальнику штаба Григорию Михайловичу Штерну директиву, где разрешил при атаке на Заозерную использовать обход с флангов через линию государственной границы. Руководство операции теперь поручалось Штерну. Уже после того, как бои закончились, Григорий Михайлович, чтобы оправдать большие потери, писал в «Правде»: «Возможность... вообще какого бы то ни было маневра для частей Красной армии полностью отсутствовала... Атаковать можно было только... прямо в лоб японским позициям...». О разрешении вторгнуться для обхода неприятельских позиций на маньчжурскую территорию он, естественно умолчал. В советское время это обстоятельство составляло строжайшую государственную тайну.

Вот как характеризуется новое наступление Красной Армии в «Кратком описании хасанских событий», составленном штабом пограничных и внутренних войск Дальневосточного пограничного округа: «Поскольку был положи-

тельно решен вопрос о вторжении на территорию противника, правый фланг наступающих частей 32-й стрелковой дивизии захватывал высоту Черная, а левый фланг 40-й стрелковой дивизии — Хомоку (последняя — на маньчжурской территории. — Б. С.) В связи с плохой погодой вылет авиации задержался, и наступление пехоты фактически началось около 17 часов. Около полуночи подразделения 118-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии вышли на южную часть гребня высоты Заозерная и водрузили на ней красный флаг... Противнику удалось в этот день удержать за собой северную часть гребня высоты Заозерная и гребень высоты Безымянная...». В действительности, как доказывает сохранившаяся в архиве схема, флаг был водружен не на вершине Заозерной, а на несколько десятков метров ниже, на южном склоне сопки. Ни одной из высот советским войскам до заключения перемирия взять так и не удалось, хотя атаки продолжались еще и 7-го, и 8-го числа. После окончания боев лейтенант 95-го стрелкового полка Куликов сообщил комиссии наркомата обороны: «8 августа подразделения 95 СП переходили в атаку на обороняющегося противника на высотах Черная и Безымянная, но таковые взяты нашими подразделениями не были. Высоты заняты после перемирия, т. е. 11 или 12 августа ночью. До момента перемирия высоты Черная и Безымянная были заняты японскими войсками...». Также и на находившихся на советской территории высотах Пулеметная и Богомольная японцы оставались вплоть до 15 августа.

И насчет Заозерной с военными вышел конфуз. Комиссар 118-го стрелкового полка Н. Бондаренко свидетельствовал: «Я при занятии высоты Заозерной передал радиосту... чтобы он спустился вниз и передал или по радио, или же по телефонной связи в штаб 40-й дивизии, что высота Заозерная занята частями нашей дивизии. Было ли передано это радистом в штаб дивизии, я не знаю...».

Комиссар сомневался зря. Ложная информация была передана и пошла гулять по инстанциям вплоть до самой Москвы. 8 августа «Известия» опубликовали сообщение

штаба 1-й (Приморской) армии: «Советские части... очистили нашу территорию от остатков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты». Через два дня появилось столь же фантастическое коммюнике: «9 августа японские войска вновь предприняли ряд атак на высоту Заозерную, занимаемую нашими войсками. Японские войска были отброшены с большими для них потерями...». Но военных опровергали чекисты в секретных рапортах. 14 августа лейтенант госбезопасности Чуличков докладывал: «Фактически высота Заозерная была взята не полностью, а только юго-восточные скаты... гребень северной части высоты и северо-восточные скаты ее находились в руках японцев... Японцы находились на северной части гребня Заозерной с 6 августа по 13 августа и занимали командные точки высоты...». А на следующий день коллега Чуличкова Альтгаузен сообщил Фриновскому: «Вчера, 14 августа, Штерну передан текст вашей телеграммы т. Ежову по вопросу дезинформации штакором в занятии высот Заозерная и Безымянная. Уже в начале приема текста телеграммы Штерн вызвал меня на телеграф и обрушился на меня вплоть до оскорблений. Затем он доложил т. Ворошилову, что я все время относился недоброжелательно к действиям корпуса (атаковавшие сопки Безымянная и Заозерная 40-я и 32-я стрелковые дивизии и 2-я механизированная бригады были объединены в 39-й стрелковый корпус, в командование которым вступил Штерн. — Б. С.) и поставил вопрос об освобождении (подателя телеграммы от должности. — Б. С.)...».

Выводы чекистов были полностью подтверждены совместной советско-японской комиссии, побывавшей на Заозерной утром 12-го, на следующий день после заключения перемирия. Входившие в состав комиссии военные и дипломаты констатировали, что «ввиду особого создавшегося положения в северной части гребня высоты Заозерная, которое выражается в чрезмерном сближении — до пяти метров — частей обеих сторон», необходимо прийти к следующему соглашению: «...С 20 часов 12 августа как

главные силы японской армии, так и главные силы Красной армии в северной части гребня высоты Заозерная отвести назад на расстояние не ближе 80 метров от гребня...». Фактически стороны вернулись к положению на 11 августа, оставив гребень сопки в качестве своеобразной нейтральной зоны. Японцы без всяких споров очистили советские сопки Безымьянная и Пулеметная, на удержание которых за собой и не претендовали.

Советские потери составили 792 человека убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно — 525 и 913, т. е. в 2-3 раза меньше. В приказе Ворошилова по итогам хасанских боев справедливо отмечалось: «Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)...». О том же говорили и на совещании командного и политического состава Посьетского погранотряда, причем применительно не только к пограничникам, но и к полевым войскам Красной армии. Согласно записям присутствовавшего на совещании бригадного комиссара К. Ф. Телегина, основными причинами неудач стало то, что войска «растянулись по фронту, а во время боя сгруппировались на необорудованных позициях... Связь только телефонная, после потери ее много израсходовали живой силы... Не было увязки между подразделениями, даже стреляли по своим танкам... Военком 40-й стрелковой дивизии боялся взять на себя ответственность за мобилизацию плаведилиц для подброски грузов на фронт ("а если сорву путину?")... Округ прислал гранаты Ф-1, а пользоваться ими не могли... Вначале полевые части работали без кода... Полевые части от Новой деревни до Заозерной побросали ранцы, пулеметы... Пренебрегали штыковым боем... Боевой подготовкой не занимались, потому что превратились в хозяйственных командиров. Сено, дрова, овощи заготавливаем, строительство ведем, белье стираем...».

Песенка Блюхера была спета. На Главном Военном Совете в конце августа его сняли с должности, 22 октября арестовали, а 9 ноября маршал погиб. По официальной версии — от «закупорки легочных артерий тромбом», по неофициальной и, как кажется, более близкой к истине — от побоев. Маршала обвиняли в связях с правотроцкистской организацией, т. е. с Бухариным, Рыковым, Ягодой и их соратниками, осужденными и расстрелянными по ложному обвинению еще в марте 38-го, а также в шпионаже в пользу Японии. В первом обвинении Василия Константиновича побоями заставили признаться, во втором — не успели, умер.

Любопытно, что хасанских событий не пережил и их формальный виновник — начальник инженерной службы Посьетского погранотряда Василий Веневитин. 8 августа 1938 года его по ошибке застрелил красноармеец-часовой из-за неразберихи с паролями: то ли Веневитин назвал старый пароль, то ли солдату забыли сообщить новый. Так ли уж случайна была эта смерть? Не постарались ли люди Фриновского убрать нежелательного свидетеля, который мог когда-нибудь рассказать о том, кто приказал ему стрелять в японских жандармов?

Можно не сомневаться, что если бы Люшков ко времени хасанских событий находился бы в Москве и на свободе, работая в центральном аппарате НКВД, то после ареста Блюхера наверняка последовал бы за ним. Генриха Самойловича элементарно могли обвинить как в соучастии в заговоре, так и в потере бдительности. Так что сбежал он очень вовремя.

Кстати, арест Блюхера Люшков, находясь в Токио, предсказал очень точно. Генрих Самойлович утверждал: «Группа изменников находилась в штабе Дальневосточной армии и включала таких близких Блюхеру людей, как Ян Покус, Гулин, Васнецов, Кропачев и др. Они пытались вовлечь Блюхера в политически опасные разговоры. Блюхер без нашего разрешения показывал им признания арестованных заговорщиков. После своего ареста Гулин говорил мне, что

после отзыва Покуса в Москву Блюхер, выпивая вместе с ним, Гулиным, ругал НКВД за проводимые аресты, а также ругал НКВД за проводимые аресты, также ругал Ворошилова, Лазаря Кагановича и др. Блюхер признался Гулину, что до устранения Рыкова он был связан с ним и часто получал от того письма, что «правые» хотят видеть его, Блюхера, во главе Красной армии». Я считаю, что это довольно показательный факт для выяснения истинных чувств Блюхера... Вообще, Блюхер очень любит власть. Его не удовлетворяет уже та роль, которую он играет на Дальнем Востоке, он хочет большего. Он считает себя выше Ворошилова. Политически сомнительно, что он удовлетворен общей ситуацией, хотя и весьма осторожен. В армии он более популярен, чем Ворошилов. Блюхеру не нравятся военные комиссары и военные советы, которые ограничивают его право отдавать приказы.

На XVIII съезде партии в марте 1939 года Сталин коснулся хасанских боев: «О чем говорят, например, события у озера Хасан, как не о том, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей является вернейшим средством их укрепления?». Тут Иосиф Виссарионович явно использовал первоначальную заготовку, сделанную еще до начала конфликта. Он-то рассчитывал, что, быстро разгромив японцев на Заозерной и Безымянной, Красная армия продемонстрирует всему миру, что репрессии 37–38-го годов не ослабили, а укрепили ее мощь. Получилось же все с точностью до наоборот. В мире начали догадываться, что советские вооруженные силы совсем не так могучи и непобедимы, как это представляет пропаганда. Внутри страны, конечно, газеты и радио смогли представить поражение у Хасана победой, но Сталину все равно пришлось умолчать на съезде о том, что после «успешного разгрома японских захватчиков» командующий Дальневосточной армией был арестован и забит до смерти на следствии. Процесс «укрепления» Красной армии путем репрессий продолжился вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Чем же занялся Люшков на чужбине? Прежде всего, естественно, раскрыл японцам все советские тайны, какие знал. И не только те, что были связаны с убийством Кирова и политическими процессами и чистками 30-х годов. Люшков записал в дневнике, какая группировка Красной армии располагается на Дальнем Востоке: «Авантюристическая внешняя политика Сталина оказывает влияние и на советско-японские отношения. Внутри страны ведется пропагандистская кампания, ставящая целью убедить народ в подготовке Японией нападения на СССР. Сталин оказывает Чан-Кайши военную помощь, рассчитывая по мере увязания Японии в войне с Китаем на их взаимное истощение, чтобы потом обрушить на обе страны удар силами Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота. На Дальнем Востоке сосредоточена армия примерно в 270 тыс. человек (20 дивизий). Если к ним прибавить забайкальскую армию и войска НКВД, что к востоку от Байкала сосредоточено 400 тыс. человек и около 2 тыс. самолетов. Более 90 больших и малых подводных лодок базируются в портах Владивостока и Находки. Очевидная цель Сталина — постепенно подчинить своему влиянию слабеющий Китай... Масштабные репрессии коснулись командного состава Красной армии. Арестовано много командармов, комкоров, комдивов и комбригов. Подобно тому как аресты среди гражданских лиц способствовали возникновению чувства психологической подавленности среди населения, аресты в армии негативно повлияли на моральное состояние, дисциплину и уровень боеготовности. Однако чистки для Сталина — не только средство устранения "политически неблагонадежных", но и способ создания послушной армии. А это — важное звено подготовки к войне».

Впрочем, в отношении военной мощи СССР на Дальнем Востоке японское военное министерство рассматривало Люшкова лишь в качестве вспомогательного источника. Здесь японцы больше полагались на артиллерийского майора Фронтьямара Францевича, перебежавшего двумя неделями раньше Генриха Самойловича, 29 мая 1938 года, с территории Монголии. Для побега Францевич, офицер

штаба 36-й мотопехотной дивизии, воспользовался автомобилем. Майор был все-таки военным специалистом и мог дать сведения о тактике, вооружении и организационной структуре Дальневосточной армии, т. е. по вопросам, о которых Люшков имел лишь самое общее представление.

Важнее для японцев были данные Люшкова о работе разведки НКВД. Он утверждал: «Разведывательную деятельность против Японии независимо друг от друга ведут НКВД, РККА, а также ВКП(б). В этих целях активно используются посольство и торгпредство СССР в Токио. Разведкой занимаются сотрудники посольства с небольшими рангами. Широко используются и граждане других стран, в частности Германии и США, проживающие в Японии. Члены Коммунистической партии Германии охотно помогают советской разведке. Кадровые сотрудницы НКВД направляются в Японию в качестве жен дипломатов. В частности, агентом НКВД является жена советского посла в Токио Сметанина.

Основными каналами проникновения советской агентуры в Японию являются Шанхай и США, причем нередко используются документы граждан третьих стран. Как правило, разведчик перед прибытием в страну назначения несколько лет занимается коммерцией или иной деятельностью в другой стране. Связь поддерживается через курьеров или через третьи страны. Радиопередатчики предназначены в основном для использования в военное время. В Японии нет сейчас нелегальной резидентуры с передатчиком».

Методы работы советской разведки бывший комиссар госбезопасности описал вполне достоверно, со знанием дела. Сам ведь в начале 30-х был с нелегальной миссией в Германии. А вот конкретных знаний Люшкову явно не хватало. Очевидно, в его ведении находилась лишь мелкая агентурная сошка в Маньчжоу-Го. Ей и платили малонадежными маньчжурскими юанями. Действительно серьезная агентура замыкалась на Москву. Потому-то, в частности, Генрих Самойлович ничего не знал о группе Рихарда Зорге в Токио, не только входящей в высшие японские сферы, но и

располагавшей радиопередатчиком. К тому же Зорге сперва был агентом Коминтерна, а потом работал на Разведуправление Красной армии, и офицер НКВД ранга Люшкова вряд ли мог знать о существовании этого агента. Так что насчет отсутствия в Японии нелегальной советской резидентуры Люшков невольно дезинформировал своих новых ангелов-хранителей.

За столь ценного перебежчика сразу началась борьба между штабом дислоцированной в Маньчжоу-Го наиболее мощной Квантунской армии и властями в Токио. Командование Квантунской армии чувствовало себя в большой степени независимым от военного министерства и императорского Генерального штаба. Однако на этот раз центр одержал верх, и Люшков был направлен в Японию через Корею. Там его переезд обеспечивал штаб японской Корейской армии, более лояльной к Токио. Разведорганы Квантунской армии смогли лишь однажды допросить бывшего шефа Дальневосточного НКВД. На этом допросе в день побега Люшков, в частности, дал ясно понять, что покинул СССР из страха погибнуть в одной из следующих чисток. О намерении организовать покушение на советского вождя он не обмолвился ни словом. Между тем несколько десятилетий спустя Генриху Самойловичу приписали подобный смелый замысел.

В книге японского журналиста Хияма Есиаки «Японские планы покушения на Сталина» утверждается, что после начала военного конфликта у озера Хасан из числа осевших в Маньчжурии русских белоэмигрантов японцам удалось сформировать отряд террористов, в задачу которых входило убийство Сталина. Для этого они должны были поодиночке перейти турецкую границу и добраться до Сочи, где в то время отдыхал Сталин. Там по сложной системе подземных коммуникаций убийцам предстояло проникнуть в павильон Мацесты как раз в то время, когда Иосиф Виссарионович будет брать там грязевые ванны, и прикончить его. План будто бы разработал Люшков. Как полагал Есиаки, Генрих Самойлович превосходно знал как систему охраны Сталина, так и внутреннюю архитектуру комплекса

Мацесты, поскольку раньше работал в центральном аппарате НКВД.

Несмотря на тщательную подготовку, операция провалилась. Все террористы были схвачены при переходе советско-турецкой границы. Москву заранее предупредил о готовящемся покушении агент Борис Бжеманский по кличке «Лео», служивший в министерстве иностранных дел Маньчжоу-Го. Он же сорвал и другой план, разработанный по наводке Люшкова. Накануне 1 мая 1939 года японские агенты должны были пронести мощную мину в Мавзолей. Ее часовой механизм был установлен на 10 часов утра, когда на трибуне Мавзолея должно было находиться все советское руководство. Но опять террористы были перехвачены и обезврежены еще на границе.

На фантастичность всех этих прожектов указал бывший офицер охраны Сталина Алексей Рыбин: «Была ли у террористов в Мацесте возможность расстрелять Сталина разрывными пулями? Никакой. Внутренняя охрана насчитывала около двухсот сотрудников. Внешнее кольцо в лесной местности составлял отряд пограничников... Хвостовая группа сопровождения была еще до войны вооружена автоматами...

На самой Малой Мацесте действовало более пятидесяти других сотрудников. Мы там появлялись за три часа до приезда Сталина и подвергали проверке все, вплоть до подземных коммуникаций. Почти безлюдная территория Мацесты и прилегающий к ней лес прочесывались. Все подозрительные лица проверялись и при необходимости задерживались. Как при такой плотной охране могла устроить покушение даже наша проницательная оппозиция? А уж про японцев не стоит и говорить...».

От себя добавлю, что остается совершеннейшей загадкой, отчего вдруг японским спецслужбам понадобилось так срочно устранить лидера сопредельного государства? Не все ли равно было в Токио, кто будет сидеть на царстве в Кремле: Сталин или Молотов, Каганович или Микоян? Неужели японцы были настолько наивны, что полагали, будто со смертью вождя Советский Союз погрузится в поло-

су смуты и распадется? Ведь события, связанные с болезнью и смертью Ленина, доказали, что, несмотря на борьбу за власть между членами Политбюро, драматических перемен в советской внешней политике не происходило, равно как не было нестабильности и внутри страны. И зачем же надо было «светить» Люшкова, если он играл ключевую роль в столь деликатном и, безусловно, секретном деле, как покушение на Сталина? Ведь в Москве в первые дни после исчезновения начальника Дальневосточного НКВД совсем не были уверены, что ему удалось благополучно добраться до маньчжурской или корейской границы. Между тем, уже 1 июля 1938 года о побеге Люшкова сообщили японским журналистам, а 13 июля, на следующий день, после того, как советские пограничники заняли сопку Заозерная, в Токио состоялась его пресс-конференция с участием иностранных журналистов. Был на этой пресс-конференции и Рихард Зорге, представлявший германскую «Франкфуртер Цайтунг». Он так отозвался о мотивах побега: «Люшков перебежал не потому, что был недоволен действиями советского руководства или совершил что-то недозволенное, а потому, что опасался стать жертвой чисток, прокатившихся по ГПУ».

Все это могло только еще больше встревожить советскую сторону. А уж если бы Люшков действительно знал особенности сталинской охраны, в НКВД постарались бы тотчас внести в ее систему изменения. Да и как можно было за столь короткий срок, полтора-два месяца, успеть не только разработать план покушения, но и подобрать добровольцев-самоубийц (ведь шансов уцелеть даже в случае успеха у них практически не было)? И не только подобрать, но и оформить им турецкие и иные визы и через несколько границ перебросить отряд из Маньчжурии к побережью Черного моря? Главное же, Люшков никогда не работал в охране Сталина и не имел представления об ее особенностях, равно как и о подземных коммуникациях Мацесты. Какова же была подлинная биография перебежчика?

Генрих Самойлович родился в 1900 году в Одессе в еврейской семье. Его отец был бедный портной. Генрих окон-

чил 6-классное реальное училище, а потом посещал вечерние общеобразовательные курсы. Под влиянием старшего брата, связанного с большевистским подпольем, он в 1917 году участвовал в революции в рядах боевой дружины, стал членом Одесского Совета и в 1918 году сражался против австро-германских интервентов, после оккупации Одессы войсками Центральных держав остался в городском подполье. В феврале 1919 года, когда в Одессе были уже французы, Люшкова арестовали. Однако Генриху Самойловичу удалось бежать и добраться до занятого красными Екатеринослава. В марте он стал политбойцом в Крымском советском полку Красной армии, а в апреле был направлен на Центральные курсы Наркомата по военным и морским делам Украины в Киев. Здесь в июле 19-летний курсант вступил в коммунистическую партию. После окончания курсов Генрих Самойлович сражался против отрядов Петлюры, наступавших на Киев, а потом работал помощником военного организатора Киевского губкома. В конце августа советские войска оставили Киев. Вместе с другими советскими работниками Люшков эвакуировался в Брянск, откуда был направлен на политическую работу в 1-ю отдельную стрелковую бригаду 14-й армии. Затем ему пришлось сражаться против Деникина и поляков. Уже в 20 лет Люшков стал начальником политотдела бригады, но вскоре был направлен на новый фронт работы — в ЧК. В сентябре 1920-го Генриха Самойловича назначили уполномоченным Особого отдела 57-й стрелковой дивизии. После окончания гражданской войны он поступил в одесский Институт гуманитарных наук, но завершить образование не удалось. В ноябре 21-го Люшкова направили на работу в Одесскую ЧК. Потом ему пришлось служить в окружных отделах ЧК Тирасполя, Вознесенска, Каменец-Подольска и Первомайска. В конце 1924 года молодому чекисту доверили возглавить Проскуровский окружной отдел ГПУ. Уже через год его перевели в Харьков, в центральный аппарат ОГПУ Украины. Здесь Люшков, имевший большой опыт работы с сексотами-стукачами, был назначен начальником информационно-осведомительного отдела. В 1926 году он,

как сказано в служебной характеристике, «нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на Председателя Всеукраинского ЦИКа тов. Петровского». Так что нашему герою приходилось скорее предотвращать покушения, чем самому их организовывать. Далее путь Люшкова лежал в Германию. Там Генрих Самойлович обнаружил превосходное знание немецкого и незаурядные качества разведчика. Его доклад об авиационных заводах «Юнкерс», представленный в 1930 году, получил одобрение самого Сталина. Далее путь Люшкова лежал обратно на Украину. Здесь будущий борец против антинародного режима был начальником Секретно-политического отдела украинского ГПУ, в который был преобразован прежний информационно-осведомительный отдел. В августе 31-го Люшков перешел на следующую ступеньку служебной иерархии, став заместителем начальника Секретно-политического отдела союзного ГПУ. Тут подоспела коллективизация. Генриху Самойловичу пришлось участвовать в ее проведении на родной Украине и соседнем Северном Кавказе. Позднее Люшков рассказывал японцам, как чекисты подавляли стихийные бунты голодных крестьян, пытавшихся найти в тогдашней столице Украины спасение от вызванного коллективизацией голода. Из Москвы шли директивы, требующие принять жесткие меры по отношению к бунтовщикам. Люшкову приходилось бывать в непокорных селах с карательными экспедициями. Он убедился, что отнюдь не кулаки и другие антисоветские элементы, как утверждала пропаганда, подвигли крестьян на восстание. Причина была в другом: политика центра, доведенная на местах до абсурда, не оставляла шансов на выживание. На Северном Кавказе в казачьих и горских районах дело дошло даже до полномасштабных боевых действий с применением артиллерии. Сталин же, по словам Люшкова, с присущей ему изворотливостью в статье «Головокружение от успехов» всю вину за перегибы возложил на местных руководителей.

Летом 1932 года Люшкова включили в состав комиссии во главе с Кагановичем, инспектировавшей сельскохозяйственные районы Северного Кавказа. Из Ростова Ген-

рих Самойлович отправился в богатую в прошлом донскую станицу Тихорецкую. Его потрясла нищета свежеиспеченных колхозников. Толпы крестьян у полустанков выпрашивали кусок хлеба у пассажиров проходящих поездов. Из бесед с казаками и из докладов НКВД Люшков сделал вывод, что голод вызван не саботажем кулаков, а политикой государства, отнимающего последний хлеб в неурожайный год. Но когда он попробовал сказать об этом Кагановичу, то Лазарь Моисеевич ответил в том смысле, что крестьяне сами и виноваты, а если две-три сотни голодающих помрет, то другим это будет хорошим уроком: не выступай против колхозов. В казачьих станицах было введено чрезвычайное положение, и они оказались изолированы от остальной страны. Чекисты не успевали рыть могилы. Умерших от голода приходилось сбрасывать в старые колодцы и засыпать землей. Поскольку на карьере Люшкова события коллективизации никак не отразились, можно заключить, что его оппозиция не шла дальше робких разговоров (если вообще не была придумана задним числом). Наверняка Генрих Самойлович вместе с другими давил крестьянские восстания и устанавливал «санитарный кордон» вокруг мятежных станиц.

В декабре 1934 году Люшков, как я уже говорил, участвовал в расследовании убийства Кирова. Однако в его функции входило изучение политической подоплеки преступления, а отнюдь не изучение системы личной охраны ленинградского партийного лидера. Сталин еще раз заметил понятливого чекиста, активно участвовавшего в конструировании требуемого «троцкистско-зиновьевского» заговора. В августе 36-го Люшков стал начальником Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю и переехал в Ростов-на-Дону, где оставался до июля 1937 года. В это время в его подчинении действительно оказались чекисты Дона и Кубани, а следовательно, и те, кто работал в Мацесте. Но уж совершенно невероятно, чтобы Генриху Самойловичу лично пришлось обследовать подземные коммуникации знаменитой лечебницы. Не генеральское это дело. Можно, конечно, допустить, что он уже тогда замыслил по-

бег и на всякий случай прихватил план мацестинских подземелий — авось пригодится. Однако тогда остается загадкой, зачем Георгий Самойлович потом исправно тянул целый год лямку на Дальнем Востоке, депортировал корейцев и китайцев, уничтожал «врагов народа»? В январе 38-го нарком Ежов ставил другим в пример стахановца Люшкова, репрессировавшего аж 70 тысяч «контрреволюционеров», — больше, чем в любом другом территориальном управлении НКВД. И почему бежать надо было обязательно в Маньчжурию? Если уж решился — вот она, Турция, под боком.

Кстати сказать, в сохранившейся в японских архивах описи вещей, обнаруженных у Генриха Самойловича при переходе границы, никаких планов или карт не значится. У комиссара госбезопасности было при себе лишь служебное удостоверение, два пистолета (системы «маузер» и «дерринджер»), часы «лонжин», черные очки (видно, Люшков испытывал тягу к традиционной шпионской атрибутике), русские папиросы, 4153 иены в японской, корейской и маньчжурской валюте, явно позаимствованные из агентурного фонда, 160 рублей, орден Ленина и еще две награды, фотография жены, телеграмма и несколько документов на русском языке.

Как вел себя Люшков в Ростове, можно узнать из книги «Империя страха», написанной другим чекистом-перебежчиком Владимиром Петровым, в 54-м году «выбравшем свободу» в Австралии. В 1949 году один из ростовских чекистов рассказал Петрову, как Люшков ругал руководство Азовско-Черноморского НКВД за то, что оно плохо охотится за врагами народа. И угрожающе предупреждал: «Враги народа в этой комнате — здесь, здесь и здесь». И тут же приказал арестовать несколько человек из числа присутствовавших.

Бежать же Генриха Самойловича заставило известие об аресте в апреле 38-го бывшего главы украинских чекистов Израиля Моисеевича Леплевского, много способствовавшего люшковской карьере. Арест же в мае внезапно вызванно-

го в Москву одного из заместителей Люшкова М. А. Кагана подсказал Генриху Самойловичу, что время его пребывания на свободе истекает. Что было дальше, мы знаем.

Переводчик Люшкова в Японии рассказывал репортеру газеты «Ничи-Ничи Шимбун» в августе 38-го года: «Это очень пронизательный и тонкий в своих суждениях генерал, который любит свою родину и свой народ не меньше, чем мы любим свою страну. Нечего и говорить, что непосредственной причиной его бегства стало желание спастись от Сталина и отомстить ему. Но Люшков также хотел освободить свой любимый народ из рук взбесившегося тирана и избавить 180 млн человек от кровавого ужаса и фальшивой политики. Он также хотел разрушить Коминтерн, но не народ, и принести счастье людям. Я не думаю, что в ближайшем будущем у кого-нибудь из “больших шишек” будет шанс сбежать в Японию. Если это все-таки случится, то таким перебежчиком станет Блюхер».

Здесь явно перед нами цитата из Люшкова. Насчет Блюхера бывший комиссар госбезопасности, как я уже упоминал, словно в воду глядел. После бесславных боев у Хасана Василия Константиновича арестовали. Но до суда он не дожил: умер от нанесенных на допросе побоев 9 ноября 1938 года.

Переводчик утверждал: «Люшков, один из видных чинов ГПУ, отнявший в ходе чистки жизни у 5000 человек в течение года (в действительности, если верить Ежову, как минимум 70 тысяч человек репрессировал Генрих Самойлович; правда, вряд ли все они были расстреляны. — Б. С.), встал перед неразрешимой проблемой, когда настала его очередь стать 5001-й жертвой чистки. Ведь он так твердо верил в коммунистическую теорию. “При правлении коммунистической партии политика никогда не будет направлена на достижение всеобщего счастья”, — говорит теперь Люшков. Когда мы остановились в гостинице, он заметил: “Японские города чистые, пейзажи прекрасные и дороги ровные. Почему ваши люди так богаты, что могут свободно покупать нужные им вещи. Сравнивая судьбу, выпавшую

мне, и светлое здание вашей страны, я испытываю чувство, будто пробудился от 18-летнего дурного сна". В этот момент Люшков всплакнул. Я обнял его и тоже прослезился».

Сохранились описания единственной пресс-конференции, данной Люшковым 13 июля 1938 года в токийском отеле Санно. Присутствующие сошлись на том, что бывший комиссар госбезопасности хорошо сыграл свою звездную роль. Одетый в только что сшитый элегантный летний серый костюм, при галстуке, гладко выбритый, очень живой, с сигаретой Черри-бренд в длинном мундштуке из слоновой кости, он казался моложе своих 37 лет. Геннадий Самойлович стремился выглядеть джентльменом. Только глаза смотрели на собеседников очень уж пронзительно, так, как он привык смотреть на агентов, от которых выслушивал доносы и которым давал разного рода щекотливые задания. Говорил Люшков низким, но сильным голосом, в спокойной и довольно привлекательной манере, жестикулировал, словно произносящий речь оратор, и в общем выглядел довольно бодрым. Погрустнел только в конце, когда речь зашла о его семье. Однако быстро взял себя в руки. После окончания пресс-конференции Люшков пожал руки журналистам и при этом все время улыбался.

Сохранились фотографии Люшкова, сделанные в этот памятный для него день. Перед нами — симпатичный молодой человек, никак не скажешь, что ему под сорок. Человек просто источает радость жизни и напоминает героя голливудских лент, воплощение американской мечты. На лице — ни тени озабоченности, а тем более печали. И никогда не подумаешь, что на совести у человека — тысячи и тысячи загубленных жизней. Не испытывал Генрих Самойлович угрызений совести. Радость переполняла его. Как же, вырвался из уже готовившегося захлопнуться капкана, не оказался, подобно своим жертвам, у глухой стенки лубянского подвала. Воля ваша, но не кажется мне, что такой человек будет искать еще приключений на свою голову и влезать в авантюру с каким-то невысказанным покушением на всесильного «кремлевского горца». Главное для Люшко-

ва — спрятаться как можно надежнее, чтобы «наши меня не догнали». А если вместо Сталина придет Молотов или, не дай бог, Ежов, разве это изменит к лучшему положение комиссара-предателя?

Люшков мечтал о свободе, хотел избавиться от постоянного страха, что завтра придется разделить участь тех, кого сам казнил. Но японцы ни на секунду не оставляли его своим вниманием. Фактически Генрих Самойлович превратился в почетного пленника. На него не надевали наручников, а на окне номера гостиницы, где он жил, не было решетки. Однако языка Люшков не знал, поэтому передвигаться приходилось почти всегда в сопровождении переводчика. Выехать же из страны ему не разрешали. Японской разведке не хотелось упускать добычу. Люшкова засадили за писание справок о руководстве и структуре НКВД, внешней политике СССР, положении в высшем партийном руководстве. Однако скоро в Токио решили, что вытрясли из перебежчика все, что могли, и теперь он представляет интерес лишь с точки зрения пропаганды. Впрочем, офицеры русской секции разведки императорской армии иногда консультировались у Люшкова по поводу внутреннего положения СССР и организации и вооружения Красной армии.

Генрих Самойлович мечтал уехать в Америку. Можно предположить, что, кроме немецкого, он неплохо владел и английским языком. Однако в Токио отнюдь не горели желанием снабжать потенциального противника ценным источником информации.

В целом же Люшков производил на японцев довольно благоприятное впечатление. Полковник Ябе Чута в беседе с американским историком Элвином Куксом вспоминал: «Он был очень умен и работал усердно, все время что-то читал и писал. На случай войны Люшков приготовил антисталинские речи и тексты для листовок. Нередко он трудился сутки без сна. Переводчики утомились, вынужденные иной раз переводить за Люшковым до 40 рукописных страниц в день. Других дел у перебежчика все равно не было. Вот и занялся писательством, да так, что его плодовитости поза-

видовали бы сегодняшние авторы детективных и женских романов. Генрих Самойлович писал и собственную биографию, и размышления о Сталине, и подробнейший критический разбор "Краткого курса истории ВКП(б)". Ему подарили новейший коротковолновый приемник, чтобы слушать московское радио, регулярно присылали советские газеты и журналы. Читал Люшков и книги по истории, а также русскую художественную литературу: Тургенева, Достоевского, Чехова. Переводчик, который переводил люшковские опусы, вспоминал: "Это был интеллеktуал с широким взглядом на мир. Он много знал не только о политике, экономике и военном деле, но и о музыке и литературе. Однажды мне пришлось переводить написанное им критическое эссе о русской литературе».

Посещая книжный магазин в районе Канда, Люшков особенно интересовался сочинениями Троцкого и его последователей. У работавших с комиссаром японцев создалось впечатление, что он либо раньше был троцкистом, либо теперь стал разделять идеи злейшего врага Сталина. Люшков будто бы говорил, что идеология троцкизма необходима для того, чтобы отвратить русский народ от сталинизма. Трудно себе представить, что Люшков когда-либо в прошлом принадлежал к троцкистской оппозиции. В этом случае он никак не смог бы продержаться до 1938 года на высоких постах в НКВД. Но в Японии, конечно, троцкизм вполне мог привлечь Генриха Самойловича как марксистская альтернатива сталинской идеологии. Японские офицеры, знавшие Люшкова, свидетельствуют, что он остался привержен тому, что называл «чистым ленинизмом». Он считал, что режим Сталина сам по себе не рухнет, его надо свергнуть. Генрих Самойлович по-прежнему поддерживал коллективизацию, выступая только против насильственных методов ее проведения. В дальнейшем под влиянием жизни в Токио из троцкиста он превратился в «либерального коммуниста», близкого по взглядам к западноевропейским социал-демократам. С русской эмиграцией в Маньчжурии и Японии Люшков принципиально не поддерживал никаких контактов.

Конец Люшкова до сих пор покрыт мраком неизвестности. Наиболее распространенная версия основана на рассказе капитана японской разведки Такеока Ютака, бывшего главы специального разведывательного агентства в Дайренском разведывательном отделении. Она сводится к следующему. В начале 1945 года Люшкова было решено отправить в Маньчжурию, поскольку все разведывательные данные об СССР и пропагандистские разработки на случай советско-японской войны теперь хотело сосредоточить у себя командование сильно ослабленной к тому времени Квантунской армии. Непонятно, почему туда не откомандировали другого перебежчика, Францевича, который все-таки был специалистом в военном деле и куда лучше Люшкова мог оценить данные о боевой мощи и планах Красной армии.

Трудности в сообщении с Маньчжурией и долгая бюрократическая переписка по поводу откомандирования перебежчика привели к тому, что в Дайрен (Дальний) Люшков прилетел только 8 августа 45 года, в день объявления Советским Союзом войны Японии и уже после американской атомной бомбардировки Хиросимы. Там его встретил Такеока. Он не без основания считал, что уже слишком поздно и никакой пользы Квантунской армии Люшков больше не принесет. На следующий день они вместе с переводчиком Какузо Такая прибыли в Порт-Артур. Красная армия уже вторглась в Маньчжурию, и японцы вместе с Люшковым сочли за благо вернуться в Дайрэн, где поселились в отеле «Ямато». 10 августа Такая предложил съездить в штаб Квантунской армии в Синкине, чтобы узнать, что делать с Люшковым дальше. Для разговора они вышли в другую комнату, поскольку Люшков уже немного понимал по-японски. Такеока резонно заметил, что в штабе сейчас наверняка не до Люшкова. Но решил, что у Такая семья в Синкине и он просто хочет попытаться эвакуировать своих родных в Японию. Поэтому добрый капитан разрешил переводчику уехать, а сам вернулся к Люшкову и заверил его, что ситуация под контролем. Такая Такеока встретил через 19 лет в одном токийском отеле. Переводчик пови-

нил, что подложил такую свинью своему коллеге, заставив его возиться с незнакомым ему русским перебежчиком (по счастью, Такеока немного говорил по-русски). Бывший капитан рассказал о судьбе Люшкова. Такеока и Такая договорились встретиться еще раз, но больше им увидеть друг друга не удалось.

11 августа полковник Цутому Ямашита, исполнявший обязанности начальника специального агентства в Харбине вызвал к себе лейтенанта Танаку, ранее работавшего с Люшковым, и сказал, что в новых условиях перебежчика необходимо убрать, иначе Советы-де смогут узнать, что японцы пользовались услугами перебежчика. И ликвидацию должен осуществить Танака. Тот испытывает нравственные мучения, поскольку считает Люшкова своим другом и учителем, который помог ему лучше узнать Советский Союз. Лейтенант делится своими сомнениями с Такой. Тогда последний соглашается принять на себя эту неприятную миссию, но выдвигает два условия. Его вместе с семьей эвакуируют в Японию и выплачивают кругленькую сумму в 30 000 иен. Такая отбывает в Дайрэн, а 14 августа возвращается в Синкин (под Харбином) и рапортует о выполнении приказа, получает денежки от легковерного полковника и благополучно отбывает в Японию. Только в 1964 году Такая признался Такеоке, что к Люшкову он не ездил (что капитан, впрочем, и так знал), а два дня обретался в Мукдене, чтобы создать видимость выполнения задания.

Между тем после отъезда переводчика Такеоке продолжал запрашивать Ямашиту и штаб Квантунской армии о том, что же все-таки делать с Люшковым. 15 августа капитан получил из Токио радиограмму о том, что Япония капитулировала. Это известие вызвало нарастающую дезорганизацию в рядах Квантунской армии. Ее командование должно было с часу на час отдать приказ сложить оружие. Поскольку штаб Квантунской армии покинул Синкин еще 12-го числа, Такеока лишился связи со своим начальством. Все эти дни ему было недосуг даже навестить Люшкова, который безвылазно сидел в отеле. Такеоке предстояло самостоятельно принять решение о судьбе перебежчика, но,

по счастью, он встретил начальника Квантунского укрепленного района генерал-лейтенанта Гензо Янагида. Такеоке, посетив генерала, возглавлявшего в 1941 году Харбинское специальное агентство, был очень удивлен, что Янагида ничего не знает о побеге Люшкова и саму эту фамилию слышит впервые (материалы, которые готовил Люшков для японцев, подписывались псевдонимом «Малатов»). Капитан предложил на выбор пять вариантов того, как поступить с Люшковым: 1) отправить его обратно в Японию (Такеоке признавал, что это очень трудно сделать); 2) позволить бежать в Северный Китай (нелегко, но возможно); 3) побудить его совершить самоубийство; 4) предоставить ему возможность спасаться самостоятельно; 5) передать его в руки русских. Первая реакция генерала была: «Почему бы не отпустить его на все четыре стороны?». Однако, поразмыслив, Янагида решил, что будет нехорошо, если Люшков все-таки попадет в руки Красной армии. Тогда русским могут стать известны секретные детали того, как японский Генеральный штаб использовал перебежчика. «Жаль Люшкова, — вздохнул самурай, — но, чтобы предотвратить возможные неприятности, лучше нам сейчас от него избавиться».

Такеока убийства Люшкова не предлагал, и эта идея ему не была симпатична. Капитан сознавал, что не так уж значительны секреты, которые знал Люшков, чтобы из-за них лишать человека жизни. Да и что, в самом деле, мог бы сообщить Генрих Самойлович «Смершу»? Что рассказал японцам все, что знал, и что по поручению японской разведки писал тексты пропагандистских листовок и обзоры, посвященные положению в СССР и состоянию Красной армии? Об этом руководитель «Смерш» Виктор Семенович Абакумов догадывался и без всяких допросов перебежчика. Да и кому это могло быть интересно сейчас, когда Квантунская армия и Японская империя доживали последние часы? К тому же Такеока, хотя и окончил разведывательную школу в Накано и уже шесть лет служил в армии, никогда еще не убивал человека. А теперь приходилось лишать жизни ни в чем не повинного чужестранца, к которому ка-

питан не испытывал никакой ненависти. Да и убийство должно было произойти уже после окончания войны. Но старший начальник, генерал Янагида, приказал капитану ликвидировать Люшкова, если перебежчик не согласится совершить самоубийство и тем решить все проблемы. Советские войска ожидалась в Дайрене с минуты на минуту, и Такеоке приходилось торопиться. Он решил, что так или иначе исполнит поручение Янагиды 20 августа. Вечером этого дня Такеока впервые после долгого перерыва посетил Люшкова в отеле. Генрих Самойлович уже знал о японской капитуляции (и, замечу в скобках, если верить Такеоке, не проявлял никакого беспокойства — даже не попытался за все эти дни найти капитана в офисе специального агентства!). Такеока пригласил его прийти на службу, чтобы обсудить создавшееся положение. Там в присутствии переводчика капитан в течение двух часов пытался убедить перебежчика добровольно уйти из жизни. Однако тот не соглашался. Люшков настаивал, что еще можно попытаться убежать от неумолимо надвигающейся Красной армии: «Я постараюсь уйти как можно дальше. Если по дороге меня схватят русские, будь что будет. Япония обязана помочь моему побегу». Такеока понял, что бывший комиссар госбезопасности никогда не совершит самоубийства. Придется действовать так, как распорядился генерал Янагида.

Элвину Куксу в 1991 году Такеока объяснял, что не стал перепоручать убийство Люшкова кому-либо из своих подчиненных, потому что, как командир подразделения, чувствовал: он должен принять на себя всю полноту ответственности за выполнение приказа. Но решиться на убийство капитан все никак не мог. Разговор с Люшковым окончился около 10 часов вечера. Такеока вышел на веранду, освещенную лунным светом, и еще раз попытался доказать самому себе, что убийство Люшкова — доброе дело. Ведь он в этом деле не имеет какого-то личного интереса или выгоды, а только выполняет приказ начальства. Наверняка также убеждал себя и сам Люшков, когда отправлял в тюрьму или на расстрел мнимых «врагов народа». К тому же, если убийство перебежчика хоть немного облегчит положение

императорского Генерального штаба, то Такеока поможет большому и важному делу сохранения военного престижа Японии. В глубине души он будто бы чувствовал предубеждение против Люшкова как против предателя, предавшего свою Родину.

Такеока вернулся в комнату и сообщил Генриху Самойловичу, что согласен с его резонами, и предложил вместе пойти к побережью, чтобы найти подходящее судно для отплытия в Японию. Втроем с переводчиком сержантом они двинулись по направлению к порту. Такеока шел впереди. Правую руку с кольтом он держал в кармане. Когда тройца спустилась с лестницы, Такеока обернулся и направил револьвер прямо в грудь Люшкову. Расстояние между ними было не больше метра. Такеока выстрелил. Люшков успел ударить его по руке, и пуля попала чуть ниже сердца. Он упал, а капитан выронил револьвер. Люшков лежал без движения, но еще был жив. Несколько сотрудников агентства сидели в холле у входа. Один из них, гражданский служащий Казуо Аримицу, выбежал на звук выстрела. «Куда вы ему попали?» — спросил он, увидев распростертого на земле Люшкова. «Возможно, в грудь», — ответил растерянный Такеока. «Тогда он безнадежен», — сказал Аримицу, поднял револьвер и прикончил перебежчика вторым выстрелом в голову. Капитан приказал завернуть труп в одеяло и положить в подвал. Своим сотрудникам он приказал забыть о происшествии.

В полночь 20-го августа Такеока доложил Янагиде, что задание выполнено. Капитан предложил кремировать тело Люшкова. Для кремации требовалось свидетельство о смерти. Генерал позвонил в военный госпиталь и попросил, чтобы Такеоке без лишних вопросов выдали свидетельство о смерти одного из его подчиненных — сотрудников специального агентства. Около 5 часов утра, когда соответствующая бумага была готова, тело Люшкова положили в гроб. За час до этого одна из кухарок утверждала, что слышала человеческие стоны, доносящиеся из подвала. Такеока изумился: «Я впервые слышу, чтобы человек не умер сразу же после двух пистолетных выстрелов в упор,

один из которых — в голову». К вечеру 21-го труп был благополучно кремирован. В 2 часа дня 22-го урна с прахом была захоронена на одном из кладбищ Дайрена. А еще через два часа в городе высадились советские десантники.

В плену Такеоку допрашивали по поводу судьбы Люшкова. Капитан старался говорить поменьше, но только правду, и отвечать только на те вопросы, которые ему задавали. Допрашивавшие знали, что перед ними — офицер разведки, возглавлявший специальное агентство в Дайрене. Примерно 26 ноября 1945 года Такеоку, которого к тому времени привезли в штаб Забайкальского фронта в Читу, впервые спросили о человеке по фамилии Малатов. Японский разведчик ответил, что такого не знает. Однако вскоре ему стало понятно, что «смершевцам» известно, что под этим псевдонимом скрывается Люшков и что он в конце войны проживал в Дайрэне в отеле «Огон» (с названием отеля, если верить Такеоке, русские ошиблись). И капитан решил расколоться, тем более что следователь точно назвал его, начальника специального агентства в Дайрэне, должность и служебные обязанности. Но для начала спросил, улыбаясь: «Если вы знаете так много, зачем вам надо меня допрашивать? Вы должны быть осведомлены о том, какая судьба постигла Люшкова. Мне нет нужды что-либо добавлять, не правда ли?». Советский офицер тоже улыбнулся: «Конечно, мы знаем все, но нам надо услышать эту историю непосредственно от вас. Расскажите нам ее без утайки».

Такеока поведал следователю о том, как ликвидировал Люшкова. Умолчал только, что добил перебежчика не он сам, а Аримицу. Следователь не поверил, что Такеока действительно застрелил перебежчика. Русские подозревали, что японская разведка помогла Генриху Самойловичу бежать. Капитана пытались подловить на деталях: просили описать мебель в резиденции Янагиды и во что был одет генерал вечером 20 августа. В конце допроса Такеоке показалось, что следователь ему поверил.

5 декабря 1945 года бывшего начальника Дайрэнского специального агентства доставили в Москву. Здесь его допрашивал сам Абакумов. Он обвинил Такеоку в неискренно-

сти. Капитан спросил, что имеется в виду, оказалось, что чекисты знают: добивал Люшкова кто-то другой. Выяснилось, что Аримицу тоже был допрошен и признался, что второй выстрел произвел именно он. Такеока стал оправдываться, что хотел только подчеркнуть: всю ответственность за убийство перебежчика несет он сам, как старший начальник, и потому не упоминал своего подчиненного. Капитан будто бы полагал: Москве важно знать, жив Люшков или мертв, а не то, выстрелили ли в него один или два раза. Абакумов раздраженно заметил: «Что важно, а что нет, решать Советскому правительству, а не вам».

Год Такеока провел в тюрьме на Лубянке. В августе 1946 года капитан был вызван свидетелем на процесс по делу бывшего атамана Забайкальского казачьего войска Григория Михайловича Семенова, которого судил военный трибунал. С атаманом начальник Дайрэнского агентства очень плотно работал весь последний год войны. Семенов проживал на даче под Дайрэном и активно сотрудничал с японской разведкой. Он, например, участвовал в создании военных формирований белой эмиграции на случай советско-японской войны. Правда, когда война все-таки началась, эти проекты так и не были реализованы из-за скоротечности боевых действий и очевидно безнадежного положения Японии. На следующий день после окончания недолгого процесса Семенова повесили.

Затем Такеока находился два года в Лефортовской тюрьме. В июне 1948 года ему дали 25 лет тюрьмы за его профессиональную деятельность — шпионаж против Советского Союза. Такеоку перевели во Владимирскую тюрьму, где почему-то содержали отдельно от других японских пленных. Его не били, не пытали и даже, в отличие от других пленных японских офицеров, не заставляли работать. Хотя к офицерам разведки Квантунской армии в СССР относились особенно плохо. Так, лишь около 20 выпускников разведшколы в Накано, в том числе и Такеока, вернулись из советского плена, да и то в последней партии репатриированных. В феврале 56-го, незадолго до отъезда из СССР, ему посчастливилось встретиться с полковником Асадой

Сабуро, предшественником Ямашиты на посту начальника Харбинского специального агентства. Именно Асада был одним из инициаторов последней командировки Люшкова в Маньчжурию, однако еще до его прибытия был перемещен на другой пост. Теперь капитан сообщил полковнику, как прикончил Люшкова, и Асада одобрил его действия.

После возвращения в Японию Такеока молчал вплоть до 1979 года, когда уже после публикации книги Есиаки о несостоявшихся покушениях на Сталина поведал журналисту газеты «Сюкан Асахи» Кавагати Нобуюки о том, как убил перебежчика. Последний свою статью, основанную на беседах с Такеокой, озаглавил очень броско «Последние моменты жизни генерала Люшкова — главного героя плана убийства Сталина». Логика была проста: раз перебежчик был причастен к плану убийства Сталина, значит, был резон не допустить того, чтобы он попал в руки «СМЕРШ».

Однако никто другой, кроме самого Такеоки, детали его версии подтвердить не смог. Нобуюки и Кукс успели побеседовать с переводчиком Ябе Чута, бывшим начальником Харбинского специального агентства полковником Асадой Сабуро и еще несколькими бывшими сотрудниками японской разведки. Но они сообщили только, что в 1945 году действительно рассматривалась возможность переброски Люшкова в Маньчжурию. Никто из них, однако, не встречался там с Генрихом Самойловичем в августе 45-го.

Между тем перебрасывать Люшкова в Дайрен 8 августа, когда война с Советским Союзом уже стала фактом, для японской разведки не было ни малейшего смысла. Как эксперт по Красной армии бывший комиссар госбезопасности явно не годился. Ведь его сведения на этот счет были семилетней давности. Давно уже казнили лично знакомых Люшкову руководителей советских войск на Дальнем Востоке В. М. Блюхера и Г. М. Штерна. Давно уже изменилась тактика Красной армии, прошедшей четырехлетнюю истребительную войну с Германией. И даже Ежов, от железной хватки которого и бежал Люшков, исчез шестью годами раньше. Единственно, чем Генрих Самойлович мог быть еще полезен японцам, так это своими знаниями пси-

хологии советской элиты. Но тогда его присутствие скорее было необходимо в Токио, чтобы можно было дать необходимые консультации правительству и Генеральному штабу, а не в далекой Маньчжурии, где было немало агентов Москвы. Ведь тогда, летом 45-го, судьба Квантунской армии уже мало волновала руководство страны. Перебросить ее для защиты Японских островов от грозящего американского вторжения не было никакой возможности. Для осуществления этой задачи у японцев не осталось ни судов, ни самолетов, ни горючего. К тому же в воздухе безраздельно господствовала неприятельская авиация.

Есть и некоторые детали в рассказе Такеоке, вызывающие недоверие к нему. Капитан, по собственному признанию, до августа 45-го не убил ни единого человека. Но Люшкову хладнокровно выстрелил в грудь, стоя с ним лицом к лицу. А ведь даже опытные убийцы всегда предпочитают стрелять в затылок, чтобы не видеть глаза жертвы. Все объясняется, если предположить, что Такеоке и другие сотрудники японской разведки по приказу из Токио проводили операцию прикрытия, призванную создать у советской стороны впечатление, что Люшков погиб, и искать его больше не стоит.

Когда Такеоке давал показания советским следователям, он и начальник русского отдела Дайренской военной миссии Кончи Ивамото показали, что Люшков был кремирован под именем Реичи Ямагучи. Советские контрразведчики это проверили и выяснили, что, согласно выписке из книги регистрации Дайренского крематория за 20 августа 1945 года за № 2391, было дано разрешение на кремацию за № 2277 Реичи Ямагучи, 10 января 1916 г. рождения, японца, вольнонаемного служащего японской армии. Время смерти — 1 час дня 19 августа 1945 года. Причина смерти — пулевое ранение сердца. Проситель кремации — начальник отряда Маньчжоу-Го 15518 Фумио Иосимура. Урна с прахом Ямагучи была изъята офицерами «Смерш». Ивамото ее опознал, а сторож кладбища Фуку Нисияма, в свою очередь, опознал Ивамото как человека, который принес урну для захоронения.

Тут сразу бросаются в глаза две нестыковки. Люшков, как известно, был 1900 года рождения, а Ямагучи, под именем которого его будто бы похоронили, родился в 1916 году. Люшков был ярко выраженным европейцем, а похоронили его как японца. Если бы японские разведчики действительно убили Люшкова, то что бы им стоило похоронить его как русского, например, 1902 года рождения. Ведь русские в Дайренской миссии тоже имелись, и ничего необычного в том, что кто-то из них умер, не было. А так они могли бы лишь возбудить недоуменные вопросы у кладбищенских служителей, почему вдруг европейца средних лет хоронят под видом молодого японца. Если же Люшкова в действительности в тот момент не было, а весь спектакль предназначался для представителей советских спецслужб, которые вот-вот должны были появиться в Дайрене, то Такеоке и его товарищи могли выдать за урну с прахом Люшкова урну с прахом вполне реального японского военнослужащего, покончившего с собой в эти дни выстрелом в сердце. После объявления о капитуляции самоубийства среди японцев были обычным делом, так как кодекс бусидо не позволял сдаваться в плен.

Отметим, что японской военной разведкой — Вторым бюро генерального штаба армии — с августа 1942 года до капитуляции руководил генерал-майор, позднее генерал-лейтенант Сэйдзо Арисуэ, бывший военный атташе в Италии. После войны он никаким репрессиям не подвергся, хотя и считался военным преступником класса А, а вполне плодотворно сотрудничал со своими американскими коллегами. Те еще в сентябре 1945 года попросили его создать внутреннюю осведомительную сеть для противодействия возможному коммунистическому перевороту. В 1974 году он даже издал мемуары, где о Люшкове, по понятным причинам, ничего не сообщил. Уже в 1948 году американские оккупационные власти создали японскую разведывательную структуру, в которую вошел и Сэйдзо Арисуэ. Так что у генерала были все основания предложить Люшкова амери-

канцам как ценный источник информации. А сразу после окончания войны Арисуэ стал собирать документы, чтобы было что продать американским спецслужбам. Люшков же в некотором отношении был ценнее многих документов. Так что у генерала явно были мотивы организовывать для него операцию прикрытия. Интересно, что Арисуэ стал одним из первых японских высших офицеров, в чье распоряжение американские военные власти предоставили военно-транспортный самолет. В 1992 году Сэйдзо Арисуэ мирно скончался в возрасте 97 лет.

Если это была операция прикрытия, то японцы своей цели достигли. Нет никаких сведений, что советские спецслужбы продолжали поиск Люшкова. Похоже, советских контрразведчиков гораздо больше устраивал вариант с погибшим Люшковым, чем вариант с Люшковым, исчезнувшим неизвестно куда. Во всяком случае, они не обратили внимания на явные нестыковки паспортных данных Люшкова и мифического (или реального) Ямагучи, равно как и не стали проверять, действительно ли Люшков 6 или 7 августа прибыл из Японии в Чаньчунь для дальнейшего следования Дайрен, как о том показали японские офицеры.

Лично я думаю, что никто Люшкова не душил и не стрелял. Он спокойно дождался конца войны в Токио и, с ведома бывших руководителей японской разведки, предложил свои услуги американским оккупационным войскам. К тому времени поведение «дядюшки Джо», только что заявившего, правда без каких-либо последствий, о своем желании оккупировать Хоккайдо, внушало американцам все больше опасений. Вместе с тем они испытывали дефицит сведений о Советском Союзе, особенно о положении в высших эшелонах власти. Для Управления Стратегических Служб, будущего ЦРУ, даже сбежавший семь лет назад высокопоставленный чекист представлял большой интерес. Как мы убедимся дальше, американская разведка в ту пору охотно взяла под свое крыло и Мишинского-Минишкия, немецкого агента и бывшего советского партийного функционера куда более низкого уровня, чем Люшков.

Генрих Самойлович мог принести американцам и некоторую практическую пользу. Со времен своей командировки в Германию в начале 30-х он знал какую-то часть советской агентуры в этой стране. Наверняка Люшков охотно поделился этими знаниями с американцами, чьи войска стояли на немецкой земле. А ведь кто-то из агентов мог продолжать работу и в 40-е годы. Вероятно, Люшкова под чужим именем переправили из Японии в Соединенные Штаты, где он и окончил свои дни. Хотя, может статься, жив и сейчас, но тогда ему должно быть без малого 100 лет, ведь Генрих Самойлович ровесник XX века. Почему американская разведка покрыла дело Люшкова тайной, объяснить легко. В 45-м СССР и США еще были союзниками, а соглашение, достигнутое в феврале в Ялте, предусматривало возвращение на родину всех бывших советских граждан, оказавшихся в западных зонах оккупации. Узнай Сталин, что Люшков у американцев, приложил бы все усилия, чтобы добиться его выдачи.

Но почему же Генрих Самойлович не осчастливил свободный мир мемуарами, как это считал необходимым сделать едва ли не каждый советский перебежчик, обладавший хоть минимумом литературных способностей? Как доказывают статьи, написанные Люшковым в Японии, способности у него были. А в 41-м Генрих Самойлович даже вел переговоры с американским издателем о возможной публикации в Америке своей книги. Эта затея провалилась из-за начавшейся войны между Японией и США.

Если уж перебежчик оказался на Американском континенте, почему он вдруг замолчал? Вот его коллега Александр Михайлович Орлов (он же — Лев Лазаревич Никольский, он же — Лейба Лазаревич Фельбинг), тоже проживавший в США, куда он сбежал из Испании двумя неделями позже Люшкова, после смерти Сталина выпустил «Тайную историю сталинских преступлений». Однако положение двух чекистов было принципиально различно. Орлов сбежал в Соединенные Штаты самостоятельно и не находился на службе у американской разведки (таковой в 38-м году просто не существовало, во всяком случае в том виде,

как в СССР и Японии). Люшков же наверняка был под полным контролем американских спецслужб. Кроме того, Орлов почти все время проработал в разведке и не имел никакого касательства к массовым репрессиям 30-х годов. Люшков же был одним из ревностных проводников «ежовщины» и в Азовско-Черноморском крае, и на Дальнем Востоке. Как разоблачитель преступлений коммунистического режима Генрих Самойлович не очень подходил, поскольку слишком сильно был сам в них замешан. ЦРУ не могло не сознавать этого немаловажного обстоятельства.

«КРАСНАЯ КАПЕЛЛА» ПРОТИВ «БАРБАРОССЫ»

У советской разведки, в отличие от абвера, перед войной имелось довольно серьезная агентура в Германии. Эта сеть известна как «Красная капелла». Я не буду в данной книге пересказывать ее историю. Этот сюжет требует специального исследования. Хочу лишь обратить внимание на одно обстоятельство. И Вальтер Шелленберг, и советские источники, и уцелевшие разведчики, вроде резидента в Бельгии и Франции Леопольда Треппера, которому после начала советско-германской войны подчинялась также агентура в Германии, склонны каждый по своим соображениям преувеличивать значение информации, поступавшей от агентов в Германии. Иногда может создаться впечатление, что чуть ли не все секреты Гитлера моментально оказывались на столе у Сталина. Разумеется, это было не так. И, чтобы доказать это, давайте проанализируем состав «Красной капеллы». Надо постараться ответить на вопрос, кто из наиболее видных агентов занимал какие посты, и, соответственно, что за информацию он мог поставлять в Москву.

«Красная капелла» — наименование условное. Так называли в гестапо агентуру в Германии и странах Западной Европы, работавшую на СССР¹. В единую сеть она была объединена только после начала советско-германской войны, когда всех агентов пришлось замкнуть на ограниченное число радиопередатчиков. Это обстоятельство оказалось роковым и способствовало провалу «Красной капеллы». Почти все ее члены были людьми левых, хотя и не обязательно коммунистических взглядов. Агенты работали на Москву не за деньги, а по убеждению. В Советском Союзе они видели единственную силу, способную остановить и сокрушить Гитлера.

Наиболее важными агентами по степени доступа к конфиденциальным материалам были племянник адмирала Тирпица обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен (псевдоним «Старшина»), работавший в министерстве авиации, советник министерства иностранных дел Рудольф фон Шелиа (он был одним из немногих, кого использовали «в темную», уверяя, что информация идет англичанам, а не русским) и советник министерства экономики Арвид Харнак (псевдонимы «Балтиец» и «Корсиканец»). Но ни один из них, равно как и другие члены советской разведывательной сети в Германии и Западной Европе, не имел доступа к документам рейхсканцелярии, Верховного командования вермахта и германских сухопутных сил, а только там могли быть осведомлены о подлинных военных планах Гитлера, в том числе и в отношении СССР.

Вот что, например, было написано о Харнаке («Балтийец») в справке, составленной Главным Управлением Государственной Безопасности в декабре 1940 года, когда было принято решение возобновить контакты с агентом: «В 1935 году “Балтиец” был завербован через Гиршфельда (тогдашнего советского консула в Кенигсберге. — Б. С.). В это время “Балтиец” работал в качестве чиновника германского министерства хозяйства и по своему служебному положению имел доступ к интересным материалам (торговые договоры Германии, состояние финансового хозяйства Германии и т. д.)...

За время работы с нами “Балтиец” передавал нам подлинные торговые соглашения секретного характера, материалы по валютному хозяйству Германии, о финансировании немецких разведывательных организаций, а также и политические информации.

Кроме того, Шахт (имперский министр финансов. — Б. С.) поручил “Балтийцу” составление конспектов для своих выступлений по хозяйственно-финансовым вопросам в партийных и правительственных инстанциях.

“Балтиец” и его жена (американка Милдред. — Б. С.) часто бывали в американском посольстве в Берлине, особенно в бытность послом США в Берлине Додда

В настоящее время "Балтиец" продолжает работать в министерстве хозяйства в качестве референта-экономиста в отделе торговых договоров и политики».

Далее перечислялись источники информации, с которыми Харнак регулярно контактировал: «Промышленник Тициен... в настоящее время является генеральным директором одной из крупнейших немецких обувных фирм "Лейзер". Происходит из в прошлом очень богатой петербургской семьи. Эмигрировал во время революции за границу, был офицером в белой армии, затем осел в Германии, где с ним совершилось, по словам "Балтийца", преобразование от богача и белого офицера к человеку, симпатизирующему коммунистам... Рупп — ведущий экономист И. Г. Фарбен... "Балтиец" характеризует Руппа как человека с пролетарским прошлым... Фрейхерр Вольцоген-Кейгаус, работающий в настоящее время референтом в научно-техническом отделе управления хозяйства и вооружения Верховного командования... "Балтиец" обработал его и считает за человека, искренне симпатизирующего коммунистам... Приближенный к "Балтийцу" человек — его племянник Герман Вольфганг, работающий сейчас в Главном командовании военно-морского флота, в морской радиоразведке. "Балтиец" в течение долгого времени обрабатывал Гавемана в коммунистическом духе... Помимо указанных связей "Балтиец" имеет, по его словам, еще двух своих близких друзей, которых он характеризует как абсолютно надежных и преданных коммунистов. Оба они происходят из рабочих; один работает в промышленности, другой окончил курсы иностранных языков, и "Балтиец" имел намерение устроить его через свои связи на работу переводчиком в Верховное командование армии».

Ясно, что ни сам Харнак, ни его информаторы доступа к документам плана «Барбаросса» по своему служебному положению не имели. В то же время они легко могли транслировать любую дезинформацию, распространявшуюся германскими разведорганами. Также и Шульце-Бойзен занимал слишком незначительную должность в министерстве авиации, чтобы знать наверняка о планах вторжения в Анг-

лию или в Советский Союз. В министерстве об этом, кроме самого Геринга, был осведомлен только его начальник штаба и, возможно, один-два штабных офицера, непосредственно разрабатывавшие планы использования авиации в предстоящей Восточной кампании. 5 апреля 1941 года руководство ГУГБ информировало резидента в Берлине Амаяка Кобулова, работавшего под прикрытием должности советника посольства:

«За последнее время мы буквально со всех сторон получаем агентурные сообщения о готовящейся германской акции. Эти сведения во многом, даже в сроках, совпадают с данными «Старшины» и «Корсиканца», причем при сопоставлении их оказалось, что все они идут из германских кругов или с территорий, оккупированных Германией.

Вместе с тем в американской и английской прессе в последнее время настойчиво и упорно предсказывают вторжение германских войск в Советский Союз, оккупацию немцами Украины, «дешевую и молниеносную войну, которая вознаградит всех немцев», и т. д. Такие статьи были помещены в мартовских номерах газет «Чикаго дейли ньюс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и в «Нью-Йорк Таймс». В английской газете «Дейли экспресс» во второй половине марта была помещена статья, в которой говорится о «секретной подготовке» Германией войны против СССР, о создании «антибольшевистского генштаба» в Кракове, о концентрации военных сил под Краковом, которые предназначаются для нанесения главного удара против СССР, и т. д.

Такое обилие агентурных сведений о «секретной подготовке» Германией этой акции, оживленная дискуссия этого вопроса в англо-американской печати наводит на мысль, не имеет ли здесь место широко задуманная инспирация или

а) самих немцев с целью оказать таким образом давление на СССР и получить уступки по какому-либо вопросу, или

б) англо-американского блока с целью добиться трещины в советско-германских отношениях и переадресовать германскую агрессию на Советский Союз.

Весьма возможно, что здесь переплетаются оба явления.

При этом агентура может являться простым рупором этих слухов, которые специально инспирируются как той, так и другой стороной.

Однако эти предположения отнюдь не должны демобилизовать нашу бдительность к этому вопросу. Наоборот, вам нужно тщательно фиксировать и сообщать немедленно нам все сведения, получаемые вами от агентуры по этому вопросу. Старайтесь возможно точнее передавать изложение этого вопроса агентам и выяснять первоисточник этих сведений.

Старайтесь по возможности сразу же на месте предпринимать проверку агентурных сведений, не дожидаясь наших указаний по этому вопросу, например вопрос о прекращении частных перевозок по железным дорогам, о концентрации войск в том или ином районе и др., что вы можете проверить собственными силами или через агентуру.

Работу со «Старшиной» следует максимально активизировать. Из ваших сообщений видно, что «Старшина» отлично понимает, кому и для чего нужны его сведения. Ему следует объяснить, насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их.

Между прочим, в одном из сообщений «Старшина» указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы — с другой. В следующем сообщении «Старшина» говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины. Между тем известно, что Яссы — румынский город. Такое невежество со стороны «Старшины», который специально занимается этим делом, выглядит странно».

Насчет дезинформации со стороны немцев в Москве не ошиблись. Но вот специальной кампании по дезинформации со стороны Англии и США не было. Британская и американская пресса просто передавали доходившие до них слухи о будущем германском нападении на Россию, инспирировавшиеся германскими спецслужбами. Англичане

и американцы тем охотнее печатали статьи о вероятном повороте Гитлера на Восток, что это отвечало их самым сокровенным надеждам. Советско-германская война резко облегчила бы положение Англии и упростила бы задачу США, все более открыто становившихся на сторону Туманного Альбиона. А то, что все упомянутые газетные сообщения основывались на дезинформации, доказывается тем, что в них настойчиво проводилась мысль о концентрации германских сил на юге, против Украины. В действительности главный удар, по плану «Барбаросса», наносился на центральном направлении. Дезинформацией, скорее всего, было и сообщение Шульце-Бойзена о возможных будущих бомбардировках Ленинграда и Киева. Ведь оно отвлекло внимание советского командования от московского направления.

Зачем же немцы распространяли сведения о грядущем нападении на СССР? Затем, что поток ложных деталей должен был скрыть истинные намерения. Указывались, в частности, более ранние сроки нападения, чем те, которые были установлены в подлинных документах. Когда эти сроки проходили и ничего не случалось, у советской стороны возникали серьезные подозрения, что информация в целом не соответствовала действительности. Не без влияния немецкой дезинформации Генштаб Красной армии пришел к выводу, что основные соединения вермахта сосредоточены на южном участке советско-германской демаркационной линии в Польше.

Что за люди были Харро Шульце-Бойзен и Арвид Харнак? Вот какой портрет племянника Тирпица дает в своих мемуарах Леопольд Треппер:

«В 1933 году, вскоре после прихода Гитлера к власти, Харро Шульце-Бойзен, 23-летний немецкий аристократ... и его друг еврей Анри Эрлангера, были арестованы эсэсовцами. Шульце-Бойзен уже несколько лет редактирует журнал, на страницах которого печатаются представители всех политических течений. Эрлангер — один из его сотрудников. Журнал называется «Дер гегнер» («Противник»). Под противником подразумевается нацизм...

Молодчики, арестовавшие Шульце-Бойзена и Эрлангера, звереют. Обоих задержанных заставляют обнажиться по пояс и прогоняют сквозь строй фанатиков, которые хлещут их плетками. Затем тоже по второму разу. На третьем прогоне верхняя половина туловища истязаемых испещрена кровоточащими ранами. Тогда Шульце-Бойзен обращается к своим мучителям:

I. Давайте-ка еще один раз!

Дойдя до конца строя, он салюует командиру эсэсовцев и говорит:

II. Вот я и совершил круг почета!

Эсэсовцы опешили. Один из них предлагает:

III. Присоединился бы ты к нам. Люди твоего пошиба должны быть в наших рядах!

Тут же они набрасываются на Эрлангера и убивают его прямо на глазах его друга. Ведь Эрлангер еврей...

Через некоторое время Шульце-Бойзен доверительно скажет друзьям:

IV. Смерть Эрлангера помогла мне сделать решающий шаг.

С этого дня Шульце-Бойзен безоговорочно принадлежит нам».

Даже если история с прогоном сквозь строй только красивая легенда (хотя после закрытия журнала его редактор действительно три месяца содержался под арестом), она достоверно показывает нам характер Шульце-Бойзена и мотивы его действий. После того как открытая борьба с нацистами стала невозможна, племянник Тирпица сделал вид, что избавился от левых увлечений молодости и стал одним из сторонников нового режима. Харро окончил курсы гражданских пилотов, а затем, благодаря протекции влиятельных родственников, поступил в отдел связи министерства авиации. В 1936 году он женился на внучке князя Филиппа фон Эйленбурга Либертас Хаас-Хайэ. Другом семейства Эйленбургов был сам Герман Геринг, что открывало перед Шульце-Бойзеном перспективы блестящей карьеры в Третьем Рейхе. Но он продолжал подпольную работу, писал статьи для нелегальной антифашистской га-

зеты «Внутренний фронт», организовывал нелегальную расклейку листовок в Берлине. А в 1939 году установил связь с группой Арвида Харнака, еще с 1935 года сотрудничавшего с советской разведкой. С начала 1941 года Шульце-Бойзен тоже стал посылать информацию в Москву. И он, и Харнак не считали себя предателями и были убеждены, что действуют во благо Германии.

Как свидетельствует Треппер, «если Шульце-Бойзен весь... огонь и пламя, то Арвид Харнак, напротив, спокоен и рассудителен. Он постарше Харро и принадлежит к научным кругам. Доктор философии, он изучал экономику в Соединенных Штатах. Там он встретил профессора литературы Милдред Фиш и женился на ней. Вернувшись в Германию, поступил на работу в министерство экономики, где занял высокую должность». В отличие от Шульце-Бойзена, Харнак вообще не подвергался никаким преследованиям со стороны нацистов. Как хороший экономист, он мог сделать неплохую карьеру и при Гитлере. Но предпочел сохранить верность своим убеждениям и заплатил за них жизнью. Члены «Красной капеллы» были убеждены, что поставляемая в Москву информация приносит ощутимую пользу Советскому Союзу. И не их вина, что Сталин и его окружение не смогли должным образом использовать ценные сведения.

22 декабря 1942 года, в день казни Харнака, Шульце-Бойзена и других антифашистов, гестапо составило подробный отчет по делу «Красной капеллы». Там особо подчеркивались идеологические мотивы, двигавшие ее членами:

«Причины, приведшие ныне обезвреженную группу изменников к антигосударственной деятельности, сводятся к следующему:

V. Радикально-социалистическое, зачастую коммунистическое мировоззрение.

VI. Неприятие национал-социализма, являющегося якобы продолжением концепции капиталистической экономики и не способного осуществить истинный социализм.

VII. Германия может существовать лишь в тесном сотрудничестве с Советским Союзом, чтобы иметь возмож-

ность в будущем противостоять нападению западных стран. Политическая структура Рейха должна быть такой же, как и в Советском Союзе, причем конечной целью является большевизация всей Европы.

VIII. Война для Германии проиграна, так как индустриальная мощь неприятельских держав настолько превосходит нашу собственную, что крушение Рейха неизбежно самое позднее на рубеже 43–44-го годов».

Как подчеркивали гестаповцы, почти все из 80 арестованных делу «Красной капеллы» «были готовы по собственным убеждениям поддерживать Советский Союз в его борьбе против Германии».

Насчет неизбежного краха Германии Шульце-Бойзен, Харнак ошиблись только в сроке — на полтора года. А вот с мнением о преимуществе советской политической системы следует поспорить. И в Рейхе, и в Советском Союзе существовала диктатура партии и вождя. Но вожди исповедовали разные виды социализма — соответственно, на расовой и классовой основе. В отличие от Рихарда Зорге, члены «Красной капеллы» не имели представления о подлинном размахе и причинах кровавых политических чисток в СССР и о невиновности жертв московских процессов в тех преступлениях, которые им приписывали. Поэтому Шульце-Бойзен, супруги Харнак, радист Ганс Коппи и другие участники германского Сопротивления умерли с верой в Сталина и Советский Союз.

Участникам «Красной капеллы» была доступна секретная информация действительно первостепенной важности. Как подчеркивалось в гестаповском отчете, «впредь эта группа могла быть очень опасна», поскольку «имела связи с имперским министерством авиации, верховным командованием вермахта, а также сухопутных и военно-морских сил, министерствами экономики, пропаганды, иностранных дел» и с рядом других организаций. В то же время люди Мюллера понимали, что, раз нападение на Советский Союз оказалось внезапным, значит, информация, поступавшая от Харнака, Шульце-Бойзена и других все-таки не нанесла невосполнимого ущерба Германии. Тут сыгра-

ло свою роль и то, что члены «Красной капеллы» проникли только в министерства экономики и авиации. Связь же с верховным командованием вермахта и сухопутной армии ограничивалась личными и служебными знакомствами.

За многими сообщениями «Корсиканца» и «Старшины» стояла хорошо разработанная система германских дезинформационных мероприятий. 12 мая 1941 года начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта фельдмаршал Кейтель распорядился начать вторую фазу дезинформации будущего восточного противника с 22 мая, когда будет происходить наиболее интенсивное передвижение военных эшелонов к советско-германской границе. Он требовал «представить сосредоточение сил к операции “Барбаросса” как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение западного противника. По этой же причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию. Принцип таков: чем ближе день начала операций, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений...

Все наши усилия окажутся напрасными, если немецкие войска определенно узнают о предстоящем нападении и распространят эти сведения по стране. Поэтому среди расположенных на востоке соединений должен циркулировать слух о тыловом прикрытии против России и “отвлекающем сосредоточении сил на Востоке”, а войска, расположенные на Ла-Манше, должны верить в действительную подготовку к вторжению в Англию.

В связи с этим важно определить сроки выставления полевых постов охранения (с целью приведения войск в полностью боеготовое состояние и исключения проникновения посторонних в места дислокации. — Б. С.), а также их состав. Распоряжения по этому вопросу должны разрабатываться для всех вооруженных сил в централизованном порядке главным командованием сухопутных сил по согласованию с другими видами вооруженных сил и управлением военной разведки и контрразведки. При этом было бы целесообразно еще за некоторое время до выставления полевых постов охранения отдать возможно больше-

му числу расположенных на востоке соединений приказы о переброске на запад и тем самым вызвать новую волну слухов.

Операция "Меркурий" (готовившаяся в те дни высадка германских войск на Крит; она началась 20 мая. — Б. С.) может быть при случае использована службой информации для распространения тезиса, что акция по захвату острова Крит была генеральной репетицией десанта в Англию.

Верховное главнокомандование вермахта (штаб оперативного руководства, отдел обороны страны) дополнит меры дезинформации тем, что вскоре на ряд министерств будут возложены задания, связанные с демонстративными действиями против Англии».

В заключение Кейтель сообщал подчиненным: «Политические меры дезинформации противника уже проведены и планируются новые». Беседа Шуленбурга с Деканозовым, состоявшаяся 5 мая 1941 года, несомненно, и была одной из этих мер, причем германский посол, разумеется, понятия не имел, что сообщает своему советскому коллеге ложные сведения. Любопытно, что оба посла кончили одинаково, хотя и по разным основаниям. Шуленбурга повесили за действительное участие в заговоре 20 июля против Гитлера, а Деканозова расстреляли за участие в мнимом заговоре Берии против Маленкова, Хрущева и других руководителей партии и правительства.

Во исполнение распоряжения Кейтеля отдел обороны страны оперативного управления штаба ОКВ 25 мая направил указания начальнику тыла сухопутных сил и начальнику отдела пропаганды вермахта: «...Следует подчеркнута продолжать приготовления к вторжению в Англию. Просьба к начальнику тыла сухопутных сил производить по возможности обширные приготовления для реализации операции "Морской лев", причем для участия в приготовлениях следует привлечь гражданские учреждения. Желательно по этому вопросу производить широкие совещания. Особенно важно давать определенные задания также гражданским учреждениям. Необходимо призвать переводчиков и других гражданских лиц, предназначенных для вы-

полнения административных задач на случай реализации плана «Морской лев».

Просьба к Отделу пропаганды вооруженных сил связаться с министерством пропаганды, давая последнему директивы, необходимые с точки зрения стратегической дезинформации противника. Обращаю при этом внимание на то, что министерство пропаганды не должно быть в курсе истинных намерений по стратегической дезинформации противника».

После войны в СССР и России публиковались, как правило, только те разведсводки, где указывалось на концентрацию частей вермахта у советских границ и на намерение Гитлера напасть на СССР. Они призваны были доказать пущенную в оборот во времена Хрущева версию о дураке Сталине, не внявшем ясным предупреждениям разведки о готовящемся германском нападении на Советский Союз. Но ведь ничуть не меньше поступало в Москву и донесений об операции «Морской Лев» — готовящемся германском вторжении в Англию. В немецкие войска призывали переводчиков со знанием русского языка, но наряду с этим призывали и тех, кто хорошо владел английским. Проводились собрания чиновников оккупационной администрации для восточных территорий, но одновременно собирали и тех, кто должен был управлять Британскими островами. Германские дивизии перебрасывались на восток, и скрыть столь масштабные перемещения людей и техники не было никакой возможности. Но накануне 22 июня распространились также слухи о скорой переброске дислоцированных у советских границ дивизий обратно на запад для участия в грядущем форсировании Ла-Манша. Разобраться, где здесь правда, а где дезинформация, да еще в считанные недели, остававшиеся до начала германской агрессии, было очень непросто.

И военные, и политические руководители СССР почти до самого начала войны верили в оборонительный характер германских мероприятий у советских границ и продолжали подготовку наступательной операции. Например, сводка разведывательного отдела штаба Западного особ-

го округа от 5 июня 1941 года отмечала наращивание германских войск у границы. Но в выводах подчеркивалось, что усиление группировки происходит «преимущественно артиллерийскими и авиационными частями», причем одновременно немцы «форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО». Говорилось также, будто «антивоенные настроения в германской армии принимают более широкие размеры». Подобные донесения, поступавшие в Генштаб, скорее должны были создать впечатление, что вермахт готовится к обороне против возможного советского вторжения, но сам на СССР в ближайшее время нападать не собирается. Да и кто рискнет наступать, если солдаты вот-вот могут воткнуть штык в землю! Пропагандистские клише, ничего общего не имевшие с действительным настроением немецких солдат, сослужили Красной армии плохую службу.

Как Сталин, так и Гитлер собирались напасть друг на друга, исходя прежде всего из собственных экспансионистских планов по установлению господства в Европе. Фактор превентивной войны в расчетах двух диктаторов также присутствовал, но не играл главной роли. Оба надеялись, что до нападения противника еще достаточно много времени. И советский, и нацистский режим были преступными, но отнюдь не из-за того, что Германия первой напала на СССР, а Советский Союз собирался вторгнуться на территорию Рейха, да не успел. Нет, преступность обоих режимов определялась проводившейся ими политикой геноцида, этнического — в Германии, классового — в СССР. Впрочем, и в нашей стране людей порой истребляли по этническому признаку. Вспомним расстрелы поляков в 1940 году или депортации немцев, крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков и некоторых других народов в период Второй мировой войны, сопровождавшиеся массовыми жертвами. Преступной является и роль, сыгранная Сталиным и

Гитлером в развязывании Второй мировой войны, которая не могла начаться без пакта Молотов — Риббентроп. Все же военные акции, последовавшие после германского нападения на Польшу, были его следствием и предопределялись неумолимой логикой событий. Столкновение СССР и Германии было неизбежно, и лишь случай определил, кому суждено напасть первым.

Накануне 22 июня 1941 года Сталин и Гитлер напоминали двух бандитов, готовящихся вытащить нож из-за голенища. Но у обоих на глазах была повязка, ибо ни советская, ни германская разведка так и не смогли вскрыть подлинных намерений противной стороны.

Только в самые последние дни перед германским вторжением Сталин всерьез обеспокоился. Возможно, по его личному распоряжению, 20 июня 1941 года была составлена хронологическая сводка важнейших сообщений «Корсиканца» и «Старшины» с сентября 1940 года по июнь 1941 года. Она помогает обозреть важнейшую часть информации о возможном нападении Гитлера на СССР, имевшийся в распоряжении советского руководства в последние недели и месяцы перед 22 июня 1941 года.

В сентябре 1940 года Харнак сообщал, со слов Тициена, которому об этом, в свою очередь, рассказал «офицер Верховного командования немецкой армии», что «в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза», чему будет предшествовать германская оккупация Румынии. Поскольку никакого нападения в начале 41-го не последовало, в Центре, очевидно, сочли это сообщение ложным. Также не должно была особо насторожить Москву переданная в октябре «Корсиканцем» информация о том, что в вермахте запрещено распространение русской литературы, в том числе сочинений Толстого и Достоевского. Расовая доктрина национал-социализма, считавшая славян недочеловеками, не была тайной.

В другом октябрьском донесении Харнак утверждал, будто «Геринг приблизительно две недели тому назад дал указание о прекращении поставок в СССР и только дней пять тому назад под нажимом фирм, требующих сырье, со-

гласился на продолжение поставок». Это сообщение тоже не вызывало большого доверия. Ведь ни Геринг, и тем более ни германские промышленные фирмы принимали решения, продолжать или приостанавливать обусловленные советско-германским торговым договором поставки в СССР. Это была прерогатива фюрера, а не его заместителя.

После возобновления связи, в январе 1941 года, «Корсиканец» сообщал: «В кругах, группирующихся вокруг “Херрен-клуба”, нарастает мнение, что Германия проиграет войну, и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой, с тем чтобы повернуть оружие на восток». Тогда же Шульце-Бойзен докладывал: «Позиция Геринга все больше и больше склоняется к заключению соглашения с Америкой и Англией».

Все эти сведения не соответствовали действительности, поскольку сам план «Барбаросса» задумывался как одно из средств сокрушения Англии, лишив ее последнего потенциального союзника на континенте. В тексте директивы прямо говорилось: «Основное требование заключается в том... чтобы наступательные действия против Англии, и в особенности против ее путей подвоза, отнюдь не ослабевали».

Поступившее в январе 41-го донесение Харнака о том, что «военно-хозяйственный отдел имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил распоряжение о составлении карт промышленности СССР», говорило лишь о возможных в будущем враждебных действиях против Советского Союза, но отнюдь не о возможных сроках таких действий.

«Старшина» сообщал также о ряде мероприятий люфтваффе, направленных против СССР: «В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград... Геринг дал распоряжение о переводе “русского реферата” министерства авиации в так называемую активную часть

штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции».

Здесь все было правдой, но эти данные сами по себе не могли служить доказательством скорого германского нападения на СССР. Ведь советская авиация совершала не менее интенсивные разведывательные полеты над территорией Рейха, и аналогичные акции люфтваффе можно было рассматривать и как подготовку к внезапному нападению на Советский Союз, и в качестве предупредительной меры против возможной агрессии со стороны восточного соседа. Активизация же русского отдела в авиационном министерстве показывала, что Германия видит в СССР потенциального противника, но это и так было хорошо известно советскому руководству.

Берия направил донесение Шульце-Бойзена Сталину и Молотову, указав, что это — «агентурное сообщение, полученное из Берлина»: «По сведениям, полученным источником от референта Штаба командования германской авиации, Геринг все более и более склоняется к заключению соглашения с Англией и Америкой в силу создавшихся трудностей в войне с Англией и ухудшения дальнейших перспектив войны. Основные трудности заключаются в том, что в связи с затяжкой войны значительно ухудшается экономическое положение Германии.

По сведениям, полученным от надежного источника в Берлине, попытки немцев договориться с американцами выразились в том, что на завтраке, устроенном для американского посольства в Берлине ближайшими помощниками Геринга — маршалом Мильхом и генерал-полковником Удетом, последние в беседе с американским военным атташе Пейтоном дали понять ему, что Германия желала бы договориться с Америкой.

По сведениям того же информатора, опровержение ТАСС, касающееся пребывания германских войск в Болгарии, произвело в германском Министерстве авиации впечатление разорвавшейся бомбы. Геринг дал распоряжение о переводе «русского реферата» Министерства авиа-

ции в так называемую активную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции. Штаб авиации дал распоряжение о производстве в широком масштабе разведывательных полетов над территорией СССР с целью рекогносцировки пограничной полосы, в том числе и Ленинграда, путем фотосъемок и составления точных карт. Самолеты, снабженные усовершенствованными фотоаппаратами, будут перелетать советскую границу на большой высоте».

Заявление ТАСС от 13 января 1941 года, которое упоминал в своем донесении «Старшина», звучало так: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием.

ТАСС уполномочен заявить, что:

- Если немецкие войска в самом деле находятся в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию.

- В частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ».

Германское информационное бюро на следующий день заявило, что речь, несомненно, идет о «мнимой переброске германских войск в Болгарию», а потому «нет ничего удивительного, что русское официальное агентство ТАСС сочло своим долгом опубликовать опровержение в связи с этими сообщениями...».

На самом деле германских войск в тот момент в Болгарии не было, но планы их ввода разрабатывались по край-

ней мере с осени 40-го года. 25 ноября Гальдер записал в дневнике: «Нет никакого приказа о том, чего, собственно, хотят в Болгарии, а между тем идут разговоры о численности войск и даже об отдельных воинских частях. Вся эта Болгарская операция (направленная в тот момент на оккупацию Греции, успешно отразившей итальянское вторжение. — Б. С.) ни в коей мере не обещает решающей победы над Англией. Тем не менее все идет к тому, что она начнется». Нервная реакция в германском руководстве на заявление ТАСС могла быть вызвана опасениями, что произошла утечка сведений о планах Балканской кампании. Советская сторона в данном случае просто произвела зондаж, поскольку от своей весьма разветвленной и высокопоставленной агентуры в Болгарии знала, что германских войск там еще нет.

В начале февраля 1941 года Шульце-Бойзен сообщил, что «штаб авиации решил начать в марте месяце Балканскую акцию... За последние три недели немецкие войска перебрасываются в Болгарию». Здесь «Старшина» был прав насчет срока начала германского вторжения в Грецию. Первоначально оно было запланировано на конец марта. А вот по поводу переброски немецких войск в Болгарию агент ошибся. Она началась только 28 февраля с прибытия частей прикрытия авиации, а авангарды основных сил 12-й полевой армии вошли на болгарскую территорию лишь 2 марта.

В марте 1941 года «Корсиканец» со слов чиновника комитета по 4-летнему плану Отто Доннера сообщил, что закончено «составление расчетов об экономическом эффекте антисоветской акции с отрицательными выводами». Харнак полагал, что «распоряжения о разработке расчетов исходят не от военного командования, а от Риббентропа или даже Гитлера», причем «составление всех расчетов должно быть закончено к 1 мая».

Данное сообщение вообще могло быть истолковано в пользу той версии, что Гитлер откажется от нападения на СССР, поскольку экономический эффект от оккупации со-

ветских территорий ожидался меньшим, чем от торговли с Москвой в условиях мирного времени. Правда, тогда же от Харнака поступило донесение, где говорилось о подготовке германской агрессии: «Реальность антисоветских планов серьезно обсуждается в руководящих немецких инстанциях, подтверждением является концентрация германских войск на восточной границе. Построение и расположение войск на Советской границе аналогично построению немецкой армии, подготовленной в свое время для вторжения в Голландию».

Сразу бросается в глаза, что это сообщение носит слишком общий характер. И уж совсем загадочным выглядит сравнение с Голландией. Во-первых, в мае 1940 года вермахт вторгся не только в Голландию, а в первую очередь в Бельгию, чтобы обойти укрепления линии Мажино. Во-вторых, тогда фронт вторжения, тем более если иметь в виду одну Голландию, был во много раз меньше, чем протяженность советско-германской границы, так что вермахт при развертывании против Советского Союза никак не мог копировать голландский вариант.

Сохранилось сообщение руководства ГУГБ НКВД от 6 марта 1941 года, адресованное в ЦК, Совнарком и Наркомат обороны, также основанное на донесении «Корсиканца»: «По информации, полученной от чиновника Комитета по четырехлетнему плану, несколько работников комитета получили срочное задание составить расчеты запасов сырья и продовольствия, которые Германия может получить в результате оккупации европейской части Советского Союза».

Тот же информатор сообщает, что начальник Генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успешным операциям будет способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог. Тот же Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и его нефтяных промыслов, которые нем-

цы якобы смогут быстро восстановить после разрушений от военных действий. Гальдер считает, что Красная армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск и русские не успеют даже уничтожить запасы.

Что касается расчетов Комитета по четырехлетнему плану в отношении хозяйственного эффекта такой операции, то эти расчеты якобы дают отрицательный прогноз.

По сведениям, полученным от служащего штаба Верховного командования, задание о составлении подобных же расчетов получил от Генштаба также начальник хозяйственного отдела штаба полковник Беккер.

Расчеты полковника Беккера, наоборот, доказывают высокий хозяйственный эффект, который будет получен в результате военных операций против СССР».

Характерно, что в итоговый календарь донесений Харнака и Шульце-Бойзена, составленный за два дня до начала войны, офицеры советской разведки включили только сведения о том, что расчеты германских экспертов показывают экономическую неэффективность нападения на СССР. Не исключено, что в ГУГБ склонялись к мысли, что германского вторжения все-таки не будет и сведения о мероприятиях по его подготовке являются дезинформацией. Но возможно также, что в последние предвоенные дни, когда слишком многие признаки указывали на неизбежность в самое ближайшее время советско-германского военного столкновения, чекисты решили подстраховаться и подчеркнуть противоречивость информации, поступавшей по поводу как сроков, так и самой возможности германской агрессии против СССР.

В Генеральном штабе Верховного командования германских сухопутных сил (ОКХ) действительно был подполковник (а не полковник) Беккер, который, однако, занимал пост военного атташе в Словакии, а не начальника экономического отдела. И в дневнике Гальдера нет никаких сведений, что Беккеру или кому-либо еще поручалось рассчитывать экономический эффект от вторжения в СССР.

Правда, не исключено, что в донесении имелось в виду Верховное командование вермахта (ОКВ).

Что же касается Гальдера, то он в самом деле рассчитывал на молниеносную победу, но оккупацию Украины предусматривал только после разгрома основных сил Красной армии. Возможно, слухи о преимущественном внимании начальника Генштаба ОКХ к Украине базировались на том факте, что 5 февраля 1941 года он провел военно-оперативную игру в штабе группы армий «А» (будущей «Юг»), посвященную развитию операций на украинской территории. Однако там рассматривались лишь чисто военные аспекты проблемы.

Насчет же экономической эффективности войны против СССР справедливыми оказались пессимистические, а не оптимистические прогнозы. Практически все продовольствие, полученное с Украины и других оккупированных территорий, и львиная доля захваченного советского промышленного потенциала использовалась для нужд германской Восточной армии и органов оккупационной администрации. Правда, немцы рассчитывали уже к зиме 41-го оставить на Востоке только 60 дивизий, а вынуждены были держать там до 200 соединений. К тому же доставшиеся в руки вермахта промышленные предприятия были весьма основательно разрушены, а оборудование в большинстве случаев вывезено. Германии, в частности, так и не удалось использовать захваченные нефтепромыслы Северного Кавказа.

Вот еще одно мартовское сообщение «Старшины», где утверждалось, будто «Геринг является главной движущей силой в разработке и подготовке действий против Советского Союза». Но ведь на самом деле идея операции «Барбаросса» принадлежала Гитлеру. Геринг же, равно как и командование военно-морского флота, был сторонником сосредоточения основных усилий против Британских островов и в бассейне Средиземного моря.

Тогда же, в марте, «Корсиканец» со ссылкой на журналиста и профессора высшей политической школы в Бер-

лине Цехлина доносил о возможных сроках начала войны против СССР: «Решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб и немцы воспользуются этим урожаем. Цехлину от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая». Но когда этот срок прошел и нападения не последовало, к этому источнику в Москве должны были отнестись с сомнением.

Затем «Корсиканец» прислал еще несколько сообщений о грядущем германском нападении на СССР. Со ссылкой на экономиста концерна Фарбен-индустри Руппа он утверждал: «Военное выступление Германии против СССР является уже решенным вопросом». От заместителя руководителя института военно-хозяйственной статистики Лянгелитке Харнак узнал, что, «по мнению германского штаба, Красная армия будет оказывать сопротивление только в течение первых 8 дней, после чего будет разгромлена. Оккупацией Украины немцы предполагают лишить Советский Союз его основной промышленной базы. Затем немцы продвигаются на восток и отторгнут Кавказ от Советского Союза. Урал, по их расчетам, может быть достигнут в течение 25 дней. Нападение на Советский Союз диктуется соображениями военного преимущества Германии над СССР в настоящее время».

Перед нами опять чистой воды дезинформация. В германских штабах недооценивали мощь Красной армии и способность Советского Союза к сопротивлению, но не в такой же степени. По самым оптимистическим расчетам меньше, чем за 8 недель, разбить Красную армию генералы и фельдмаршалы вермахта не рассчитывали. Достичь же за 25 дней Урала, наступая от западных границ СССР, можно было если не на самолете, то хотя бы на поезде. И снова основной упор делался на Украину и Кавказ, благодаря чему внимание советских военных отвлекалось от истинного направления главного удара вермахта.

«Корсиканец» продолжал освещать и дебаты по поводу оценки экономической эффективности агрессии против СССР: «Работы по вычислению экономической эффективности антисоветской акции продолжаются. Особое внимание уделяется вопросу о мощности нефтяных промыслов в Галиции. Нейман (из комитета по 4-летнему плану) подписал докладную записку для Геринга, содержащую отрицательные выводы об экономической эффективности оккупации Украины». И из этой информации нельзя было сделать вывода о том, что вопрос о нападении на СССР уже решен.

Харнак утверждал, со слов Доннера, что от операции «Морской лев» — высадки в Англии — немцы уже отказались: «В Бельгии, помимо оккупационных войск, находится только одна активная дивизия, что является подтверждением, что военные действия против Британских островов отложены. Немецкие войска концентрируются на востоке и юго-востоке». Но на самом деле в тот момент достаточно большое число немецких дивизий, в том числе танковых и моторизованных, находилось во Франции и в западной части Германии. В случае необходимости они в короткий срок могли бы быть переброшены к побережью Ла-Манша. Поэтому, объективно говоря, нельзя было сделать вывод, что десант на Британские острова отложен надолго.

До конца марта «Корсиканец» сообщил, что «подготовка удара против СССР стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение сконцентрированных на границе Советского Союза немецких войск». Одновременно «Старшина» информировал Москву: «Германский генеральный штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжает на машине районы расположения электростанций.

В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая».

Но тут же «Старшина» сделал важную оговорку: «Имеется лишь 50 процентов шансов за то, что это выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом».

Под этим углом зрения в Москве, естественно, рассматривали и другие донесения Шульце-Бойзена. Например, такое: «Немецкое командование ведет подготовку клещеобразного удара с юга — из Румынии с одной стороны и через Прибалтику, а возможно, через Финляндию — с другой. Этот маневр будет предпринят, с тем чтобы отрезать Красную армию, как это было сделано в свое время во Франции. К востоку, недалеко от Кракова, сосредоточены крупные авиасоединения, также на востоке создан новый авиационный корпус».

Отнюдь не все в этом донесении соответствовало истине. Вольно или невольно, но «Старшина» укреплял у советского руководства мнение, что в случае начала войны с Германией главная опасность грозит Красной армии на флангах, а не в центре. Сам ли Шульце-Бойзен случайно пришел к ошибочному выводу или стал жертвой широкомасштабной кампании дезинформации, мы, возможно, не узнаем никогда. Что же касается сведений о концентрации германской авиации у границ СССР, то они были значительно преувеличены. Основная масса самолетов люфтваффе, предназначенных для поддержки операции «Барбаросса», была переброшена на восток только в июне. До этого времени здесь лишь готовились аэродромы и создавались авиационные штабы, в распоряжении которых, однако, еще не было боевых частей. Да и сама концентрация авиации не могла однозначно свидетельствовать в пользу агрессивности германских намерений в отношении СССР. С тем же успехом самолеты могли быть использованы для отражения возможного советского вторжения.

В апреле сведения, поступающие от «Старшины», становились все тревожнее: «Штаб германской авиации пол-

ностью разработал и подготовил план нападения на Советский Союз. Авиация концентрирует свой удар на железнодорожные узловые пункты центральной и западной части СССР, электростанции Донецкого бассейна, предприятия авиационной промышленности г. Москвы. Авиационные базы под Краковом являются основным исходным пунктом для нападения на СССР. Созданы две армейские группы, которые намечены для операции против СССР.

Геринг занимает явный курс на войну против СССР, и для него нежелательны сообщения, указывающие на рискованность и нецелесообразность этой авантюры. Геринг на последней встрече с Антонеску потребовал 20 дивизий для участия в антисоветской акции. В Румынии немецкие войска сконцентрированы на советской границе.

Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия. Вторым несовершенным звеном обороны считают службу связи авиации в Красной армии в силу тяжеловесности, излишнего кодирования и сложности ключей».

Тут уже была конкретика, которую невозможно просто так отбросить. Раз главком люфтваффе и второй человек в партии старается отмахнуться от всего, что свидетельствует о силе Красной армии и рискованности войны против СССР, значит, Германия действительно не рассматривает в данный момент серьезно советскую угрозу и вполне может готовить агрессивную войну. Нанесение первого удара по аэродромам с обороной никак не связано, зато полностью совпадает с советской концепцией «первого удара», запечатленной даже в художественной литературе — в одноименном романе Николая Шпанова.

Но вот другого рода сообщения — о сроках возможного нападения — сильно запутывали дело и заставляли подозревать какую-то грандиозную игру со стороны Германии с целью введения в заблуждения своих противников — уже сражающихся и потенциальных. В начале апре-

ля «Корсиканец» сообщал: «Референт Розенберга по СССР Лебрандт заявил Цехлину, что вопрос о вооруженном выступлении против СССР решен. 10 апреля будет опубликовано распоряжение о прекращении частных поставок по железным дорогам. Антисоветская кампания начнется 15 апреля. Прекращаются транзитные перевозки через СССР германского импорта».

Тут не вполне ясно, имеется ли в виду антисоветская пропагандистская кампания в печати или начало боевых действий против Советского Союза. Но в любом случае ни 10, ни 15 апреля никаких акций не последовало, а транзитные поставки из СССР в Германию даже увеличились.

Харнак докладывал также об эвакуации населения из приграничных территорий: «Немцы эвакуировали Мемель. Познань и города Силезии объявлены зонами военной опасности первой очереди. Из генерал-губернаторства заканчивается эвакуация женщин и детей». Однако эвакуировать мирных жителей стали бы и при подготовке к отражению возможной советской агрессии.

«Старшина» тем временем сообщал со ссылкой на Гергера, офицера связи при Геринге: «Германская военная подготовка проводится нарочито заметно в целях демонстрации своего военного могущества. Гитлер является инициатором плана нападения на Советский Союз, считая, что предупредительная война с Союзом необходима ввиду того, чтобы не оказаться перед лицом более сильного противника. Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к пакту трех. Начало осуществления плана увязывается с окончанием войны с Югославией и Грецией».

Данная информация способна была только еще больше запутать советское руководство. С одной стороны, указывалось на то, что сосредоточение немецких войск на восточных границах Германии носит явно демонстративный характер. Следовательно, оно может преследовать цель либо отвлечь внимание от истинных планов Гитлера, в частности по высадке в Англии, либо запугать Советский

Союз, чтобы вынудить его принять какие-то германские требования по переделу сфер влияния в Восточной Европе. Указание же на возможный ультиматум с требованием присоединиться к Тройственному пакту окончательно сбивало с толку. В ноябре 1940 года Молотову в Берлине было действительно сделано такое предложение, и оно вовсе не было отвергнуто. Советский Союз только оговорил возможность своего участия в пакте выполнением ряда условий, связанных в том числе и с укреплением советского влияния на Балканах. Зачем же нужен был ультиматум, чтобы принудить к тому, к чему Москва и так была готова?

От Шульце-Бойзена в апреле поступали и вовсе фантастические донесения. Со слов офицера штаба авиации Хольцхаузена он сообщал: «Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна, и поэтому необходимо заключение мира с ними. Чтобы сделать Англию более сговорчивой, необходимо отторгнуть Украину от Советского Союза. Захват Украины принудит Англию пойти на уступки. В случае необходимости возможно заключение мира с Англией, даже ценой принесения в жертву нацизма, а при неудаче в войне с СССР и самого Гитлера, чтобы "устранить" препятствие к объединению цивилизованного мира против большевизма. Япония и Италия якобы не посвящены в эти антисоветские планы». «Старшина» также информировал: «В связи с успешным продвижением немецких войск в Ливии африканские победы стоят в центре внимания. Настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз, несколько утихло, так как они получили новые надежды выиграть войну с Англией. Однако генеральный штаб с прежней интенсивностью проводит подготовительные работы для операции против СССР, выражающиеся в детальном определении объектов бомбардировок.

В генштабе сухопутной армии часть генералитета, по моему мнению, является зачинщиками и приверженцами антисоветской акции. К последним относится также Браухич. Племянник Браухича обер-лейтенант армии сказал,

что пора кончить борьбу между народами Европы, а надо объединить усилия против Советского Союза. Подобные идеи исходят от Браухича...

Основной фигурой, движущей антисоветские планы немецкой военщины и части буржуазии, является Геринг. В противовес этому Риббентроп является противником этих планов. Разногласия между Герингом и Риббентропом зашли так далеко, что переросли в личную неприязнь между ними».

Главная неправда этих сообщений заключалась в том, что они создавали в Москве впечатление, что по вопросам дальнейшей стратегии в германском руководстве продолжается борьба. Сталин вполне мог прийти к заключению, что инициаторами разработки планов нападения на СССР является не Гитлер, а главное командование сухопутной армии и авиации. Фюрер же решения еще не принял и под влиянием успехов в Ливии может склониться к перенесению основной тяжести борьбы в бассейн Средиземного моря. В действительности к апрелю 41-го вопрос о нападении на СССР был давно уже решен Гитлером, который и был вдохновителем операции «Барбаросса». В генштабе германских сухопутных сил, находясь под впечатлением молниеносной победы над Францией, план нападения на СССР разрабатывали с большим энтузиазмом, чем в свое время план Западной кампании. Теперь генералы верили, что вермахт справится с этой задачей. Правда, и Браухич, и Гальдер указывали на рискованность операции «Барбаросса» с военной точки зрения, но надеялись, что Красную армию удастся разгромить в ходе быстротечной кампании, не допустив затягивания войны на востоке.

Геринг и Риббентроп вообще-то друг друга недолюбливали, но к плану нападения на СССР оба относились отрицательно, будучи сторонниками средиземноморской стратегии, призванной сокрушить Британскую империю. По утверждению современного биографа Геринга Генриха Гротова, рейхсмаршал «считал, что отказ от средиземноморского плана — серьезная ошибка Гитлера, что его ре-

шение готовиться к нападению на Советскую Россию чудовищно по своей сути... Геринг указал Гитлеру: то, что он планирует сделать — открыть второй фронт, — не соответствует взглядам самого Гитлера и противоречит тому, что он писал и обещал народу в "Майн кампф".

Однако Гитлер был охвачен постоянно усиливающимися опасениями, перерастающими в невроз, что Сталин готовится напасть на Германию. Он сказал, что русские неожиданно разрешили немецким инженерам и офицерам посетить их военные заводы, производящие авиационные детали, двигатели и танки. Отчет, который они представили ему, Гитлеру, по возвращении, вызвал у него сильное беспокойство. Россия становится очень сильной, и Сталин проявляет в их отношениях все большую независимость. Германия должна торопиться, чтобы не оказалось поздно, и Советы не напали первыми.

— Мы разобьем русских до зимы, — сказал он.

В ответ Гитлер заметил, что даже если Германия сумеет разгромить русскую армию, война на этом не закончится. Русский народ никогда не пойдет на мир. И установить контроль над этой страной будет невозможно. Он просил Гитлера подумать о судьбе Наполеона.

На это Гитлер резко ответил, что Наполеон не имел сильнейшей танковой армии и самых мощных военно-воздушных сил, какие только известны миру...

На следующий день Геринг, переполненный тяжелыми предчувствиями, уехал в Каринхалле. Там он провел совещание с Эрхардом Мильхом и сообщил своему заместителю о решении Гитлера. Мильх не проявил ни сомнения, ни беспокойства, которые владели Герингом, решив, в свою очередь, что тот тоже одобряет русскую кампанию и полностью поддерживает фюрера. А вечером Мильх записал в своем дневнике, что эта затея, по его мнению, совершенно безумна и окончится она не зимой, а не раньше чем через четыре года».

Следующее сообщение Харнака, ссылавшегося на Шульце-Бойзена, еще больше запутало ситуацию: «В на-

стоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовительную работу для акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака, в первую очередь против первой. Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план, в генштаб больше не поступают фотоснимки советской территории, сделанные с немецких самолетов». Это была дезинформация, с помощью которой германское руководство хотело прикрыть подготовку операции «Барбаросса».

В конце апреля от «Старшины» поступил ряд донесений, где утверждалось, что вопрос о нападении на СССР окончательно решен и что Риббентроп, «который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР». Шульце-Бойзен указал на активные контакты германского Генштаба с генеральными штабами Финляндии, Румынии, Венгрии и Болгарии по поводу предстоящего Восточного похода. Он процитировал речь Гитлера перед офицерами — выпускниками училищ — 29 апреля, где фюрер заявил: «...В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намеряем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой». «Корсиканец», в свою очередь, сообщил, что «на совещании ответственных референтов Министерства хозяйства референт прессы Кроль в докладе заявил: «...От СССР будет потребовано выступление против Англии на стороне держав Оси. В качестве гарантии будет оккупирована Украина, а возможно, и Прибалтика».

Здесь сбивал с толку слишком уж откровенный намек на «красную чернь» в столь широкой аудитории. А пассаж про ультиматум был чистой воды дезинформацией.

В мае Шульце-Бойзен настаивал: «Необходимо серьезно предупредить Москву обо всех данных, указывающих на то, что вопрос о нападении на Советский Союз является решенным, наступление намечено на ближайшее время и немцы

для этой акции ставят на карту «фашизм или социализм», естественно, подготавливают максимум сил и средств».

Здесь совершенно точно подмечен «идеологический характер» будущей войны на Востоке. Но вот в следующем донесении опять проявляется неопределенность со сроками и повторяется фантастическая версия с ультиматумом: «В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба часто называется 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь.

Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза. В последнее время подготовку войны с СССР немцы стараются сохранить в полном секрете. Соответствующие меры принимаются в этом направлении германскими представителями в Москве».

Не исключено, что предположения о будущем ультиматуме и возможной оккупации в качестве залога принятия германских требований некоторых областей Украины не были даже дезинформацией в чистом виде. Эти логические схемы могли рождаться в голове немецких штабных офицеров, осведомленных о подготовке восточного похода. Они искренне верили, что такую большую войну не станут начинать без какого-то дипломатического прикрытия и сначала выдвинут ультиматум, а только потом вторгнуться на советскую территорию.

«Старшина» докладывал, что, «несмотря на ноту советского правительства, германские самолеты продолжа-

ют полеты на советскую сторону с целью аэрофотосъемки. Теперь фотографирование происходит с высоты 11 тысяч метров, а сами полеты проводятся с большой осторожностью». Он утверждал: «Недавно Антонеску направил меморандум Гитлеру и Герингу, в котором доказывает необходимость нападения Германии на СССР весной этого года. В качестве доводов указывается, что Германии необходимо обеспечить за собой сырьевую и продовольственную базу, каковой является Украина». Тут опять на первый план выходило юго-западное направление возможного главного удара. Впрочем, Антонеску был младшим партнером Гитлера, и тот вовсе не обязан был слушать румынского диктатора.

Шульце-Бойзен сообщал, что против СССР разворачивается 1-й воздушный флот люфтваффе: «Флот № 1 германской авиации предназначен для действий против СССР в качестве основной единицы. Находится он пока еще на бумаге, за исключением соединений ночных истребителей, противозенитной артиллерии и отрядов, тренирующихся специально в бреющих полетах.

Однако это не значит, что он не готов к выступлению, так как по плану все налицо, организация подготовлена, самолеты могут быть переброшены в кратчайший срок. До сего времени центром расположения 1-го воздушного флота был Берлин. Сейчас центр перенесен в Кенигсберг, но место его нахождения тщательно конспирируется. Количество самолетов 1-го флота по планам неизвестно. Известно, что во флоте имеется три эскадрильи истребителей».

Информация была не вполне точная. На самом деле 1-й воздушный флот предназначался для поддержки группы армий «Север», но отнюдь не призван был сыграть основную роль в войне против СССР. Ведь главный удар наносила группа армий «Центр», которую поддерживал 2-й воздушный флот. Опять внимание советского руководства концентрировалось на флангах, тогда как основных неприятностей ему следовало ожидать на центральном направлении.

Во второй половине мая от «Старшины» поступили донесения, свидетельствующие, что операция против СССР переносится на более поздний срок: «Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне.

Немецким военным атташе за границей, а также послам дано указание опровергать слухи о военном столкновении между Германией и СССР».

Шульце-Бойзен также передал содержание приказа Верховного командования вермахта от 7 мая, где говорилось, что «германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу». Агент связывал издание этого приказа «с разведывательными полетами немецких самолетов над советской территорией и нотой советского правительства». О том же сообщал и Харнак: «В министерстве хозяйства приказ Верховного командования связывается с антисоветскими планами Германии, которые стали известны русским».

Переполюх в немецких штабах вызвала нота советского правительства от 21 апреля 1941 года, переданная германскому поверенному в делах Типпельскирху. Там содержалось требование принять безотлагательные меры против нарушения границы немецкими самолетами. За период с 27 марта по 18 апреля произошло 80 таких инцидентов. Германская сторона по поводу аналогичных нарушений границы с советской стороны предпочитала хранить молчание.

Отсрочку осуществления антисоветских планов Германии Шульце-Бойзен объяснял «трудностями и потерями в войне с англичанами на африканском фронте и на море (как раз 27 мая 1941 года был потоплен крупнейший германский линкор "Бисмарк". — Б. С.). Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны. Наряду с этим подготовительные работы против СССР в штабе авиации продолжаются».

Но истинной причиной отсрочки начала операции «Барбаросса» стала Балканская кампания, а отнюдь не бои в Северной Африке. Мнение же, будто одновременное ведение войны против Англии и Советского Союза невозможно, еще больше дезориентировало Москву.

В первую неделю июня «Старшина» сообщал со слов начальника русского отдела штаба авиации Геймана: «На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине, об использовании советского военного флота против Англии.

Все подготовительные военные мероприятия — составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на “балканских” аэродромах германской авиации — должны быть закончены к середине июня месяца».

Но в середине июня вместо ультиматума Москве последовала история с публикацией в германском официозе «Фелькише Беобахтер» статьи Геббельса. Эта акция должна была прикрыть начавшуюся после 10 июня переброску последнего эшелона дивизий вермахта к советским границам.

13 июня 1941 года рейхсминистр пропаганды выступил со статьей «Крит — как пример», где прямо намекал на то, что опыт парашютного десанта на Крите очень скоро пригодится вермахту при высадке на Британские острова. В ночь с 12-го на 13-е номер газеты был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы в Берлине часть тиража успела разойтись и достичь иностранных посольств. 14 июня Геббельс с удовлетворением констатировал в своем дневнике, что английские и мировые газеты и радиостанции приходят к выводу, будто германское развертывание против России — это «чистый блеф, с помощью которого мы рассчитываем замаскировать подготовку к вторжению в Великобританию». Как реакцию на этот инцидент рейхсминистр пропаганды рассматривал и известное заявление ТАСС, переданное по радио поздно ве-

чером 13 июня. Геббельс с удовлетворением отметил: «Русские, кажется, еще ни о чем не подозревают».

По свидетельству маршала С. М. Буденного, перед тем как продиктовать Молотову текст заявления ТАСС, Сталин заявил членам Политбюро и присутствовавшим здесь же руководителям наркомата обороны: «Людоед Гитлер не отказывается от своих планов завоевания мирового господства. Наоборот, с упорством маньяка готовится осуществить их. Каким образом? — Сталин несколько секунд молча смотрел на карту. — Сосредоточение переправочных средств в Ла-Манше, войск и техники на побережье — это не больше, чем демонстрация, рассчитанная на простаков. Вторгаться на острова — наиболее глупый шаг. Неизбежны большие потери, а что получит Гитлер, если, допустим, даже завоюет Англию? Завязнет там, а за спиной — могучая Красная армия. На другом материке — союзник Англии, США, с их могучим военно-морским флотом, авиацией и спешно создаваемыми сухопутными силами в несколько миллионов человек. Гораздо выгоднее начать с колоний, слабо защищенных или совершенно не защищенных, захватить Африку, — Сталин обвел материк трубкой, — стратегические острова Средиземного моря. Ввести войска в Иран, пройти в Индию, высадить десанты в Австралии, в Индонезии. Лишившись колоний, Англия задохнется без хлеба и сырья. Могучий флот Америки без заморских баз станет игрушкой для детей, а моряки — пригодными лишь для парадов. Но Англия и США в трудную минуту могут обратиться за помощью к Советскому Союзу. Антигитлеровская коалиция станет неодолимой помехой фашистской Германии в ее стремлении к мировому господству».

Статью Геббельса советский вождь, возможно, рассматривал как попытку вынудить английское командование сосредоточить усилия на защите метрополии, чтобы отвлечь внимание от истинной цели немцев — Средиземноморья. Гитлер, никак не ответив на заявление ТАСС, стремился создать у Сталина впечатление, будто хочет убедить англичан в реальности своих намерений завоевать Россию,

тогда как в действительности в самое ближайшее время вторгнется на Британские острова. Иосиф Виссарионович, в свою очередь, молчание фюрера расценил как продолжение несколько иной игры. Немцы пытаются убедить англичан, что вермахт в ближайшее время вторгнется в СССР, тогда как в действительности германские войска готовятся атаковать либо непосредственно Британские острова либо английские владения на Средиземном море, а затем предпринять поход в Иран, Ирак и Индию. Не исключено, что Сталин серьезно относился к слухам, распускаемым среди немецких солдат, перебрасываемых к советским границам, будто им предстоит совместный с русскими поход в Индию. Он мог ожидать, что после Заявления ТАСС Гитлер возобновит предложение, сделанное Молотову в Берлине в ноябре 40-го, о совместном разделе Британской империи и об отнесении Ирана к советской сфере интересов.

Тем временем «Старшина» сообщал со слов майора люфтваффе Гертца: «Все начальники аэродромов в генерал-губернаторстве и в Восточной Пруссии получили задание подготовиться к принятию самолетов. Спешно обору- дуются большой аэродром в Инстербурге.

В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен выехать на новую штаб-квартиру.

Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах».

Эти донесения свидетельствовали, что подготовка к нападению на СССР вступила в завершающую фазу, когда боевые самолеты начали перебрасываться на приграничные аэродромы.

Но тут же шла информация, которая вполне могла вызвать в Москве большие сомнения: не является ли сосредоточение германских войск на Востоке грандиозной демонстрацией, призванной отвлечь внимание от будущего вторжения на Британские острова. Шульце-Бойзен докладывал: «Сформировано будущее административное управление оккупированных территорий СССР во главе с Розенбергом». О том же 16 июня информировал и «Корсиканец»: «Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих "округов оккупированной территории СССР". Для Кавказа — Амонн, один из руководящих работников национал-социалистической партии в Дюссельдорфе; для Киева — Бурандт, бывший сотрудник министерства хозяйства; для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом. Для общего руководства хозяйственным управлением "оккупированных территорий СССР" назначен Шлоттер, начальник иностранного отдела министерства хозяйства. Подлежащая оккупации территория должна быть разделена на три части, из которых одной должен заправлять гамбургский наместник Кауфман.

В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для "оккупированной" территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что "понятие Советский Союз" должно быть стерто с географической карты».

В тот же день «Старшина» сообщал, что «в кругах министерства авиации сообщение ТАСС от 14 июня воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может».

В данном случае сведения Харнака и Шульце-Бойзена полностью соответствовали истине, но внешне очень напоминали преднамеренную дезинформацию. Ведь, строго говоря, не было никакой необходимости заранее назначать чиновников для будущих оккупированных советских областей. До Киева, Москвы и Кавказа вермахту было

еще шагать и шагать. Даже при самом благоприятном сценарии молниеносной войны первые несколько недель оккупированные территории все равно оставались бы в ведении тыловых органов соответствующих групп армий. За это время легко можно было бы успеть сформировать аппарат Восточного министерства Альфреда Розенберга. Но Гитлер и его соратники спешили разделить шкуру еще не убитого «русского медведя». Потому и назначили наместников в еще не захваченные области СССР.

Со стороны все это действительно могло казаться большой мистификацией. В 1940 году точно так же назначались чиновники для оккупированной Англии, но они в итоге не понадобились. Однако этих людей вновь назначили в 41-м, теперь уже с чисто дезинформационными целями. И переводчиков с английского ко всем частям, расположенным на Западе, прикомандировывали. Но вторжения на Британские острова в 40-м так и не последовало. Может, немцы на этот раз все же перейдут Ла-Манш, а на Востоке просто блефуют. Примерно таким кажется ход мысли Сталина.

Что же касается сообщения Шульце-Бойзена о реакции окружения Геринга на заявление ТАСС, то его тоже можно было истолковать двояко. То ли в Берлине уже решились на поход против России, то ли, наоборот, не верят в декларируемую Москвой верность договору о ненападении и опасаются советского вторжения. Опять сплошные загадки!

Кроме Харнака и Шульце-Бойзена, поступали и другие донесения о грядущем нападении на Советский Союз. Однако и они не выглядели безоговорочно достоверными. Возьмем, например, резидента советской военной разведки в Токио Рихарда Зорге (псевдоним — «Рамзай»), являвшегося корреспондентом ряда немецких газет в Японии и имевшего тесные связи с посольством Германии. 1 июня 1941 года от него пришло сообщение: «Берлин информировал Отта (германского посла в Токио. — Б. С.), что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95 процентов уверен, что война начнется.

Косвенные доказательства, которые я вижу к этому в настоящее время, таковы:

Технический департамент германских воздушных сил в моем городе получил указания вскоре возвратиться. Отт потребовал от военного атташе, чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспорт каучука через СССР сокращен до минимума.

Причины для германского выступления: существование мощной Красной армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, потому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР, Красная армия должна быть отогнана возможно скорее. Так заявил Отт».

Германского посла в Японии, объективно говоря, не было никакой нужды заблаговременно информировать о предстоящем нападении на СССР. Признаки же такого нападения, отмеченные Зорге, были далеко не бесспорны. Отъезд германских авиационных специалистов из Японии совсем не обязательно был связан с предстоящим вторжением вермахта на советскую территорию. Уменьшение транзита каучука в Германию через СССР могло быть вызвано опасениями, что Москва задержит поставки или даже может использовать их «взаимообразно» для собственных нужд, в точности как сейчас поступает Украина с транзитным российским газом и нефтью. Что же касается опасения пересылать через советскую территорию секретные сообщения, то и оно могло диктоваться беспокойством за сохранение тайны. Ведь было хорошо известно, что НКВД проявлял повышенный интерес к сумкам иностранных дипкурьеров. Трудности же ведения вермахтом боевых действий в Северной Африке обуславливались отнюдь не концентрацией германских сухопутных войск у восточных границ Рейха, а слабостью немецкого флота и люфтваффе, без которых невозможно было снабжать достаточно крупные германо-итальянские силы на Африканском континенте.

К тому же в Москве не верили Зорге. В 1937 году он отказался вернуться в СССР. По всей вероятности, именно Зорге переслал в Москву доклад японского военного атташе Коотани. Очевидно, знакомство с докладом Коотани стало одним из побудительных мотивов для Зорге отказаться от возвращения в СССР, несмотря на требования руководства. «Рамзай» имел все основания опасаться, что станет жертвой той же чистки, что и Тухачевский. Поскольку Зорге в Москве считали «невозвращенцем», почти предателем, к его информации, в том числе о готовящемся нападении Германии на Советский Союз, относились с очень большим сомнением. Только после того, как 22 июня 1941 года эта информация подтвердилась самым трагическим образом, доверие к Зорге было восстановлено.

Кем был Штирлиц?

Кроме Харнака и Шульце-Бойзена, у Москвы был еще один важный агент в Германии, служивший в РСХА. Судя по всему, именно он послужил прототипом знаменитого Штирлица. Только вот судьба агента была куда печальнее, чем у удачливого героя Юлиана Семенова. Вот что вспоминает о нем генерал Судоплатов: «5 августа 1942 года Разведупр забросил двух агентов-парашютистов в Германию — Артура Хесслера и Альберта Барта. Но немцы уже держали под наблюдением группу, на связь с которой они были посланы, и их арестовали. Хесслер погиб в гестапо, а Барта немцы перевербовали, и он начал вести с советской разведкой радиоигру, которую, кстати, наши сразу же разгадали. Во время допроса Барт раскрыл советского агента Вилли Лемана (Брайтенбах), который сотрудничал с нами с 1935 года. Леман был сотрудником гестапо и снабжал Москву исключительно важной информацией. Он передал нам в 1935–1941 годах важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению агентуры в среду русских эмигрантов и коммунистическое подполье.

От Лемана в свое время в Москве также узнали, какие источники польской контрразведки были перевербованы и использовались немцами после разоблачения в 1936 году в Берлине польского резидента Сосновского...

Лемана арестовали на улице и тайно, без суда, казнили. Гестапо сообщило жене, что ее муж исчез и его усиленно разыскивают. После войны нашли лишь его регистрационную карточку в архивах тюрьмы Плетцензее в Берлине — других следов о нем не осталось. Леман в годы войны был единственным офицером гестапо, сотрудничавшим с Советским Союзом.

В архивах гестапо были обнаружены сведения о “Красной капелле”. И хотя имя Барт там фигурирует, Леман даже

не упомянут. Возможно, это вызвано нежеланием бросить тень на гестапо, в рядах которого оказался советский агент. Не исключено, что гестапо боялось доложить об этом Гитлеру. Барт был взят в плен англичанами и передан нам в 1946 году. Его доставили в Москву, судили и расстреляли за измену».

Иначе излагается агента «Брайтенбах» в книге «Тайна Зои Воскресенской», в анонимном очерке «Как звали Штирлица?» (возможно, его автором является Эдуард Шарпов). Здесь утверждается, что Леман был завербован еще в 1929 году, причем до того момента, как весной 1939 года связь с ним была впервые прервана, «этот человек передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещающих структуру, кадры и деятельность политической полиции (впоследствии гестапо), а также военной разведки Германии. Он предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и легальных работников резидентуры в Берлине, сообщал сведения о лицах, разрабатываемых гестапо, наводил также справки по следственным делам в гестапо, которые нас интересовали, а в последнее время передавал главным образом материалы о военном строительстве в Германии, в том числе о сооружении особо важного объекта в Потсдаме — ставки Верховного главнокомандующего».

В справке, составленной летом 1940 года начальником 1-го отделения разведки ГУГБ П. М. Журавлёвым, отмечалось, что в отношении честности агента подозрений никогда не возникало и что работает он за деньги, а не из идейных соображений. В июне 1940 года Леман передал в советское полпредство письмо, где просил возобновить связь с ним.

В очерке «Как звали Штирлица?» изложена краткая биография агента «Брейтенбах»: «Родившийся в 1884 году Вилли Леман — сын преподавателя, учившийся на столяра, он 12 лет прослужил в императорском военно-морском флоте. В 1911 году он поступил в берлинскую полицию... попал в контрразведотдел берлинского полицей-прези-

диума, с 1920 года стал начальником канцелярии отдела. В его обязанности входила и слежка за иностранными посольствами, в том числе и за советским...

Вилли Леман действовал осторожно: сначала он порекомендовал своему лучшему другу (тоже сотруднику полицей-президиума), попавшему в финансовые затруднения, обратиться к русским с предложением своих услуг. Это было в 1927 году, а в 1929-ом Леман последовал примеру друга, что было зафиксировано в делах Лубянки 7 сентября. Москва радировала (в Берлин. — Б. С.): «Ваш новый друг нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест». Резидентура отвечала: «...Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей».

Дальнейшая судьба «Брайтенбаха» автором очерка «Как звали Штирлица?» описывается так: «В 1930 году Леману была поручена «разработка» советского посольства и противодействие советскому экономическому шпионажу. Его знал и ценил новый прусский министр-президент Герман Геринг, взявший Лемана во вновь созданное гестапо. В начале 1933 года гестапо (вероятно, еще берлинский полицей-президиум, поскольку гестапо было создано специальным декретом Геринга только 26 апреля 1933 года. — Б. С.) посетил Геринг. Он просил чиновников не относиться враждебно к национал-социалистам в своих рядах. Чиновники с участием «Брайтенбаха» подготовили в ответ письмо Герингу с благодарностью за выраженную им уверенность, что сотрудники отдела впредь исполнят свой долг. К «Брайтенбаху» стали обращаться с предложением вступить в нацистский союз чиновников. Агент, однако, не спешил с ответом. И только 20 апреля 1934 года, в день рождения Гитлера, Леман был повышен в чине, а в мае принят в СС с правом ношения значка. О возможностях, открывшихся для советской разведки, говорит лишь такой факт: 30 июня 1934 года Леман был в свите Геринга, и в Москву пошла быстрая точная информация о «ночи длинных ножей»

(такое название получило устроенное Гитлером 30 июня 1934 года уничтожение руководителей штурмовых отрядов во главе с Эрнстом Ремом; в них фюрер видел будущих опасных соперников; кроме Рема, жертвой резни пали около 80 руководителей штурмовых отрядов и до сотни рядовых штурмовиков. — Б. С.)...

Приехавший в 1934 году в Берлин Василий Зарубин (сотрудник Иностранного отдела НКВД, с конца 1934 года — нелегальный резидент в Берлине, в будущем — легальный резидент в США, работавший под дипломатическим прикрытием. — Б. С.) хорошо сработался с “Брайтенбахом”, причем на совершенно деловой основе: не идеология, а ежемесячная сумма в 580 марок. Лемана это, видимо, устраивало, так как он вел скромный образ жизни. Его брак был бездетным. Жена унаследовала гостиницу и ресторан где-то в Силезии, там, в случае выхода на пенсию, Леман хотел открыть частное сыскное агентство. В Москве очень заботились о Лемане: помогли ему лечить диабет, а для пьяницы-коллеги, приведшего Лемана в посольство на Унтер-ден-Линден, обеспечили за русский счет поездку в Швейцарию, позаботясь тем самым и о соблюдении конспирации.

Сведения “Брайтенбаха” поистине не имели цены. Не говоря уже о том, что московские разведчики за 12 лет не имели ни одного провала (обо всех операциях гестапо шли предупреждения). В Москву тек поток информации и документов. В архиве Лубянки отчеты с подписью “Брайтенбах” составили 14 томов... Он регулярно освещал деятельность политической полиции, гестапо и абвера. Затем, когда по долгу службы он стал заниматься военной промышленностью и военным строительством, в Москву начали поступать данные о строительстве военных объектов. Для дешифровальной службы Лубянки “Брейтенбах” слал немецкие исходные материалы... Через Лемана шли практически все документы отдела IV-E (внутренняя контрразведка. — Б. С.)».

Обстоятельства провала Лемана здесь излагаются примерно так же, как и в мемуарах Судоплатова: «В нача-

ле сентября 1940 года (после полуторагодичного перерыва, связанного с заключением пакта Риббентроп — Молотов и очередной чисткой в разведке НКВД, связанной со смещением Ежова. — Б. С.) сотрудник резидентуры Александр Коротков встретился с “пропавшим агентом”. 9 сентября 1940 года из Москвы последовала завизированная Берия шифровка: от агента “нужно брать все, что находится в непосредственных его возможностях”, подобрать связника и фотолабораторию для документов, которые будут поступать. Ожидания вскоре оправдались: стала поступать высокоценная разведывательная информация, включая, к примеру, текст доклад Гейдриха от 10 июня 1941 года “О советской подрывной деятельности против Германии” (этот доклад, подготовленный при участии отдела IV-E, опубликован в мемуарах бывшего начальника этого отдела Вальтера Шелленберга; здесь описывалась главным образом деятельность агентуры Коминтерна, а также советских агентов в протекторате Богемия и Моравия и среди немецких переселенцев из территорий, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах. — Б. С.)...

Позиции “Брайтенбаха” еще более укрепились — он уже не полицейский, а хауптштурмфюрер СС, криминалькомиссар, сотрудник отдела IV-E, занимавшегося контрразведкой. В этом отделе Леман ведал защитой военной промышленности Германии...

Связь с “Брайтенбахом” была поручена новому сотруднику “Николаю” — Борису Николаевичу Журавлёву... Уже в марте 1941 года “Брайтенбах” сообщил, что в абвере в срочном порядке укрепляется подразделение для работы против СССР. Его новый начальник Абт, ушедший в свое время из гестапо как масон, по картотекам и спискам подбирает нужных людей. Когда к “Брайтенбаху” обратился Абт, он рекомендовал ему некоторых своих бывших сотрудников, уже вышедших на пенсию... В июне агент должен был уйти в отпуск до 17 июля. 19 июня он пришел на встречу крайне взволнованный и сообщил, что получен приказ о начале войны против СССР в 3 часа 22 июня. В тот же вечер информация ушла в Москву...

“Брайтенбах” был потерян во второй раз — на этот раз навсегда. Берлинская резидентура не подготовила связь с ним на случай войны и не дала агенту явок и связей, за что пришлось расплачиваться. Подходов к “Брайтенбаху” не осталось, так как “Николай” 4 июля с советской колонией покинул Берлин...

Когда в мае 1942 года в Германию был заброшен агент-парашютист Ганс Барт (“Бек”) (у Судоплатова — Альберт Барт. — Б. С.), то ему дали старый пароль, обусловленный еще Коротковым. 11 декабря “Бек” радировал из Берлина, что разговаривал с “Брайтенбахом” по телефону, передал пароль и договорился о встрече. Но на следующий день агент не пришел. “Бек” позвонил еще раз, однако к телефону подошла жена и сказала, что мужа нет дома...

“Бек” — Барт был через несколько дней арестован и, как он впоследствии признался (он выжил и вернулся в Москву), выдал свою явку к “Брайтенбаху”. Когда же после войны советские офицеры пришли в дом № 21 по Кармен-Сильваштрассе, то госпожа Леман рассказала: в декабре 1942 года муж был срочно вызван на службу и домой не вернулся. Чуть позже сослуживцы под секретом ей сообщили: Вилли Леман расстрелян».

Интересно, а вспомнил ли Вилли Лемана его непосредственный шеф Вальтер Шелленберг, с сентября 1939 года по июнь 1941 года возглавлявший в РСХА контрразведывательный отдел IV-E? Да, вспомнил. Из мемуаров Шелленберга, впервые вышедших в свет в 1956 году, мы узнаем, что его подчиненного сгубила любовь, но не к женщинам или к вину, как это обычно бывает со шпионами, а к лошадям: «Советам удалось нанести мне удар в области промышленного шпионажа. В нашем отделе, ведавшем этой работой, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть — лошадиные бега. В 1936 году он впервые начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые

дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью вскоре отыграть-ся. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег. В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу. “Ну и что ж с того, — произнес тот, кто назвал себя Мецгером, — со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову”. Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи в виде помощи небольшую сумму денег с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло, и он проиграл. Л. получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги теперь ему были крайне необходимы для семьи. Теперь Мецгер предъявил дядюшке Вилли счет и потребовал вернуть все полученные на игру деньги. Л. был не в состоянии вернуть долг, и Мецгер пригрозил сообщить об этом полицейскому начальству. Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного “друга”. За предоставление новой ссуды инспектор обещал передавать всю информацию из центрального аппарата нашей службы. Отныне он работал на русских. В течение нескольких лет Л. так умело использовали, что со стороны никто не заметил появления у него нового источника доходов. Дядюшка Вилли мог теперь удовлетворить свою страсть к игре на скачках, но при этом тщательно следил, чтобы его образ жизни остался прежним. Его растущий банковский счет был так тонко устроен, что не могло возникнуть никаких подозрений. В качестве промежуточного лица здесь действовал Мецгер, который брал со счета необходимые суммы.

За время сотрудничества с русскими Л. передал им столько ценных материалов, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы. Бумаги Л. обычно носил за подкладкой шляпы. “Хозяин” Мец-

гера, имевший внешность преуспевающего человека, носил точно такую же шляпу. При выходе из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер передавались в Москву из расположенного в глубине двора дома, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию. Сам радист был коммунистом, обучавшемся в Москве. Он состоял не только в КПГ, но и в НСДАП и других нацистских организациях. Соседи и сослуживцы знали его как ревностного национал-социалиста. Но как-то он заболел и вынужден был лечь на операцию. Под наркозом он начал говорить о необходимости сменить шифр и несколько раз вскрикивал: «Почему Москва не отвечает?». Врач, оперировавший его, сам пошел к Мюллеру и сообщил о случившемся. Обнаруженная таким образом шпионская сеть включала шестнадцать человек, к которым принадлежал и дядюшка Вилли. Вместе с другими восьмью обвиняемыми он по приговору суда был расстрелян. Так как Гиммлер приказал держать все это дело в тайне, на службе у дядюшки Вилли мы распространили известие, что он во время служебной поездки в Варшаву, по всей вероятности вследствие приступа сахарной болезни, выпал из поезда и разбился насмерть. Я думаю, что до сих пор никто, кроме участников дела, ничего не знает о действительной подоплеке событий.

Дело дядюшки Вилли было типичным образцом великолепной работы Советов. Для руководства агентами они использовали, как правило, только те кадры, которые получили в этой области предварительно основательную подготовку. Обработывая свои жертвы, они не спешили; не торопили, не требовали невозможного; они прочно стояли обеими ногами на земле».

Итак, перед нами три версии жизни и судьбы Вилли Лемана, различающиеся в ряде существенных деталей. Шелленберг и Судоплатов полагали, что «Брайтенбах» работал на советскую разведку с середины 30-х годов. Напротив, в очерке о прототипе Штирлица утверждается, что Леман сотрудничал с Москвой уже с 1929 года. Российские авторы настаивают, что инициатива в установлении контак-

тов с советскими спецслужбами исходила от самого агента. А вот бывший начальник Лемана в РСХА уверен, что тот был завербован советскими резидентами, использовавшими единственную слабость дядюшки Вилли — страсть к лошадиным бегам. Здесь я склонен больше доверять Шелленбергу. Очевидно, в момент ареста Леман продолжал трудиться в возглавлявшемся Шелленбергом VI отделе (зарубежная разведка). Немецкий начальник «Брайтенбаха» при работе над мемуарами, несомненно, опирался на материалы допросов Лемана. Правда, протоколами допросов Шелленберг в тот момент вряд ли обладал, так что, вероятно, ему пришлось излагать их содержание по памяти. Бедному дядюшке Вилли за шпионаж в военное время грозил неминуемый расстрел или, как и некоторым членам «Красной капеллы», гильотинирование. Единственный шанс если не избежать смертной казни, то по крайней мере отсрочить ее, было рассказать как можно больше эпизодов своей шпионской деятельности, чтобы затянуть следствие и вовлечь в него максимум других лиц. Конечно, Леман мог и придумать историю вербовки на бегах, чтобы уменьшить свою вину в глазах следователей и сослуживцев. Однако страсть его к скачкам наверняка была подлинной, это Шелленберг и его коллеги легко могли проверить. А человек, способный просадить всю месячную зарплату на ипподроме, представляет собой идеальный объект для вербовки. Кстати, в романе Юлиана Семенова «Пароль не нужен», посвященном ранним приключениям будущего Штирлица в годы гражданской войны, Максим Максимович Исаев вербует Алекса Фризейского, адъютанта правителя белого Приморья Спиридона Меркулова, благодаря тому, что тут крупно проигрался на бегах. Подозреваю, что в 1929 году Вилли Леман только впервые попал в поле зрения Москвы, после того как один из его знакомых или сослуживцев, работавших на советскую разведку, назвал имя Лемана в донесении, направленном в Москву. А в 1935 году «Брайтенбах» был завербован резидентом Зарубиным, который может быть отождествлен либо с «Мецгером», либо с «Хозяином» — преуспевающим человеком в модной шляпе.

35-й как год начала работы Лемана с советской разведкой, названный Судоплатовым, выглядит предпочтительнее, чем 36-й год, упоминаемый Шелленбергом. Судоплатов имел в своем распоряжении архивы Службы внешней разведки, а на допросе в конце 1942 года Леман мог уже и не вспомнить точную дату начала своего сотрудничества с Советами.

Можно сказать, что «Брайтенбаха» сгубила жадность. Не направь в июне 1940 года дядюшка Вилли послание в советское посольство, в Москве о нем бы наверняка забыли и в любом случае вряд ли бы смогли найти в условиях военного времени. Леман пережил бы войну. Потом, очевидно, он подвергся бы процедуре денацификации, но поскольку военных преступлений и преступлений против человечества не совершал, максимум, что грозило ему, — это пара лет в лагерях для интернированных за членство в преступных организациях. А если бы дядюшка Вилли доказал, что работал на советскую разведку, то, скорее всего, вообще избежал бы наказания.

Не вполне ясна и судьба предавшего Лемана радиста Барта. Судоплатов считал, что его имя Альберт, а автор очерка о прототипе Штирлица полагает, что Барта звали Ганс (а может быть, у радиста было двойное имя — Ганс Альберт?). Неизвестно, предал ли он Лемана сознательно или выдал сведения о нем под действием наркоза, на что намекает Шелленберг. В 1946 году англичане вряд ли стали бы выдавать советской стороне германского подданного, подозреваемого лишь в вынужденной двойной игре. Скорее можно предположить, что Барт добровольно вернулся в Москву, надеясь оправдаться. Ведь Судоплатов признает, что радиоигру с его участием на Лубянке очень быстро раскусили. Может быть, радист смог предупредить? И действительно ли он был расстрелян? Вероятно, окончательные ответы на эти и многие другие вопросы можно будет найти в архивах ФСБ и СВР, когда они станут более доступными для исследователей.

Юлиан Семенов очень внимательно читал мемуары Шелленберга. В результате пожилой немец инспектор Л.

превратился в русского красавца средних лет штандартен-фюрера Штирлица-Исаева. А добродушие дядюшки Вилли под пером писателя превратилось в добродушие папаша Мюллера. Но еще более существенную трансформацию претерпел немец-радист, предавший Лемана. В «Семнадцать мгновений весны» он превратился... в русскую радистку Кэт, любимицу миллионов телезрителей. Правда, в романе и фильме Кэт выдает себя не во время операции, а при родах, начиная по-русски звать маму. Вопреки расхожему мнению, архивы советской разведки Юлиану Семёнову не понадобились. Для создания замечательного, почти гениального образа Штирлица и других героев «Семнадцать мгновений весны» хватило знакомства с мемуарами бывшего шефа нацистской зарубежной разведки.

Слов нет, Вилли Леман был одним из наиболее ценных советских агентов в Германии. Однако даже его сведения никак не смогли прояснить вопрос о точной дате нападения Гитлера на Советский Союз. Хотя непосредственный начальник Лемана Шелленберг был информирован главой РСХА Гейдрихом об операции «Барбаросса» еще в марте 1941 года (до этого были лишь намеки на новую «евро-азиатскую» ориентацию Германии), подчиненные Шелленберга, в том числе и «Брайтенбах», узнали о предстоящем нападении лишь за три дня до его начала, когда уже ничего нельзя было изменить.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ ПОСЛЕ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

С началом Великой Отечественной войны связь с агентурой в Германии и других оккупированных странах Западной Европы Москве пришлось осуществлять исключительно по радио. Резидентуры оказались замкнуты на ограниченное число радиопередатчиков, которые были запеленгованы гестапо. В скором времени почти вся действующая агентура была провалена. 30 августа 1942 года схватили Шульце-Бойзена, а 3 августа — Харнака. Их радиопередатчики были провалены еще раньше, в декабре 1941 года и июне 42-го. К сожалению, ценной стратегической информации после начала советско-германской войны «Старшина» и «Корсиканец» передать уже не успели. Связь с ними была восстановлена только в декабре 41-го, но через несколько месяцев оборвалась навсегда.

То, что руководство разведки не позаботилось о налаживании устойчивой радиосвязи с агентурой в Германии на период советско-германской войны, не было простым следствием обычной советской безалаберности. В Москве всерьез рассчитывали разгромить Германию в ходе блицкрига. А в этом случае не беда, если на два-три месяца прервется поток стратегической информации из Берлина. Он с лихвой будет компенсирован данными войсковой разведки — показаниями многочисленных пленных и сведениями, почерпнутыми из трофейных документов. Вообще, в период наступления Красной армии (а иного сценария развития боевых действий Сталин до 22 июня 1941 не предполагал) значительно большее значение, чем глубокая закордонная разведка, приобретала разведывательная и диверсионная деятельность (вывод из строя средств связи и железнодорожных путей противника и захват стратегически важных мостов) непосредственно в прифронтовой полосе, впереди наступающих войск. С этой целью, в

частности, забрасывались легионеры Людвика Свободы на территорию протектората Богемия и Моравия.

Напомню, что по плану от 15 мая 1941 года на территорию протектората советские войска должны были войти уже на 30-й день наступления. В докладе Гейдриха Гимmlеру о советской подрывной деятельности, датированном 10 июня 1941 года, с тревогой отмечалось: «Русская разведка развернула особенно интенсивную деятельность в восточных областях, в первую очередь в генерал-губернаторстве (оккупированной немцами Польше. — Б. С.) и протекторате... Сотрудник русского генерального консульства в Праге является главой русской шпионской организации, созданной ГПУ в протекторате. Русской разведкой были завербованы бывшие военнослужащие чешского легиона, сражавшиеся во время войны между Германией и Польшей на польской стороне и в большинстве случаев являвшиеся членами коммунистической партии Чехословакии. После поражения Польши они попали в плен к русским. В первую очередь этих людей обучили радиоделу, а затем отправляли в протекторат, снабдив поддельными документами... После вмешательства нашей полиции было арестовано более 60 русских агентов, а десяток подпольных радиопередатчиков конфискован (эта шпионская организация действовала совершенно независимо от подпольных организаций, работающих в протекторате под руководством Коминтерна)».

Активизировалась и советская разведка непосредственно в Германии. Как подчеркивалось в докладе Гейдриха, «в Берлине советник русского посольства и сотрудник ГПУ Кобулов тоже не бездействовал... Целью руководства русских шпионов в лице Кобулова и военного атташе генерала Тупикова со своим помощником полковником Скорняковым было создание в столице и во всех крупных городах Рейха сети подпольных радиостанций для передачи разведывательных сообщений».

Массовая заброска наскоро подготовленной советской агентуры должна была обеспечить проведение операции «Гроза» и очень напоминала заброску немцами агентуры

на Восточном фронте в рамках операции «Цеппелин», о которой пойдет речь в одной из следующих глав. Предполагалось, что агентам придется работать лишь несколько недель или месяцев до подхода частей Красной армии. Они должны были оперативно поставлять информацию общего характера о передвижениях немецких войск. За счет преимущественного внимания к работе с агентурой «поля боя» поддержание в военный период связи с добывавшей более ценные сведения стратегической агентурой отошло на второй план. Только когда Красная армия в первые же недели начавшейся войны откатилась от границ Рейха на сотни километров, стали предпринимать экстренные меры для восстановления контакта с «Красной капеллой». Но было уже поздно. Спешка заставила пренебрегать правилами конспирации и привела к провалу наиболее ценных агентов. Массовая же агентура, засланная перед началом войны в Германию, Польшу и Чехию, была очень скоро обезврежена гестапо.

От «Старшины» и «Корсиканца» советская разведка не успела получить надежных данных о немецких планах кампании 1942 года. Пришлось основываться на донесениях фронтовой разведки и докладах военных советов фронтов. При этом Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный Штаб Красной армии значительно преувеличивали потери в людях и боевой технике, понесенные вермахтом в 1941 году. Желаемое, к несчастью, выдавалось за действительное.

5 мая 1942 года, в самый канун германского наступления в Крыму, Генеральный штаб подготовил «Сводную ведомость о трофеях наших войск и потерях противника за период с 6 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года». В объяснительной записке к этой ведомости утверждалось, что она «составлена на основе донесений военных советов фронтов».

В Генштабе с удовлетворением отмечали: «В этот период Красная армия провела целый ряд крупных наступательных операций на всех фронтах, в итоге которых, как указывается в первомайском приказе наркома обороны

СССР т. СТАЛИНА, "...Красная армия нанесла немецко-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить значительную часть советской территории. Расчеты захватчиков использовать зиму для передышки и закрепления на своей оборонительной линии потерпели крах. В ходе наступления Красная армия уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, забрала у врага немалое количество техники и заставила его преждевременно израсходовать резервы из глубокого тыла, предназначенные для весенне-летних операций".

Ярким подтверждением этих слов приказа являются цифры потерь врага в живой силе, самолетах, танках, орудиях, пулеметах, автомашинах и другом военном имуществе, приведенные в сводной ведомости о трофеях наших войск и потерях противника за зимний период Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками. Понятно, что эти цифры не могут претендовать на особую точность, они могут колебаться в сторону небольшого увеличения или уменьшения, тем не менее они с полным основанием могут быть взяты за исходный момент для анализа состояния немецко-фашистской армии к весне 1942 года.

Потери немецко-фашистских войск только убитыми составляют 786 000 человек. Если это количество взять как одну треть к числу раненых, это подтверждается опытом предшествующих войн и настоящей войны, то общие боевые потери противника в людях составят около 2 300 000 убитых и раненых. К этой цифре необходимо добавить 150 000–200 000 человек обмороженных как результат неподготовленности немецкой армии к ведению кампании в условиях суровой русской зимы.

Таким образом, издержки немецкой армии в живой силе за зимний период составляют около 2 500 000 человек. Эта цифра потерь, естественно, не может не потребовать от германского командования большого напряжения в деле непрерывного пополнения действующих на фронте частей соответствующим контингентом подготовленных людей, а глубокие прорывы войск Красной армии на мно-

гих участках фронта потребовали от противника ввода в действие свежих соединений и частей, предназначавшихся для весенне-летних операций. Трудно определить, какое количество людей пришло на пополнение в действующие части за счет маршевых рот и запасных батальонов, во всяком случае это пополнение зимой шло непрерывным потоком и перемалывалось в тяжелых оборонительных боях с наступавшими частями Красной армии. Известно лишь одно, что, несмотря на приход пополнения, около ста дивизий немецкой армии, действующих на восточном фронте, пришли к весне в 30-процентном боевом составе, а несколько десятков дивизий имеют в своем составе 50–60 процентов к штату. Говорить о боеспособности этих дивизий не приходится. Без солидного отдыха и пополнения людьми такие дивизии вряд ли смогут вести наступательные действия. К этому еще нужно присоединить то обстоятельство, что лучшая и наиболее боеспособная часть солдат и офицеров оказалась выбитой.

За период наступательных действий Красной армии немцы перебросили из Франции и Германии 38–40 новых дивизий, которые начали прибывать на фронт и вступать в действие с января 1942 года. В боях эти дивизии понесли также огромные потери.

На 20 апреля 1942 года на Восточном фронте у немцев находилось 183 дивизии, из них пехотных 158, танковых — 19, моторизованных — 13. Большая часть этих дивизий участвовала в изнурительных оборонительных боях и понесла большие потери. Для проведения больших наступательных операций в ближайший период времени эти дивизии вряд ли могут быть использованы, так как они нуждаются в пополнении и отдыхе.

Потери бронетанковых частей противника равны 4673 танкам, из них захвачено 1888 и уничтожено 2785. В течение зимы для укомплектования танковых частей немцы дали около 3500 танков. Если считать, что в 19 танковых дивизиях к началу наших наступательных операций было около 2500 танков, то вместе с пополнением это составит

6000 танков. При вычете потерь зимнего периода остается всего около 1500 танков. Танковые дивизии, как решающая сила гитлеровской военной машины, к весне 1942 года оказались обескровленными, и несомненно, что лучший боевой состав танкистов этих дивизий обрел бесславную кончину на просторах советской территории. Танковые дивизии необходимо было также доукомплектовать людьми и материальной частью. К весне эта задача оказалась невыполненной. Но и доукомплектованные танковые дивизии не будут представлять той силы, которую они имели в первые месяцы войны с нами.

Потери немцев в артиллерийском вооружении равны 9867 орудий разного калибра, в том числе и противотанковые. Это количество в переводе дает вооружение 70 немецких пехотных дивизий. Ясно, что возмещение таких потерь вместе с убылью личного состава артиллеристов требует также не малого напряжения людских и материальных ресурсов.

За этот период немцы потеряли сбитыми в воздушных боях и уничтоженными на аэродромах 3475 самолетов, это дает в среднем на день 25-26 самолетов, или материальную часть 14-15 современных немецких авиадивизий, т. е. двухмесячную продукцию авиапромышленности Германии.

Пополнение самолетного парка и возмещение потерь в летном составе, конечно, потребовало известного напряжения, и вряд ли немецко-фашистское командование могло восстановить свою авиацию к весенне-летним операциям на Восточном фронте в количестве, с каким они входили в войну с нами. Это тем более проблематично, что авиапромышленность в Германии и оккупированной зоне Франции находится под систематическим воздействием авиации англичан и не в состоянии поэтому развернуть производство самолетов на полную мощность.

Общий вывод.

Огромные потери в людях и вооружении, понесенные немецко-фашистской армией за зимний период, значительно ослабили ее силы и подорвали ее боеспособ-

ность. После непрерывных и изнурительных оборонительных боев зимнего периода немецкой армии потребуется необходимый период времени для переформирования и доукомплектования частей как людьми, так и материальной частью».

Этот радужный доклад, на основе которого Ставка приняла решение о проведении наступательных операций на Украине и в Крыму (в случае удачного исхода Харьковской операции), имел очень мало общего с действительностью. На самом деле, за период с 10 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года, согласно данным дневника Гальдера, германская армия потеряла на Восточном фронте 78 514 солдат и офицеров убитыми (еще 22 177 пропали без вести). Это было ровно в 10 раз меньше, чем полагали советские генштабисты, которые фактически принимали немецкие безвозвратные потери, равные истинным безвозвратным потерям Красной армии, на порядок превосходившим потери вермахта.

Здесь можно привести целый ряд ярких примеров. На Западном фронте 323-я стрелковая дивизия за три дня боев с 15 по 17 декабря 1941 года в среднем в день теряла убитыми и пропавшими без вести 560 человек. А вся германская Восточная армия, насчитывавшая к тому времени более 150 дивизий, в период с 14 по 31 декабря 1941 года в среднем ежедневно несла лишь немногим большие безвозвратные потери — 681 человек. Даже с учетом того, что не все советские дивизии (а только стрелковых дивизий к концу 1941 года было 275) вели в эти дни бои с той же интенсивностью, что и 323-я дивизия, разница в уровне потерь слишком кричащая, чтобы ею можно было пренебречь.

На плацдарме у Невской Дубровки за один день 9 ноября 1941 года только Первый ударный коммунистический полк подполковника Васильева, сформированный в основном из ленинградцев, из 1500 человек личного состава потерял 1000 человек. Для сравнения: противостоявшая ему 18-я германская армия за декаду с 1 по 10 ноября потеряла только 878 человек, в том числе 164 убитых и 20 пропав-

ших без вести. В данном случае один полк, что очень грустно, выиграл соревнование по потерям у целой германской армии, причем со значительным отрывом: за один день потерял людей больше, чем она — за десять.

По свидетельству бывшего оперуполномоченного Особого отдела 3-го стрелкового батальона 12-й стрелковой бригады 51-й армии Л. Г. Иванова, 9 апреля 1942 года во время неудачного наступления на Ак-Монайских позициях этот батальон потерял около 600 человек убитыми и ранеными: «В наступлении бойцы батальона проявили отвагу и мужество. Но противник вел интенсивный огонь всеми огневыми средствами. С большим трудом комиссару батальона и мне удалось поднять личный состав в атаку. В этот момент на наши позиции по ошибке обрушился огонь артиллерии и нашей бригады. Как впоследствии выяснилось, начальник артиллерии бригады был пьян и не мог управлять огнем. На следующий день он был расстрелян перед строем начальником Особого отдела бригады Нойкиным. Наш батальон понес большие потери: около 600 человек убитыми и ранеными, причем до немецких позиций наши цепи так и не дошли...».

Противостоявшая батальону 11-я немецкая армия за период с 1 по 10 апреля 1942 года потеряла 175 убитых, 719 раненых и 20 пропавших без вести, а всего 914 человек, что лишь в 1,5 раза меньше потерь 3-го стрелкового батальона 12-й стрелковой бригады за один день 9 апреля. Можно предположить, что около половины потерь 3-го батальона составили безвозвратные потери. Тогда он превосходил безвозвратные потери немецких дивизий 11-й армии, понесенные за декаду. В состав немецкой 11-й армии входили и румынские части, но в данном случае их потери не имеют принципиального значения, поскольку 12-я бригада атаковала позиции именно немецких войск. В 9 же немецких дивизиях 11-й армии насчитывался 81 батальон. Им пришлось отражать советское наступление на Керченском полуострове не только 9, но также 3, 4 и 10 апреля. Кроме того, бои вели и войска, осаждавшие Севастополь.

По словам Иванова, их бригада была регулярная и даже пользовалась заслуженной славой по всему фронту.

Согласно журналу боевых действий, за 18 сентября 1942 года только в 258-й стрелковой дивизии (будущей 96-й гвардейской) убито 978 человек, ранено 2030, пропавших без вести не установлено. А в боевом приказе № 0060 от 19 сентября 1942 года говорилось: «Решительно перейти в атаку и задачу, поставленную 18 сентября 1942 года, выполнить, не считаясь ни с чем и ни с каким сопротивлением врага». Заметим, что вся 6-я немецкая армия, наступавшая на Сталинград, за вторую декаду сентября безвозвратно потеряла лишь ненамного меньше, чем противостоявшая ей одна советская дивизия всего за один день этой декады. Потери армии Паулюса 11–20 сентября составили 1538 убитых, 5846 раненых и 223 пропавших без вести. Если же предположить, что 258-я стрелковая дивизия 18 сентября понесла еще и какие-то потери пропавшими без вести, то безвозвратные потери дивизии и армии могли быть равны друг другу. Пропавшие без вести в дивизии наверняка были, но поскольку это был только первый день боев, в журнале боевых действий они не были отмечены. Пропавших без вести вносили туда только после завершения боев, когда по крайней мере некоторых из них удавалось найти живыми, а некоторых других установить как бесспорно погибших. Необходимо подчеркнуть, что те безвозвратные потери, которые поименно фиксировались в журнале боевых действий полков и дивизий, согласно опыту поисковиков, во всех случаях в несколько раз превышали безвозвратные потери, указанные в боевом донесении за тот же день, причем разница иногда могла составлять до 10 раз.

Недоучет безвозвратных потерь Красной армии происходил прежде всего за счет офицерского и сержантского состава. Так, согласно донесению 4-й танковой армии о потерях, за период с 6 августа по 5 сентября 1943 года потеряла убитыми и пропавшими без вести 772 человека, включая 108 лиц начальствующего состава (офицеров), а

ранеными — 1895 человек, включая 105 лиц начальствующего состава (офицеров). Получается, что на одного убитого офицера приходилось 6,15 рядовых и сержантов. А на одного раненого офицера — 17,05. Если предположить, что соотношение числа убитых солдат и сержантов на одного офицера в действительности было таким же, как и для раненых, то общие безвозвратные потери 4-й танковой армии можно оценить в 1949 человек, или в 2,5 раза больше, чем те, что были указаны в донесении. Как раз в этот период рядовой и сержантский состав 4-й танковой армии пополнился призванными непосредственно в части с оккупированных территорий, недоучет безвозвратных потерь среди которых был особенно велик.

В оценке числа раненых советский Генштаб ошибся не менее красноречиво. В период с 10 декабря 41-го по 20 апреля 1942 года германская Восточная армия потеряла ранеными 273 тысячи человек — тоже почти в 10 раз меньше, чем полагало руководство Красной армии. Вот насчет общего числа немецких дивизий на Восточном фронте ошибки не было. К 16 июня 1942 года на Восточном фронте, включая Финляндию, как раз находились германские силы, эквивалентные 184,5 расчетным дивизиям, включая 19 танковых. Правда, в это число входило 12 охранных дивизий, имевших лишь ограниченную боеспособность и находившихся в глубоком тылу на оккупированных территориях. Главное же, степень укомплектованности германских соединений была многократно приуменьшена.

Советские данные о потерях неприятеля в боевой технике также были очень далеки от действительности. С 1 декабря 1941 года до 1 февраля 1942 года германские войска на Восточном фронте безвозвратно лишились 951 танка и 881 самолета. В последующие два с половиной месяца из-за снижения интенсивности боевых действий потери техники были незначительны. Но советский Генштаб значительно преувеличил величину танкового пополнения, поступившего в германскую восточную армию, и таким образом довольно точно угадал общее число боеспособных танков,

имевшихся у немцев на советско-германском фронте весной 1942 года. На 31 марта на Восточном фронте вермахт располагал чуть более 1,5 тысяч единиц исправной бронетехники. Ошибка советской разведки заключалась в том, что, преувеличив потери, она недооценила резерв танков, имевшийся в распоряжении германского командования. В результате активные действия танковых соединений вермахта в мае и в ходе летнего немецкого наступления оказались для Красной армии неприятным сюрпризом.

ДЕЛО МАЙОРА РЕЙХЕЛЯ

После того как Красная армия в мае 1942 года потерпела тяжелые поражения в Крыму и под Харьковом, Сталин, наоборот, склонен был не преуменьшать, а преувеличивать силы вермахта. Он ожидал главного удара немцев на московском направлении. Гитлер же задумал генеральное наступление на юге — к Сталинграду и кавказской нефти. Сама судьба дала Красной армии шанс точно определить истинное направление главного удара противника.

20 июня 1942 года немецкий самолет связи из-за ошибки пилота оказался над нейтральной полосой и был сбит огнем советской зенитной артиллерии. На его борту находился начальник оперативного отделения 23-й танковой дивизии майор Рейхель с важными документами, раскрывающими замысел операции «Блау» («Голубая») — немецкого наступления на юге. Майор был убит, а портфель с документами попал в руки советских разведчиков. Немцы не стали переносить направление генерального наступления, начавшегося 28 июня. Потеря времени, связанная с перегруппировкой войск на новое направление, была для них опаснее, чем возможные меры, которые советское командование успело бы предпринять, получив бумаги Рейхеля.

Вечером 20 июня между главнокомандующим Юго-Западным фронтом и направлением Тимошенко и Сталиным состоялся следующий разговор по прямому проводу:

«ВАСИЛЕВСКИЙ. Здравствуйте. Товарищ СТАЛИН сейчас будет говорить. Ставка просит вас кратко доложить обстановку, ваше отношение к перехваченным у немцев документам и какие мероприятия вы считаете необходимым провести в ближайшее время.

ТИМОШЕНКО. Перехваченные документы с плановыми действиями противника не вызывают сомнений, потому что направлялись они боевым самолетом, на котором

были офицеры. Самолет в силу плохой погоды потерял ориентировку и попал в сферу нашей войсковой зенитной артиллерии, которой был сбит. Два офицера, в том числе летчик, при падении сгорели, и один офицер в звании майора остался живым, пытался уничтожить документы, но был достигнут нашими войсками в момент падения на землю и убит в перестрелке. Кроме переданных вам документов, захвачено еще много других, которые расшифровываются. Среди них уже расшифрован один документ, в котором указывается, что это наступление отложено до 23.6 (немецкое наступление началось 28 июня, а 23 июня намечалось завершить последние перегруппировки по плану "Блау". 20 июня точный день начала наступления еще не был установлен. — Б. С.). Не исключена возможность, что противник узнает о том, что самолет сбит в расположении наших войск, и сможет внести кое-какие изменения или отложить во времени. Нам думается, что коренного изменения не последует, поскольку группировки противника, видимо, в основном уже сосредоточены и направление, избранное им для удара, до сегодняшнего дня являлось выгодным по части наших мероприятий. До получения настоящей директивы мы намечали следующее решение:

1. Вывести на фронт СУРКОВО, НЕСТЕРНОЕ еще две стрелковые дивизии и расположить их в обороне, имея в первом эшелоне две стрелковые дивизии и во втором эшелоне одну. Эти две стрелковые дивизии мы берем от Рябышева (командующего 28-й армии. — Б. С.), у которого остается пять стрелковых дивизий.

2. На этот же фронт за пехоту предполагали вывести 13 танковый корпус.

3. Просим дополнительно к решению Ставки Верховного Главнокомандования утвердить изложенное нами решение.

4. Нам несколько неясно, что предпринимается Ставкой для обеспечения нашего стыка с Голиковым (командующим Брянским фронтом. — Б. С.), поскольку там противник замышляет главный удар.

5. Сегодня к исходу дня нашей авиацией выявлена к югу от ИЗЮМ крупная группировка танков и мотопехоты, и к этому месту во второй половине дня обнаружено движение танков и автомашин со стороны БАРВЕНКОВО.

6. По нашей оценке, замысел противника сводится к следующему: противник стремится нанести поражение нашим фланговым армиям, а затем создать нашим войскам (очевидно, угрозу. — Б. С.) с фронта ВАЛУЙКИ — КУПЯНСК.

7. В связи с этим и решением Ставки по усилению левого фланга мы считаем целесообразным оставить 1-ю истребительную дивизию для обеспечения Купянско-Изюмского направления. В основном все. ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ, БАГРАМЯН.

У аппарата СТАЛИН.

8. Постарайтесь держать в секрете, что нам удалось перехватить приказ.

9. Возможно, что перехваченный приказ вскрывает лишь один уголок оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам. Мы думаем, что немцы постараются что-нибудь выкинуть в день годовщины войны и к этой дате приурочивают свои операции.

10. Ставка утверждает ваше решение о выводе двух дивизий в указанный вами район, а также о сосредоточении 13-го танкового корпуса в этом же районе.

11. Истребительную дивизию нужно оставить на месте ее нынешнего расположения.

12. Насчет стыка вашего фронта с Брянским фронтом Ставка принимает меры, о которых будет сообщено дополнительно.

13. Очень важно, чтобы противник не предупредил нас массированными авиаударами. А поэтому мы считаем нужным, чтобы вы начали обработку района сосредоточения противника нашими авиационными ударами как можно скорее. Нужно перебить с воздуха живую силу противника, танки, узлы связи, авиацию на аэродромах раньше, чем противник предпримет удары против наших войск. Для этого посылают вам тов. Ворожейкина. Мы думаем так-

же направить вам тов. Василевского. Все. И. СТАЛИН, ВАСИЛЕВСКИЙ.

ТИМОШЕНКО. Первую истребительную дивизию мы уже сняли с участка Крюченкина (командира 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. — Б. С.) и, в связи с угрозой удара на Изюмско-Купянском направлении, переправили ее в район юго-западнее КУПЯНСК, куда она в на...

СТАЛИН. Это нам известно. Поступили правильно. Все.

ТИМОШЕНКО. Хорошо. Было бы хорошо, если бы в районе КОРОЧА можно было бы от вас получить одну стрелковую дивизию. Остальное все изложенное вами устраивает нас, будем выполнять. Все. ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ, ГУРОВ, КИРИЧЕНКО, БАГРАМЯН, БОРДОВСКИЙ.

СТАЛИН. Если бы дивизии продавались на рынке, я бы купил для вас 5-6 дивизий, а их, к сожалению, не продают. Все. И. СТАЛИН, ВАСИЛЕВСКИЙ, БОДИН. Всего хорошего. Желаю успеха.

ТИМОШЕНКО. У нас тоже все. Благодарю за пожелание. До свидания».

Да, любил Иосиф Виссарионович пошутить, на этот раз — насчет дивизий, как картошка, продающихся на рынке. Но Тимошенко было не до шуток. Ведь Сталин так и не рискнул перебросить резервы с западного направления на юг. Немцы же из-за инцидента с Рейхелем даже не стали откладывать начало наступления.

Германской разведкой были предприняты все меры к тому, чтобы выяснить, попали ли документы злосчастного майора в руки русских. Гальдер 20 июня записал в дневнике: «Самолет с майором Рейхелем... с исключительно важными приказами на операцию "Блау", по-видимому, попал в руки противника». А 22 июня, после доклада начальника отдела устройства службы войск полковника Радке, констатировал: «Выводы из дела Рейхеля — воспитание личного состава в духе более надежного сохранения военной тайны оставляет желать лучшего».

27 июня, когда уже точно выяснилось, что документы — у противника, последовал «разбор полетов»: со своих постов были сняты командир 23-й танковой дивизии и

командир и начальник штаба 40-го моторизованного корпуса, в состав которого входила 6-я дивизия.

Вот что рассказал о поисках бумаг Рейхеля бывший офицер разведотдела VIII армейского корпуса 6-й немецкой армии Иоахим Видер: «Я считаю, что одно роковое событие, происшедшее незадолго до начала нашего летнего наступления... существенно облегчило противнику разработку и осуществление плана стратегического отступления. Лишь узкий круг людей знал в то время об этом злосчастном инциденте, который заставил штаб армии в Харькове и наш корпусной штаб в городишке Волчанск в течение нескольких дней развернуть лихорадочную активность и поставил главное командование сухопутных сил перед ответственными решениями. А случилось вот что: в середине июня, когда наши части занимали исходные рубежи для большого наступления на Донецком предместном укреплении, только что захваченном после кровопролитных боев, начальник штаба одной из наших дивизий, молодой майор, вылетел на разведывательном самолете «Физелер-Шторх» в штаб соседнего соединения, чтобы обсудить там вопрос о предстоящих операциях. Портфель майора был битком набит секретными приказами и штабными документами. Самолет не прибыл к месту назначения. По-видимому, сбившись с курса в тумане, он перелетел линию фронта. Вскоре мы, к ужасу своему, обнаружили обломки сбитого «Физелер-Шторха» на «ничейной земле» между окопами. Русские уже успели буквально растащить машину по винтикам, а наш майор исчез, не оставив никаких следов. Немедленно возник вопрос: попал ли в руки противника его портфель, в котором находились важнейшие секретные документы — приказы вышестоящих штабов?

Несколько дней подряд все линии связи между главным командованием сухопутных сил, штабом армии и штабом нашего корпуса (на участке которого были найдены обломки самолета майора Рейхеля. — Б. С.) были постоянно заняты: срочные вызовы к аппарату следовали один за другим. Поскольку беда стряслась в расположении нашего корпуса, мы получили задание до конца выяснить все

обстоятельства дела и избавить командование от мучительной неопределенности. Мы провели несколько разведывательных поисков с сильной огневой поддержкой на участке фронта, где был сбит самолет, и захватили несколько пленных. Вначале полученные от них сведения были крайне противоречивы, но постепенно картина стала проясняться. Оказалось, что самолет подвергся обстрелу и совершил вынужденную посадку на «ничейной земле». Находившийся в нем «офицер с красными лампасами на брюках» (Рейхель был офицером Генштаба, которые, в отличие от обычных армейских офицеров, носили на брюках красные лампасы. — Б. С.) был убит не то еще в воздухе, не то при попытке к бегству, а его портфель взял с собой «кто-то из комиссаров». Наконец, пленный, захваченный в результате нашего последнего по счету поиска, точно указал нам место, где, по его словам, был зарыт этот погибший немецкий офицер. Мы начали копать на этом месте и вскоре обнаружили труп злополучного майора. Итак, наши наилучшие предположения подтвердились: русским было теперь известно все о крупном наступлении из района Харьков — Курск на восток и юго-восток, которое должны были начать наши 6-я и 2-я армии в конце июня. Противник знал и дату его начала (на самом деле все-таки не знал. — Б. С.), и его направление, и численность наших ударных частей и соединений. Точно так же мы против воли осведомили русских и о наших исходных позициях, детально ознакомили их с нашими боевыми порядками.

Вскоре рассеялись и последние сомнения на этот счет: начались яростные воздушные налеты на районы развертывания наших частей, а также на штаб нашего корпуса, причинившие нам немалый ущерб. К тому же мы вскоре установили, что противник производит перегруппировку сил на противостоящих нам участках. Но было поздно — главное командование сухопутных сил уже не могло пересмотреть принятые решения и отменить столь тщательно подготовленную операцию. Таким образом, наше наступление на Сталинград с самого начала проходило под несчастливой звездой».

Об инциденте с Рейхелем пишет в своих мемуарах и бывший адъютант командующего 6-й немецкой армией фельдмаршала Паулюса полковник Вильгельм Адам. Правда, он датирует происшествие днем раньше: «19 июня после напряженного рабочего дня я сидел в комнате полковника Фельтера. Он отбирал донесения корпусов, чтобы передать их дальше в группу армий. Было около 20 часов. В эту минуту позвонил телефон. Фельтера срочно вызывал начальник оперативного отдела XXXX танкового корпуса.

— Соедините немедленно!

Смысл последовавшего длинного разговора я не мог уловить. Однако я заметил, что лицо Фельтера все мрачнеет. Он с раздражением брякнул трубкой.

— Только этого нам не хватало. Сбит “Физелер-Шторх” с начальником оперативного отдела 23-й дивизии майором Рейхелем. Он вез с собой карты и приказы на первый период нашего наступления.

Я так растерялся, что ничего толком не мог спросить. Мало-помалу до моего сознания дошло то, что в нескольких словах наспех объяснил мне Фельтер. После совещания, состоявшегося при XXXX танковом корпусе в Харькове, майор Рейхель решил вернуться в свою дивизию на “Физелер-Шторхе”. Но уже стемнело, а он еще не вернулся. Офицер связи позвонил в штаб корпуса, чтобы проверить, не вылетел ли обратно Рейхель с опозданием. Но это предположение не оправдалось. Танковый корпус немедленно организовал поиски исчезнувшего офицера. Тогда одна из дивизий сообщила печальную весть, что во второй половине дня противник сбил какой-то “Физелер-Шторх” за линией фронта. Разведывательные группы пехоты нашли самолет километрах в четырех от нашей передовой. Очевидно, он совершил вынужденную посадку, потому что при обстреле у него был пробит бензобак. Трупы майора Рейхеля и летчика были подобраны там же. А приказы и карты исчезли бесследно. Их захватили русские. Это грозило роковыми последствиями еще и потому, что в приказах имелись сведения о предстоящих операциях соседей слева — 2-й армии и 4-й танковой армии.

В это дело вмешался Гитлер. Командир корпуса генерал танковых войск Штумме, начальник его штаба полковник Франц и командир 23-й танковой дивизии генерал-лейтенант фон Бойнебург были отстранены от должности и преданы военному суду. За них немедленно же заступились генерал Паулюс и генерал-фельдмаршал фон Бок, так как все трое не являлись прямыми виновниками происшедшего (все же часть вины лежала и на командовании корпуса, которое не воспротивилось рискованному полету легкомысленного майора. — Б. С.). Никакого впечатления это не произвело ни на Гитлера, ни на Геринга, председательствовавшего в военном суде. Штумме был приговорен к 5 годам, а Франц — к 3 годам заключения в крепость, только фон Бойнебург избежал кары².

“Дело Рейхеля” дало повод для приказа Гитлера, согласно которому ни один командир впредь не должен был знать о задачах, поставленных перед соседними подразделениями. Приказ этот приходилось соблюдать с таким тупым формализмом, что он крайне затруднял координацию боевых действий...

— Можем ли мы вообще провести нашу операцию “Блау I” в той форме, в какой она была запланирована, и в установленный срок? — спросил я Фельтера. — Противник ведь не глуп. Он будет всячески стараться испортить нам все дело.

— Разумеется, мы должны быть готовы к неприятным неожиданностям. Но что делать? Изменить план мы не можем. Изменить его значило бы на несколько недель отложить операцию. А там нагрянет зима, и с нами, чего доброго, случится что-нибудь похуже того, что случилось в прошлом году под Москвой. Это учитывает и ОКХ, и командование группы армий.

Спустя несколько дней Паулюс сообщил нам, что группа армий возражает против изменения плана, однако требует отодвинуть срок наступления».

Противодействие с советской стороны ограничилось бомбардировкой указанных в захваченных документах районов сосредоточения немецких ударных группи-

ровок. Между тем можно и нужно было бы принять более радикальные меры. Конечно, после харьковского разгрома сил для упреждающего удара у Юго-Западного фронта не было. Но что мешало заранее скрытно отвести основную часть войск на новые рубежи? Тогда бы немецкий удар пришелся бы по пустому месту. Кроме того, следовало заранее перебросить резервы с московского направления для занятия оборонительных позиций в тылу фронтов Юго-Западного направления. Тогда бы немцы вряд ли дошли до Сталинграда и Кавказа.

ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКИХ ШТИРЛИЦЕВ

В № 5 «Родины» за 2007 год появилась очень интересная статья Владимира Макарова и Василия Христофорова «Загадка для “Цеппелина”», в которой были впервые опубликованы документы из архива ФСБ, посвященные одной из радиоигр, проведенных чекистами в 1943–1945 годах. Можно предположить, что сюжет этой игры отразился в классике советского военного детектива — романе Вадима Кожевникова «Щит и меч». Действительно, главный герой романа Иоганн Вайс (Иван Белов) напоминает советского разведчика Северова, внедрившегося в немецкую разведшколу и завербовавшего там немецкого разведчика Бойцова. Оба они стали главными персонажами упомянутой советской радиоигры «Загадка». Бойцов же, возможно, послужил прототипом другого героя «Щита и меча» — рижского немца Генриха Шварцкопфа, сотрудника СД и племянника одного из видных нацистских бонз группенфюрера СС Вили Шварцкопфа. В романе Вайс-Белов успешно вербует Генриха, и тот становится убежденным антифашистом, работающим на советскую разведку. В жизни же Бойцов был, как сообщается в справке, цитируемой в статье Макарова и Христофорова, вот каким: «Агент Бойцов, 1922 года рождения, уроженец г. Либава Латвийской ССР. Немец, моряк торгового флота. До 1938 года состоял в “Союзе немецкой молодежи Латвии”. В 1941 году был репатриирован из Латвии в Германию. С 1940 года являлся агентом германской разведки в Латвии. Окончил германскую разведшколу в г. Мунки-Ниemi (недалеко от Хельсинки, Финляндия). Лично был знаком с адмиралом Канарисом. В начале войны с СССР дважды перебрасывался в советский тыл в составе диверсионных групп в район Мурманской железной дороги. В декабре 1941 года переведен в “Бюро Целлариуса”, а оттуда в группу зондерфюрера Бушмана “Зондерзатц-Ле-

нинград" (цель — захват особо важных документов, прежде всего органов безопасности). В связи с провалом планов захвата Ленинграда группу Бушмана перевели в Таллин. Инспектировал германские разведшколы. В 1942 году в одной из германских разведшкол познакомился с советским зафронтовым агентом Северовым и был завербован для разведывательной работы в пользу советской контрразведки». В романе Кожевникова, как мы помним, Генрих Шварцкопф тоже инспектирует разведшколы, где вновь встречается с Вайсом-Беловым, который его и вербует. Морскую профессию Бойцова Кожевников превратил в увлечение Вайса и Генриха парусным спортом и поселил их не в Либаве (Лиепая), а в более знакомой ему Риге. В романе, конечно, вербовка проходит без сучка и задоринки. Но могло ли все так быть в действительности? Судя по биографической справке, Бойцов был вполне убежденным нацистом, давним и успешным агентом Абвера. С чего бы это вдруг он в 1942 году, еще до Сталинграда, разуверился в Гитлере и в победе Германии и проникся симпатиям к Советскому Союзу? Тут у меня закралось подозрение, что радиоигра была двойная. Немцы поняли, кто такой Северов, и Бойцов дал себя завербовать по заданию своего руководства. Оно понимало, что русские будут вести с ним радиоигру через Северова и Бойцова, и решило воспользоваться этим обстоятельством. Ведь если ты знаешь, что поступающие сведения — заведомая дезинформация, то на их основе можно попытаться составить представление о действительном положении вещей. На эту версию работают и некоторые вопросы, которые немцы ставили перед агентами. По легенде, двоюродный брат Северова Колесников был крупным чиновником Наркомата путей сообщений, что не мешало ему быть ярким антисоветчиком и мечтать о побеге на Запад. Бойцов и Северов его завербовали и основную массу сведений черпали из этого источника. И что же немцы хотели выведать у Колесникова? Например, в начале ноября агенты получают такое вот задание: «Постарайтесь узнать истинные цели Сталина на Московской конференции и до какой степени ему удалось убедить со-

юзников в принятии его планов». Простите, но ведь в Абвере и СД сидели отнюдь не дураки. Неужели они не понимали, что даже высокопоставленный чиновник НКПС на такие вопросы никогда не сможет дать достоверные ответы, которые вряд ли знает даже сам нарком Каганович? Зато если немцы знают, что имеют дело с советской радиоигрой, то такие вопросы оказываются вполне логичными. Ответы на них можно оценить примерно так: русские хотят, чтобы мы, немцы, имели бы такое представление о событиях, которые происходили на Московской конференции министров иностранных дел Англии, СССР и США, и это представление, скорее всего, весьма далеко от истины. Ради успеха такой двойной радиоигры легко можно было пожертвовать мелкой сошкой вроде рядового сотрудника СД Алоиза Гальфе. А вот Бойцова немцы, как видно, стремились эвакуировать в Германию, но чекисты не позволили это сделать. Интересно, как сложились после войны судьбы людей, которых мы знаем пока только по псевдонимам Северов и Бойцов. Если верна моя версия, то Бойцов после войны мог попытаться бежать на Запад. А быть может, его арестовали. Любопытно, что юридически инкриминировать ему ничего было нельзя. Ведь никаких действий по сбору разведывательной информации он не вел, а только передавал ту дезинформацию, которую ему давала советская контрразведка.

История, которая, возможно, легла в основу романа «Щит и меч», заставила меня вспомнить еще об одном советском Штирлице, только мнимом, который считал самым правдивым произведением о разведке именно роман Коженикова. Недавно в Риге на международной конференции я познакомился с израильским историком Ароном Шнеером, который подарил мне свою книгу «Перчатки без пальцев и драный цилиндр». Это была запись его бесед с человеком, которого он встретил в Иерусалиме и который представился бывшим советским разведчиком-нелегалом в нацистской Германии. У собеседника Шнеера была бурная биография. Он будто бы попал к немцам в 1937 году, во время гражданской войны в Испании, будучи воен-

ным советником у республиканцев и перебежав на сторону противника. В Германии он доказал свое родство с родом известного генерала Леонтия Беннигсена, что открыло ему двери аристократических салонов. Затем он служил в лейбштандарте СС, участвовал в кампаниях 1939–1940 годов в Польше и во Франции, командуя ротой в танковом батальоне лейбштандарта. Под Амьеном в июне 40-го он был тяжело ранен, после чего его демобилизовали. После этого наш разведчик стал уполномоченным концерна Мессершмитта по рабочей силе, набирал в концлагерях рабочих для авиационных заводов, дослужился до штурмбанфюрера СС, вернулся в лейбштандарт в конце 1944 года, накануне контрнаступления в Арденнах, во время которого сдался в плен американцам. Затем в чине полковника и под фамилией Борис Михайлович Гоглидзе в 1945–1947 работал в советской репарационной миссии во Франции, в 1948–1951 годах был советником торгового атташе в Бельгии, в 1952–1953 годах — представителем в комиссии по ленд-лизу во Франции, в 1953–1956 годах — торговым атташе в Париже и 1963–1966 годах — там же, но уже советником советского посольства по торговле. Все эти должности были лишь прикрытием для разведдеятельности. После 1956 года собеседник Шнеера устроился художником-аниматором на студию «Грузия-фильм», куда и вернулся в 1966 году. Там он, в частности, нарисовал знаменитые в свое время мультфильмы «Приключения Самоделкина» и «Свадьба соек». Это признание позволяет однозначно идентифицировать героя книги как Авенира Михайловича Хускивадзе (Арон сообщил мне, что читатели в письмах после выхода книги такую идентификацию произвели). Умер Хускивадзе в Иерусалиме 24 мая 2000 года. Книга вышла после его смерти.

Авенир Михайлович так отозвался о детективной литературе: «Если что-то и похоже на правду, так это “Щит и меч”».

Книга Шнеера читалась как увлекательный роман. Я прочел ее за два дня в Риге, и у меня сразу же закрались сомнения в достоверности рассказа Хускивадзе. Уж слыш-

ком был он похож на советские шпионские романы, а его путь слишком уж был похож на путь Иоганн Вайса, который, правда, дослужился только до гаупштурмфюрера СС, но тоже ездил по лагерям в поиске кадров для разведшкол. В Москве, когда я добрался до компьютера, сомнения переросли в уверенность. Легко найдя в сети боевое расписание лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», я выяснил, что в 1940 году в лейбштандарте никакого танкового батальона не было, так что служить Хускивадзе оказалось просто негде. Да и брали в ту пору в лейбштандарт только чистокровных арийских гренадер не ниже 1 м 80 см, а Хускивадзе, как сообщает Шнеер, был низкорослым. Зато в Интернете обнаружилась справка на Хускивадзе как на репрессированного со ссылкой на «Книгу памяти Кемеровской области»:

«Хускивадзе Авенир Михайлович: (ГОГЛИДЗЕ), 1918 года рождения; тренер Ленинск-Кузнецкой спортивной школы.

Осужд. 03.03.1952 Военный трибунал ЗапсиБВО. Обв. по ст. 58-10 ч. 1, 58-8.

Приговор: 25 лет с поражением в правах на 5 лет. Определением Верховного Суда РСФСР 18.01.56 наказание снижено до 5 лет лишения свободы, по ст. 58-8 оправдан, освобожден по указу об амнистии 14.02.56».

Тут стоит напомнить, что ст. 58-10 — это антисоветская агитация и пропаганда, а ст. 58-8 — совершение террористических актов.

Замечу, что в Интернете есть указание и на точную дату рождения А. М. Хускивадзе — 5 октября 1918 года. В книге же Шнеера в качестве года рождения мнимого штурмбанфюрера фигурировал 1912 год. С 1918 же годом начисто рушилась версия о службе Хускивадзе в качестве советника у испанских республиканцев и о его переходе в Испании к немцам. 18-летнего юнца никто бы не послал. Пробывание же его в лагере приходилось на тот период, когда Хускивадзе, по его утверждению, будто бы служил в советских торгпредствах в Бельгии и Франции. Стало ясно, что биографию себе Авенир Михайлович придумал. Что ж, не

он первый, не он последний. Вспомним хотя бы известного писателя Владимира Богомолова (Войтинского), придумавшего себе героическую военную биографию и службу в СМЕРШ, а на самом деле, как показала журналист Ольга Кучкина, ни дня не воевавшего. Я решил попытаться реконструировать подлинную биографию Авенира Михайловича Хускивадзе, замечательного художника и не менее замечательного рассказчика и фантазера. И направил запрос о нем в Управление ФСБ по Кемеровской области. Ответ пришел очень быстро.

Вот он, датированный 18 декабря 2007 года:

«Уважаемый Борис Вадимович!

На ваше заявление сообщаем, что в архиве Управления ФСБ России по Кемеровской области находится на хранении архивное уголовное дело (АУД) № П-15717 в отношении Хускивадзе Авенира Михайловича, он же Гоглидзе Борис Михайлович.

Согласно документам, имеющимся в АУД, Хускивадзе А. М., 1918 года рождения, уроженец г. Москвы, проживавший до ареста в г. Ленинск-Кузнецком Кемеровской области по улице Ленина, д. 2, кв. 2, работавший тренером по боксу в спортивной школе, был арестован 14 февраля 1951 года УМГБ по Кемеровской области.

Хускивадзе А. М. был обвинен в том, что «систематически среди окружающих проводил антисоветские разговоры, в которых клеветал на советскую действительность, восхвалял военную мощь Америки и жизнь трудящихся в капиталистических странах, восхвалял уничтоженных врагов народа» (так в деле).

Состав семьи на момент ареста Хускивадзе Авенира Михайловича: отец — Хускивадзе Михаил Сократович, 1882 года рождения; мать — Хускивадзе Екатерина Модестовна, 1882 года рождения; жена — Битная Анна Никодимовна, 1925 года рождения; дочь — Хускивадзе Кармен Авенировна, 1947 года рождения.

Он был осужден Военным трибуналом Западно-Сибирского военного округа 3 марта 1952 года по ст. 58-10 ч.1, 58-

8 УК РСФСР к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества.

Определением Верховного суда СССР 18.01.1956 приговор Военного трибунала Западно-Сибирского военного округа по ст. 58-8 УК РСФСР отменен, по ст. 58-10 ч. 1 мера наказания снижена до 5 лет ИТЛ, конфискация имущества из приговора исключена. На основании указа "Об амнистии" Хускивадзе А. М. из мест заключения освобожден.

Заключением прокуратуры Кемеровской области 8 февраля 1993 года Хускивадзе А. М. полностью реабилитирован.

В период с 1937 года по 1941 год Хускивадзе А. М. обучался в Тбилисской художественной академии, в 1941 году проходили курсы в Тбилисском артиллерийском училище. В июне 1942 года ушел на фронт добровольцем. 7 июля 1942 года в деревне Лукьяновка Воронежской области при попытке прорваться через кольцо немецких войск Хускивадзе А. М. был ранен в левое плечо, вследствие чего был взят в плен. В плену находился до апреля 1945 года, после освобождения сменил фамилию и имя (Гоглидзе Борис). С августа 1947 года по июль 1950 года Хускивадзе А. М. проживал в городе Кемерово, работал в Центральной механической мастерской, на шахте "Северная", Кемеровском подковном заводе.

Заместитель начальника Управления
Г. П. Удовиченко (подпись)».

Из этого ответа ясно, что раньше второй половины 1942 года Хускивадзе никак не мог попасть в Германию. И учился он только в Тбилисской художественной академии, тогда как Шнееру говорил, что из Тбилисской перевелся в Ленинградскую художественную академию, а заодно окончил три курса Ленинградского Политехнического института. А вот про Тбилисское артиллерийское училище умолчал, потому что оно в легенду не вписывалось. То, что в Кемеровской области Хускивадзе оказался только в августе 1947 года, заставляет предположить, что он сравнительно поздно был репатриирован из западных зон окку-

пации Германии или Австрии, может быть уже в 1946 году. Он мог провести несколько месяцев в фильтрационном лагере в Германии, а потом — в Сибири. Именно такая судьба постигла, например, будущего писателя Юрия Пиляра, бывшего бойца Красной армии и узника Маутхаузена. После освобождения он с товарищами несколько месяцев провел в фильтрационном лагере в советской оккупационной зоне в Австрии, а затем для дальнейшей проверки их отправили в один из сибирских лагерей. Между прочим, Пиляр-то как раз был немцем из рода баронов Пиллар фон Пильхау. Род этот также состоял в родстве и с фельдмаршалом Михаилом Кутузовым. Не исключено, что Хускивадзе был знаком с Пиляром и это знакомство побудило его придумать немецкую ветвь своей родословной и связать ее с Беннигсеном, который одно время был начальником штаба у Кутузова.

Жена у Хускивадзе тоже оказалась из репрессированных. Согласно базе данных общества «Мемориал», Битная Анна Никодимовна, 1924 года рождения, проживавшая в Смоленском районе, была приговорена Смоленским областным УВД 21 марта 1931 года, по всей вероятности, к ссылке в Сибирь (реабилитировали ее только в 1994 году). Ее, очевидно, осудили в один день вместе с отцом, русским, Никодимом Варфоломеевичем Битным, 1885 года рождения, матерью, Степанидой Антоновной, 1888 года рождения, братом Никодимом, 1921 года рождения, и сестрой Степанидой, 1929 года рождения. А жили они в деревне Закалино.

Можно предположить, что Хускивадзе мог встретить свою жену по выходе из лагеря (или познакомился еще будучи в лагере), и это побудило его остаться в Сибири, тем более что в Европейской части страны бывших пленных прописывали не очень охотно. И может быть, ему было что скрывать от власти. Вряд ли случайно сразу после войны Хускивадзе сменил свое редкое имя и фамилию. Возможно, скрывал он свою службу у немцев. Но в лейбштандарте Хускивадзе точно не служил, а во т грузинском легионе СС — вполне мог. Замечу только, что в СС Грузинский ле-

гион был переведен вместе с другими восточными легионами лишь в 1944 году, а до этого числился в составе вермахта. Между прочим, о бойцах грузинского легиона Хускивадзе в беседах со Шнеером отзывается очень дурно:

«— А со своими земляками вам приходилось встречаться?

— А как же. Особенно в Париже. Кавказцы в основном на западном фронте сражались. Вы видели фильм “Герои острова Тексель”? В прокате — “Распятый остров”. Это об одном из грузинских батальонов. Их несколько было: “Дора-1”, “Дора-2”. Я на киностудии беседовал с одним из таких “товарищей”, когда этот фильм снимали. Так я прямо и сказал, что их всех перевешать надо было, когда они в Советский Союз вернулись, а не фильм о них снимать. Когда этот батальон дрался с партизанами в Белоруссии, они не восставали? Нет. А в мае 45-го подняли восстание. Пять дней до победы, где вы раньше были?.. И правильно их в лагерь направили, с моей точки зрения — служили немцам. А один то ли грузинский, то ли армянский батальон сдался вообще в середине мая. Они защищали форт “Линдерман” на западном побережье. Батальон сидел там со дня высадки союзников и не сдавался, а англичане и американцы не хотели людей терять. К ним в 20-х числах привезли немецкого генерала, который объяснил, что война закончилась».

Может быть, это своеобразная защитная реакция человека, который сам служил в легионе? Хускивадзе настолько вжился в образ, что относился к грузинам-коллорационерам так, как к ним и должен был относиться бывший советский разведчик. Между прочим, в конце 1944 года большинство грузинских батальонов из-за низкой боеспособности использовалась в основном на строительстве укреплений, так что Хускивадзе легко было скрыть свою службу у немцев и заявить англичанам и американцам, что он военнопленный, которого использовали на строительных работах.

Арон Шнеер любезно прислал мне фрагменты воспоминаний Владимира Мельникова, встречавшегося с Хуски-

вадзе в лагере. Их пути пересеклись на пересыльном пункте Майкудук Песчлага в Караганде в апреле 1952 года. По словам Мельникова, начальником там был ст. лейтенант или капитан Удодов, «действительно редкая сволочь». Хускивадзе же Мельников характеризовал следующим образом в письме к Шнееру: «Был выдающейся личностью. Я сам был под его обаянием, да и остаюсь сегодня через 50 лет. Но это не значит, что он мне и вам говорил правду. В лагерях правда шла рядом с вымыслом, придуманной биографией. Иногда преследовалась определенная цель, а чаще человек как бы писал роман, где действующим лицом был сам. Однако А. М. не обязан был рассказывать о себе «правду, только правду и одну правду». Мельников также рассказал, основываясь то ли на рассказах самого Хускивадзе, то ли на лагерной молве, некоторые интересные эпизоды его биографии: «На одном из допросов полковник Баландин стал кричать на него, обвиняя в измене родине, основание — фото в немецкой форме, и ударил Авенира. В ответ тот избил полковника». Солагерник Мельникова, Владимир Рейхман, сидевший вместе с Хускивадзе в Кемеровской областной тюрьме, вспоминал: «Там разнесся слух, что его забрали в Москву, так как на одном из допросов он отбил печень начальнику следчасти Кемеровского областного управления МГБ полковнику Баландину». Эта история обросла легендами. После истории с избиением Баландина, по словам Мельникова, «Хускивадзе этапировали в Москву. Запросили ГРУ и получили ответ, что никаких претензий нет, что выполнял задания командования. Имеет награды. Статья «измена родине» отпала, остался «террор против представителей органов».

Мельников утверждал: «На его личном деле было написано: “на работы не выводить, склонен к побегу”. Когда в апреле 1953 года нас собрали на этап, Авенир Михайлович надел странное обмундирование, очень удобное. По его словам, это обмундирование английского десантника. В 56 году, когда Хускивадзе получил постановление об освобождении, он отказался выйти из зоны, пока ему не вер-

нут форму майора. Это вызвало у начальства большой переполох. Но через день-два он получил форму с погонями майора, и, когда выходил из зоны, начальник лагпункта Удодов взял под козырек. Для меня Хускивадзе остался милым, интеллигентным энциклопедически образованным старшим товарищем».

Арон также прислал мне, за что ему огромная благодарность, фрагмент воспоминаний Марины Перельман, работавшей вместе с Хускивадзе на «Грузия-фильм»:

«Дядя Веня (так его называла вся студия), или «Веня» для тех, кто перешагнул 40-летний рубеж, был весьма примечательной фигурой во всех смыслах. Во-первых, внешне. Полностью выбритый череп, манера держаться абсолютно прямо, немного странная походка из-за ранения.

Веня всегда поддерживал хорошую спортивную форму. Дети и внуки воспитывались соответственно. Здоровое тело нужно было для защиты здорового духа от тех слоев населения, которые признавали и понимали только язык силы. В защите нуждающимся не отказывали.

Для тренировок Веня соорудил в подвальчике спортзал. Да-да, настоящий спортзалчик с тренажерами собственного изготовления, гирями и штангами. Веня увлекался «культуризмом», как тогда называли *bodybuilding*. В то время власти не поощряли культуризм. Чем-то он не вписывался в идеологию. А в дяди Венину подпольную «качалку» валил народ. Многие со студии тренировались бесплатно.

Вообще, дядя Веня умел помогать, когда надо. Устроил моего сынишку в хороший детский сад напротив работы. Однажды услышал, что я ищу дефицитное лекарство для мамы, отправился в закрытую партийную аптеку и принес мне флакон, сказав, чтобы сообщила, если понадобится еще.

Полагаю, что я была вовсе не единственной, кого он выручал.

Народ любил пошутить и поворчать, как Веня любит всех воспитывать, поучать и т. д.

Рассказы его казались иной раз такими нереальными, слишком из «кина» про Штирлица, Кузнецова или Зорге.

Однако в целом его любили. Без него студия казалась скучной, он был частью ее лица».

Тут стоит заметить, что человек может ходить полностью бритым не только тогда, когда он склонен к раннему облысению, но и в том случае, если он заинтересован в том, чтобы его не узнали те, кто помнит его с шевелюрой, усами или бородой. Рассказ о том, что Хускивадзе избил следователя полковника Баландина, большого доверия не вызывает. За такое, скорее всего, расстреляли бы. Хотя, может быть, за это дело ему и добавили статью о терроризме, увеличившую его срок до 25 лет. А вот упоминание о фотографии Хускивадзе в немецкой военной форме кажется вполне правдоподобным и может служить доказательством службы Хускивадзе в грузинском легионе. По всей вероятности, в 1946–1947 годах эту службу Авениру Михайловичу удалось утаить от следствия, а теперь каким-то образом нашлась компрометирующая его фотография. Можно также допустить, что из факта службы Хускивадзе у немцев в дальнейшем следователи состряпали дело о терроризме (арестован-то он был за антисоветскую агитацию, в качестве которой сочли восхваление американской военной мощи).

Рассказ о наличии у Хускивадзе потертой военной формы британского десантника выглядит вполне правдоподобно. Хорошо известно, что некоторые советские военнопленные после освобождения завербовались в британскую армию, где успели до репатриации прослужить несколько месяцев. Бывшие советские военнопленные, например, были в составе британского патруля, арестовавшего Гимmlера. Вероятно, Авениру Михайловичу довелось послужить в одной из британских воздушно-десантных дивизий. Другой же рассказ, насчет того, что перед освобождением Хускивадзе потребовал вернуть ему мундир майора, — это расхожая легенда, применяемая к различным известным личностям, например к Константину Рокоссовскому, который будто бы потребовал, чтобы ему перед освобождением доставили мундир и белого коня. Ни грана правды, разумеется, в таких легендах нет. Очевидно, в

лагерных рассказах Хускивадзе присвоил себе майорский чин, а в беседах со Шнеером произвел себя в полковники. На самом деле после выпуска из училища Хускивадзе имел звание не выше лейтенанта, а поскольку провоевал считанные дни, никакого производства получить не мог.

И действительно, в лагере Хускивадзе, по словам Мельникова, излагал несколько иную версию своей биографии, чем в беседах со Шнеером, не менее фантастическую:

«Родился он в Петербурге в январе 17 года. Называл себя человеком николаевского засола, задела, розлива. После революции семья жила то в Ленинграде, то в Тбилиси. Отец был членом ЦК компартии Грузии...

Учился Авенир Михайлович в Ленинграде в Технологическом институте на электротехническом факультете и одновременно в Академии художеств, в 1939 году в Тбилиси открылся факультет связи, и Хускивадзе перевелся туда. В 1940–41 годах участвовал в союзных соревнованиях по боксу в легком весе. Выступал под фамилией Гоглидзе, которая стала спортивным псевдонимом. Объяснение простое: отец — член ЦК, а сыну морду бьют.

В Красную армию призван в конце 1940 или начале 1941 года, попал в военную разведку. Подробно рассказывал об отступлении Красной армии. Дальше работает в немецком тылу... Одна из историй его такова. В 1943 году немцы отозвали с фронта гауптмана и направили на должность начальника сборки ФАУ-2. Этот немец благополучно доехал до Варшавы. Когда пересаживался с поезда на поезд, его взяли наши разведчики и убили. Я спросил А. М.: “Вы его сами убили?”

— Нет это сделали другие люди в моем присутствии. А я с его документами поехал на завод, где собирали ФАУ, и полгода работал. Убитый немец был инженером, выпускник Лейпцигского высшего технического училища (подобно МВТУ им. Баумана). У нас с ним схожие специальности. Все документы, моя подготовка были сделаны заранее. Затем мне приказали исчезнуть. Я взял отпуск и уехал в Бельгию. Меня случайно задержали на эльзасской границе. Хороших документов у меня не было. Мой немецкий язык с

русским и грузинским акцентом определили как эльзасский. Поскольку я не называл свою национальность, меня долго допрашивали, а затем отправили в Бухенвальд, как лицо без гражданства.

Я спросил, как протекали допросы, били или нет.

— Нет, не били, но следователь постоянно тушил об мои руки сигареты, а курил он без перерыва. И действительно на руках А. М. были шрамы. По Бухенвальду его знали два человека: подполковник Бонифатьев, командир погранполка, попавший в плен раненым.

Стараниями разведки А. В. был переведен из Бухенвальда в какой-то маленький лагерь, откуда ему организовали побег. После войны работал в комиссии по репатриации. Среди немецких военнопленных в американской зоне опознал своего следователя, забрал у американцев и расстрелял. Немец был поражен узнав в Хускивадзе советского офицера...

Почему-то последнее место службы — Венгрия. Какие-то были неприятности. Мне было непонятно, почему он поселился в Ленинско-Кузнецке. Ответ был уклончив: хотел затеряться. Начал работать инженером-механиком в каком-то тресте, но там что-то не заладилось. Тогда ушел в спортивную школу».

Можно предположить, что на этот раз выдуманная дата рождения — январь 1917 года — призвана была показать, что Хускивадзе-Гоглидзе родился еще до Февральской революции.

Вероятно, со стремлением затеряться связана была и смена имени и фамилии. Мельников подтвердил, со слов своего солагерника Владимира Рейхмана, который учился в той школе, где Авенир Михайлович был тренером по боксу, что в Ленинско-Кузнецке его знали под фамилией Гоглидзе.

Между прочим, от советских орденов Хускивадзе избавился почти так же, как и другой фантазер — писатель Владимир Богомолов. Авенир Михайлович будто бы имел два ордена Ленина, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, а за службу в германской армии имел два желез-

ных креста. И, по его словам, отказался от них после трагических событий апреля 1989 года на проспекте Руставели в Тбилиси: «Мы с женой после апрельских событий в Тбилиси пришли в ЦК и партбилеты вместе с наградами на стол швырнули». Богомоллов же, будто бы в начале 50-х отсидев почти год под следствием по ложному обвинению, после освобождения швырнул возвращенные ему награды в мусорную урну.

Полагаю, что на самом деле весь рассказ о мнимом советском Штирлице-штурмбанфюрере, как правильно заметил Владимир Мельников, родился во время заключения в лагере. Ведь там от умения красиво сочинить себе биографию, превратив ее в настоящий роман, способный увлечь соседей по бараку, порой зависело выживание (см. «Колымские рассказы» Варлама Шаламова). Вот так и рождаются легенды о Штирлицах. Правильно сказал старый эзк, литературовед Марлен Кораллов, встречавшийся с Мельниковым и Хускивадзе в Майкудуке: «Вдоволь наслушавшись тюремно-лагерного трепа, давненько пришел я к выводу, что эзки врут покруче, чем рыбаки и охотники. Врут не все, не всегда, однако же, образуя в России мощный народный пласт, и не случайно, а по мотивам историко-социально-психологическим. Согнутым в три погибели необходим реванш. Как в глазах счастливчиков, кому до сих пор везло проскакать мимо тюряги, так и в собственных, потускневших. Униженным и оскорбленным надо оставаться личностями. Загребев в лагерь, молодой лейтенант, как правило, жаждет себе присвоить звание капитана. А хорошо бы майора. Командир полка раз-другой нечаянно вспоминает, что приходилось командовать корпусом. А отсидев пяток или семь-девять годков, начинает в это твердо верить. И не пробуй его опровергнуть».

Хускивадзе же, как сообщается в картотеке безвозвратных потерь, ныне доступной в Интернете (<http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>), в Красной армии был всего лишь старшим лейтенантом, заместителем командира батареи 526 легкого артиллерийского полка. Там же сообщается, что он родился в 1918 году в Москве и был

членом ВЛКСМ (тогда как сам он в беседах с Шнеером утверждал, что был членом ВКП(б)). Запрос о нем не позднее января 1944 года направила Мария Георгиевна Солдатова, проживавшая в Москве по адресу: Авиамоторная улица, д. 4, корп. 4, кв. 7 — и не получавшая писем от него с августа 1942 года. Скорее всего, это была гражданская жена Аveniра Михайловича, которой он, по всей вероятности, посылал свой аттестат на получение денежного довольствия. Может быть, откликнется кто-то из ее родственников и поможет прояснить историю Хускивадзе.

**Воздушные замки,
или
Как генерал Кириченко ордена Ленина заслужил**

После просчетов в оценке сил и намерений германского командования весной 1942 года советская разведка, Генштаб и командование фронтов усвоили одно простое правило: гораздо безопаснее преувеличивать, а не преуменьшать силы и средства противника. Тогда в случае победы успех будет выглядеть весомее, а при неудаче всегда будет готово оправдание: враг оказался чересчур силен. Кроме того, преувеличивая численность и оснащенность войск противника на своем участке, можно было таким образом добиваться выделения себе дополнительных дивизий и боевой техники. Но поскольку в той или иной мере завышали данные о противнике практически все фронты и армии, на перераспределение советских резервов по направлениям этот фактор на практике не оказывал принципиального влияния. Зато определить слабое место в немецкой обороне становилось крайне трудно, поскольку даже туда, где вроде бы неприятельских сил совсем не было, советские штабы на всякий случай помещали «дивизию не установленной нумерации». Боевые донесения же порой приобретали совершенно фарсовый характер. Вот только один из самых ярких примеров.

Командир 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса генерал-лейтенант Николай Яковлевич Кириченко по умению превращать (но только на бумаге) поражения в победы, возможно, не имел себе равных в Красной армии. Его бывший заместитель полковник Бардадин живописал все художества бравого казака-генерала в письме в ЦК ВКП(б) от 28 октября 1942 года. Письмо не слишком грамотное, зато искреннее: «...Я, как непосредствен-

ный участник, будучи заместителем командира корпуса, хочу описать боевые эпизоды 17 казачьего корпуса, ныне 4 гвардейского казачьего кавалерийского корпуса, за которые корпус получил звание гвардейского и которые ряд командно-начальствующего состава и казаков рассматривает как неправильные действия командования корпуса перед родиной».

Бардадин рассказал, как неудачная атака дивизий корпуса на станицу Куцевка (Куцевская) на Кубани в донесении штаба превратилась в большую победу: «Атака в 8 часов утра 29 июля не состоялась, так как опоздали два полка 13 кавдивизии, и с выходом их в исходное положение атака началась в 11 часов 30 минут. С началом атаки противник обрушился артиллерийским, минометным и пулеметным огнем на атакующие группы конницы, вследствие чего полки понесли большие потери в людском и конском составе, атака захлебнулась и конница повернула назад. Пешие части 15 кавдивизии подошли к южной окраине Куцевки и дальше продвинуться не могли. 24-й полк в рубке участия не принимал, неся потери от огня противника, вернулся обратно. 33-й полк 13 кавдивизии участие в рубке принимал, понес большие потери, чем 24 полк. Полк, действующий на вспомогательном направлении, участия в атаке не принимал, так как с ним не было связи, и только в 15 часов командир полка по личной инициативе решил выполнить поставленную задачу, напоролся на организованный огонь противника, понес потери и отошел в исходное положение.

В результате атаки наши части станицу Куцевку не заняли, противник оставался на занятых им позициях. Потери с нашей стороны — 400 человек убитых и раненых, около 200 лошадей. Со стороны противника — максимум 100–150 зарубленных и покалеченных, 3 человека пленных. Трофеи — 6 мулов, 5 автоматов... Всего по всему фронту Куцевка, Шкуринская, Канеловская было уничтожено не более 500–600 человек немцев, в плен взято 13 человек. В донесении, написанном в штаб фронта, было указано: казака-

ми зарублено 5000 человек и взято в плен 300 человек, что далеко не соответствует действительности».

По мнению Бардадина, «операция была организована плохо, непродуманно, атака конницы была направлена на водный рубеж, занятый хорошо организованной системой огня противника».

Полковник-правдолюбец поведал также о том, как во время отхода за реку Кубань в августе 42-го 13 кавдивизия полковника Миллерова в панике бежала от 4 немецких танков и 2 самолетов, причем бежала так резво, что собрать ее и привести в относительный порядок удалось только через двое суток. В результате беспорядочного отхода кавалеристов Миллеров под вражеский удар попала соседняя 13-я кавдивизия, понесшая тяжелые потери — до 40 процентов бойцов и командиров.

«Это в полном смысле паническое бегство, — подчеркивал Бардадин, — очень отразилось на моральном состоянии всего личного состава, и дивизия доныне носит кличку среди казаков с прибавлением второго Д — “драпающая дивизия”. . . Мною было доложено командиру и комиссару корпуса о вышеизложенном, за что нужно было судить командира дивизии Миллерова, ему же было присвоено звание генерал-майора и награждение орденом Ленина».

Злоключения 12-й и 13-й кавдивизий продолжались. 18 августа обе дивизии отходили на станицу Апшеронская, но «так как противник, упредив их, автоматчиками занял Апшеронскую и распространялся на Хадыженскую, командование обеих дивизий сделало вывод, что они. . . начали в беспорядке, не имея связи с корпусом, выходить из “окружения”. 12 кавдивизия горными тропами “выходила” в направлении Сочи, не имея боев с противником, и была остановлена от дальнейшего “выхода” штабом фронта в районе Красно-Александровский. 13 кавдивизия “выходила” в район Черниговская (Поповка), Рожет, и была остановлена командующим 18-й армии, который временно подчинил ее себе». В результате дивизии потеряли 15 орудий, 2 мино-

метные батареи, 2700 винтовок, радиостанцию, 11 автомобилей, 14 пулеметных тачанок и много разного другого добра, в том числе почти все людские и конские противогазы (были и такие).

Командир и комиссар корпуса, несмотря на предложение Бардадина предать суду комдивов «за трусость и паникерство», представил их к орденам и новым званиям. Хотя вся заслуга свежееиспеченных генералов Миллерова и Тутаринова заключалась в том, что они по собственной глупости бросили без нужды массу техники и измотали до предела людей и коней, когда уходили горными тропами от противника, который и не думал их преследовать.

Полковник Бардадин заключил свое письмо следующими словами: «Этим письмом я хочу довести до вашего сведения все факты в правдоподобном виде, а не так, как командование корпуса доводило их до сведения штаба фронта и Ставки.

Точно так же нечестно отнеслось командование корпуса и при представлении лиц к Правительственным наградам, что особенно имело место в самом штабе корпуса, где наравне с заслуживающими лицами были представлены ряд лиц, которые не участвовали в боевых операциях и абсолютно никак не проявили себя за время работы в корпусе, как то: командиры 12 кд и 13 кд генерал-майоры Миллеров и Тутаринов, военфельдшер Бражник Ольга С., старший батальонный комиссар, комиссар штаба корпуса Тырышкин, который сам заявляет, что не знает, за что получил орден Красной Звезды, батальонный комиссар — зам. начальника политотдела Шутковский, начальник штаба корпуса Дудкин и начальник политотдела полковой комиссар Маналис, получившие ордена Ленина за Куцевскую операцию, описанную мною выше, за что они должны были понести дисциплинарное взыскание, так как операция при неправильной тактике и никуда не годной организации была провалена, и ряд других.

Правда, освещая все происходящее в корпусе в ином, прикрашенном свете, трудно сказать, что преследовали

при этом командир корпуса Кириченко, комиссар Очкин, начальник штаба Дудкин, быть может, их соблазнило создание блестящей карьеры, что ни в коей степени немыслимо в нашей стране! Я же лично не в силах был сколько-нибудь повлиять на ход событий, так как на все мои вмешательства и предложения получал резкий ответ от командира корпуса, что вы, мол, только заместитель и обязаны выполнять мою волю, а остальное вас не касается. Так был получен резкий ответ — не твое, мол, дело, когда я был искренно возмущен посланной в штаб фронта сводкой об уничтожении 5000 немцев и взятии 300 человек в плен, в то время как их было уничтожено 500–600 человек, о предложении предания суду командиров 12 и 13 кд за трусость и паникерство, о нескольких других вариантах проведения Куцевской операции и других операций. Благодаря этим, правильным, я считаю, вмешательствам, командир корпуса Кириченко, имея незаслуженно большой авторитет, настоял на моем откомандировании из корпуса, мотивируя это всякими небылицами в лицах.

Прошу обратить внимание на мое письмо, чтобы в дальнейшем подобные явления не имели места. Одновременно прошу вас довести эти факты до сведения наркома Оборона товарища И. В. Сталина».

Из письма видно, что генерал Кириченко на «небылицы в лицах» был мастер. Зато он не умел ни грамотно организовать проведения боевой операции, ни проследить за выполнением боевых приказов, а его корпус шел от поражения к поражению, за что и был... удостоен высокого звания гвардейский.

Боюсь, что даже Бардадин преувеличивал потери, нанесенные немцам в бесславном бою под Куцевкой. Ведь корпусу в бою 29 июля 1942 года противостояли неприятельские войска численностью никак не больше дивизии. Согласно дневнику Гальдера, в период с 21 июля по 31 июля 1942 года в среднем на каждую немецкую дивизию Восточного фронта в день приходилось 19 убитых, раненых и пропавших без вести. Конечно, дивизии южного

крыла, наносившие главный удар, должны были терять существенно больше. Но все равно потеря одной дивизией в один день 500–600 человек была бы событием чрезвычайным и наверняка запечатлелась бы в дневнике Гальдера, в немецких мемуарах и исследованиях. Но все источники с той стороны дружно молчат о геройстве казаков Кириченко. Скорее всего, потери немцев в бою под Куцевкой вообще не превышали несколько десятков человек.

А то, как 13 пленных в донесении волшебным образом превратились в 300, доказывает, как кажется, неосновательность подозрений германских историков, будто в советском плену умерло не полмиллиона человек, как гласят официальные данные, а как минимум вдвое больше. Похоже, что в действительности десятки и сотни тысяч немецких пленных существовали только в боевых донесениях. Хотя были и многочисленные случаи убийств пленных и издевательств над ними не только с немецкой, но и с советской стороны. Однако это тема для отдельного разговора, здесь мы ее затрагивать не будем.

Генералам вроде Н. Я. Кириченко точные данные разведки о противнике только вредили, поскольку ограничивали полет фантазии в боевых донесениях. А таких генералов в Красной армии было едва ли не большинство. Поэтому на протяжении всей войны разведка находилась в приниженном положении. Добываемые разведчиками сведения учитывались командованием лишь в той мере, в какой позволяли требовать дополнительных подкреплений и не разрушали радужную картину, нарисованную в фальшивых донесениях. Руководители разведки, впрочем, очень быстро поняли, что от них требуется, и не разочаровывали командиров дивизий, корпусов, армий и фронтов. В их сводках враг обычно был неимоверно силен, а потери немцев неизменно превышали потери противостоявших им советских соединений.

Письмо Бардадина поступило к Г. М. Маленкову — фактическому заместителю Сталина по партийным делам. Георгий Максимилианович вскоре переадресовал его генера-

лу армии Жукову — другому заместителю Сталина, но уже как Верховного Главнокомандующего. Георгий Константинович поручил провести расследование по существу изложенных в письме фактов главе инспекции кавалерии Оке Ивановичу Городовикову. И вот 29 января 1943 года Жуков представил Маленкову результаты расследования, сопроводив их просьбой «при определении заслуг т. Кириченко иметь в виду его личную характеристику». Значит, не наказывать его слишком сурово — заслуги, мол, у храброго казака действительно есть. Расследование же, проведенное полковником Лавровым и подполковником Карышевым, выявило неприглядную картину состояния 4-го гвардейского кавкорпуса. Равно как и некоторые весьма специфические заслуги военфельдшера Ольги Бражник и некоторых других награжденных.

Городовиков докладывал Жукову:

«Произведенным расследованием установлено, что в боевой обстановке управление дивизиями со стороны штаба корпуса было недостаточным. Штаб корпуса во время боевых действий находился от дивизий, ведущих бой, на удалении от 40 до 60 километров, а в донесениях штабу фронта имели место преувеличенные данные о противнике и его потерях.

Расследованием также установлено, что военфельдшер 200 ППГ (полевого подвижного госпиталя; иногда расшифровывался как «походно-полевой госпиталь», отсюда ироническое — «походно-полевая жена» (ППЖ). — Б. С.) Бражник О. С. и машинистка оперативного отдела штаба корпуса Кондрус получили правительственные награды: первая «ОРДЕН ЛЕНИНА» и вторая «МЕДАЛЬ ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ», не имея оснований к этому, так как, будучи в составе 4 Казачьего Кавкорпуса, за все время боев действительно находились при штабе корпуса и в боях участия не принимали. Представление военфельдшера Бражник к Ордену Ленина якобы за вынос 131 человек раненых в 1941 году в составе 38 кавдивизии считаю неверным, так как это не подтверждается документами, а к тому же за вынос ране-

ных в составе 38 кавдивизии военфельдшер Бражник награждена «ОРДЕНОМ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

За слабое управление частями корпуса во время боевых действий, преувеличение данных о противнике и его потерях, а также за необоснованное представление к правительственным наградам военфельдшера Бражник и машинистку Кондрус, со своей стороны, считаю необходимым на командира 4-го Гвардейского Казачьего корпуса генерал-лейтенанта Кириченко наложить дисциплинарное взыскание».

И сам Городовиков, и Лавров с Карышевым прекрасно понимали, что признать главные пункты обвинений, выдвинутых Бардадиным в полном объеме — о паническом бегстве, фальшивом «окружении», несправедливом производстве комдивов в генералы, награждения их и Кириченко орденами Ленина и присвоения корпусу звания гвардейский — себе дороже. Представления-то шли через все ту же инспекцию кавалерии и командование Северо-Кавказским фронтом. А им руководил член Ставки маршал Буденный. Никак нельзя разжаловать генералов обратно в полковники, отбирать у них ордена Ленина, лишать корпус гвардейского звания. Тогда получится скандал на всю Красную армию, и Оке Ивановичу с Семеном Михайловичем не сносить головы. Поэтому Лавров и Карышев утверждали в своем докладе: «Бардадин не прав, что корпус "серьезных боев с противником не вел, а был вовлечен в поток отходящих частей". По отзывам руководящих работников штаба Северо-Кавказского фронта, приказам СКФ и Черноморской группы войск Закавказского фронта 4 гвардейский кавкорпус в период отхода частей Красной армии на территории Северного Кавказа дрался с войсками фашистской Германии мужественно, стойко и являлся среди войск Северо-Кавказской группы одним из наиболее организованных и боеспособных соединений, которое нанесло серьезные удары по противнику, уничтожив большое количество живой силы и техники врага. Личный состав корпус героически дрался за

Советскую Родину и вполне заслуженно, своей кровью завоевал Гвардейские знамена (прилагается приказ Черноморской группы войск Зафронта и письмо члена Военного Совета Л. М. Кагановича).

Документальными данными и путем бесед с руководящим составом 4-го гвардейского казачьего корпуса установлено, что полковник Бардадин в своем заявлении не прав по следующим вопросам. 10 августа 1942 года 13-я кавдивизия была действительно рассеяна неприятельской авиацией на открытой местности, но потом собрана и в двое суток приведена в боеспособное состояние. В окружении была лишь 12-я кавдивизия, а не 2 дивизии, как пишет Бардадин. Выходя из окружения через горные тропы и не имея возможности вывезти через перевалы материальную часть артиллерии, командование дивизии приняло по обстановке совершенно правильное решение — закопать материальную часть артиллерии в землю, а часть ее была путем порчи выведена из строя. О том, что материальная часть артиллерии закопана в землю, командованием 12 кавдивизии было доложено Маршалу Советского Союза т. Буденному, который, как это заявляет командир корпуса генерал-лейтенант Кириченко, одобрил действия командира 12 кавдивизии (копия доклада командования 12 кавдивизии по этому вопросу прилагается). 12-я кавдивизия находилась в окружении противника с 15 по 24 августа 1942 года и выходила из окружения с серьезными боями. 12-я и 13-я гвардейские дивизии получили гвардейские знамена, а поэтому совершенно верно награждены Правительственными наградами командиры этих дивизий т. Миллеров и Тутаринов. Правильно... награждены и остальные командиры и политработники, указанные в письме полковника Бардадина».

Характерно, что для подтверждения неправоты мятежного полковника другие полковники, расследовавшие дело, использовали те самые донесения, несоответствие которых действительно положению вещей и доказывал Бардадин. Между тем немецкие источники ничего не сооб-

щают об окружении 12-й кавдивизии генерала Миллерова. Скорее всего, командованию 12-й и 13-й кавдивизий «окружение» показалось удобным поводом, чтобы оправдать потери вооружения и боевой техники, брошенной во время беспорядочного отступления. Поди проверь, закопали ли орудия в землю или просто оставили на дороге в целости и сохранности.

Ну а насчет частностей Лавров и Карышев не пожалели красок. Кириченко «не организовал взаимодействие, даже не сменил артиллерию, на все четыре дивизии всего одна радиостанция штакара. Кириченко был всего 1 раз в дивизиях: 20.12.42 в 10 кавдивизии вместе с командованием Северной группы войск...

Данные о потерях противника в районе станицы Кущевка в момент конной атаки преувеличены. Точного подсчета количества трупов не велось. По заявлению участников этой атаки подтверждается, что было зарублено немцев около 500–600 человек, а количество пленных исчислялось единицами. Следует отметить, что начальник штаба корпуса генерал-майор Дуткин (в письме Бардадина ошибочно: Дудкин; настоящая фамилия, Дуткин, прямо-таки говорящая — уж очень любил свежее испеченный генерал давать в донесениях дутые цифры. — Б. С.) преувеличивает не только потери противника, но и его силы и без всяких к тому оснований зачастую исправляет разведсводки штакара в сторону увеличения сил противника, показывая тем самым штабу фронта или группе неверное положение».

И походно-полевых жен авторы доклада, не колеблясь, принесли в жертву: «Полковник Бардадин прав, что отдельные лица в 4 гвардейском кавкорпусе получали совершенно незаслуженно Правительственные награды, так, например:

а) машинистка Оперативного отдела штаба корпуса Кондрус награждена медалью «За боевые заслуги» якобы за то, что убила 3 немцев в момент нападения на штаб корпуса, в то время как, по заявлению очевидцев, этого не было

(предусмотрительный Кириченко ближе чем в 40 км от линии фронта штаб не размещал, поэтому немцы на него напасть не могли при всем желании. Зато и командовать корпусом Николаю Яковлевичу было сложно. Ведь кавкорпус — соединение подвижное, положение его частей и обстановка меняется очень быстро, и его командиру, как и командирам танковых соединений, надо быть как можно ближе к боевым порядкам войск, чтобы иметь с ними устойчивую связь. — Б. С.). Машинистка Кондрус проживает с начальником штаба корпуса генерал-майором Дуткиным;

б) военфельдшер 200 полевого подвижного госпиталя Бражник Ольга Самсоновна приказом войскам Северо-Кавказского фронта за № 0233 от 24.8.42 награждена орденом Ленина за вынос 131 человека раненых с оружием.

Военфельдшер Бражник прибыла в 4 гвардейский кавкорпус вместе с генерал-лейтенантом Кириченко из 14 кавкорпуса (г. Вологда), будучи уже награжденной орденом Красной Звезды за участие в боях в 1941 году в составе 38 кавдивизии и вынос при этом 53 человек раненых с оружием.

Будучи в 4 гвардейском кавкорпусе, военфельдшер Бражник числится в штате 200 ППГ, который обслуживает только 4 кавкорпус, в госпитале не работает (зарплату получает в госпитале), а живет в одной комнате с генерал-лейтенантом Кириченко и занимается его обслуживанием.

Фактом награждения военфельдшера Бражник орденом Ленина в корпусе все возмущены, так как всем известно, что она, будучи в корпусе, участия в боях не принимала и раненых с поля боя не выносила.

Наряду с этим в 200 ППГ есть прекрасные медработники, из числа которых на 22.12. 42 года ни один человек не награжден, а Бражник, не работая в корпусном госпитале, получила орден Ленина.

Личное заявление генерал-лейтенанта Кириченко о том, что военфельдшер Бражник награждена орденом Ленина якобы за участие в боях в 1941 году и вынос с поля боя 131 человек раненых, никакими докумен-

тами не подтверждено, а обосновывается лишь одними словами. Проверить правильность награждения военфельдшера Бражник за вынос раненых в 1941 году в составе 38 кавдивизии не удалось, так как очевидцев этого факта в 4 кавкорпусе нет. Бывший начальник штаба 38 кавдивизии, ныне командир 1 гвардейской кавдивизии гвардии, полковник Овар на запрос генерал-инспектора кавалерии Красной армии ответил, что военфельдшер Бражник, будучи в составе 165 кавполка 38 кавдивизии, в боях держала себя стойко и выносила с поля боя раненых бойцов и командиров, за что представлена к ордену Красной Звезды. Маршевый эскадрон действительно был вооружен оружием, собранным на поле боя и поступившим в медсанэскадрон 38 кавдивизии со всех частей дивизии. Следовательно, это не является заслугой только военфельдшера Бражник, так как это оружие собрано всеми частями 38 кавдивизии (копию донесения гвардии полковника Овар прилагаю). Неясно лишь одно: почему военфельдшер Бражник не представлена за описанный подвиг в реляции наградного листа за вынос 131 человек раненых еще в 1941 году 38 кавдивизией, и совершенно ясно то, что военфельдшер Бражник в составе 4 казачьего корпуса в боевых действиях участия не принимала, раненых не выносила, а по своему физическому состоянию она не могла вынести даже единицу раненых бойцов с поля боя. Военфельдшер Бражник награждена орденом Ленина без каких-либо документальных доказательств и оснований к этому».

Ну, в том, что начальник штаба корпуса осчастливил свою любовницу медалью «За боевые заслуги», ничего удивительного нет. В армии эту медаль даже прозвали «За боевые услуги», поскольку очень часто командиры и комиссары награждали ей своих «походно-полевых жен». А вот то, что командир корпуса наградил свою ППЖ орденом Ленина, было событием из ряда вон выходящим. Тем более что из доклада Лаврова и Карышева видно, что Ольга Самсоновна, которой в 42-м году исполнилось всего 19 лет, по

своим физическим данным неспособна была вытаскивать с поля боя раненых. Вероятно, военфельдшер Бражник совершенно незаурядно проявила себя на постельном фронте, раз генерал Кириченко наградил ее столь высокой наградой.

В книге «Советская кавалерия», вышедшей в свет в 1984 году, бой под станицей Куцевка изложен вполне эпически, число же убитых немцев принято компромиссное между донесением Кириченко и письмом Бардадина: «Когда кубанцы и донцы отражали атаки противника на реке Ея, сюда подошли 5-я и 9-я румынские кавдивизии. В связи с этим было принято решение силами 12-й и 116-й казачьих дивизий не допустить вражескую конницу на свой берег, а 13-й Кубанской дивизии полковника Б. С. Миллерова атаковать в конном строю вражескую пехоту. Перед боем комиссар дивизии, старший батальонный комиссар Б. С. Шипилов собрал комиссаров полков и поставил перед ними задачу: коммунисты должны действовать впереди и своим личным примером увлекать казаков в стремительную атаку.

Настал час атаки. В первом эшелоне двинулись два кавполка, во втором — один. Обогнув лесопосадку, кубанцы развернулись в боевой порядок и пошли широкой рысью. Пройдя около 2 км, эскадроны при поддержке артиллерийского дивизиона через кукурузные поля мчались полемым галопом навстречу врагу. Под станицей Куцевская конники на галопе подлетели к танкам, спрыгивали на брону и бутылками с горючей смесью поджигали машины.

В стремительной конной атаке было уничтожено до 1800 солдат и офицеров, захвачено около 300 пленных, 18 орудий и 25 минометов. 198-я пехотная дивизия гитлеровцев, неся большие потери, поспешно отошла на левый берег Ея. В ходе боя станица Куцевская три раза переходила из рук в руки (если верить Бардадину, власть в станице в тот день не менялась ни разу, поскольку немцев не удалось выбить из Куцевки даже на короткое время; о румынской кавалерии он вообще не упоминает. — Б. С.).

Эта атака кавалерийской дивизии являла собой пример отваги и героизма конников, умения командиров организовать бой с сильным противником. В одном из донесений о действиях кубанских и донских казаков сообщалось: «Рвение казаков в бой неизмеримо высоко, и... оставление территории без боя отражается крайне болезненно на состоянии казаков, которые желают до последней капли крови отстаивать свою донскую и кубанскую землю».

Здесь добавились совершенно фантастические трофеи, а в составе немецкой пехотной дивизии, в которую чудесным образом превратились две румынские кавдивизии, вдруг появились танки, совершенно не положенные ей по штату. Что же касается рвения в защите родной земли, то, по иронии истории, в не меньшей степени оно было присуще донским и кубанским казакам, сражавшимся по другую сторону фронта, в рядах вермахта. Этому способствовало и то обстоятельство, что нацисты считали казаков арийцами (остальное славянское население признавалось расово неполноценными «недочеловеками»). А многие казаки, в свою очередь, видели в немцах освободителей от большевиков. Вот что, например, писал родным в станицу Егорлыкскую в конце ноября 1942 года казак Семен Ларин: «Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не воевал ни минуты, а пошел в германскую армию». Ему вторил кубанский казак Алексей Кривенко, сообщавший жене в Краснодар: «Нахожусь в германской армии... наше командование о нас беспокоится, не только о нас, но даже о наших семьях».

Авторы книги «Советская кавалерия» повторяют байку об окружении двух дивизий корпуса Кириченко в августе 42-го: «Противник рвался к Туапсе. К исходу 13 августа танковая дивизия СС "Викинг", отрезав две кубанские дивизии от главных сил корпуса, прорвалась к станицам Ханская и Хадыженская. Командование 17-го кавкорпуса сумело организовать непреодолимую оборону по северным скло-

нам Кавказского хребта на туапсинском направлении и нанести врагу большие потери в живой силе и боевой технике». Как мы помним, по свидетельству Бардадина, никаких крупных столкновений с противником корпус не имел, а выдумка про окружение понадобилась для того, чтобы оправдать бездарную потерю артиллерии.

Но самое удивительное, что храбрый командир 4-го гвардейского казачьего корпуса за все свои художества как на поле боя, так и в тылу не понес никакого наказания и почти год продолжал командовать корпусом. О том, как завершилась карьера Николая Яковлевича, поведал в мемуарах маршал Василевский: «Запаздывал с продвижением (к нижнему течению Днепра. — Б. С.) 4-й гвардейский кавалерийский корпус Н. Я. Кириченко. Чтобы разобраться в причинах этой медлительности, туда выехал посетивший фронт лучший знаток кавалерии в СССР, Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Выводы, сделанные Семенов Михайловичем, были для комкора неутешительными. Новым командиром казаков с 4 ноября (1943 года. — Б. С.) стал И. А. Плиев».

Кстати сказать, всего за два месяца до бесславного фиаско генерал Кириченко удостоился благодарности в приказе Верховного Главнокомандующего от 30 августа 1943 года за действия его группы при освобождении Таганрога. По утверждению авторов книги «Советская кавалерия», в результате боев в период с 26 по 31 августа 1943 года 4-й гвардейский кавкорпус захватил более 2 тысяч пленных, 30 складов, 45 орудий, 11 танков и 100 автомашин. Можно предположить, что эти данные не более достоверны, чем сведения о пленных и трофеях, содержащиеся в рапорте комкора о бое под Куцевкой. Здесь интереснее другое. Неужели за два месяца Кириченко настолько изменился, что удостоенного высочайшей благодарности генерала пришлось срочно отстранять от командования? Думаю, причина столь скоропалительной отставки заключалась в недовольстве Сталина тем, что советским войскам не удалось с ходу ворваться в Крым. Вот и сдела-

ли Кириченко козлом отпущения. А не будь этой случайности, глядишь, Николай Яковлевич благополучно довоевал бы до конца войны и, как его преемник Плиев, стал бы дважды Героем Советского Союза.

Что же касается командира 12-й кавдивизии, ставшей 9-й гвардейской, генерал-майора Б. С. Миллерова, то он благополучно дошел до Берлина, командуя в последние недели войны 4-й гвардейской кавалерийской дивизией. Правда, 30 апреля 1945 года он все-таки был заменен — за неделю до окончания боев совету полковника Бардадина все-таки последовали. А другой комдив, И. В. Тутаринов, успешно продолжал служить после войны и к 1968 году дослужился до генерал-полковника.

В период Великой Отечественной войны, да и позднее в советских штабах существовала всеобщая круговая порука. Далеко не один Н. Я. Кириченко отличался недостоверными донесениями. Чем-чем, а уж этим-то Генштаб Красной армии и руководство Наркомата обороны удивить было трудно. Дальше мы убедимся в этом на примере Западного фронта. Здесь же я приведу пример с другого фронта — Волховского. 10 марта 1942 года начальник Особого отдела 59-й армии майор госбезопасности Мельников сообщал Маленкову о том, как генерал-майор И. В. Галанин и командиры дивизий после провала наступления пытались скрыть масштаб неудачи посредством очковтирательских донесений: «командование 59 армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378 стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону», в оперативных сводках штаба бездействие этих дивизий называет «активным сковыванием противника», «ведением боевой разведки», а также «отражением контратак противника», «не стыдясь сообщать, что дивизии отбивают контратаку одного взвода противника».

Поводом для серьезного разбирательства подобное очковтирательство становилось только тогда, когда на участке соответствующего корпуса, армии или фронта случалась чувствительная неудача, которая почему-либо при-

влекала внимание вышестоящего начальства. Или когда кто-то из командиров нарушал круговую поруку и раскрывал ЦК и лично товарищу Сталину всю правду-матку. Наверное, полковник Бардадин был обижен тем, что ему, в отличие от других, не было присвоено генеральское звание. Но, судя по результатам проверки, он действительно возражал против преувеличенных данных о силах и о потерях противника, а также против того, чтобы собственную безалаберность оправдывать несуществующим вражеским «окружением».

ВМЕСТО АГЕНТОВ — «ЯЗЫКИ»

В условиях, когда советские командующие и их штабы предпочитали преувеличивать число неприятельских дивизий, их укомплектованность людьми и техникой, а также понесенные немцами и их союзниками потери, данные разведки не оказывали большого влияния на видение обстановки генералами и маршалами Красной армии. Они тонули в потоке бравых донесений о подлинных и мнимых успехах. При этом реально выявленные вражеские дивизии благополучно соседствовали с дивизиями виртуальными, призванными обосновать генеральские претензии на подкрепления и награды. Стратегическая информация из Германии практически не поступала. Приходилось довольствоваться сведениями, поставляемыми агентурой и партизанами в прифронтовой полосе и тыловых районах размещения немецких войск, а также показаниями добытых разведчиками «языков», данными радиоперехвата, воздушной разведки и трофейными документами.

Вообще, в ходе войны стратегическая разведка утратила свое первостепенное значение и уступила пальму первенства войсковой разведке. Даже если у Москвы и Берлина имелись ценные агенты в высших неприятельских штабах, воспользоваться их информацией было довольно трудно. Донесения от них поступали с большими перерывами, иначе бы агенты очень быстро провалились. Но сведения, например, о том, что вермахт через месяц или два перейдет в наступление на том или ином участке фронта, все равно требовали тщательной проверки на месте. Ведь за месяц почти всегда изменялись сроки начала операции и очень часто — направление главного удара. Именно войсковая разведка пыталась выяснить районы концентрации войск противника и день и час предстоящего наступления. Сведения должны были поступать оперативно, особенно

в периоды активных боевых действий, иначе они безнадежно устаревали, еще не дойдя до адресата. В условиях войны и быстрой смены военно-политической обстановки стратегическая информация имела смысл только тогда, когда она поступала регулярно, через короткие промежутки времени. Англичане, расшифровавшие германские военные коды, получали основные донесения вермахта чуть ли не ежедневно, но это было лишь удачным исключением из правил. Несколько больший срок жизни был у сообщений о дипломатических переговорах и секретных соглашениях, заключенных в стане неприятеля, однако такого рода информация из Москвы и Берлина почти не поступала.

В апреле 1943 года произошла реорганизация разведывательных органов Красной армии, существенно облегчившая командованию всех уровней возможность повышать силы и средства противника. За Главным разведывательным управлением Наркомата обороны осталась только связь с зарубежной агентурой. Руководство же всей разведывательной работой в прифронтовой полосе и на оккупированных немцами территориях было сосредоточено в Разведуправлении Генштаба Красной армии. Но оно только координировало деятельность разведорганов фронтов и собирало оперативную информацию о намерениях противника. Донесения же агентурной разведки и партизан теперь поступали в разведотделы соответствующих фронтов, которые также получили право самостоятельно засылать агентов на оккупированные территории. Это повышало скорость использования разведывательных данных командованием и облегчало их сопоставление с показаниями «языков», данными радиоперехвата, авиационной разведки и сведениями из захваченных документов. Но одновременно штабам фронтов и армий стало легче повышать силы и потери противника.

В приказе отмечалось общее неблагоприятное состояние войсковой разведки: «Командиры частей и соединений не уделяют войсковой разведке должного внимания. Командующие фронтами и армиями, как правило, не спрашивают с командиров дивизий, полков за состоя-

ние войсковой разведки и не добиваются повышения разведывательной грамотности общевоисковых командиров, подготовка кадров разведчиков по-настоящему не организована. Подразделения войсковой разведки не укомплектованы. Органы разведки специальных родов войск ведут свою работу обособленно и не считают себя обязанными немедленно сообщать все полученные данные в разведорганы фронтов».

Неудовлетворительным признавалось и состояние артиллерийской, танковой, инженерной и авиационной разведки. Между разными видами разведки отсутствовала координация, и данные поступали в вышестоящие штабы с большим опозданием.

Ниже на примере Западного фронта мы убедимся, что и год спустя, несмотря на реорганизацию, работа советской разведки не претерпела заметных изменений к лучшему.

Сталин довольно скептически относился к возможностям своих разведорганов. Так, 22 июля 1942 года в разговоре по прямому проводу с командованием Южного фронта во главе с Р. Я. Малиновским он с раздражением выговаривал генералам:

«Ваши разведывательные данные малонадежны. Перехват сообщения полковника Антонеску (сделанного по радио. — Б. С.) у нас имеется. Мы мало придаем цены телеграммам Антонеску. Ваши авиаразведывательные сведения тоже не имеют большой цены. Наши летчики не знают боевых порядков наземных войск, каждый фургон кажется им танком, причем они не способны определить, чьи именно войска двигаются в том или ином направлении. Летчики-разведчики не раз подводили нас и давали неверные сведения. Поэтому донесения летчиков-разведчиков мы принимаем критически и с большими оговорками. Единственно надежной разведкой является войсковая разведка (т. е. разведка боем и действия поисковых групп по захвату "языков" и документов. — Б. С.), но у вас нет именно войсковой разведки или она слаба у вас.

Наши липовые командиры объята страхом перед немчурой; у страха, как известно, глаза велики, и, конечно, понятно, что каждая маленькая группа немцев рисуется им как пехотная или танковая дивизия».

Пренебрежительное отношение Верховного Главнокомандующего к техническим видам разведки не могло не сказаться самым негативным образом на качестве оценки поступающей информации советскими штабами. И это при том, что в Красной армии радио- и авиаразведка были поставлены значительно хуже, чем в вермахте. Но и с советской агентурной разведкой дело обстояло не лучшим образом.

ТАЙНА РУДОЛЬФА РЕССЛЕРА

Уже в 42-м году разведданные из Германии получала только работавшая в Швейцарии группа Шандора Радо (псевдоним «Дора»), резидента Разведывательного управления РККА. Он был из тех, кто связал свою судьбу с коммунистами в ходе бурных революционных событий, потрясших Европу в 1917–1919 годах. Сын богатого будапештского торговца и офицер австро-венгерской армии, 19-летний Шандор присоединился к компартии Венгрии в 1918 году, после крушения Габсбургской монархии. Будущий разведчик признавался потом, что «на жгучие вопросы дня находил ответы в марксистском учении». После падения Венгерской советской республики бывший комиссар пехотного полка Шандор Радо эмигрировал в Вену, где работал в агентстве Роста-Вена — отделении будущего ТАСС. Потом участвовал в революционном движении в Германии и одновременно стал профессиональным географом и картографом. После прихода к власти Гитлера Радо эмигрировал в Париж, где открыл агентство Инапресс — Независимое агентство печати, фактически занимавшееся коммунистической и антифашистской пропагандой в Европе. В 1935 году во время очередной поездки в Москву он был завербован заместителем начальника Разведывательного управления Красной Армии А. Х. Артузовым, которого в 37-м году расстреляли по делу о «военно-фашистском заговоре» Тухачевского. Как признавался Радо позднее, «мне никогда и в голову не приходила мысль, что я стану разведчиком. Разведка — сложное поприще, она требует особой подготовки. Люди, которые этим занимаются, проходят обучение в специальных школах. Я же никогда не оканчивал подобных школ. Меня всегда влекла наука, в частности картография и география. Но кроме научной деятельности у меня было еще одно страстное стремление — желание участво-

вать в борьбе за свободу и демократию, против фашизма и войны».

По приказу из Москвы, Радо ликвидировал Инапресс и в 1936 году перебрался в Швейцарию, в Женеву. Там прикрытием для работавшей против Германии резидентуры стало агентство «Геопресс», занимавшееся подготовкой и изданием карт. Замечу, что тогда же, в декабре 36-го, в Бельгию Разведупром РККА был нелегально направлен Леопольд Треппер, будущий «Большой Шеф», возглавивший в начале Великой Отечественной войне все советские резидентуры в Западной Европе. В середине 1938 года он объединил советскую разведывательную сеть в рамках международной экспортно-импортной фирмы «Руа де Каучук» («Король каучука») со штаб-квартирой в Брюсселе.

После войны, как и Трепперу, Радо пришлось провести несколько лет в заключении на Лубянке. Но, в отличие от «Большого шефа», так и не ужившегося с коммунистами и в 1973 году вынужденного эмигрировать из Польши на Запад, Радо после реабилитации благополучно жил и умер в родном Будапеште профессором географии и картографии. Но и он, наверное, согласился бы со словами Треппера, сказанными в конце жизненного пути: «Мы хотели изменить человека и потерпели неудачу. Этот век породил два чудовища — фашизм и сталинизм, и наш идеал потонул в этом апокалипсисе. Абсолютная идея, придававшая особый смысл нашей жизни, обрела черты, искажившие ее до неузнаваемости. Наше поражение запрещает нам давать уроки другим, но поскольку история наделена слишком большим воображением, чтобы повторяться вновь, то нам все же дозволено на что-то надеяться». Далеко не все советские разведчики в конце концов осознали, что боролись с одним чудовищем, Гитлером, на стороне другого чудовища — Сталина.

Основным источником информации для группы Радо был немецкий эмигрант Рудольф Ресслер, работавший под кличкой «Люци». Он располагал сетью агентуры в Германии, будто бы имевшей доступ к документам главного командования вермахта, сухопутной армии и люфтваффе.

Личность Ресслера и характер его работы до сих пор вызывают споры среди историков.

Вот что пишет по этому поводу в мемуарах главный свидетель — сам Шандор Радо: «Лично я считаю, что разведывательная деятельность Ресслера-Люци и его единомышленников должна оцениваться только однозначно: все они были истинными патриотами, стойкими борцами против темных сил фашизма и войны. Они желали видеть свою Германию не очагом дикого мракобесия и кровавых распрей, а страной свободы и прогресса, живущей в мире с другими народами. Иной точки зрения на так называемую “проблему Ресслера”, по-моему, и быть не может.

Рудольф Ресслер — выходец из мелкобуржуазной немецкой семьи, проживавшей в старинном баварском городке Кауфбойрен. Отец Ресслера, крупный чиновник лесного ведомства, воспитал детей в строгих правилах протестантской религии.

Когда началась Первая мировая война, Рудольфу едва исполнилось семнадцать лет, но он под влиянием шовинистической пропаганды отправился на фронт добровольцем. Очевидно, окопная жизнь излечила его от иллюзий. Вернувшись домой, Ресслер более не помышлял о военной карьере, а занялся искусством и журналистикой... С приходом к власти нацистов Ресслер вместе с женой уезжает из Германии в Швейцарию. Человек либерально-демократических взглядов, он становится эмигрантом и в 1934 году создает в Люцерне книжное издательство “Вита-Нова”, являясь его владельцем и директором.

Находясь на чужбине, Ресслер решает бороться с ненавистным ему нацистским режимом тем оружием, которое избрали его друзья в Берлине и он сам. А оружие это чрезвычайно острое — разведка.

По-видимому, еще до начала Второй мировой войны Ресслер устанавливает связь с так называемым бюро “Ха” — секретным филиалом швейцарской разведывательной службы, получившим название по имени его руководителя майора Хауземанна.

Для швейцарской разведки Ресслер был счастливой находкой: когда он предложил свои услуги бюро "Ха", то уже имел надежных информаторов, готовых вести тайную борьбу против Третьего рейха. Материал Ресслер получал от официальных лиц, примыкавших к скрытой антигитлеровской оппозиции в самой Германии, а также от немцев, эмигрировавших в Швейцарию. Кто были эти люди, как сложилась и действовала их антинацистская организация, каким путем сведения из Берлина попадали к Ресслеру, — на эти вопросы и поныне нет ясного ответа (Радо писал свои воспоминания в 1971 году; с тех пор ни один агент, поставлявший сведения Ресслеру, так и не был обнаружен. — Б. С.).

Установлено, что Рудольф Ресслер тесно сотрудничал со швейцарской разведкой, снабжая ее военной информацией о Германии. Об этом свидетельствуют различные архивные материалы, а также в какой-то мере показания самого Ресслера на суде, учиненном над ним уже после войны властями Швейцарской конфедерации.

На судебном процессе 2 ноября 1953 года, выступая в свою защиту и объясняя смысл своей деятельности, Рудольф Ресслер говорил: "Меня называют шпионом. Но, как известно, шпион — это такой человек, который, нарушая признанные нормы ведения войны, вводит в заблуждение противника, например, переодевшись в его форму, пробирается на территорию врага или же вообще путем обмана, а иногда и насилия получает важные секретные данные. Однако даже в обвинении не утверждается, что я проводил такую или же подобную этой деятельность" (Ресслер был оправдан. — Б. С.).

В этой связи профессор истории Базельского университета Эдгар Бонжур в своем докладе о внешней политике Швейцарии во время Второй мировой войны, подготовленном им по поручению швейцарского правительства и опубликованном в "Нойе цюрихер цайтунг", говорит, в частности, что Ресслер, Радо, Отто Пюнтер (владелец швейцарского информационного агентства Инса, поставлявший Радо сведения из не установленных источников, в том чис-

ле, вероятно, и от Ресслера; он работал под псевдонимом "Пакбо". — Б. С.) "не могут быть названы шпионами в буквальном смысле этого слова. Сами они не занимались шпионской деятельностью, а собирали, систематизировали и оценивали полученную от их агентов информацию, которую затем частично по радио, а частично по почте направляли по назначению". Далее в докладе Бонжура приводятся слова, сказанные Ресслером на судебном процессе: "Я с чистой совестью могу сказать, что не желал, чтобы возможные последствия моих действий нанесли ущерб внешним связям Швейцарии"...

Сперва агентурная сеть Ресслера, безусловно, обслуживала только швейцарский генштаб. Потом, когда вспыхнула война, доступ к сведениям Ресслера получили разведки стран антигитлеровской коалиции. И, нужно признать, эта информация, исходившая из правительственных и военных кругов Германии, была довольно ценной...

Желая победы Объединенным Нациям, ибо только это могло спасти страну от германской оккупации в будущем, полковник Массон (начальник швейцарской разведки. — Б. С.) не препятствовал своим подчиненным устанавливать связи с агентурой союзников. С его молчаливого одобрения бюро "Ха" позволило Рудольфу Ресслеру передавать сведения по Германии англичанам и американцам... С конца 1942 года подпольная антинацистская организация Ресслера начала выполнять задания нашего Центра. Но... имени руководителя этой группы никому из нас, за исключением Тейлора (псевдоним одного из агентов, Христиана Шнейдера, работавшего в Международном бюро труда в Женеве переводчиком и отказавшегося вернуться в Германию после прихода Гитлера к власти. — Б. С.), известно не было. Не знали мы и того, что Ресслер работает на швейцарскую разведку.

Сиси (эмигрантка из Германии, проживавшая в Женеве и работавшая машинисткой в Международном бюро труда. — Б. С.) и я знали лишь, что сведения поступают от какого-то человека из Люцерна (отсюда и кличка — "Люци". —

Б. С.). Тейлор был посредником. Он вручал Сиси при встрече текст информации, а она передавала его мне. Отредактированный и зашифрованный мною текст с пометкой "от Люци" посылался в Москву.

Мне и позже не довелось лично познакомиться с Рудольфом Ресслером. Из наших сотрудников только Сиси и Джим (англичанин Александр Фут, выполнявший функции радиста. — Б. С.) виделись с ним однажды. Это произошло осенью 1944 года.

Сведения, поступавшие от Люци, исходили из различных учреждений Германии. Поэтому, чтобы в Центре имели точное представление, откуда, из какого источника получена та или иная информация, я обозначал эти источники условными именами — Вертер, Ольга, Тедди, Фердинанд, Штефан, Анна. Имена эти не принадлежали каким-то конкретным лицам. Придумывая псевдонимы, я обозначал лишь имя, созвучное с немецким названием данного учреждения. Например, Вертер — вермахт и т. п. Пересылая через Тейлора и Сиси свой материал, Люци помечал, из какого ведомства он получен: "из ОКВ", "из ВВС", "из МИД". Шифруя текст, я кодировал источники соответствующими псевдонимами, известными лишь мне и Директору (так обозначалось руководство советской разведки. — Б. С.).

Разумеется, в то напряженное время руководство Центра очень интересовалось, что представляют собой источники Люци: где служат эти люди, их фамилии, звания, из каких учреждений поступает информация... Если принять во внимание тяжелую военную обстановку под Сталинградом и на Северном Кавказе, станет ясно, какое значение придавал Центр надежности и точности сведений. Тем более что информация Люци иногда довольно широко освещала некоторые замыслы германского военного командования. Да и поступала она из Берлина довольно оперативно, хотя утверждение Александра Фута, что решения гитлеровской ставки оказывались известными нам порой через сутки после их принятия, безусловно, не соответствует действительности. Неверно также и то, будто в отдельных случаях мы узнавали об изменениях в немецких оперативных пла-

нах, дислокации войск и т. д. даже раньше, чем командующие немецкими армиями на Восточном фронте.

Сначала Центр весьма настороженно отнесся к данным, сообщаемым Люци. Потом, когда был проведен соответствующий анализ информации, наша настороженность сменилась желанием более тесного сотрудничества. Люци охотно пошел навстречу и спустя какое-то время даже приподнял завесу над своей тайной: рассказал кое-что о служебном положении и разведывательных возможностях своих берлинских друзей. Однако он категорически отказался назвать их настоящие фамилии и должности, так как, по его словам, это могло оказаться для них губительным. Мы, разделяя опасения Люци и понимая, что он прав, больше не задавали ему подобных вопросов.

Эта тайна Люци остается и по сей день нераскрытой. Любопытно признание бывшего начальника Центрального разведывательного управления США Аллена Даллеса. В своей книге "Искусство разведки" он пишет следующее: "...Советские люди использовали тогда фантастический источник, находящийся в Швейцарии, по имени Рудольф Ресслер, который имел кличку Люци. С помощью источников, которые до сих пор не удалось раскрыть, Ресслеру удавалось получать в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее командование в Берлине, с непрерывной регулярностью, часто менее чем за 24 часа после того, как принимались ежедневные решения по вопросам Восточного фронта...".

Как видим, даже для руководителя ЦРУ источники Ресслера остаются загадкой, несмотря на то что А. Даллес в годы войны находился в Швейцарии и сам занимался разведывательной деятельностью против Германии. Он без какого-либо сомнения повторяет взятое с потолка утверждение Фута о разведке, якобы извещавшей союзников о принятых в германских штабах решениях менее чем за 24 часа.

Существует еще одна "загадка Люци" — с помощью каких средств немецкий эмигрант поддерживал регулярную и устойчивую связь со своими корреспондентами в Берлине?

В западной печати на сей счет высказываются различные мнения. Некоторые считают, что Рудольф Ресслер и его берлинские единомышленники пользовались услугами дипломатического курьера германского посольства в Швейцарии. Другие убеждали, что в этих целях использовалась радиосвязь.

На мой взгляд, версия о курьере сомнительна, хотя она объясняет, почему хорошо налаженная немецкая служба пеленгации так и не сумела нащупать в эфире радиостанции Ресслера и его друзей. Сомнения мои вызваны прежде всего тем, что никакой курьер не мог обеспечить тех сроков, в которые Ресслер и его берлинские корреспонденты обменивались между собой вопросами и ответами. Чтобы сохранить уровень оперативности, свойственный Люци и его товарищам, понадобилось бы несколько дипломатических курьеров, круглосуточно курсировавших из Берлина в Швейцарию и обратно. Безусловно, это невозможно. Вряд ли какое-нибудь посольство могло позволить себе такую роскошь, даже если его почта сверхсрочная.

Версия о радиосвязи более вероятна. Авторы книги о Ресслере — Аккос и Ке (французские журналисты, чья книга называлась довольно претенциозно — “Война была выиграна в Швейцарии”. — Б. С.) — выдвигают, в частности, вот какого рода концепцию. Берлинские единомышленники снабдили своего друга-эмигранта радиостанцией и шифром еще до начала Второй мировой войны. Сотрудничавшему со швейцарской разведкой Ресслеру незачем было опасаться доносчиков или полиции. Он мог свободно выходить на связь в любое время дня и ночи. А его друзья пользовались служебной радиостанцией — они передавали зашифрованные сведения прямо из центра связи ОКВ, расположенного в военном лагере Майбах, у Цоссена, неподалеку от Берлина. Никакой радиопеленгатор не смог бы выявить каких-либо подозрительных телеграмм в этой огромной массе шифровок, которая непрерывно извергалась в эфир из этого главного узла связи верховного командования вермахта. Таким образом, будто бы существовал неуязвимый радиомост Ресслер — Берлин.

Это предположение не лишено убедительности, особенно если учесть, что один из источников Люци, которому я дал имя Ольга, служил в штабе связи ОКВ. Впрочем, возможно, связь с Ресслером осуществлялась через радиостанцию другого ведомства и другими лицами. Известно, что начальником службы радиоперехвата в абвере был генерал-майор Эрих Фельгибель, казненный в 1944 году как активный участник оппозиционного “заговора генералов” (на самом деле Фельгибель возглавлял службу связи вермахта, подчинявшуюся штабу оперативного руководства ОКВ. — Б. С.).

В версии “радиосвязь” есть, однако, и слабые, уязвимые стороны... Нелепа выдумка французских журналистов, будто бы Ресслера обращению с рацией научил Христиан Шнейдер (Тейлор). Я точно знаю, что Шнейдер вообще не имел никакого понятия о радиотехнике и никогда не работал ключом...

Мог ли Ресслер самостоятельно работать радистом? Люди, знавшие его в те годы, утверждают, что он не был обучен радиоделу. Впрочем, это шаткий аргумент: Ресслер не стал бы признаваться в этом даже лучшему другу. Сомнение в другом. Если бы Люци радировал сам, гитлеровцы непременно засекли бы его в эфире, как они засекали множество подпольных передатчиков во всех странах.

По-видимому, сам Ресслер все-таки не радировал. Скорее всего, он пользовался узлом связи какого-то официального ведомства. Вполне допустимо, что информация шла по служебным каналам немецких посольства или консульства в Швейцарии... Не стоит забывать о том, что Ганс Берд Гизевиус, германский вице-консул в Цюрихе, был одним из участников того же “заговора генералов” и организатором неудавшегося покушения на Гитлера в июле 1944 года. Он разделял убеждения Ресслера и мог предоставить в его распоряжение радиста.

Была еще одна возможность. Это бюро “Ха” — разведорган Швейцарии, с которым Ресслер сотрудничал. Пеленгаторы немецкой радиоконтрразведки, естественно, натыкались в эфире на радиостанции официальных учреждений — бюро “Ха” или немецкого посольства в Швейца-

рии. Но заподозрить в шпионаже свое же посольство было трудно, а против бюро "Ха" нацисты не могли что-либо предпринять, не имея точных доказательств, что оно связано с источниками в Германии.

Гитлеровцам так и не удалось до самого конца войны вскрыть агентуру Ресслера в Берлине. В архивных документах гестапо и СД об этом ничего не говорится. То же самое явствует из книги Флике (офицера абвера, автора книги "Агенты радируют в Москву". — Б. С.). Он считает, что радиосвязь была, но как она осуществлялась, кто были те люди, которые снабжали Люци секретной информацией, — это ему неизвестно.

Предоставляя времени решить эту загадку, можно сказать лишь одно: связь Люци с его источниками действовала безупречно, и налажена она была умно, с большим искусством».

Всерьез воспринимает данные «Люци» и один из руководителей советской разведки в военные годы Павел Судоплатов. В мемуарах он утверждает: «Сотни радиogramм в Москву от "Красной капеллы" из Швейцарии за период с июля 1941 года по октябрь 1943 года содержали ценнейшую информацию: приказы немецкого верховного командования, сведения о передвижении войск и массу оперативных подробностей боевых действий. Эта информация передавалась Рудольфом Ресслером (Люци), но он упорно отказывался назвать ее источник советскому резиденту-нелегалу Шандору Радо.

Ресслер, немецкий эмигрант, встретился с Радо, когда Гитлер напал на Советский Союз (сам Радо утверждал в мемуарах, что эта встреча произошла позднее — только во второй половине 1942 года. — Б. С.). Он дал понять, что считает Радо связанным с советской разведкой, и предложил ему передавать информацию из немецких военных кругов. Зная это, в Москве решили, что Люци просто пытается сохранить в тайне свой источник — агента в немецком генштабе.

На самом деле Ресслер передавал информацию, которую получал от англичан. Английская разведка знала о

работе группы Радо, поскольку еще накануне войны внедрила своего агента в "Красную капеллу" в Швейцарии. По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане не передавали эту информацию, опасаясь, что в НКВД не поверят и потребуют назвать источник. Советские разведслужбы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины "Энигма", которую собрал в 1938 году для британской спецслужбы польский инженер, работавший ранее на немецком секретном предприятии, выпускавшем эти машины. Англичане держали в строжайшем секрете существование "Энигмы", дававшей им возможность дешифровать немецкие радиোগраммы. Сведения о ней поступили в Москву в 1945 году от Филби и Кэрнкросса (членов "кембриджской пятерки" — знаменитой советской агентурной сети в Великобритании. — Б. С.)».

Да, пожалуй, сейчас пришло время разгадать «тайну Люци». Оказывается, для этого достаточно проанализировать донесения, отправлявшиеся в Москву Шандором Радо, сопоставить их с действительным положением вещей на советско-германском фронте, и тайное сразу же станет явным.

Вот, например, 15 августа 1942 года Радо послал в Центр со ссылкой на Тейлора (а тот, в свою очередь, получал информацию от Ресслера) ответы на запрос Москвы о составе германских сил, действующих на юге Восточного фронта, и о числе германских военнопленных в СССР: «Нумерация почти всех немецких частей, которые начиная с 1 мая участвовали в боях в южном секторе восточного фронта, особенно между Доном и Донцом, а также в Донбассе и Крыму: танковые дивизии: № 7, 11, 14, 16, 22; моторизованные дивизии: № 18, 60, 70; подвижные (легкопехотные. — Б. С.) дивизии: № 5, 99, 100, 101; горные войска: 49-й армейский корпус, состоящий из двух горных дивизий; пехотные дивизии: № 15, 22, 24, 28, 35, 50, 57, 62, 68, 75, 79, 95, 111, 113, 132, 164, 170, 211, 216, 221, 254, 257, 262, 298, 312; танковый полк № 61; одна баварская бригада войск СС, одна артил-

лерийская бригада, в состав которой входит 20-й артиллерийский полк из Кюстрина; смешанная часть войск СС силою до полка, состоящая из датских и норвежских профашистов и немецких подразделений войск СС. Количество немецких военнопленных в СССР сейчас 151 тысяча».

Цитируя это донесение в своих мемуарах, Радо оговаривается: «Сидя в Швейцарии, мне трудно было проверить, соответствуют ли указанные номера подлинным номерам дивизий противника, которые действовали на юге советско-германского фронта... Руководству же Центра проще было проверить достоверность сообщений Тейлора, стоило только сопоставить их с донесениями фронтовых разведок. Центр остался удовлетворенным ответами Тейлора... Как, откуда доставал этот скромный служащий... ценную информацию, кто помогал ему, — это оставалось для нас тайной за семью печатями: Тейлор категорически отказывался что-либо объяснять, утверждая, что он связан словом».

Сегодня мы, пожалуй, можем назвать источник сведений Тейлора. Это — дезинформация, подготовленная германской разведкой. Радо, сидя в Швейцарии, разумеется, не мог проверить их подлинность. Аллен Даллес также не сумел или не захотел критически подойти к оценке сообщенных «Люци» сведений. У нас же теперь, благодаря труду германского генерала Буркхарта Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии, 1933–1945», есть такая возможность. В книге Мюллера-Гиллебранда приведены данные о перемещении каждой немецкой дивизии между театрами военных действий и группами армий. Опираясь на эти сведения, попробуем выяснить, в чем сообщение Тейлора не соответствует истинному положению вещей.

Прежде всего, рассмотрим вопрос о пленных. К середине августа 42-го потери вермахта пленными на советско-германском фронте, по самой максимальной оценке, были в два с лишним раза меньше, чем указано в донесении Тэйлора³. Очевидно, германская разведка специально распространила сильно завышенные данные о числе солдат и офицеров вермахта, находящихся в плену в СССР. Тем самым Москву побуждали обнародовать данные об истин-

ном числе пленных, чтобы избежать обвинений в массовом убийстве попавших в плен германских военнослужащих.

С номерами германских дивизий, будто бы сражавшихся на южном крыле советско-германского флота, дело обстоит еще хуже. Из перечисленных в донесении сорока дивизий девятнадцать дивизий — почти половина — находились в тот момент за пределами южного крыла Восточного фронта или вообще не существовали в природе⁴. Слишком много несовпадений для объективной информации. Перед нами — типичный пример дезинформации. Здесь реально действовавшие на южном крыле советско-германского фронта дивизии причудливо перемешаны с дивизиями, никогда не существовавшими или действовавшими на других участках Восточного фронта и даже на других театрах. Цель добавления этих фантастических дивизий — создать у советской стороны преувеличенное представление о силах вермахта, действующих на южном крыле Восточного фронта.

Вот еще одно донесение, поступившее к Шандору Радо 18 апреля 1943 года из Берлина от агента по кличке «Вертер» и немедленно переданное в «Центр»: «Состав 4-й танковой армии под командованием генерала Гота: танковые дивизии — 3, 25, 27-я, дивизия СС «Викинг»; моторизованные и легкие дивизии — 12, 26, 103-я; временно изъяты для пополнения 9-я и 11-я танковые дивизии; изъяты для переформирования 6-я и 7-я танковые дивизии. Формирование 4-й танковой армии к летним операциям должно быть закончено только в мае.

2 и 3 апреля состоялось совещание в германском главном командовании, на котором обсуждались планы на весну, лето и осень 1943 года, а также распределение резервов».

Сразу скажу, что вторая часть сообщения фактически не несет никакой ценной информации, независимо от того, состоялось ли упомянутое совещание в указанный срок. Агент ничего не сообщает ни о сути принятых там решений, ни о конкретном распределении резервов по театрам военных действий и группам армий. Командование Крас-

ной армии могло узнать из этого текста только то, что Верховное командование германской армии время от времени проводит совещания — неужели прежде в Москве об этом не догадывались? Но и сам факт совещания 2 и 3 апреля 1943 года крайне сомнителен. О нем ничего не упоминают ни Манштейн, ни Гудериан, которые должны были бы непременно в таком совещании участвовать. Зато если германскому командованию почему-либо надо было уверить противника, что такое совещание происходило именно в эти сроки, донесение «Вертера» было как нельзя кстати.

Что же касается состава 4-й танковой армии, то он весьма далек от истинного. Сведения о шести из одиннадцати упомянутых в сообщении дивизиях не соответствуют действительности⁵.

Опять перед нами — типичный пример дезинформации. Ее цель — преувеличить силы группы армий «Юг», чтобы советское командование не рискнуло предпринять наступление на этом участке фронта сразу же после окончания весенней распутицы. Следует заметить, что преувеличение собственных сил — это наиболее распространенный вид дезинформации. Во-первых, тем самым противник побуждается к более осторожным действиям, что позволяет выиграть время. Во-вторых, неприятель никогда не в состоянии точно определить все дивизии, действующие на фронте, и фальшивые дивизии из дезинформационных сводок, как правило, плюсятся к ранее установленным армейской и фронтовой разведкой. А вот приуменьшение собственных сил бессмысленно. Оно не только способно вдохновить противную сторону на активные действия, но и технически почти неосуществимо. Ведь какие-то дивизии всегда фиксируются фронтовой разведкой, и если ни одной из уже установленных ей дивизий не будет в дезинформационном сообщении, такому сообщению просто никто не поверит.

Приведу еще пример очевидной дезинформации, поступившей от группы Радо. Агент «Лонг» 10 декабря 1941 года сообщал, что «германская авиация насчитывает сейчас 22 тысячи машин первой и второй линии и, кро-

ме того, 6000–6500 транспортных самолетов “Юнкерс-52”. В настоящее время в Германии ежедневно выпускается 10–12 пикирующих бомбардировщиков. Соединения бомбардировочной авиации, которые до сих пор базировались на острове Крит, отправлены на Восточный фронт: часть — в Крым, остальные — на другие участки фронта. Потери Германии на Восточном фронте составляли 45 самолетов в день. Новый самолет типа “мессершмитт” имеет две пушки и два пулемета. Все они установлены на крыльях».

Хотя это донесение поступило примерно за год до установления связи «Люци» с группой Радо, по свидетельству последнего, «Лонг» тоже черпал свою информацию от разведывательной службы швейцарского генштаба, т. е., по сути, от того же Ресслера.

Здесь наврано практически все. Количество немецких самолетов преувеличено в 6,5 раз, а уровень производства пикирующих бомбардировщиков — в 7 раз⁶. Тактико-технические данные нового самолета в сообщении также не соответствует истинным данным ни одной из известных модификаций «мессершмитта»⁷.

Столь же неточными были поступавшие в группу Радо данные о потерях вермахта. Так, 2 июля 1943 года агент «Ольга» докладывала: «Немецкие потери с начала войны до 30 мая 1943 года: убитых — 1947 тысяч, пленных — 565 тысяч, тяжелораненых — 1080 тысяч. Кроме того, потери вспомогательных войск — примерно 180 тысяч убитых и раненых. Всего немецкие безвозвратные потери, по данным на 30 мая, составляют 3772 тысячи человек, из них убитых — 2044 тысячи». На самом деле к тому времени общие безвозвратные потери вермахта составили лишь чуть более 1,5 миллионов человек, а не 2609 тысяч, как следовало из сообщения «Ольги». Очевидно, немцы старались создать у противника преувеличенное представление об истощении своих людских ресурсов. Может быть, для того, чтобы убедить противника: вермахт больше не в состоянии предпринять крупное наступление на Восточном фронте.

Далекими от действительности были поступавшие в швейцарскую резидентуру сведения о конкретных опе-

рациях германских войск. Например, о подготовке немецкого наступления под Курском весной и летом 1943 года. 3 июня 1943 года «Вертер» утверждал: «В боях на Кубани занята почти половина группы Манштейна... Немцы все время опасаются выступления советского флота против Феодосии и Керчи». На самом деле в составе дравшейся на Кубани 17-й армии и в войсках Крыма было только 14 немецких дивизий. И входили все эти войска в отдельную группу армий «А» во главе с фельдмаршалом Клейстом, а не в группу армий «Юг», которой командовал Манштейн и где сил было в три с лишним раза больше — 46 дивизий. Германская разведка пыталась отвлечь внимание советского командования на Кубань, чтобы обеспечить наилучшие условия для проведения операции «Цитадель».

17 июня 1943 года от «Вертера» поступило новое сообщение: «Наступление на Курск, которое взвешивалось немецким командованием до конца мая, сейчас кажется более рискованным в связи с тем, что русские с 1 июня сконцентрировали в районе Курска такие большие силы, что немцы не могут больше рассчитывать на свое превосходство».

Четыре дня спустя он информировал: «Главное командование сухопутных сил проводит перегруппировку армий группы Манштейна. Целью перегруппировки является создание угрозы флангам Красной армии на тот случай, если она предпримет наступление из района Курска на запад — в направлении на Конотоп». Эти сообщения должны были создать у советского командования впечатление, будто немцы отказались от наступления на Курский выступ и, наоборот, выжидают начала наступления Красной армии.

Кампания дезинформации продолжалась и в ходе самого сражения. 4 июля «Вертер» доносил: «Допустить дальнейшую концентрацию советских войск западнее и юго-западнее Курска для немцев невозможно, так как наступление русских на этом участке означает угрозу всему центральному фронту. Если это готовится наступление, немцы должны начать превентивное наступление, чтобы предупредить удары Красной армии еще до того момента, как они обрушатся на немецкие позиции во всем цен-

тральном секторе, принудив к оборонительным действиям 3-ю и 4-ю танковые армии».

Данное сообщение призвано было убедить советское командование, что вермахт может перейти в наступление на Курск только тогда, когда получит явные признаки готовящегося советского наступления, т. е. еще через какое-то время — спустя несколько дней или даже недель. А между тем до начала германской атаки на Курск оставались считанные часы. Правда, Радо смог передать сообщение «Вертера» в Москву только 7 июля, когда Курское сражение уже шло полным ходом.

Была тут и еще одна дезинформация. «Вертер» упомянул немецкую 3-ю танковую армию, будто бы обороняющуюся против курского выступления на стыке с 4-й танковой армией. В действительности же эта армия действовала на северном крыле группы армий «Центр», в районе города Белый.

6 июля «Вертер» доносил: «Приказа о превентивном наступлении немецкой армии не было к тому моменту, когда Красная армия 5 июля ответила массированным контрударом на частное наступление немцев в районе Томаровки, которое произошло 4 июля силами одной-двух дивизий и имело целью провести глубокую разведку в связи с тем, что немцы опасались развития событий между Великими Луками и Дорогобужем. Установив объем наступательного удара Красной армии между Харьковом и Курском, командование приказало начать наступление двумя армиями в секторе Курска. 6 июля немецкое командование рассматривало бои все еще как оборонительные и постепенно вводило в сражение новые резервы, главным образом через Харьков, Лебедин, Конотоп». Здесь опять четко прослеживается стремление убедить Москву в ограниченном масштабе начавшегося немецкого наступления, будто бы носящего даже «оборонительный» и «превентивный» характер. И уж совсем загадочно объяснение предпринятой Манштейном разведки боем у Томаровки желанием рассеять опасения за фронт от Дорогобужа до Великих Лук, т. е. в полосе совсем другой группы армий — «Центр». Но Радо

передал эту информацию в центр только четыре дня спустя, когда не осталось уже никаких сомнений, что под Курском происходит генеральное наступление вермахта.

7 июля «Вертер» настаивал, что Главное командование сухопутных сил (ОКХ) «сегодня начало решительное наступление против курской группировки Красной армии с целью окружить Курск. Введены в действие все силы 4-й танковой армии и часть сил 3-й танковой армии, которая сейчас концентрируется полностью на брянском направлении». Упоминание 3-й танковой армии в данном случае должно было только запутать советское командование. Ведь эта армия, повторю, в действительности не только не участвовала в наступлении на Курск, но и располагалась не в районе Брянска, а значительно севернее — в районе Белого.

После того как немцы стали сомневаться в эффективности поставлявшейся через группы Шандора Радо дезинформации (не может быть, чтобы за два года противник не понял, что ему поставляют ложные сведения), они добились от швейцарских властей ареста советской агентуры. К концу ноября 1943 года были арестованы все радисты группы, и связь с Москвой оборвалась навсегда. Больше советская разведка не располагала источниками стратегической информации из Германии.

Итак, «Люци» снабжал Радо, а через него Москву тщательно подготовленной дезинформацией. Британская «Энигма», вопреки мнению Судоплатова, никакого отношения к нему не имела. Ведь англичане перехватывали подлинные германские радиogramмы и не стали бы снабжать своего союзника ложными сведениями. Можно, конечно, допустить, что какая-то из германских спецслужб (либо абвер, либо внешняя разведка РСХА, которую возглавлял Шелленберг) использовала Ресслера «втемную». Но верится в такое с трудом. Ведь «Люци» очень скоро должен был задаться теми же вопросами, что и Радо в мемуарах: каким образом берлинские «друзья» могут передавать такой большой объем информации по радио, но не бывают при этом запеленгованы? Мысль Радо о том, что кто-то

из агентов пользовался служебной радиостанцией, может вызвать только улыбку. Радиোগраммы ведь еще надо было шифровать. Интересно, в каком германском министерстве или штабе шифровальщик покорно шифровал бы донесения, адресованные неприятельскому командованию, ничего при этом не заподозрив? Единственно верный вывод, к которому должен был бы очень скоро прийти Ресслер, заключался в том, что агенты работают с ведома и по поручению германских разведывательных органов, предоставивших им штатные радиостанции. Но раз «Люци» продолжал регулярно кормить Москву (а равно Берн, Лондон и Вашингтон) ложными сведениями, приходится сделать заключение, что он сам был двойным немецким агентом и вступил в контакт со швейцарской, советской, британской и американскими разведками под контролем абвера, гестапо или службы Шелленберга.

В свете этого предположения становится понятно, почему «Люци» никогда не называл подлинных имен и должностей своих агентов. Соображения секретности, направленные на то, чтобы избежать их провала, думаю, тут были ни при чем. В Москве ведь прекрасно знали биографии Харнака, Шульце-Бойзена и других членов германской ветви «Красной капеллы», но отнюдь не это, а пеленгация радиопередатчиков, использовавшихся агентами, и арест радистов, выдавших шифры, привели разведчиков-антифашистов к гибели. Ресслер, по всей вероятности, не называл своих агентов, потому что Москва или Лондон смогли бы тогда послать своих людей в Германию, чтобы попытаться связаться с этими людьми напрямую, и игра, которую вели германские спецслужбы, была бы сорвана.

Самое удивительное, что по крайней мере в Москве данным «Люци» безоговорочно доверяли. Это следует из мемуаров как Радо, так и Судоплатова. Дело тут, наверное, в том, что советская войсковая разведка вплоть до конца 1943 года, да и позднее имела очень неполные представления о силах вермахта, находящихся на Восточном фронте. «Языков» и документов, которые могли бы раскрыть

группировку противника, захватывалось слишком мало, а радиоразведка из-за низкой технической базы и нехватки квалифицированных переводчиков с немецкого не могла поставлять сведения о противнике в необходимом объеме и с требуемой оперативностью. Также и авиаразведка не давала нужной информации, как из-за господства люфтваффе в воздухе, так и из-за низкой квалификации пилотов и летчиков-наблюдателей.

Большинство штабов фронтов и армий преувеличивали силы немцев за счет «дивизий неустановленной нумерации». Поэтому поступавшая из Швейцарии информация была на руку советским генералам. С ее помощью можно было присваивать конкретные номера этим «неустановленным дивизиям». Фантастичность же поставлявшихся Шандором Радо сведений выявилась лишь через многие годы после окончания войны, когда были изучены материалы германских военных архивов.

Неудивительно также, почему никто из агентов «Люци» не заявил о себе после краха нацистской Германии. Казалось бы, «патриоты-антифашисты» могли бы рассчитывать на почет и уважение со стороны держав-победительниц. А никто так и не объявился. И это вполне естественно: офицеры спецслужб, кормившие дезинформацией союзные резидентуры в Швейцарии, вовсе не были заинтересованы в том, чтобы афишировать свою подлинную роль. К тому же кое-кто мог заниматься разведывательной деятельностью и после войны — в «организации Гелена», будущей Федеральной Разведывательной Службе Западной Германии. Ресслер же, естественно, никогда бы не признался в сотрудничестве с германскими спецслужбами. В этом случае в Швейцарии ему не миновать было бы обвинительного приговора и тюрьмы. Ведь швейцарские власти смотрели на гитлеровскую Германию как на своего потенциального противника, который вот-вот может свершить агрессию против альпийской республики, и за шпионаж в пользу Рейха по головке бы не погладили. А так Рудольф Ресслер в декабре 1958 года умер тихой смертью добропорядочного люцернского бюргера.

В архивах гестапо, разумеется, также не могло быть никаких следов людей «Люци». Гестаповцам не было никакой нужды охотиться за теми, кто действовал по заданию германских разведывательных органов.

В целом же немецкая разведка могла не утруждать себя дезинформацией. Советские генералы успешно выполняли за нее эту работу, приписывая несуществующие германские дивизии, самолеты и танки. Особенно замечательна в этом отношении та же Курская битва.

Что произошло под Курском

Курская битва стала крупнейшим сражением Второй мировой войны. К 1943 году фактор внезапности германского нападения окончательно сошел на нет. И Красная армия, и вермахт на этот раз были хорошо осведомлены о намерениях друг друга. Обе стороны еще с весны 1943 года готовились к будущему генеральному сражению в районе Курского выступа. Только здесь и немцы, и русские занимали достаточно выгодные позиции, чтобы попытаться окружить и уничтожить значительные силы противника. Как советские, так германские разведывательные органы заблаговременно выявили концентрацию сил противника в районе Орловско-Курской дуги. Немцы проводили дезинформационные мероприятия, призванные отвлечь внимание неприятеля от района Курска, однако они не дали практически никакого эффекта.

Командование вермахта стремилось создать впечатление, что собирается наступать на юге в направлении Ростова-на-Дону. Так, плененный на Западном фронте лейтенант Вольдемар Хепенер показал на допросе 10 марта 1943 года: «Командир роты, обер-лейтенант Эбсер мне лично рассказал, что все вооруженные силы фронта Великие Луки, Орел, Курск отводятся на запад для выпрямления линии фронта и освобождения 20 дивизий, которые примут участие в наступлении германских войск в мае с. г.

Это наступление должно последовать на южном участке Восточного фронта и на Северном Кавказе с целью последующего захвата Баку».

В действительности немцы эвакуировали только Ржевско-Вяземский плацдарм, удержав за собой Орловский выступ. Высвободившиеся при этом 20 дивизий предназначались, однако, не для нового похода на Кавказ, а для наступления в районе Курска. Командующий группы армий «Юг»

фельдмаршал Манштейн сосредотачивал на фронте реки Миус макеты танков и орудий, чтобы ввести в заблуждение советское командование насчет направления будущего германского наступления. Но в Москве слишком хорошо понимали, что после Сталинграда у вермахта нет ни сил, ни средств для нового броска к Баку. На юге стратегические цели находились слишком далеко. Ведь даже в 42-м, располагая значительно большими силами, немцы так и не смогли обеспечить слишком растянутый фланг группировки, наступающей на Кавказ. И тем более не могли они сделать это в 43-м, после разгрома под Сталинградом и выхода из борьбы румынских, венгерских и итальянских войск. Курская дуга оставалась единственным местом Восточного фронта, где германская армия могла попытаться достичь максимума результатов при минимуме затрат, окружив и уничтожив основные силы Центрального и Воронежского фронтов.

Вопреки распространенному мнению, намерение немцев наступать на Курск выявила не агентурная, а фронтовая разведка. Существует легенда, что впервые об операции «Цитадель» в Москве узнали от разведчика Николая Кузнецова. Под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта он 31 мая 1943 года явился на прием к рейхскомиссару Украины Эриху Коху, чтобы убить его. Покушение не состоялось, зато Кох будто бы сказал Зиберту: «Имейте в виду, что именно на вашем курском участке (Кузнецов выдавал себя за немецкого офицера, чья часть расположена под Курском. — Б. С.) фюрер готовит сюрприз большевикам». Так излагает их беседу бывший начальник Кузнецова полковник Дмитрий Медведев. Но в 1998 году писатель Теодор Гладков в книге «С места покушения скрылся...» опубликовал текст кузнецовского рапорта о беседе с Кохом. Там слово «Курск» даже не фигурирует.

Немецкая разведка также установила сосредоточение значительных советских сил как на самом Курском выступе, так и против Орловского и Харьковского плацдармов, с которых планировалось начать операцию «Цитадель». Глава отдела «Иностранные армии — Восток» полковник

Гелен еще в конце апреля 1943 года дал верный прогноз дальнейшего развития событий: «Руководство красных сумело так провести ясно выраженную подготовку крупной наступательной операции против северного фланга группы армий «Юг» в направлении Днепра... что оно до ее начала свободно в своих решениях и путем сохранения достаточных оперативных резервов может не принимать окончательного решения о проведении этой операции до последней минуты точного определения срока немецкой атаки... После того как поступят новые... сведения, не исключено, что противник разгадает подготовку к наступлению... сперва выждет и будет все время усиливать свою готовность к обороне, имея в виду достижение своих наступательных целей при помощи ответного удара... Нужно считаться со всё увеличивающимися силами противника и с тем, что противник достиг уже высокой готовности против возможных атак немцев».

Строго говоря, немецкое наступление на Курск летом 1943 года изначально не имело шансов на успех. Ведь по плану «Цитадель» предполагалось окружить в Курском выступе сразу десять общевойсковых и две танковые армии. Последний раз уничтожить сразу несколько советских армий немцам удавалось более года назад, в мае 42-го. Тогда были окружены и ликвидированы большинство соединений трех армий Крымского фронта и двух армий и оперативной группы Юго-Западного фронта под Харьковом. Больше пяти армий вермахт не окружал и в 41-м. Рассчитывать, что после Сталинграда сил хватит на окружение 10–12 советских армий, было полнейшей утопией. Тем более что немцам было известно: советские войска на Курском выступе не только хорошо укрепились, но и создали там значительные запасы продовольствия, горючего и боеприпасов. Это позволило бы продержаться длительное время даже в окружении, если бы войскам Манштейна и Клюге все-таки удалось бы соединиться в Курске. Кроме того, как признавал позднее Манштейн, в районе Курского выступа, против северного фланга группы армий «Юг» и южного фланга группы армий «Центр» располагались крупные со-

ветские оперативные резервы. Эти резервы, несомненно, успели бы прорвать кольцо немецкого окружения до того, как войска в Курском выступе утратили боеспособность.

Несколько больше шансов на успех давал план Манштейн, предусматривающий отход вермахта к Днепру, а затем фланговый удар с севера по наступающим советским войскам и разгром их на побережье Азовского моря. В этом случае окружать пришлось бы гораздо меньше дивизий Красной армии, чем по плану «Цитадель», к тому же в наступлении они истратили бы значительную часть своих запасов и не смогли бы долго драться в окружении. Правда, не было никаких гарантий, что советское командование попадет в ловушку. В конце концов Гитлер отказался от предложения Манштейна, так как не был уверен, что у группы армий «Юг» хватит сил для разгрома прорвавшегося к Днепру противника.

Вместе с тем надо отметить, что наступление на Курск для немцев все же оказалось лучшим вариантом действий по сравнению с пассивной обороной. Хотя операция «Цитадель» закончилась неудачей, для отражения немецкого наступления советская сторона использовала значительную часть своих резервов, что ослабило силу последующих ударов на Орел и Харьков. Кроме того, войскам Центрального и Воронежского фронтов пришлось переходить в наступление в невыгодных группировках, сложившихся в ходе оборонительного сражения, что уменьшило масштаб успехов, достигнутых Красной армией в ходе контрнаступления на Курской дуге.

Командование вермахта знало, что удар на Курск не будет неожиданным для советской стороны. Но немцы надеялись на более высокие боевые качества своих солдат и офицеров и новые танки «Тигр» и «Патера», которые должны были справиться с грозными «тридцатьчетверками».

В Красной армии тоже сознавали, что будущее решающее сражение весенне-летней кампании 43-го года будет прежде всего танковым сражением. Как вспоминал начальник Оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко, весной 1943 года «Генеральный штаб неослабно следил

за противником. Данные о нем носили несколько противоречивый характер. И разведчики, и операторы сходились на том, что у него появились признаки осторожности, иногда переходящей в нерешительность (Гитлер, не будучи уверенным в успехе, несколько раз переносил сроки начала операции "Цитадель". — Б. С.). Тем не менее в районе Орла, Белгорода и Харькова он по-прежнему сохранял ярко выраженные авиационно-танковые ударные группировки, мощь которых все время наращивалась. Это обстоятельство расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага...

Вопрос "где" не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть только один — на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, т. е. против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения».

В конце марта — начале апреля 1943 года, за три месяца до начала Курской битвы, командующий одним из таких объединений — 5-й гвардейской танковой армией генерал П. А. Ротмистров обратился к руководству с довольно тревожными посланиями. В шифрограммах Сталину от 30 марта и 1 апреля и в письме Маленкову от 2 апреля 1943 года он обосновывал необходимость максимального усиления своей армии. Как и другим советским военачальникам, Ротмистрову хотелось иметь под своим командованием как можно больше людей и боевой техники. Вопрос о том, можно ли их эффективно применить на узком участке фронта и при острой нехватке средств связи, отходил на второй план.

Павел Алексеевич просил включить в состав его армии не три, а четыре танковых корпуса, мотивируя это тем, что хочет «сформировать сильную армию... не лично для себя, а как патриоту танкового дела, отдавшему все познания на протяжении многих лет вопросу применения тан-

ков, сломить рутину и косность в применении их и доказать на деле, что мы, танкисты, можем сделать, когда мы объединены в руках одного военачальника».

Ротмистров убеждал Сталина: «Сформированная в таком составе 5 Гвардейская Танковая Армия будет вполне способной наносить самостоятельно настолько сильные и сокрушительные удары по войскам противника, которые вполне обеспечат общевойсковым армиям, действующим за 5 Гвардейской Танковой Армией, быстрое продвижение вперед без значительных боев и потерь и окончательное закрепление достигнуто успеха.

Допустить, что в таком составе Танковая Армия будет громоздкой, нельзя, так как общевойсковые армии, не имея соответствующих средств управления и сколоченного аппарата управления танковыми войсками, и то часто имели в своем составе кроме 6–10 стрелковых дивизий, до 3–5 танковых корпусов; танковая же армия, имея все необходимые средства управления подвижными войсками, всегда справится с управлением своими танковыми частями в таком же количестве».

На первый взгляд доводы Ротмистрова выглядят убедительными, но если начать разбирать их по пунктам, то ницета аргументов командарма-5 бросается в глаза. Надо учесть, что полноценные радиостанции в то время в Красной армии были только на танках командиров, тогда как остальные танки оснащались лишь радиоприемниками. Это крайне затрудняло управление и взаимодействие в бою. Если выходил из строя командирский танк, оставшимся танкам приходилось действовать самостоятельно. Ведь никто из командиров танков, не имея радиопередатчика, не мог заменить командира подразделения.

Предложение массировать на узком участке фронта силы четырех танковых и механизированных корпусов, насчитывавших одних только танков до 1100 единиц, да еще подкрепленных несколькими полками САУ, способно было только еще больше дезорганизовать управление, тем более что радиостанций на 100 боевых машин в советских танковых войсках приходилось меньше, чем в немецких. Ротми-

стров, как и другие советские танковые начальники, исходил из преувеличенных данных разведки о количестве танков в германских танковых армиях. Ведь в каждой из двух немецких групп армий, участвовавших в операции «Цитадель», было примерно столько же танков, сколько Ротмистров просил для одной только своей танковой армии⁸.

В записке Маленкову командующий 5-й Гвардейской Танковой Армии упоминает только неприятельские танки Т-3 и Т-4, но ничего не говорит о новых германских танках Т-6 «тигр». А ведь они использовались на Восточном фронте с конца 1942 года. Уже в январе 1943 года в руки советских войск в качестве трофея попал по меньшей мере один исправный «тигр». Так что к апрелю того же года Ротмистров должен был бы знать о тактико-технических характеристиках новой немецкой машины. Само собой напрашивалось предположение, что к началу весенне-летней кампании 1943 года они могут поступить на фронт в массовом количестве и нашим «тридцатьчетверкам» в борьбе с ними будет очень тяжело одержать верх.

В своей докладной записке Павел Алексеевич ничего не пишет о приказе наркома обороны Сталина от 19 сентября 1942 года. Как я уже говорил, он предписывал танкистам вести огонь преимущественно с ходу и оснащать танки дополнительными баками на броне, чтобы увеличить запас хода. Это приводило только к напрасному расходу снарядов и делало танки уязвимыми даже для пуль и осколков. Но Ротмистров, как и другие генералы-танкисты, не рискнул протестовать против абсурдных требований приказа, который действовал до конца войны. Они предпочитали получить под свое начало как можно больше танков, чтобы задавить противника количеством машин, а не умением экипажей. Ведь вплоть до конца 1942 года механики-водители советских танков, перед тем как идти в бой, получали практику вождения от 5 до 10 моточасов, тогда как для уверенного управления танком требовалась практика минимум в 25 моточасов. Многие механики из нового пополнения вплоть к началу Курской битвы так и не успели как следует научиться водить боевые машины.

Очень скоро Ротмистров проверил свои теоретические воззрения на принципы боевого применения танковых войск в деле. Павел Алексеевич добился своего: во время Курской битвы под его началом находилось пять корпусов, в том числе четыре танковых. Но такая концентрация советской танковой мощи окончилась большим конфузом.

Из всех событий Курской битвы я остановлюсь на танковом сражении, которое произошло 12 июля 1943 года у деревни Прохоровка между 5-й гвардейской танковой армией генерала Павла Ротмистрова (в составе 18-го, 29-го, 2-го и 2-го гвардейского танковых и 5-го гвардейского механизированного корпусов) и 2-м танковым корпусом СС группенфюрера Пауля Хауссера. Оно справедливо считается крупнейшим танковым сражением Второй мировой войны. По мнению советских генералов и историков, именно бой у Прохоровки стал кульминацией всей Курской битвы. С их легкой руки это сражение было объявлено великой победой наших бронетанковых войск. Этот миф подхватили и многие западные историки. Как писал американец Мартин Кэйдин, на Прохоровском поле «лихая "кавалерийская" атака "тридцатьчетверок" была проведена столь стремительно, что тщательно разработанные немецкие планы сражения оказались сорванными, и немцы так и не получили возможности наладить управление своими частями и подразделениями и дать бой по всем правилам». Советские генералы утверждали, что ни по общему числу танков, ни по потерям немцы практически не уступали советским танкистам в этом сражении. У Ротмистрова будто бы было 850 танков и САУ, а у Хауссера — около 750 танков и штурмовых орудий, в том числе более 100 «тигров». Потери же советские источники определяют в 300–400 танков с каждой стороны.

Действительность ничего общего с этой картиной не имеет. Согласно данным немецких и советских архивов, в тот день в районе Прохоровки 850 советским танкам и САУ противостояло 273 немецких танка и штурмовых орудия, в том числе 15 «тигров». Безвозвратные потери танкового корпуса СС составили не более 5 танков (такие потери

были понесены, согласно боевым донесениям, в период с 11 по 13 июля; более точные данные отсутствуют), а безвозвратные потери танкистов Ротмистрова, если верить донесению штаба 5-й гвардейской танковой армии от 17 июля 1943 года, — 334 танка. Кроме того, с немецкой стороны было повреждено около 38 танков и 12 штурмовых орудий. В мемуарах Ротмистров писал о 400 поврежденных танках и САУ, но не исключено, что это число преувеличено за счет того, что бывший командующий 5-й гвардейской танковой армии включил в него значительное число тех машин, которые в действительности были потеряны безвозвратно.

Неверно также мнение, будто немцы в ходе боя у Прохоровки не смогли сохранить управление своими танковыми частями. Вот как описывает бой сам Ротмистров: «Танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врзались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника (сталинский приказ о преимущественной стрельбе с хода свято соблюдался; в результате возникала эффектная картина для кинохроники, вот только противник почти не страдал от неприцельного огня советских танкистов. — Б. С.). Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку... Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его "тигры" и "пантеры" ("пантер" во 2-м танковом корпусе СС не было ни одной штуки. — Б. С.), лишённые в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки на скакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя

вооружение, продолжали вести огонь... В связи с тем что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила...

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказаниям командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемых открытым текстом: "Вперед!", "Орлов, заходи с фланга!", "Шнеллер!", "Ткаченко, прорывайся в тыл!", "Форвертс!", "Действуй, как я!", "Шнеллер!", "Вперед!", "Форвертс!". Доносились и злые, ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях».

Если внимательно читать данное место в маршальских мемуарах, то приходишь к выводу, что сам Павел Алексеевич полностью потерял управление войсками и в ходе Прохоровского сражения выступал лишь в роли заинтересованного зрителя. И за это чуть не поплатился самым суровым образом.

После Прохоровки Сталин всерьез думал, стоит ли расстрелять Ротмистрова за бездарно проигранный бой, и в конце концов решил, что не стоит. Полковник Федор Давыдович Свердлов в книге «Неизвестное о советских полководцах» свидетельствует, что Ротмистров в 1964 году так рассказывал ему о бое под Прохоровкой: «Это было самое большое танковое встречное сражение в ходе всей Второй мировой войны. Тогда 5-я гвардейская танковая армия, которой я командовал, с приданными двумя танковыми корпусами разгромила крупную танковую группировку фашистов, нацеленную на Курск. Гитлеровцы потеряли около 350 танков и штурмовых орудий, в том числе около 100 тяжелых "тигров" и "пантер", созданных специально для этой операции. После этого сражения они вынуждены были отказаться от дальнейшего наступления и перешли к оборо-

не. Весь их стратегический план на лето 1943 года был сорван. Вот так танковое оперативное объединение выполнило стратегическую задачу. Правда, наши потери были не меньше, чем у противника. Вы, конечно, не знаете, да этого почти никто не знает... — Павел Алексеевич сделал паузу и слегка наклонившись к собеседнику, доверительно сказал: — Сталин, когда узнал о наших потерях, пришел в ярость, ведь танковая армия по плану Ставки предназначалась для участия в контрнаступлении и была нацелена на Харьков. А тут опять надо ее значительно пополнять. Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не отдать под суд. Это рассказал мне Василевский. Он же затем детально доложил Сталину обстановку и выводы о срыве всей летней немецкой наступательной операции. Сталин несколько успокоился и больше к этому вопросу не возвращался».

Легенда о будто бы уничтоженных сотнях немецких танков, о том, что боевых машин у противника было столько же, сколько и у нас, родилась в донесениях генералов, опасавшихся сталинского гнева. В тех условиях это было вполне объяснимо и даже оправдано заботой о сохранении собственной жизни, но сегодня, полвека спустя, когда открылись архивы и установлена подлинная картина Прохоровской битвы, невозможно сохранить в неприкосновенности устоявшиеся десятилетиями представления. Впоследствии Прохоровка была объявлена грандиозной советской победой, сорвавшей немецкое наступление на Курск с юга. В действительности же Гитлер вынужден был прекратить операцию «Цитадель» из-за начавшегося в тот же день наступления советских войск на Орел. Ныне на Прохоровском поле стоит памятник в честь мнимой победы советского оружия. Не правильнее ли сделать его памятником скорби по всем нашим соотечественникам, погибшим в Курской битве?

Миф о победе советских танкистов в сражении под Прохоровкой родился в первых же боевых донесениях, писавшихся, когда на прохоровском поле еще догорали советские танки. Представитель Ставки на Воронежском

фронте маршал Василевский в ночь с 13 на 14 июля докладывал Верховному Главнокомандующему из района расположения армии Ротмистрова: «Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 процентов и 18-й корпус — до 30 процентов танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны... Всего против Воронежского фронта продолжает действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия "Райх" — до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась».

Советские потери здесь значительно преуменьшены, а германские силы столь же значительно преувеличены. Начнем с того, что никакого нового пополнения в танках с начала Курской битвы немецкие танковые дивизии вообще не получали. Все танки и штурмовые орудия, какие можно было, сосредоточили в двух ударных группировках к 5 июля — дню начала операции «Цитадель». В дальнейшем пополнение шло лишь за счет отремонтированных поврежденных машин. Против 18-го и 29-го танковых корпусов 12 июля сражалась одна только немецкая дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер», которая накануне, 11-го числа, располагала не «более чем двумястами танками», как утверждал Василевский, а всего лишь 77 танками и штурмовыми орудиями, включая 7 командирских. Против Воронежского фронта действовали не одиннадцать танковых дивизий, а только девять⁹. Потери же советского 29-го танкового корпуса одними только безвозвратно вышедшими из строя боевыми машинами превышали половину от его состава.

В Российском Государственном Архиве Социально-Политической Истории мне удалось обнаружить документ, где Прохоровское сражение описано по горячим следам членом Военного Совета Воронежского фронта Никитой Сергеевичем Хрущевым. 24 июля 1943 года Хрущев докладывал по ВЧ Сталину о танковом сражении в районе Прохоровки: «К исходу 11.7.43 наступление противника на обоянском и прохоровском направлениях было остановлено; противник имел частичный успех только на корочанском направлении. Перед Воронежским фронтом противник имел три ярко выраженные группировки: 1. В районе Верховения (до 3 танковых и одной пехотной дивизии); 2. В районе Прохоровки (танковый корпус СС в составе 4 танковых дивизий и одной пехотной дивизии); и 3. На корочанском направлении (до 3 танковых дивизий и одной пехотной дивизии).

Во второй половине дня 11-го июля Военным Советом фронта принято решение концентрическим ударом частей центра и левого крыла фронта в общем направлении на Тамаровку — Белгород уничтожить тамаровскую группировку противника.

12.7.43 в 8 часов 30 минут утра после короткой арт-подготовки 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление в направлении Малые Маячки, имея в первом эшелоне 18-й и 29-й танковые корпуса. В составе 29-го танкового корпуса имелось Т-34 — 116 штук, Т-70 — 74 штуки и самоходной артиллерии — 20 орудий, усиленной 76-м гвардейским минометным полком и 366-м полком МЗА (зенитной артиллерии малого калибра. — Б. С.).

29-й танковый корпус наступал вдоль железной дороги в направлении совхоза “Комсомолец” — Малые Маячки. 18-й танковый корпус с 80-м гвардейским минометным полком наступал из района Петровка в направлении Васильевка — Грезное. В первой половине дня 29-й танковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника и находясь под непрерывным воздействием его авиации, сбил части противника и овладел колхозом. 18-й танковый корпус, отразив несколько контратак противника со

стороны Богородицкое и высоты 226,6, овладел Михайловкой, продолжая наступление на Васильевку. Во второй половине дня, в результате контратак танкового корпуса СС (в общей численности до 250 танков), 29-й танковый корпус с боями был потеснен в районе Прохоровка. Основные силы 29-го танкового корпуса в течение конца второй половины дня вели встречный бой в районе совхоза "Октябрьский" и в районе совхоза "Сталинское отделение". В результате боя части корпуса отошли на рубеж колхоза "Октябрьский" — Сторожевое и отражали атаки танковые противника.

За 12.7.43 противник понес следующие потери: танков Т — 150–160, из них до 40 типа "Тигр", 25 орудий, 14 пулеметов, 16 минометов, до 100 автомашин и 1500 солдат и офицеров противника. Наши потери в танках по 18-му и 29-му корпусам: Мк-4 (английские танки типа "Черчилль". — Б. С.) — 15 штук, Т-34 — 113 штук, Т-70 — 48 штук, итого 176 танков и 3 самоходных орудия. Убит 261 человек, ранено 720 человек.

В результате прошедшего боя 12.7.43 танковый корпус СС (в составе дивизий СС "Адольф Гитлер", "Райх", "Мертвая голова" и 17-я танковая дивизия) понес большие потери и в течение 12-го числа и в последующих боях вынужден был отходить. Из показаний пленных противник в боях против Воронежского фронта понес большие потери. В стрелковых ротах мотополков из 120–150 человек перед началом наступления осталось по 20–30 человек, противник при отходе специально созданными командами эвакуирует свои подбитые танки и другую материальную часть, а все, что невозможно вывезти, в том числе наши танки и нашу материальную часть, сжигает и подрывает. В результате этого захваченная нами поврежденная материальная часть в большинстве случаев отремонтирована быть не может, а может быть использована как металлолом, которую мы стараемся в ближайшее время эвакуировать с поля боя».

Сразу же скажу, что данные о советских потерях здесь приуменьшены, а о немецких — преувеличены. Согласно донесению о безвозвратных потерях 29-го танкового корпуса за 12 июля, из 20 его самоходно-артиллерийских ус-

танков вышли из строя 19, из них 14 — безвозвратно. Так что потери двух корпусов, 18-го и 29-го, никак не могли составить только 3 САУ.

Хрущев неосновательно приписал 2-му танковому корпусу СС 17-ю танковую дивизию, в тот момент остававшуюся в резерве в составе 24-го немецкого танкового корпуса. Как признает Никита Сергеевич, поле боя осталось за противником. Поэтому почти все поврежденные советские танки были немцами подорваны или сожжены, тогда как поврежденная немецкая техника была эвакуирована. В результате потери танкового корпуса СС оказались гораздо меньше, чем думал Хрущев.

В донесении же об итогах оборонительного сражения под Курском, направленном в Ставку 24 июля 1943 года, командующий Воронежским фронтом генерал армии Ватутин и член Военного Совета Хрущев утверждали: «...Противник главный удар наносил против Воронежского фронта, сосредоточив здесь в конечном итоге одиннадцать танковых и 1 моторизованную дивизии (тд СС "Райх", "Адольф Гитлер", "Мертвая голова", "Великая Германия" и "Викинг", 6, 7, 11, 19, 3 и 17 тд и 16 мд). Из указанного количества пять дивизий (3, 19, 17 тд, тд СС "Викинг" и 16 мд) были переброшены в район Белгород из Донбасса. Танковые дивизии были объединены в три танковых корпуса: 3, 48 и 5 тк СС. По показаниям пленных, дивизии к началу операции были укомплектованы танками полностью и имели по 250–300 танков в каждой дивизии, из них значительное количество было танков "тигр". По данным нашей агентуры, в Ахтырке был сосредоточен резерв танков до 200 штук. Таким образом, противник имел до 4000 танков и самоходных орудий.

Кроме танковых, в наступлении принимало участие до двенадцати пехотных дивизий (в действительности только семь. — Б. С.).

Главные силы противник развернул в бой против 6 гвардейской армии, где с первых же дней операции было брошено в атаку шесть танковых дивизий. Впоследствии сюда подошли еще три дивизии: "Викинг", 17 тд и 16 мд. Все эти дивизии участвовали в боях. Участие в боях 17 тд под-

тверждается захваченным приказом по танковой дивизии "Райх", в котором ясно сказано, что 17 тд наступала правее дивизии "Райх". Установлено, что 17 тд, несмотря на то что она вступила в бой позже других, понесла очень большие потери и вновь переброшена против Юго-Западного фронта лишь в составе около 60 танков.

Против Шумилова (командующего 7-й гвардейской армией. — Б. С.) немцы наступали тремя танковыми дивизиями (6, 7, 19) и до пяти пехотных дивизий.

Установлено, что каждая танковая немецкая дивизия имеет в своем составе один танковый полк, три мотополка и один арtpолк. В каждом мотополку, кроме пехоты, имеется еще по одному танковому батальону.

Противник вел наступление, применяя массовые танковые атаки на узком фронте группами 500 и более танков при поддержке массивированной авиации, которая на узком фронте производила авиационную подготовку и сопровождала атаку танков...

О возможном наступлении мы были заблаговременно предупреждены вами. Кроме того, перебежчик-немец, перешедший на нашу сторону 3.7.43 из 168 пд, сообщил нам, что немцы собираются 5.7.43 перейти в наступление. В соответствии с этим войска были приведены в повышенную боевую готовность...

Армия Ротмистрова за счет ресурсов фронта была усилена одной тяжелой пушечной бригадой, двумя гаубичными арtpолками большой мощности, двумя полками РС, одной истребительно-противотанковой бригадой, одной зенитной дивизией и одним самоходным арtpолком... Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2 и 2 гв. тк непосредственно юго-западнее Прохоровка на узком фронте сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17 тд противника, которые двинулись навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение.

Противник потерпел здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед. Правда, Ротмистров не вводил в бой своего мехкорпуса и отряда

Труфанова (состоявшего из одного танкового, двух артиллерийских и одного мотоциклетного полков. — Б. С.), которые частично использовались им для парирования ударов противника по армии Крюченкина (69-й. — Б. С.) и по левому флангу армии Жадова (5-й гвардейской. — Б. С.)».

Николай Федорович и Никита Сергеевич щедро насчитали перед своим фронтом неприятельских танковых и штурмовых орудий в полтора раза больше, чем их было вообще привлечено для операции «Цитадель» в обеих группах армий. Для этого пришлось придумать несуществующий резерв в 200 танков в районе Ахтырки и столь же виртуальные танковые батальоны мотопехотных полков танковых дивизий. И добавить две танковые и одну моторизованную дивизию, никакого отношения к наступлению на Курск не имевшие. Дивизия СС «Викинг» во время проведения операции «Цитадель» оставалась в составе 24-го танкового корпуса в районе Харькова. 17-я танковая дивизия находилась в Донбассе в составе 1-й танковой армии, а 16-я моторизованная — там же, но в составе 6-й полевой армии. Хрущев и Ватутин пытались представить дело так, будто 17-я танковая дивизия сначала сражалась против Воронежского фронта и только затем была направлена в Донбасс для борьбы с войсками Юго-Западного фронта, но уже сильно ослабленная потерями. В действительности эта дивизия из Донбасса никуда не уходила, хотя, как и дивизии 24-го корпуса, не предназначавшиеся для наступления на Курск, содержалась в ослабленном составе — не более 50–60 танков и штурмовых орудий.

Командование Воронежского фронта лукавило и тогда, когда утверждало, будто Ротмистров не использовал 12 июля отряда Труфанова и 5-го гвардейского мехкорпуса. На самом деле в тот день основные силы мехкорпуса были в бою с дивизией СС «Мертвая голова», а отряд Труфанова сражался с частями соседней с танковым корпусом СС 19-й танковой дивизии немецкого 3-го танкового корпуса.

Сохранился любопытный документ, позволяющий взглянуть на ход операции «Цитадель» с немецкой стороны. Описание боевых действий 19-й танковой дивизии

вермахта в период с 5 по 18 июля 1943 года было захвачено в ходе контрнаступления советских войск. Во время наступления на Курск 19-я танковая дивизия наносила вспомогательный удар, обеспечивая правый фланг 2-го танкового корпуса СС. Потом в ходе контрнаступления войск Воронежского фронта она попала в окружение в Томаровке и Борисовке и лишь с большими потерями вырвалась из кольца. Командир дивизии генерал-лейтенант Рудольф Шмидт 5 августа был убит в Томаровке осколком советской авиабомбы, а его штабной автомобиль с документами достался красноармейцам в качестве трофея. Через неделю осколком мины, выпущенного из 6-ствольного миномета, был убит и командир советского 31-го танкового корпуса, освобождавшего Томаровку, генерал-майор Дмитрий Хрисанфович Черненко. В своих мемуарах бывший командующий 1-й танковой армии маршал бронетанковых войск М. Е. Катукوف утверждает, что именно его танкисты захватили бумаги Шмидта, а в качестве трофеев взяли 45 танков «тигр». Насчет числа «тигров» Михаил Ефимович, вероятно, ошибся. Непосредственно в штате 19-й танковой дивизии танков этого типа вообще не было. На весь 3-й танковый корпус был один 503-й танковый батальон, роты которого при необходимости придавались дивизиям корпуса. В составе батальона было 45 «тигров», а в составе роты — 15 машин. 45 «тиграми» одна 19-я дивизия располагать никак не могла. Цифра 45 в лучшем случае могла относиться к немецким танкам всех типов, захваченных в Томаровке. Вероятно, не совсем точны и данные Катукова о захвате автомобиля Шмидта. Перевод немецкого отчета о наступлении на Курск выполнен переводчиком штаба 27-й армии старшим лейтенантом Островым, так что вернее предположить, что машина командира 19-й танковой дивизии была захвачена бойцами 27-й армии.

Хрущев послал этот документ Маленкову с пометкой, что он «заслуживает внимания». Никита Сергеевич не ошибся. «Описание» рисует очень яркую картину крупнейшего сражения Второй мировой войны на одном из его участков. Неизвестный историограф 19-й дивизии помо-

гает нам понять, как противник оценивал Красную армию на основе данных разведки и непосредственного боевого опыта.

В самом начале здесь говорится, какими сведениями о противнике располагали немцы накануне начала операции «Цитадель»: «Курская дуга представляла собой для русских готовый исходный рубеж и ворота вторжения на Украину, для немецких же вооруженных сил, напротив, легкое положение на карте для завершения окружения противника. Прямо противоположные возможности представляет собой линия фронта у Орла (там окружение угрожало уже немцам. — Б. С.).

Как следует из показаний пленных, русские давно рассчитывали на возможность немецкого наступления под Курском, с другой стороны, пленным была также известна возможность русского наступления.

Со стороны русских были приняты все меры для отражения немецкого удара, который они предполагали из района, единственного представляющего здесь возможность для этого предмостного плацдарма через Донец у Белгорода. Аэрофотосъемкой, показаниями перебежчиков и наземным наблюдением еще задолго до начала наступления была вскрыта большая часть русской системы укреплений и расположение сил, прежде всего наличие крупных оперативных резервов восточнее направления запланированного нами прорыва.

В начавшемся 5.VII.43 немецком наступлении задачей дивизии в границах 3 тк было прикрыть на востоке главный удар 4 ТА (танковой армии. — Б. С.) вдоль шоссе Белгород — Курск, а также оттянуть на себя и разбить возможно больше сил русских».

В целом особенности советской обороны немецкая дивизионная разведка определила верно. Но наступление 5 июля не стало неожиданным для Красной армии. 19-й танковой дивизии с большим трудом пришлось буквально прогрызать неприятельские оборонительные линии.

Вот как описывается дальнейший ход событий в донесении 19-й дивизии: «Для наведения моста для танков был

использован предмостный плацдарм у Белгорода. За несколько недель здесь было уже все готово и прежде всего — 60-тонные мосты для “тигров”.

Вплотную к берегу были подтащены тяжелые металлические части и замаскированы в камышах. Под прикрытием темноты в ночь наступления сотни рук саперов должны были, соблюдая полнейшую тишину, собрать фермы консольного моста для “тигров”. На южной переправе было все готово для наводки 24-тонного моста.

Как выяснилось позднее, противнику задолго до начала был известен X-день (от перебежчика, перешедшего фронт 3 июля, о котором упоминают в своем донесении Сталину Ватутин и Хрущев. — Б. С.), а также У-время (время начала предшествующей наступлению артподготовки. — Б. С.), вплоть до последнего изменения на 10 минут. С напряжением и вниманием ожидали мотострелки, танковые экипажи, приданная рота “тигров” и артиллеристы более 20 батарей назначенное У-время, тогда как на обоих местах переправ с наступлением темноты саперы принялись за работу, а за ними притаились ударные отряды, готовые к прыжку, под командой своих батальонных командиров, вооруженные огнеметами и другими средствами ближнего боя.

Мост для “тигров” был наполовину готов. В это время русские начинают проявлять внимание и открывают хорошо лежащийся удар артиллерии, минометов и фланкирующих пулеметов по переправам (это была артиллерийская контрподготовка, проведенная войсками Воронежского фронта. — Б. С.). Несмотря на темноту, огонь был очень точным. Так что одна надувная лодка, нагруженная до отказа, была потоплена прямым попаданием. Саперы тотчас же понесли серьезные потери, так как под каждой распоркой стояло 40–60 человек. Ровно в 2 часа 15 минут (старое У-время) (по средневропейскому времени, по московскому — в 4 часа 15 минут. — Б. С.) русские открыли из большого количества орудий всех калибров заградительный огонь, который свидетельствовал о большом сосредоточении вражеской артиллерии. Из 40 орудий РС, принадлежа-

щих гвардейским минометным полкам, введенным на участке дивизии, он засеял огнем все овраги, могущие быть использованными в качестве путей сближения. О продолжении наведения моста для "тигров" не могло уже быть и речи. В течение 10 минут громили русские огнем предполагаемые ими исходные позиции. Точно в 2 часа 25 минут наша артиллерия открыла ответный огонь. Ее действия были ошеломляющими и свидетельствовали о хорошей подготовке данных батареями наблюдения».

Советская тактическая разведка оказалась на высоте, своевременно обнаружив наведение противником танковой переправы, что позволило артиллеристам помешать достройке моста и воспрепятствовать переправе «тигров». Однако контрподготовка не смогла сорвать наступления 19-й танковой дивизии, которая начала медленно прогрызать советские укрепления.

Мое внимание привлекло следующее место в описании боевых действий 19-й танковой дивизии: «Несмотря на большие потери, которые нес оборонявшийся севернее колхоза "День Урожая" противник, несмотря на то что целые участки траншей и окопов были дотла выжжены нашими огнеметными танками, нам не удалось выбить из северной части оборонительного рубежа обороняющуюся там группу противника силами более батальона. Азиаты, окопавшись в системе траншей, подбивали из ПТР наши огнеметные танки и оказывали фанатическое сопротивление мотострелкам, которые должны были наступать по открытой местности.

Только в ночь на 10.VII.43 последние части противника отошли к Ближней Игуменке. Во время немедленного последовавшего за этим ночного наступления было уничтожено около 12 дзотов противника вместе с гарнизонами, при этом было взято очень мало пленных, так как еще не был погашен наш счет противнику за предыдущие дни, когда от пули русского офицера погиб командир 73 гренадерского мотополка».

Из этих строчек дивизионного историографа вырос один из самых запоминающихся эпизодов романа Кон-

стантина Симонова «Живые и мертвые»: расстрел в октябре 41-го под Юхновым немецкими танками почти безоружных красноармейцев, только что вышедших из одного окружения и сразу же угодивших в другое: «Те, кто забился в гущу леса, слева от дороги, чтобы дожидаться там ночи, были на закате расстреляны прочесывавшими лес автоматчиками. Может быть, в другом случае немцы и взяли бы пленных, но чья-то случайная или, наоборот, на редкость хладнокровная пуля наповал уложила наблюдавшего бойца с башни своего танка командира танкового полка СС, и немцы беспощадно рассчитывались за эту неожиданность». Писатель, несомненно, нашел в архивах отчет о боевых действиях 19-й танковой дивизии во время наступления на Курск. А может быть, слышал эту историю от Хрущева и Маленкова, но перенес события из июля 43-го в октябрь 41-го. Признавать успехи за немцами в Курской битве, в отличие от неудач Красной армии в трагическом 41-м, в советской литературе было не принято.

В заключение в «Описании» подводились итоги боевых действий 19-й танковой дивизии: «В течение 14 дней дивизия дралась против пяти гвардейских стрелковых дивизий, частей из состава трех-четырёх стрелковых дивизий, одной танковой бригады, трех танковых полков прорыва, одной мотострелковой бригады, двух мотомеханизированных бригад, одной бригады ПТО и одного батальона ПТР.

При этом, ввиду ожесточенности боя, противник потерял большее количество людей убитыми и ранеными, чем пленными. Нами было взято в плен 11 офицеров и 1967 солдат, перебежало на нашу сторону 5 офицеров и 107 солдат.

Благодаря тесному взаимодействию всех родов войск и максимальному использованию огневой мощи дивизии ей удалось выбить во много раз превосходящего по численности противника из невиданных еще по глубине построения и силе минных заграждений обороны.

За время боев... разрушено 332 дзота, частями дивизии уничтожено 57 танков... сбито 47 самолетов, захвачено и уничтожено: 78 орудий (из них 64 ПТО), 144 ПТР, 93 миномета, 266 пулеметов, 231 автомат. За это же время было

восстановлено танкоремонтной мастерской 113 собственных танков».

Перед нами документ достаточно объективный документ. О враге здесь говорится с несомненным уважением, без каких-либо пренебрежительных нот, отдается дань его мужеству, причем гораздо больше обращается внимания на свои собственные ошибки, а не на ошибки противника. При описании отдельных боевых эпизодов ни разу не говорится о десятках уничтоженных неприятельских танках, что нередко для советских донесений, а только об 1-2 машинах. Не утаиваются и немецкие потери, о которых говорится даже больше, чем о потерях противостоявших 19-й танковой дивизии соединений Красной армии. Все названные в документе по номерам дивизии и бригады 7-й гвардейской армии действительно действовали в это время, согласно советским документам, на данном участке фронта. В отчете 19-й танковой дивизии число пленных приведено не круглое и с точным разделением на офицеров и рядовых, собственно пленных и перебежчиков, что тоже внушает доверие к этим цифрам.

Историограф дивизии, к сожалению, не приводит цифровых данных о ее потерях. Но у нас есть возможность посчитать их, опираясь на приведенное в работе немецкого историка Карла Хайнца Фризера расписание безвозвратных потерь в танках и штурмовых орудиях соединений группы армий «Юг» в период с 5 по 16 июля 1943 года. Согласно этому документу, 19-я танковая дивизия безвозвратно лишилась 24 боевых машин. Это примерно в 2,4 раза меньше, чем 57 советских танков, которые, по утверждению историографа, уничтожили солдаты и офицеры 19-й танковой дивизии. Подчеркну, что данное соотношение значительно благоприятнее для Красной армии, чем соотношение безвозвратных потерь бронетехники по операции «Цитадель» в целом. Советские танковые войска в оборонительной фазе Курской битвы безвозвратно потеряли 1614 танков и САУ. В этот же период группа армий «Юг» лишилась 161 танка и 14 штурмовых орудий, а группа армий «Центр» — 87 танков и штурмовых орудий. Здесь

соотношение потерь выходит 6,2:1. Для 19-й танковой дивизии оно в 2,6 раза хуже. Это и неудивительно. Ведь дивизии пришлось действовать в основном как пехотному соединению, против которого было сравнительно мало неприятельских танков, зато много противотанковых орудий и минных полей, на которых подрывалась бронетехника. Любопытно, что каждый из уцелевших танков 19-й танковой дивизии в ходе сражения ремонтировался в среднем более двух раз.

В сражении на Курской дуге и по танкам, и по пехоте подавляющее превосходство было на стороне Красной армии. Это и стало причиной провала «Цитадели». Что же позволило немцам достичь хотя бы тактического успеха? Я обратил внимание, что в «Описании» в основном говорится о потерях 19-й дивизии от минометов и ПТР — оружия ближнего боя, но почти никогда — от огня артиллерии и действий авиации и танкам. Можно предположить, что плохая авиационная и собственно артиллерийская разведка, плохое управление огнем и тактически неграмотные действия танкистов не позволяли советской стороне эффективно использовать артиллерию, авиацию и танки. Также и господство в воздухе люфтваффе, особенно в первые дни немецкого наступления, не позволяло «сталинским соколам» должным образом поддерживать свою пехоту. Немецкие командиры быстрее советских маневрировали силами и средствами на поле боя. Это в какой-то мере уменьшало перевес Красной армии в людях и боевой технике.

КРАХ ГЕНЕРАЛА СОКОЛОВСКОГО

После Курской битвы вермахт больше не предпринимал на Восточном фронте крупномасштабных наступлений. Красная армия теперь почти непрерывно наступала вплоть до конца войны. Люфтваффе потеряли господство в воздухе как из-за возросшего численного превосходства советской авиации, так и из-за необходимости все больше сил направлять на Запад для борьбы с авиацией союзников. Возросло и число немецких пленных. Однако советская фронтовая разведка оставалась не на высоте положения.

Некоторые неудачные операции заключительного периода войны вызвали гнев Сталина. Тогда правда выходила наружу, и перед взором присланных из Москвы высоких комиссий представала весьма неприглядная картина состояния войск, штабов и разведки в том числе.

Наиболее громким делом последних двух лет войны стала отставка командующего Западным фронтом генерала армии В. Д. Соколовского в апреле 1944 года. Он был смещен со своего поста после ряда неудачных наступательных операций войск фронта против важных железнодорожных узлов Витебск и Орша в Белоруссии.

Специальная комиссия во главе с Маленковым, изучавшая деятельность штаба Западного фронта, констатировала: «В результате застойного положения на Западном фронте и продвижения соседних фронтов создалось крайне невыгодное для нас начертание линии фронта на Смоленско-Минском направлении. Противник на этом направлении имеет выступ в нашу сторону глубиной до 150 км. Такое положение оказывает неблагоприятное влияние на соседние фронты, дает возможность противнику иметь в треугольнике Лепель, Могилев, Минск свою авиацию и воздействовать ею по кратчайшим направлениям по тылам При-

балтийских и Белорусских фронтов. Со стороны Западного фронта противник находится ближе всего к Москве».

В результате родился замысел операции «Багратион» — нанесения главного удара в Белоруссии силами сразу нескольких фронтов. Немцы вскоре узнали об этом плане, но никаких эффективных контрмер предпринять уже не могли.

Чем же был вызван столь большой переполох в Ставке? Почему потребовалось срочно менять руководство Западного фронта? В докладе комиссии Маленкова подробно анализировались конкретные неудачи войск Соколовского во время операций против Орши и Витебска. На человека, не знакомого с обычной боевой практикой Красной армии, описание этих операций может произвести сильное впечатление.

В докладе отмечалось, что «в этих безрезультатных операциях, в период с 12 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года, только на участках активных действий фронт понес потери убитыми — 62 326 человек, ранеными — 219 419 человек, а всего убитыми и ранеными — 281 745 человек. Если к этому добавить потери на пассивных участках фронта, то за период с октября 1943 года по апрель 1944 года Западный фронт потерял 330 587 человек. Кроме того, за это же время из войск Западного фронта в госпитали поступило 53 283 человека больных».

Хочу обратить внимание читателей на то, что в докладе ничего не говорится о потерях Западного фронта пропавшими без вести. А они тоже должны были быть немалыми, хотя бы в частной операции на Оршанском направлении 22–25 февраля 1944 года, когда наши войска сами попали в окружение.

Как подчеркивалось в докладе, «безуспешные действия Западного фронта за последние полгода, большие потери и большой расход боеприпасов объясняются не наличием сильного противника и непреодолимой обороны перед фронтом, а исключительно неудовлетворительным руководством со стороны командования фронтом. Западный фронт при проведении всех операций всегда имел

значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее безусловно рассчитывать на успех».

За этот же период потери 15,5 немецких дивизий, противостоявших Западному фронту на участках активных боевых действий, можно оценить, основываясь на данных Мюллера-Гиллебранда, примерно в 13 тысяч убитых. Это приблизительно в 5 раз меньше, чем потери войск Западного фронта, атаковавших Витебск, Оршу и Богушевск, — 62 тысячи убитых. Принимая во внимание значительный недоучет советских безвозвратных потерь, действительное соотношение было еще более для неблагоприятным для войск Соколовского.

В докладе комиссии Маленкова утверждалось, что неудачам привели безграмотные в тактическом и оперативном отношении действия штабов и войск Западного фронта: «Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводились без должной скрытности и дезинформации противника, в результате чего почти во всех операциях внезапность была потеряна, и операции протекали в условиях готовности противника к встрече нашего наступления, хотя формально фронтом и не издавалось никаких документов и все хранилось якобы в строжайшей тайне.

В некоторых операциях стрелковые дивизии и пополнение вводились в бой с хода... Офицерский состав, прибывший на пополнение, принимал свои подразделения на исходном положении, а через несколько часов повел их в наступление.

При подготовке операций высшие штабы забирают для своей работы большую часть времени, отведенного на подготовку, а для проведения рекогносцировок, отработки задач низшими звеньями на местности и на организацию взаимодействия времени почти не остается...

В большинстве операций, проведенных фронтом, армии, особенно 33 армия, наступали, глубоко эшелонируя свои боевые порядки, и создавали излишнюю плотность живой силы... Все это приводило к большим потерям еще до вступления войск в бой, а понесся такие потери, нахо-

дьясь под непрерывным огневым воздействием, части теряли свою боеспособность еще до боя».

Замечу, что большие потери войск еще до того, как они в состоянии схватиться с врагом — давняя русская традиция. Вспомним, что полк Андрея Болконского в «Войне и мире» во время Бородинского сражения, еще не вступив в бой, потерял более трети личного состава от огня французской артиллерии.

Немалая часть вины за неудачные действия армий Соколовского ложилась на разведку. Комиссия Маленкова особо отметила плачевное состояние разведывательных органов: «Разведка на Западном фронте ведется совершенно неудовлетворительно. Добываемые ею данные зачастую являются недостоверными. Разведотдел штаба фронта не руководит деятельностью разведывательных органов армий, корпусов и дивизий и развалил агентурную разведку. Начальник Разведотдела полковник Ильницкий сомнительные и преувеличенные сведения о противнике выдавал за достоверные.

Войсковая разведка не организована, ведется беспланово. Разведывательные операции подготавливаются и проводятся плохо, при больших потерях разведчиков, в среднем до 5 человек на одного захваченного пленного, войсковая разведка нужных для командования данных не добывает.

Разведка боем ведется нецелестремленно и проводится без тщательной подготовки и организации, часто не обеспечивается огневой поддержкой, вследствие чего большая часть всех разведывательных действий войск фронта заканчивается неудачно и с большими потерями. Крупные недостатки имеют место в подготовке и проведении поисковых разведывательных операций и особенно в тылу у противника. Основная задача поиска — захват контрольных пленных — во многих случаях не выполняется. Так, в декабре месяце (1943 года. — Б. С.) в 192 стрелковой дивизии проведено 23 разведоперации с целью захвата «языка». Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек уби-

тых и раненых. В 192, 247 и 174 стрелковых дивизиях с 1 января по 15 февраля (1944 года. — Б. С.) проведены сотни поисковых разведывательных операций и не захвачено ни одного пленного. В 331 и 251 стрелковых дивизиях разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение.

Служба наблюдения в войсках фронта организована формально. Этим видом разведки никто не руководит, наблюдение ведется необученными людьми и зачастую превращается в беспредметный обзор местности, а конкретное наблюдение за противником отсутствует.

Указания Ставки, запрещающие использование в бою разведывательных подразделений как обычной пехоты, на фронте систематически нарушаются. Так, в январе 1944 года в 33 армии все разведывательные подразделения соединений и частей участвовали в наступлении как линейные подразделения и почти полностью были уничтожены.

Особенно крупные недостатки имеют место в агентурной разведке. Агентурная разведка на Западном фронте засорена сомнительными людьми, ведется примитивно и шаблонно. Добываемые этим видом разведки сведения зачастую не подтверждаются и нередко являются источником дезинформации.

Вербовка агентуры производится без достаточной проверки, не индивидуально. Агентура часто набирается группами лиц, не проверенных и не имеющих жизненного опыта. В число агентов нередко попадали люди политически сомнительные, ненадежные, перевербовываемые немцами тотчас же после их выброски.

Подготовка агентов проходит неорганизованно и наспех, без надлежащего обучения. Многие агенты, не получая достаточной подготовки, быстро проваливались. Элементарные правила конспирации нарушались. Большие группы агентов общались между собой и хорошо знали друг друга. Так, разведгруппы Христофорова, Юрченко, Калниболотского и Ситникова, предназначенные для работы в тылу противника в разных районах, общей численно-

стью в 28 человек, в течение всей подготовки размещались вместе, в одном помещении. Экипировка агентов, отправляемых в тыл противника, нередко являлась стандартной и позволявшей легко раскрывать нашего агента. На территорию, оккупированную немцами в 1941 году, посылались агенты в 1942 и 1943 годах в одежде с пометкой о производстве ее Москвошвеем в 1942 и 1943 годах. Стандартность же их одежды в случае провала одного агента позволяла легко раскрыть и других наших агентов.

Разведотдел фронта не стремился к внедрению своей агентуры в штабы и воинские учреждения противника (из-за риска провала. — Б. С.). Работа агентов протекала по линии наименьшего сопротивления и ограничивалась простым наблюдением и сбором слухов среди местного населения. Связь разведотдела со своими агентами, работающими в тылу, находится в очень плохом состоянии. Многие агенты перестали присылать донесения исключительно потому, что нет питания для радиостанций. Разведывательный отдел, имея все возможности к бесперебойному снабжению агентов питанием для раций, относится к этому важному делу халатно и безответственно.

Авиаразведка, хотя формально и проводится, но данные, получаемые от авиации, своевременно не обрабатываются, не сверяются с другими источниками и зачастую не доводятся до войск. Фотосхемы и фотопланы застревают в высших штабах и в войска своевременно не направляются.

Радиоразведка, несмотря на большое количество радиосредств, работает плохо, очень часто дает абсолютно неправильные данные и вводит наши штабы в заблуждение.

Разведывательный отдел штаба Западного фронта с возложенными на него задачами не справляется. Переоценка сил противника, бесплановость в разведке, оторванность от войск, неумение добыть своевременно нужные сведения, отличить ложное от достоверного — таковы характерные черты в работе Разведотдела штаба Западного фронта. Начальник Разведотдела полковник Ильницкий при попустительстве командования фронтом и начальника

штаба фронта систематически преувеличивает силы противника перед Западным фронтом. Это выразилось в увеличении количества дивизий и численного состава дивизий противника перед Западным фронтом».

Досталось и артиллерийской разведке: «В период подготовки операции артиллеристы во всех звеньях исключительно плохо ведут разведку целей и не вскрывают огневой системы противника. Вследствие незнания целей артиллерия не может вести прицельного огня по конкретным целям, а, как правило, ведет малоэффективный огонь по площадям. В этот же период артиллеристы медленно развертывают разведывательные органы, разведку ведут пассивным наблюдением, мало применяют подвижные и выдвинутые к переднему краю обороны противника наблюдательные пункты».

От репутации командующего фронтом Соколовского и его начальника штаба генерала Покровского авторы доклада не оставили камня на камне: «Штаб Западного фронта не выполняет своей роли. Штаб обезличен, оторван от командования фронтом и от насущных задач, решаемых войсками, и по существу является каким-то статистическим бюро, собирающим только данные по обстановке, и то с опозданием. Вопросы планирования операций, организации боя и контроля за выполнением принятых командованием решений на деле изъяты из функций штаба. В течение 4 месяцев начальник штаба и весь штаб находятся на расстоянии около 100 км от расположения командования фронтом, и за это время командующий и начальник штаба встречались не более 3-4 раз. С командующим на ВПУ (временный пункт управления. — Б. С.) (хотя в данном случае это название не подходит) находится от штаба один полковник, выполняющий, по существу, обязанности адъютанта. Такое невиданное в практике положение командующий фронтом тов. Соколовский считает вполне нормальным.

На такое положение низвел штаб не только командующий фронтом, но в этом повинен и начальник штаба генерал-лейтенант Покровский, который боится ответственности и не может самостоятельно принять решения даже по

мелкому вопросу. Покровский не принимает никаких мер к выправлению создавшегося ненормального положения со штабом, работает формально и бюрократически. Начальник оперативного отдела генерал-майор Чирков — безынициативный работник и на роль руководителя оперативного отдела фронта не годится».

В докладе комиссии Маленкова особо подчеркивалось, что «командование Западным фронтом вместо изучения недостатков и их устранения проявляло самодовольство, зазнайство, не вскрывало недостатков, не учитывало ошибок, не учило людей, не воспитывало командиров в духе правдивости. Крупнейшие недостатки и ошибки повторялись во всех операциях. Разбора операций и издания итоговых приказов по недостаткам и результатам боевых действий на Западном фронте не практиковалось...

Командование фронтом критики не терпит, попытки критиковать недостатки встречаются в штыки. Характерными в этом отношении являются резолюции генерала армии Соколовского на докладе офицера Генерального штаба, в котором освещались недостатки подготовки и руководства операцией, проводившейся 31 армией 29 октября 1943 года. Резолюции эти следующие: «Цена документа очень ничтожная даже в хороший базарный день». «Подполковник Некрасов, видимо, не думал, что писал». «Человек, видимо, привык болтать вообще». «Вранье!», «Глупое вранье». «Вранье». «Писатель совершенно не понимает боя по прорыву обороны». «Слова и не больше!»

Во фронте создана такая атмосфера, и люди так воспитаны, что боятся ставить перед командованием фронта вопросы о недостатках. Со стороны отдельных командующих родами войск были робкие попытки указать на недостатки в действиях родов войск и разобрать их в приказе, но командующий фронтом отклонил такие попытки.

Указания командования по устранению недостатков носили характер устных семейных наставлений, никогда ни к чему не обязывающих. Так, например, положение в армии Гордова не изменилось вплоть до его снятия Ставкой с должности командарма 33, хотя т. Соколовский и заверяет,

что он давал устные указания Гордову о ликвидации творящихся в армии безобразий...

Командование фронтом плохо разбиралось в людях, некритически относилось к их недостаткам. Этим объясняется тот факт, что генерал-полковник Гордов совершенно необоснованно считался лучшим командующим армией, а генерал-полковник артиллерии Камера считается хорошим артиллеристом, несмотря на то что артиллерия не выполняла своих задач, полковник Ильницкий считается хорошим разведчиком, а на самом деле работа разведывательного отдела фронта находится в разваленном состоянии.

Командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников — командующих родами войск и начальников служб, по много дней не принимает их и не решает их вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекались к разработке операций. Например, командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенант танковых войск Родин заявил: "Меня ни разу не спрашивали, как лучше использовать танки. Я только диспетчер и посылаю танки то в одну, то в другую армию. Задачи танковых войск я узнавал в армиях или от подчиненных танкистов". Командование фронтом оперативно не реагирует на нужды войск. Вследствие этого, например, в некоторых наступающих дивизиях, особенно в 33 армии, на ручные пулеметы приходилось по одному диску, на станковый пулемет — по одной ленте. Это приводило к тому, что в разгар боя пулеметы не могли поддерживать пехоту, а большую часть времени занимались набивкой дисков и лент. В ряде операций артиллерия отставала от пехоты вследствие отсутствия тяги к орудиям. Между тем во фронте имеется достаточное количество тяги, для того чтобы полностью обеспечить артиллерию наступающих войск. Надо было только командованию фронта реагировать на нужды армии и своевременно сманеврировать средствами фронта. В низовых звеньях

артиллерии и пехоты не хватало раций, вследствие чего нарушалось взаимодействие между пехотой и артиллерией. А между тем в тылах и штабах фронта и армий раций имелось в достаточном количестве для обеспечения наступающих войск. По вине командования фронтом в ноябре — декабре 1943 года, т. е. в разгар операций, во многих дивизиях имели место серьезные перебои в питании. По некоторым основным продуктам (мясо, рыба, хлеб, крупа) обеспеченность была не больше 5–7 суточных дач, с учетом имеющегося наличия продуктов в дивизиях, армиях и фронте...

Командование Западным фронтом зазналось, критически к своим ошибкам не относилось и не относится. Несмотря на провал в течение полгода одиннадцати больших и малых операций, командование фронтом уроков из этого не извлекло и не докладывало правдиво Ставке о положении на фронте.

Генерал армии Соколовский оказался, как командующий фронтом, не на высоте положения. Т. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам (в сущности, такого воспитания не было и во всей Красной армии. — Б. С.).

Ошибкой ныне работающего членом Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенанта Мехлиса является то, что он не докладывал в Ставку об истинном положении дел на фронте».

В докладе из отдельных родов войск Западного фронта больше всего досталось артиллерии. Вероятно, его авторы учитывали, что Сталин особенно любил артиллеристов, называл артиллерию «богом войны» и недостатки в этой области воспринимал чрезвычайно болезненно: «Особенно крупные недостатки имеют место в действиях артиллерии. Артиллеристы на Западном фронте ошибок своих не вскрывают, не исправляют их, в то время как плохая работа артиллерии явилась основной причиной неудач наступательных операций. В этом, помимо командования фрон-

том, в первую очередь повинен командующий артиллерии фронта генерал-полковник артиллерии Камера. Ошибкой Главного маршала артиллерии Воронова является то, что он, находясь на Западном фронте, не вскрыл крупных недостатков в артиллерии и не доложил Ставке о плохой работе артиллерии на Западном фронте»¹⁰.

Комиссия Маленкова предложила осуществить ряд жестких кадровых решений: «Штаб Западного фронта обезличен, оторван от командования и от войск и требует укрепления. Нынешний начальник штаба генерал-лейтенант Покровский не справляется со своими обязанностями.

Совершенно неблагополучным является положение в разведывательном отделе штаба фронта. Начальник разведотдела полковник Ильницкий требует специальной проверки и его необходимо заменить.

В интересах дела необходимо: а) снять генерала армии Соколовского с должности командующего Западным фронтом как не справившегося с командованием фронта и снизить его в звании до генерал-полковника. Назначить на Западный фронт нового командующего, способного выправить положение дел на Западном фронте; б) объявить от ЦК ВКП(б) выговор члену ВКП(б) т. Булганину за то, что он, будучи длительное время членом Военного Совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте; в) укрепить штаб Западного фронта и прежде всего освободить от занимаемой должности начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Покровского и начальника оперативного отдела генерал-майора Чиркова и направить на эти должности лиц, способных организовать работу штаба фронта и поднять его роль; г) снять с должности командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии Камера и снизить его в звании до генерал-лейтенанта артиллерии. Назначить на Западный фронт нового командующего артиллерией, способного устранить недостатки в работе артиллерии. Обязать Главного маршала артиллерии Воронова немедленно заняться делом устранения крупных недостатков в артиллерии Западного фронта; д) снять полковника Ильницкого с должности

начальника Разведотдела штаба Западного фронта и назначить вместо него опытного и проверенного командира. Обязать начальника Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанта Кузнецова принять все необходимые меры к выправлению положения дел в Разведотделе штаба Западного фронта; е) учитывая крупные ошибки генерал-полковника Гордова в командовании 33 армией, а также ряд его неправильных действий, решить вопрос о его переводе на меньшую должность и о снижении в звании до генерал-лейтенанта».

А ведь представителем Ставки на Западном фронте в то время был Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов — начальник артиллерии Красной армии. Кому, как не ему, казалось бы, знать особенности использования артиллерии, действия которой на Западном фронте оказались ниже всякой критики! Но толку от маршала, как оказалось, не было никакого. Разве что своим авторитетом он смог обеспечить Западному фронту максимум боеприпасов по сравнению с другими фронтами.

Воронов в мемуарах утверждал: «Ставка требовала немедленных решительных действий... Западный фронт продолжал испытывать большие трудности с подвозом горючего, боеприпасов, продовольствия. Железная дорога до Смоленска работала еще очень плохо, а машины на грунтовых дорогах тонули в осенней грязи...

Я слал в Ставку тревожные донесения. Прежде всего, фронту надо было оказать помощь готовыми к бою соединениями истребительной авиации за счет маневра с других фронтов или из резерва.

“Ведь нельзя же с имеющимися сейчас пятьюдесятью пятью истребителями надеяться надежно прикрывать наступающие войска, — писал я в одном из донесений. — Противник сманеврировал своей авиацией, нам также нужно совершить маневр истребительной авиацией с фронтов, где противник мало летает”.

Я просил прислать хотя бы 130–150 танков Т-34 для действий с пехотой и направить в наступающие войска пополнение в 20–25 тысяч человек.

Однако подкрепления продолжали поступать медленно. А Москва все требовала наступления во что бы то ни стало...

Недостатки в действиях войск заставляли меня глубоко переживать. Я сознавал отчасти и свою вину: у меня, по-видимому, не хватало сил и умения устранить крупные недостатки в управлении войсками, организации их взаимодействия, в снабжении фронтов всем необходимым».

Воронову, как и другим советским генералам и маршалам, вечно не хватало танков, самолетов и боеприпасов, чтобы нанести неприятелю решающее поражение. Главное же, никогда не хватало времени толком научить бойцов и командиров грамотно сражаться.

Николай Николаевич свидетельствовал: «Неудачи на западном направлении продолжались. От нас между тем требовали решительных действий: ни в коем случае не давать противнику возможности снять хотя бы одну-две дивизии с этого направления для отправки на юг».

Здесь использован традиционный прием: представить наступление на своем фронте как второстепенное, призванное лишь отвлечь неприятельские силы с направления главного удара. В действительности Сталин придавал атакам на Оршу и Витебск не меньшее значение, чем наступлению на юге, что и привело к «разбору полетов» на Западном фронте.

Воронов описывает, как его вместе с Соколовским Верховный Главнокомандующий вызвал в Москву (что также доказывает: действиям Западного фронта придавалось отнюдь не вспомогательное значение): «Сталин принял нас на даче. Он был болен гриппом, сильно раздражен и встретил не очень приветливо. Вместо благодарности за перевыполнение им же поставленной задачи на нас посыпался град упреков. Помнится его резкая фраза: "Вы там оба чаи распиваете".

Мы с В. Д. Соколовским действительно по вечерам иногда встречались для обмена мнениями и взаимной информации за стаканом чая. Значит, кто-то уже пожаловал-

ся, увидев в обычных встречах с чаепитием какую-то крамолу».

Подозреваю, что Воронов с Военным Советом Западного фронта потребляли более крепкие напитки, чем чай, памятуя к тому же склонность члена Военного Совета Н. А. Булганина к чрезмерному потреблению горячительных напитков. Нежелание же Воронова информировать Ставку об истинных причинах неудач объяснялось просто. Между командованием фронта и представителем Ставки существовала круговая порука, позволявшая посылать наверх приукрашенные донесения. Никто не желал, опасаясь ответственности, «выносить сор из избы».

После Западного фронта Воронов представителем Ставки в войска больше не посылался. Он сам объясняет это своей болезнью. Но наверняка сыграли свою роль и неудачи Западного фронта.

Комиссия Маленкова основывалась на донесениях представителя Генштаба в штабе Западного фронта полковника Некрасова и начальников Особых отделов фронта и армий. Некрасов, в частности, 31 октября 1943 года докладывал о неудачном наступлении 31-й армии на Оршу, подготовкой и осуществлением которого руководил лично Соколовский. Основной вывод представителя Генштаба сводился к тому, что «наступательная операция 31 армии 29.10.43 была не подготовлена, проводилась шаблонно, без применения тактической и оперативной хитрости, при исключении всякой внезапности, а поэтому никакого успеха не имела». Неслучайно именно этот доклад вызвал цитированные выше гневные резолюции командующего фронтом.

В докладе Некрасова особое внимание обращалось на плохие действия разведывательных органов: «Разведка общевойсковыми силами и средствами переднего края и его начертания, системы укреплений и организации огня противника, а равно и данные воздушной разведки не соответствовали фактически основной линии обороны противника, которая, будучи хорошо замаскирована, оказалась значительно восточнее, чем было указано на схеме

авиаразведкой, где согласно этим схемам на ряде участков оказались ложные траншеи, как позднее выяснилось в процессе боя. Чрезвычайно характерно, что ложный передний край оказался не впереди, а позади настоящего в тактической глубине обороны противника.

Разведотдел 31 армии знает перед фронтом армии только количество сил, наличие частей противника непосредственно на переднем крае, т. е. части противника, находящиеся в непосредственном боевом соприкосновении с нашими частями на переднем крае. . .

Опрос местного населения разведорганы всех степеней армии не производят и агентурных данных о противнике не имеют, а поэтому штаб армии и командование оперативную глубину, а по части вопросов и тактическую глубину противника знает только по неполным данным от случайных пленных.

Проведенная разведка боем 27 и 28.10.43 по определению огневой системы противника успеха не имела и задач по существу не выполняла, так как разведотряды в расположение обороны противника не вклинились, и их атаку противник отразил только одной системой огня непосредственно одного переднего края, а огневых средств из глубины обороны не применил и не выявил, а контрольные пленные, захваченные полковой разведкой, показали только огневые точки на тех участках, где они сами стояли в обороне, и также не вскрыли огневой системы в глубине обороны противника».

Наиболее же подробно и критически обстановку на Западном фронте рисовали донесения начальников Особых отделов различных уровней (в апреле 1943 года переименованных в управления и отделы контрразведки), суммированные в докладе начальника военной контрразведки «Смерш» В. С. Абакумова от 1 апреля 1944 года. Виктор Семенович обращался лично к Верховному Главнокомандующему:

«Докладываю, что агентурой Главного Управления "Смерш" и управления контрразведки Западного фронта за последнее время зафиксирован ряд высказываний

генералов и офицеров Генштаба Красной армии и Западного фронта о том, что командующий Западным фронтом генерал армии Соколовский и его начальник штаба генерал-лейтенант Покровский не обеспечивают руководства боевыми операциями.

Так, начальник оперативного тыла Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенант Шимонаев заявил: «Западный фронт, начиная с 1942 года и по сей день расходует боеприпасы в два и в три раза больше, чем другие фронты, но желаемых успехов не было и нет (большую часть 42-го года Западным фронтом командовал Жуков, а в конце августа его сменил Конев; оба они действовали ничуть не лучше, чем Соколовский в 1943–1944 годах. — Б. С.)...

Это говорит о несерьезном и невдумчивом отношении фронтового командования и в первую очередь Соколовского и Покровского к подготовке и проведению операций. Соколовский и Покровский плохо организуют разведку, не имеют поэтому ясного представления о противнике, о количестве его военно-инженерных укреплений, тогда как это очень важно для выбора места прорыва обороны противника.

Кроме того, командование фронта не способно организовать прорыв и обеспечить его успех».

Помощник Западного направления Оперативного управления Генерального штаба Красной армии подполковник Лобанов сказал: «Соколовский и Покровский недостаточно полно готовят проводимые операции, а главное, не руководят и не проверяют ход подготовки подразделений к бою, в силу чего части и соединения вступают в бой при нечетко отработанном взаимодействии.

Проводимые операции Западного фронта в большинстве своем строят скоротечно, без мер скрытности, по шаблону, отчего противник заранее бывает готов к встрече наступающих частей.

Разведка проводится не конкретно и не дает исчерпывающих данных о противнике. Слабо организовывается взаимодействие войск непосредственно на местности. Артподготовка ведется по шаблону, что дает противнику

возможность принимать контрмеры и почти всегда сохранять свою живую силу.

Ударное ядро наших войск, вследствие контрмер противника, расплывается на отражение его мелких контратак. Под прикрытием этого противник производит перегруппировку угрожаемого участка».

Заместитель начальника Оперативного Управления Генерального штаба Красной армии генерал-майор Рыжков в узком кругу, касаясь положения на Западном фронте, говорил: «Соколовский и его штаб не обеспечивают скрытность сосредоточения войск в наступательных операциях, поэтому и не было внезапного удара, так как противник заблаговременно разгадывал замыслы нашего командования...»

Покровский, как начальник штаба, работает плохо. Он никогда толком не знал обстановки на фронте и не знает ее теперь. Поэтому неудивительно, почему наши руководящие работники говорят: «Что с ним говорить, все равно бесполезно».

Старший помощник начальника Западного направления Генерального штаба Красной армии полковник Чувилов высказался: «Штаб Западного фронта по своему составу и подготовки разношерстен. Там сидит много людей, которых давно нужно убрать из штаба за непригодностью. В штабе чувствуется зазнайство, слабо налажен контроль исполнения. Соколовский не отвечает современным требованиям как командующий фронтом».

Старший помощник того же направления подполковник Алексеев сказал: «При малейших неудачах на Западном фронте штаб умышленно увеличивает силы противника. Точного положения войск почти никогда не дают.

В разговорах с командующим фронтом Соколовским всегда существуют большие преувеличения от действительности».

Аналогичное мнение по этому вопросу высказывают также старший помощник начальника Западного направления Генерального штаба подполковник Медведев и офицер Генштаба на Западном фронте полковник Серебряков.

По данным агентуры, полученным из Управления «Смерш» Западного фронта, Покровский и начальник Разведотдела фронта полковник Ильницкий преувеличивают численность противника, находящегося перед Западным фронтом. Пользуясь этими данными, Военный Совет фронта в числе других причин объясняет неуспехи на фронте.

Так, в 1943 году в течение длительного времени в Спасс-Деменской группировке числилась ничем не подтвержденная и в конечном итоге не подтвердившаяся 1-я танковая дивизия противника¹¹.

В Жиздринской группировке противника также без основания числилась 104 пехотная дивизия.

С августа и до октября 1943 года без достаточных оснований в той же Спасс-Деменской группировке противника значилась 96 пехотная дивизия, 104, 179, 236, 239 пехотные дивизии, из которых в итоге ни одна не подтвердилась¹².

В период летних боев 1943 года многие немецкие дивизии перед Западным фронтом были разбиты и расформированы, а остатки их обращены на пополнение других соединений. Несмотря на это, начальник Разведотдела фронта полковник Ильницкий их не списывал, и эти дивизии долгое время показывались как находившиеся в первой линии немецкой обороны.

Такие факты очковтирательства в оценке сил противника делаются Ильницким по указанию Покровского.

Стремление преувеличивать силы противника на участке фронта объясняется тем, что Покровский желает застраховать себя от неприятностей в случае неудачных действий наших войск, а также заполучить и основание для зачисления от Ставки Верховного Главного Командования дополнительных войск.

Характерно отметить, что направляемые в Генеральный штаб Красной армии сведения Разведотдела фронта, если они показывают увеличение войск противника перед фронтом, подписываются Покровским без корректировки. Если же в этих сведениях указывается об уменьше-

нии войск противника, то такие данные Покровский обычно вычеркивает.

Заместитель начальника Разведотдела фронта подполковник Дырин однажды спросил Ильницкого, почему он преувеличивает данные о противнике, на что Ильницкий сказал: «Попробуйте, спишите одну дивизию, так Покровский и командующий вас снимет. Списывать дивизии противника с фронта — это значит не получить от Ставки лишних дивизий для фронта.

Данные Разведотдела о намерении противника отойти с занимаемых рубежей Покровским вычеркиваются. Например, в первых числах февраля с. г. информационное отделение Разведотдела представило обоснованные данные об эвакуации противником своих тылов из Витебска, Покровский эти данные из сводки вычеркнул. Впоследствии эти данные полностью оправдались.

Начальник Разведывательного Управления Генерального штаба Красной армии тов. Кузнецов, имея от нас материалы о неблагоприятном положении в Разведотделе Западного фронта, в январе с. г. направил туда комиссию под руководством генерал-лейтенанта Вавилова, в числе которой находился майор Крыловский. Комиссия выявила значительные безобразия в работе Разведотдела и факты завышения войск противника, действующих в полосе Западного фронта.

Ильницкий с ведома Покровского принял меры к тому, чтобы скомпрометировать эту комиссию, и даже обвинил Крыловского в том, что, находясь на Западном фронте, он вместо работы систематически пьянствовал. Этим самым Покровский и Ильницкий добились того, что по выявленным безобразиям Военным Советом Западного фронта необходимые меры приняты не были.

Также известно, что Ильницкий, кроме Покровского, пользуется большой поддержкой со стороны Соколовского.

Начальники направлений Оперотдела штаба Западного фронта полковник Дюков и подполковник Север, помощники начальника Оперотдела штаба фронта майор Бойко и майор Чекренев, старшие помощники начальника

оперативной группы подполковник Оболенский и подполковник Протасов также заявляют о неудовлетворительном руководстве боевыми операциями со стороны начальника штаба Западного фронта Покровского.

25 марта с. г. начальник отдела укрепрайона штаба Западного фронта полковник Теплых, докладывая Покровскому о серьезных недочетах во время мартовского наступления частей 31 армии, указал, что по причине плохой организации во время артиллерийской подготовки установки «РС» произвели залп по своей пехоте, вследствие чего части 352 стрелковой дивизии понесли большие потери.

Покровский ответил, что ему ничего не известно, и одновременно просил Теплых об этом никому не рассказывать, добавив: «Стоит ли нам показывать такие большие цифры? Этого делать не надо. Если спросят — тогда скажем».

Как сообщает агентура штаба Западного фронта, в первый день боя, начавшегося 3-го февраля с. г. на Витебском направлении, обозначившийся успех не был развит лишь потому, что дивизионные и корпусные, а также и полковые резервы своевременно не были введены в бой. Это дало возможность противнику опомниться, привести себя в порядок, а затем бить наши наступающие войска по частям.

Кроме того, отсутствовала координация действий между корпусами и дивизиями. Во время проведения мартовской (с 23 по 28 марта с. г.) операции на Витебском направлении, по данным нашей агентуры, из-за потери внезапности и плохого взаимодействия родов войск, а также скрытности ее подготовки эта операция также была провалена.

В феврале с. г. за 10 дней боев части 33 и 39 армий понесли потери свыше 28 000 человек, а в марте с. г. за 3 дня боев только одна 33 армия потеряла 8000.

Во время всех проводимых в 1943–1944 годах боевых операций Соколовский, находясь на ВПУ, все вопросы решал самостоятельно и о принятых решениях никого в известность не ставил. Так, командующий бронетанковыми войсками фронта Герой Советского Союза генерал-лей-

тенант Родин заявил: «Непонятно отсиживание Соколовского на ВПУ, где никого, кроме полковника Венямина, находящегося у него в роли адъютанта, из оперативного отдела штаба фронта нет. Совершенно не чувствуется руководства Соколовского подчиненными ему работниками штаба. Он связан с командующими армиями по "ВЧ" и все указания дает устно. Чем занимается оперативный отдел штаба фронта — никто не знает».

Начальник тыла Западного фронта генерал-лейтенант Виноградов сказал: «У нас ничего не получается и вряд ли получится, потому что Соколовский может быть неплохим начальником штаба, но не командующим».

Начальник оперативного отдела штаба бронетанковых войск фронта подполковник Лазутин говорил: «Соколовский со своими подчиненными сух и груб. Свою грубость передает и командующим армиями, которые по примеру его в разговорах с командирами корпусов и дивизий никогда не говорят спокойно и не дают толковых указаний, а, угрожая расстрелом, предлагают руководить боем на переднем крае».

Заместитель начальника штаба фронта по ВПУ полковник Венямин высказался: «Соколовский на этих операциях ломает себе голову. Он ни с кем не считается и всех ставит ни во что».

Начальник отдела укомплектования штаба фронта полковник Михлин в беседе с офицерами, оценивая проведенную в феврале с. г. операцию, сказал: «За 1943 год Западный фронт перемолол свои резервы. За первые две декады января с. г. в проводимой операции под Оршей мы потеряли 50 000, не добившись никакого успеха».

Командир 65 стрелкового корпуса генерал-майор Ревякин заявил: «У нас все еще до сих пор не научились воевать, воюем по шаблону, немец об этом уже знает, делает вывод и организует оборону, как ему надо».

Аналогичные высказывания имеют место и со стороны ряда других командиров.

Член Военного Совета Западного фронта генерал-лейтенант Мехлис в беседе с начальником Управления контр-

разведки генерал-лейтенантом Зелениным сказал, что Соколовский непонятный человек, замкнутый, недоволен отдельными людьми в Генеральном штабе Красной армии, называя их бездельниками, а иногда некоторые приказания иронизирует и подчас критикует.

Далее тов. Мехлис заявил, что его удивляет, почему Соколовский поддерживает таких бездарных людей, как Покровский (начальник штаба фронта), Камера (начальник артиллерии фронта), Гордов (бывший командующий армией).

Органы «Смерш», равно как и офицеры Генштаба, находившиеся в штабах фронтов и армий, отвечали только за то, чтобы как можно точнее доложить в вышестоящие инстанции, как развиваются события, за ход и исход которых они не несли никакой ответственности. Понятно, что к особистам и генштабистам армейские командиры и политработники не испытывали большей любви. Мало того что ни за что не отвечают, да еще в любой момент могут донесение-донос настрочить, где камня на камне не оставят от воздушных замков, возводимых в генеральских и полковничьих рапортах. Вот в донесениях по поводу контрразведывательной работы фантазия «смершевцев» разыгрывалась ничуть не меньше, чем армейских генералов и полковников в боевых донесениях.

К докладу комиссии Маленкова среди прочих документов была приложена одна весьма любопытная жалоба, адресованная Сталину, а также командующему Западным фронтом Соколовскому, представителю Ставки Главному маршалу артиллерии Воронову и члену Военного Совета Мехлису. Последний и передал ее Маленкову. Судя по тексту, автором письма был один из командиров полков. Он высказывал то, что давно задевало за живое, хотя и не всегда был в ладах с русской грамматикой: «Данное письмо является как крик души наболевшего сердца, и прошу вас, товарищ Сталин, не осуждать сурово меня в этом.

Положение, какое создалось на Западном фронте в области настоящего гонения и преследования командиров частей и соединений. Командирам абсолютно не доверяют. В частях и соединениях всему голова, как говорится, царь

и бог, это уполномоченный контрразведки. Они что хотят, то и делают, и зачастую совершенно явно подрывают авторитет командира части или соединения. На основании их необоснованных доносов командира гоняют, преследуют, называют жуликом, вором, прохвостом, им верят во всем, а командирам ни в чем.

Если командир части наложил взыскание на кого-либо, то провинившийся ищет защиты у контрразведчика, а тот требует от командира отчет, почему и за что наложено взыскание, и тут же дает внушение командиру, что взыскание можно или не накладывать, или смягчить.

Ясно совершенно то, что за командиром следят, за каждым его шагом. Если командир вызвал кого-либо, то, выходя от командира, он попадает в контрразведку, где подвергается опросу: зачем был вызван и какой был разговор. Если командир съел лишний кусок хлеба или лишний грамм сахара, то из этого делается целый тарарам.

У командира отняты все его права и инициатива. Командир не может принять решения без согласия на то уполномоченного контрразведки. От командиров отняли женщин, а каждый контрразведчик имеет одну или две. На каждом шагу пугают Мехлисом, и сейчас настроение командиров весьма незавидное, а ведь большинство из них, не щадя своей жизни, защищали родину и имеют от 4 до 8 орденов.

Почему это так. Неужели вернулся 37, 38 год, так как больно и обидно.

Я не даю подписи, ибо знаю, что если подпишу, то наверняка пропал, и это положение истинное».

Неизвестный борец за «сексуальное равноправие» армейских командиров со «смершевцами» во многом был прав. Уполномоченные военной контрразведки были отнюдь не ангелами (мы еще познакомимся с их художествами), и плохие или, наоборот, приятельские отношения с командирами и политработниками, безусловно, влияли на содержание и тон донесений контрразведчиков. Однако в своей фантазии контрразведчики были сильно ограничены тем, что кто-то из коллег может написать правду, и тогда

за вранье дадут по шалке. То же самое было справедливо и в отношении офицеров-генштабистов. Поэтому в целом эти две категории докладов давали близкую к истине картину боевых действий и состояния армейского тыла.

Вот члены Военных Советов, вопреки распространенному мнению, в своих докладах в критике фронтового и армейского командования были очень осторожны, поскольку и сами в полной мере отвечали за успех или неудачу проводимых операций. Даже Мехлис, чьим именем пугали командиров, похоже, не сыграл сколько-нибудь существенной роли в падении Соколовского. Хотя Лев Захарович на всякий случай и покритиковал командование фронта в разговоре со своим подчиненным — начальником контрразведки фронта Зелениным, прекрасно зная, что тот доложит, куда следует.

Сохранилось несколько писем и записок Мехлиса о беспорядках на Западном фронте, однако все они касались второстепенных вопросов. Так, 7 апреля 1944 года Лев Захарович в письме Маленкову возмущался «обезличкой обмундирования» в госпиталях — против нее он выступал еще в финскую войну. В том, что раненые, попадая в госпиталь, нередко сдавали новое обмундирование, а по выписке порой получали обноски, ничего хорошего не было, но это, разумеется, не могло стать поводом для снятия командующего фронтом. Еще Мехлис писал о недостатках в продовольственном снабжении Западного фронта, о плохом состоянии госпиталей и других хозяйственных неурядицах, но вопросов боевых действий и оперативного руководства не затрагивал.

Хотя, надо признать, крови командирам Лев Захарович попортил изрядно. Корреспондент «Красной Звезды» В. Коротеев, насмотревшись на генеральские и офицерские слезы, сочинил специальную «телегу» на Мехлиса, которую 15 сентября 1943 года направил секретарям ЦК Маленкову и Щербакову: «Находясь продолжительное время на Брянском фронте, мне не раз приходилось в дивизиях, армиях и в штабе фронта слышать резкие суждения о тов. Мехлисе, говорящие, что многие командиры и политра-

ботники с глубокой неприязнью относятся к тов. Мехлису, прибывшему на Брянский фронт в начале июля с. г. в качестве члена Военного Совета. Это неприязненное выражение нужно определить более или менее точнее: его боятся, не любят, более того, ненавидят.

Происхождение этой неприязни вызвано, видимо, весьма крутыми расправами т. Мехлиса с командирами на юге, на Воронежском и Волховском фронтах, известия о которых распространились, по-видимому, в Армии и о которых здесь, на Брянском фронте, также знают.

“Конечно, — говорят о нем многие (например, генерал Антропов — начальник оперативного отдела штаба фронта, подполковник Шитов — заместитель начальника разведки), — Мехлис человек большой, умный, с широким государственным кругозором, но и с этими прекрасными качествами все-таки было бы лучше, если бы он работал не в армии. В армии самые талантливые, большие люди даже тогда, когда Мехлис неправ, не решаются оспаривать его мнение, так как находятся под влиянием его бывшего положения (помощника Сталина, редактора “Правды”, начальника ГлавПУРа и заместителя наркома обороны. — Б. С.) и авторитета. Поэтому он подминает всех и вся, считает, что ему все можно”.

В подтверждение этого приводят, помимо всего прочего, такой факт: недавно т. Мехлис приказал вызвать к себе на 8 часов начальников всех управлений и служб тыла, но занялся другими делами, и все тыловое начальство — генералы, полковники — ровно сутки лежали в лесу, ожидая начала совещания. (И никто ведь за это время не рискнул напомнить Льву Захаровичу, что его ждут! Поистине, генералы и полковники стоили Мехлиса и зря на него обижались. Каково стадо, таков и пастух. — Б. С.)

Люди здесь очень хорошо знают крутой нрав т. Мехлиса, его резкость, безапелляционность в отношении ко всем. Говорят о нем также, что он не пытается искать, завоевывать любовь своих подчиненных. По словам члена Военсовета 66 армии т. Кривулина, на Степном фронте люди были настолько запуганы его резкими телеграммами, телефон-

ными звонками, выговорами, что не знали покоя ни днем, ни ночью, а когда он уехал со Степного фронта, все там с облегчением вздохнули.

Каждую смену в командном или политическом составе на Брянском фронте, наверное не без оснований, приписывают новому члену Военсовета. В первые дни приезда т. Мехлиса сюда был заменен зам. начальника штаба фронта полковник Ермаков. Ермаков пользовался большим уважением у людей как умный и опытный, по-настоящему обаятельный командир, который умел организовывать порядок в штабе — охрану в штабе, политработу среди командиров и т. д.

На место Ермакова был поставлен полковник Фисун — бывший секретарь т. Мехлиса (ну как не порадеть родному человечку! — Б. С.). По мнению командиров, которое надо разделить, после замены Ермакова порядка в штабе ничуть не прибавилось, так как заботы Фисунува главным образом касаются Военторга.

Совершенно неожиданно и, по мнению всех, неосновательно был также смещен начальник разведки фронта старый полковник Хлебов, один из деятельных участников двух операций фронта — Касторнинской и Орловской. В первые же дни приезда на Брянский фронт новый член Военсовета заявил ему: “Ваша работа меня не устраивает”. Вскоре Хлебов был откомандирован в Москву и заменен полковником Масловым, приехавшим с Волховского фронта.

Ряд командиров и политработников в известной мере напуганы подобными фактами и потому не уверены в том, что они также не будут сменены. Например, редактор фронтовой газеты полковник Воловец, почти каждый день получающий резкие замечания т. Мехлиса по газете, боится подойти к нему и, как он признается, ожидает дня, когда т. Мехлис сменил его. Ошибкой газеты были несколько передовых и аншлагов в июле — “Устроим немцам под Орлом второй Сталинград” (окружить германские войска на Курской дуге, как известно, не удалось, и несоответствие лозунга действительности постфактум вызвало гнев Мех-

лиса. — Б. С.). Но редакция печатала эти аншлаги и передовые половину месяца, исходя из указания Военсовета фронта.

Не стану перечислять другие известные факты. Вполне понимаю, что разбираться в них — не мое дело. Я написал это письмо после раздумья и колебаний, откровенно и прямо, желая одного: чтобы ЦК нашей партии, тов. Сталин знали бы это настроение командиров и политработников по отношению к генералу Мехлису».

Товарищ Сталин, разумеется, знал, что командиры и политработники большой любви к бывшему его помощнику не питают. Но на то и Мехлис на фронте, чтобы местное начальство не дремало. И письмо Коротеева оставил без последствий. С Брянского фронта Льва Захаровича перебросили на Западный фронт, при разделении которого он оказался на 2-м Белорусском, а закончил войну на 4-м Украинском. Сталину Мехлис нужен был как «государево око», чтобы умерять фантазии фронтового командования по части сил противника и собственных успехов. Неслучайно на Брянском фронте Лев Захарович очень быстро добился снятия с должности начальника фронтовой разведки.

Но вместе с тем Мехлис был уже научен горьким опытом своего пребывания в качестве представителя Ставки на Крымском фронте, когда за Керченскую катастрофу был снижен в должности и в звании. Теперь, как член Военного Совета, он непосредственно отвечал за успех боевых действий. Поэтому свою критику обращал против «отдельных недостатков» в тыловых учреждениях, армейских и фронтовой газетах, но не касался оперативных вопросов.

Сталин наверняка догадывался, что его генералы и маршалы в своих докладах значительно приукрашивают действительный ход операций, преувеличивая как силы противника, так и масштабы собственных побед. Но других военачальников у Верховного Главнокомандующего не было. Он еще в 37-м постарался истребить всех сколько-нибудь самостоятельно мыслящих полководцев. Если же теперь снимать с должности за недостоверные донесения — бич русской армии еще с царских времен, — то генералов

в действующей армии могло вообще не остаться. Сталину и членам Ставки приходилось верить большинству донесений командующих фронтов и армий или делать вид, что верят. Иначе могла развалиться вся система управления Красной армии. Разведке же волей-неволей приходилось подстраиваться под запросы начальства — от Верховного Главнокомандующего до командира полка. Преувеличенные данные о силах противника облегчали последующее составление столь же преувеличенных донесений об успехах и трофеях советских войск, о тысячах и десятках тысяч убитых и взятых в плен неприятельских солдатах и офицерах. Быстро, в оперативном режиме, проверить сведения разведсводок и боевых донесений все равно не было возможности. Серьезную проверку устраивали лишь тогда, когда неудачи армии или фронта привлекали внимание Верховного и Иосиф Виссарионович требовал оргвыводов. Так случилось в конце концов и на Западном фронте. Соколовский и некоторые сотрудники штаба фронта пали жертвами высочайшего гнева.

Под стать командующему Западного фронта были и командующие армии. В материалах комиссии Маленкова сохранился приказ командующего 33-й армии генерал-полковника Василия Гордова от 4 сентября 1943 года командиру 173-й стрелковой дивизии полковнику Зайцеву, копии которого были переданы всем командирам полков дивизии. Василий Николаевич требовал от подчиненных прорвать оборону врага всеми средствами, в том числе и довольно экзотическими: «Дивизия второй день продолжает топтаться на месте, имея перед собой небольшие группы автоматчиков противника. Ваши заверения меня лично (З.9.) выполнить поставленную задачу оказались очередным обманом. Преступное топтание на месте и окрыление мелких групп автоматчиков врага (стиль у генерала замечательный, вероятно, в данном случае он имел в виду, что немецкие автоматчики окрылены сознанием того, что сдерживают целую советскую дивизию! — Б. С.) происходит потому, что ни вы, как командир дивизии, ни ваши ко-

мандиры полков не понимают или явно не желают организовать бой.

В самом деле, неужели вы не можете понять, что никакого сопротивления вашей дивизии в данных условиях местности противник оказывать не может, да и нет у него к этому никаких условий. Если бы вы учли обстановку и организовали бой хотя бы маленькими группами (что в данных условиях имеет большое значение), вы бы выкурили давно мелкие группы автоматчиков, обогатились пленными и давно бы выполнили задачу — выход на рубеж Мишутково — Заполье.

Требую:

14. Организовать бой в соответствии с данными мною лично 3.9. указаниями.

15. Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд.

16. Посылаю вам группу офицеров, которые помогут вам поднять людей и двинуть их вперед.

17. Задача дивизии к исходу 4.9. должна быть во что бы то ни стало выполнена. Невыполнение вами задачи ставит в тяжелые условия соседей справа и слева.

18. Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу. Поймите, этого требуют интересы нашего оружия».

Чувствуется, что на генерала Гордова неизгладимое впечатление произвел кинофильм «Чапаев», особенно «психическая» атака офицерских рот. Да и «Слово о полку Игореве», судя по цитате, было ему хорошо знакомо. Приверженность генерала классике члены комиссии, однако, не оценили и в докладе посвятили ему, уже снятому с командования 33-й армией, специальный раздел «О положении в 33-й армии в период командования генерала-полковника Гордова», полный уничтожающей критики: «Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Об-

щее количество потерь, понесенных 33 армией, составляет свыше 50 процентов потерь всего фронта.

Вопреки указаниям Ставки, запрещавшим использование в бою специальных подразделений как обычную пехоту, Гордов нередко вводил в бой разведчиков, химиков и саперов.

К числу наиболее тяжких проступков Гордова следует отнести факты, когда Гордов весь офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь... 4 сентября 1943 года Гордов приказал начальнику штаба 70 стрелкового корпуса генерал-майору Иконникову "немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела".

Такие недопустимые действия Гордова приводили к дезорганизации управления боем и ничем не оправданным потерям в офицерском составе. За последние полгода в 33 армии под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона.

Гордов преступно нарушает приказ Сталина о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия. Так, 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов, якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват.

Во время боевых действий управление со стороны Гордова сводилось к ругани и оскорблениям. Гордов часто прибегал по отношению к своим подчиненным к угрозам расстрела. Так было в отношении командира 277 стрелковой дивизии генерал-майора Гладышева и командира 45 стрелкового корпуса генерал-майора Поплавского. По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издегали их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями. Командование фронтом проходило мимо всех этих безобразий в дей-

ствиях Гордова, не поправляло его и продолжало считать его лучшим командующим армией».

Соколовского сняли с должности (но в звании снижать не стали) и назначили... начальником штаба 1-го Украинского фронта, хотя генерал только что успешно развалил работу штаба на своем фронте. Лишились своих постов и командующий артиллерией фронта Камера, и начальник разведотдела Ильницкий. А вот начальник штаба Западного фронта генерал Покровский свою должность сохранил, став начальником штаба 3-го Белорусского фронта, одного из двух, на которые в апреле 44-го был разделен Западный фронт. Генерал Гордов, отстраненный от командования 33-й армии, уже в апреле 1944 года возглавил 3-ю гвардейскую армию, вместе с которой брал Берлин, и удостоился звания Героя Советского Союза. Бывший член Военного Совета Западного фронта Булганин, которого критиковала комиссия, в ноябре 44-го получил крупное повышение — стал членом ГКО. Другой член Военного Совета Западного фронта, Мехлис, благополучно занимал эту же должность на различных фронтах вплоть до конца войны.

Казалось бы, раз все на Западном фронте так плохо, его руководство заслуживает самого сурового наказания. И наказание последовало, но только потому, что Сталин был очень зол на командующего Соколовского и его штаб за неудачи под Витебском и Оршей, сорвавшие амбициозные планы по быстрому освобождению Белоруссии и выходу к границам Рейха. При других обстоятельствах ровно за те же самые недостатки людей не только не снимали с должностей, а... жаловали генеральским чином.

Так, весной 1943 года Сталин заинтересовался судьбой 1-й дивизии московского ополчения, преобразованной позднее в 60-ю стрелковую. Этой дивизией командовал полковник Игнатий Викентьевич Кляро. Верховный решил, что во главе первой из ополченческих дивизий обязательно должен быть генерал, и собрался присвоить полковнику генеральское звание. В связи с этим находившийся в тот момент на Центральном фронте Маленков потребовал данные о дивизии и ее командире. Полковник

Чернышев из Политуправления Центрального фронта 18 марта 1943 года сообщил, что дивизия сражается неплохо. За время наступательных боев на Центральном фронте с 26 февраля по 16 марта она продвинулась более чем на 50 километров и нанесла противнику большие потери — 745 убитых, 1150 раненых, взяла 84 пленных, уничтожила 3 танка и 3 орудия, захватила в качестве трофеев 8 складов с боеприпасами, 14 орудий, 56 пулеметов и много разного другого имущества. Но и потери понесла довольно значительные — 723 убитых, 1685 раненых, 17 пропавших без вести и 166 больных.

Как отмечалось в докладе Чернышева, «главная причина больших потерь в дивизии заключается в том, что командир и штаб дивизии, командиры полков плохо организуют руководство и управление боем. Разведка переднего края и сил противника, по сути дела, ни в дивизии, ни в полках не ведется. Вопросами рекогносцировки, взаимодействия, взаимосвязи и взаимоподдержки частями друг друга в дивизии пренебрегают. В результате всего этого части теряют связь со штабом дивизии и друг с другом, действуют изолированно, на свой страх и риск. И если при этом еще учесть недостаточный опыт командиров полков, зачастую попадают в подготовленные противником огневые мешки и несут излишние потери».

Поскольку на этот раз командира надо было не снимать, а жаловать генеральским чином, общий вывод доклада был бодрым: «Политико-моральное состояние личного состава крепкое. Настроение бодрое. В прошедших боях личный состав дрался самоотверженно и готов к выполнению очередных боевых задач... Несмотря на большие потери, дивизия не обескровлена. Она и сейчас является крепкой боевой единицей. Последние действия дивизии по отражению вражеских контратак показали, что 60-я дивизия является боеспособным соединением.

Дивизией командует полковник Кляро Игнатий Викентьевич. Год рождения 1895, беспартийный, окончил академию им. Фрунзе. 10 лет преподавал тактику в Военно-Политической Академии им. Ленина, в свое время подвергался

аресту. Дивизией командует с ноября 1942 года. Представляет собой тип среднего командира стрелковой дивизии. В тактическом отношении грамотен. Работать может и желает. В силы и возможности своей дивизии верит. Любит не учить, а поучать. В своих рассуждениях излишне пространен, в принятии решений несколько медлителен. В бою смел, в сложной обстановке не теряется. Болезненно воспринимает тот факт, что с ноября 1942 года не утвержден в должности. Кроме того, обижен на то, что в звании полковник Красной армии ходит с 1935 года, а также до настоящего времени не награжден, хотя в Отечественной войне участвует с 1941 года и был контужен под Москвой».

Интересно, а какие потери в первой половине марта 1943 года понесли германские войска, противостоявшие дивизии Кляро? В среднем на одну германскую расчетную дивизию на фронте приходилось до трех советских соединений¹³. Так что против 60-й дивизии, вероятнее всего, сражались 1-2 германских полка. Поэтому потери противостоявших дивизии Кляро немецких войск можно оценить не более чем в половину от средних мартовских потерь одной германской дивизии, т. е. в 3 человека в день — по сравнению с 38 в 60-й стрелковой дивизии¹⁴. Ее потери превышали неприятельские почти в 13 раз. Соотношение, как видим, было вдвое хуже, чем для Западного фронта в октябре 1943 года — марте 1944 года.

Соколовского с командования Западным фронтом сняли. Кляро же за бои 60-й стрелковой дивизии, сопровождавшиеся ничуть не меньшими потерями, был 31 марта 1943 года произведен в генерал-майоры. Потери ему в вину не ставились, раз ценой их удалось отвоевать более или менее значительный кусок территории.

Игнатий Викентьевич Кляро на самом деле был типичным средним советским комдивом. Звезд с неба, наверное, не хватал, но и слишком грубых промахов не делал. И потери его дивизии в феврале — марте 1943 года вряд ли существенно отличались от среднего уровня потерь в Красной армии в целом за всю войну.

Дальше карьера Кляро была успешной, но недолгой. Он стал командиром 54-го стрелкового корпуса во 2-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Не исключено, что до конца войны Игнатий Викентьевич дорос бы командарма и, чем черт не шутит, получил бы, как Гордов, Золотую Звезду Героя. Но в ходе операции «Багратион» 13 июля 1944 года генерал Кляро на марше наскочил на мину и погиб.

Советские генералы и в конце войны воевать толком не научились. Зато освоили нехитрую науку преувеличивать силы противника для оправдания собственных неудач и огромных потерь. В таких условиях данные разведки, истинные или ложные, имели очень небольшое значение для хода боевых действий. Командующие фронтами и армиями, корпусами и дивизиями в своих донесениях создавали настоящий виртуальный мир войны, где для правды просто не оставалось места.

КТО ПРЕДАЛ ЗОЮ КОСМОДЕМЬЯНСКУЮ

Журналист Петр Александрович Лидов, открывший миру героическую «Таню» (так называлась первая публикация о подвиге Космодемьянской), рассказал об этом в очерке «Новое о “Тане”», опубликованном в газете «Правдист» — органе партбюро, комсомольского комитета и месткома «Правды» 5 мая 1942 года:

«Успех “Тани” — это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской. Мне по обязанности репортера, протоколиста событий, довелось по рассказам очевидцев добросовестно и пунктуально записать все, что связано с подвигом и гибелью нашей отечественной Жанны д’Арк. Подвиг Зои Космодемьянской — это наиболее крупное, яркое и романтическое из тех событий, которые мне приходилось отыскивать и описывать. Очерки о Тане от начала до конца документальны, протокольны, и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, порой спасающей очеркиста, не запасшегося достаточным количеством добротных фактов.

Писать о том, как протекала работа над очерками о Тане, не имеет смысла хотя бы потому, что работу над этой темой нельзя еще считать законченной. Подвиг Тани и все связанное с ним — это целая эпопея, которая еще не раскрылась перед нами целиком.

В середине января в только что освобожденной от немцев деревне Пушкино один из местных жителей рассказал нам о казни неизвестной девушки в Петрищеве. Казалось, что остается съездить на место происшествия, убедиться в достоверности этого рассказа и написать. На самом же деле все оказалось сложнее. Над раскрытием обстоятельств дела и установлением личности Тани пришлось работать целый месяц непрерывно и довольно напряженно. К моменту появления в печати очерка “Кто была Таня” кар-

тина боевого подвига Зои Космодемьянской, ее поимки, допросов и казни была достаточно ясна. С тех пор прошло три месяца. Зое Космодемьянской присвоили звание Героя Советского Союза, ее узнала вся страна, весь мир. В Соединенных Штатах, например, состоялись уже две радиопередачи, посвященные Зое. Имя Тани стало символом стойкости и верности родине. Любовь Тимофеевна Космодемьянская окружена почетом и любовью: потеряв дочь, она приобрела миллионы дочерей и сыновей. Об этом ей пишут в сотнях писем, и это чувствует она сама.

Некоторые из писем в редакцию содержат новые данные о Зое, и ее история, таким образом, дописывается сейчас коллективно. В одном из писем сообщается, например, что "героиня родилась не в городе Москве, а в селе Осиповые Гаи, Рудовского района, Тамбовской области". Письмо это подписано руководителями районных организаций, которые считают, что "правильное освещение месторождения Зои Космодемьянской будет способствовать улучшению развертывания политико-воспитательной работы среди молодежи и всего населения нашего района и области, а это даст возможность успешно проводить в жизнь все решения партии и правительства и в особенности сельскохозяйственные полевые работы 1942 года" (если исходить из подобных утилитарных соображений, то Москва как место рождения героини все же предпочтительнее глухой тамбовской деревни: "политико-воспитательную работу" можно развернуть среди миллионов, а не сотен человек. — Б. С.).

Сами обстоятельства гибели Зои получают теперь новое освещение. Немцы не сами поймали партизанку, ее предал ее же товарищ и ровесник, который шел вместе с ней в роковую ночь на 26 ноября, который одновременно с ней должен был бросить свою зажигательную бутылку. Он струсил в последнюю минуту, он побоялся быть повешенным немцами, но был расстрелян русскими.

Василий Клубков струсил и был пойман. Зоя не струсила, она сделала свое дело и ушла в условленное место. Она могла уйти дальше в глубь леса, но она не хотела покинуть товарища в опасности. Зоя доверчиво ждала Клуб-

кова, но вместо него на опушку пришли посланные им немецкие солдаты.

Зою допрашивали в присутствии Клубкова. Она отказалась назвать себя, отказалась отвечать, откуда и зачем пришла. Она сказала, что не знает Клубкова и видит его в первый раз.

Тогда офицер поглядел на Клубкова. Клубков сказал: «Она врет, мы с ней из одного отряда. Мы вместе выполняли задание. Ее зовут Зоя Космодемьянская, с нами был еще Борис Крайнов...».

При Клубкове Зою раздели догола и били резиновыми палками, после этого она сказала: «Убейте меня, но я ничего вам не расскажу».

Через некоторое время Клубков вернулся в Москву, в ту самую часть, в которую несколькими месяцами ранее он вступил как боец-доброволец. На этот раз он пришел сюда в качестве немецкого шпиона.

Так усложняется сюжет повествования о Тани. Рассказ о ее очарованной душе следует дополнить рассказом о подлой, продажной душонке Василия Клубкова. Надо думать, что откроются еще и новые обстоятельства, которые осветят то, что сейчас еще кажется нам загадочным в истории Тани».

Лидову не удалось написать после войны документальную повесть о Зое Космодемьянской, как он мечтал. В июне 1944 года автор «Тани» вместе со своим другом — фотокорреспондентом Сергеем Струнниковым, сделавшим знаменитый снимок мертвой Зои, попал под бомбежку на аэродроме в Полтаве, где базировались американские «летающие крепости». Оба журналиста погибли. Кстати, на том аэродроме в качестве переводчика должен был служить Ричард Пайпс, ныне являющийся одним из наиболее известных американских специалистов по российской истории. Однако из-за того, что немцы разбомбили аэродром в Полтаве, его командировка в СССР тогда не состоялась.

После смерти Лидова в советской печати продолжала тиражироваться первоначальная версия о том, что Зою схватили в Петрищеве сами немцы. Раздетую догола ге-

роиню целомудренно одели. В пропагандистских мифах не нужна была тема предательства, чтобы у народа не возникло ощущения, будто предателей было слишком много. К тому же история с Клубковым не только объясняла, как немцы установили подлинное имя партизанки Тани, но и делала бессмысленным допрос ее немцами. Ведь от предателя враги уже узнали имя, и настоящую биографию героини, и место дислокации партизанского отряда. Так что германские солдаты истязали Зою из чистой «любви к искусству», точнее из-за стремления к реализации собственных садистских наклонностей, да еще из мести за лошадей, сгоревших в подожженной Космодемьянской конюшне. И подвиг Зои был чисто морального свойства. Он измерялся не нанесенным врагу ущербом, а нравственным превосходством над ним, выразившемся в отказе купить себе жизнь или хотя бы легкую смерть ценой предательства.

Клубков же, засланный в качестве германского агента в Москву, то ли сам явился с повинной, то ли был изобличен как неприятельский шпион. Его расстреляли по законам военного времени. Очевидно, перед смертью Василий и поведал о последних часах Зои.

Был ли Папаша Мюллер советским агентом

И советская, и германская сторона учитывали большую вероятность того, что многие агенты могли работать под контролем вражеской контрразведки, и пытались понять, когда им сознательно поставляют дезинформацию.

Нередко одна и та же радиоигра проводилась и немецкой, и советской разведкой в своих целях. Например, с конца 1942 года немцы стали использовать арестованных радистов «Красной капеллы» в оккупированных странах Западной Европы для зондажа возможностей сепаратного мира с Советским Союзом, а для этого необходимо было дать понять советской разведке, что радиogramмы идут под германским контролем и отражают действительные намерения руководства Третьего рейха. Вот почему был даже организован побег ранее арестованного советского резидента в Западной Европе Леопольда Треппера (разумеется, без его ведома). Гестапо арестовало почти всех участников французского Движения Сопротивления, контактировавших с Треппером после побега, не тронув, однако, самого резидента, в расчете, что он сообщит в Москву о провале советской агентурной сети.

Леопольд Треппер так описывает в мемуарах радиоигру, которую заставило его вести гестапо: «25 ноября (1942 года. — Б. С.) около девяти вечера я вновь предстаю перед моим “ареопагом”... Гириг (начальник зондеркоманды гестапо “Красная капелла”. — Б. С.) не говорит со мной как с побежденным пленником; нет, лишь слегка изменив интонацию, он не без церемонности, я бы даже сказал, с известной торжественностью заводит речь о высокой политике. Его слова были бы уместны даже на дипломатическом приеме.

— Единственная цель Третьего рейха, — начинает он, — состоит в том, чтобы заключить мир с Советским

Союзом... Все более разрастающаяся кровавая битва между вермахтом и Красной армией может радовать только капиталистов-плутократов. Разве не сам фюрер назвал Черчилля алкоголиком, а Рузвельта — несчастным паралитиком? Но вот какое дело: если в нейтральных странах легко войти в контакт с представителями англоамериканцев, то там почти невозможно встретить эмиссаров советского правительства (в Швейцарии не было советского дипломатического представителя, равно как и в Испании и Португалии; да и в Швеции, поддерживавшей с СССР дипломатические отношения, гости из Москвы были наперечет. — Б. С.). Эта проблема долго оставалась для нас неразрешимой. Но наконец нам пришла в голову мысль использовать для этого "Красный оркестр". Когда его сеть будет "повернута в обратную сторону", т. е. будет действовать под нашим руководством, ее передатчики станут инструментами для достижения этого мира...».

Вот где, оказывается, собака зарыта! Радиоигру по линии «Красной капеллы» курировали шеф гестапо Генрих Мюллер и заместитель Гитлера по партии Мартин Борман. Если верить свидетельству Треппера (а какой смысл ему было выдумывать страстную речь комиссара Карла Гиринга в защиту сепаратного мира с Советской Россией?), то в дни поражений под Сталинградом и Эль-Аламейном, когда шансов сокрушить СССР больше не было, в германском руководстве появилась (или активизировалась) группировка, стремившаяся к миру со Сталиным. Треппер, по крайней мере, в мемуарах, рассматривает «мирные предложения» Гиринга лишь как уловку, призванную склонить к сотрудничеству с гестапо членов «Красной капеллы». Поэтому он вкладывает в уста гестаповца следующую тираду: «Уж так и быть — в течение нескольких месяцев мы будем идти на маленькие жертвы во имя великого дела, и в тот день, когда мы убедимся, что у русских нет ни малейших подозрений относительно их сетей, работающих на Западе, именно в тот день начнется второй этап. Тогда к вашему Директору станет поступать информация решающего значения, исходящая из самых высоких кругов Берлина. Эта инфор-

мация будет содержать неопровержимые заверения в том, что мы ищем сепаратного мира с Советским Союзом...».

Бросается в глаза одна несуразность. Если немцы собираются передать советской стороне предложения о сепаратном мире, то зачем нужно в течение несколько месяцев поддерживать у Москвы иллюзию, будто радисты «Красной капеллы» по-прежнему на свободе. Наоборот, требуется срочно дать понять, что они работают под германским контролем и что поэтому переданные через них предложения заслуживают самого серьезного внимания. Придумывать слова Гиринга о том, что в течение нескольких месяцев немцы для «усыпления бдительности» будут поставлять в Москву правдивую информацию, понадобилось Трепперу, для того чтобы оправдать собственное сотрудничество с гестапо, хотя и подневольное. Вряд ли он выдумал угрозу, прозвучавшую из уст полицейского комиссара: «Я раскрыл перед вами нашу программу только потому, что вы уже не являетесь препятствием на пути к ее реализации. Так что выбирайте: либо вы работаете с нами, либо вы исчезнете...».

Как правоверный коммунист, «Большой шеф» тут же оговаривается: «...Гиринг и его друзья... нахально лгут, утверждая, будто Третий рейх желает заключить с Советским Союзом сепаратный мир. В ноябре 1942 года я твердо знаю (впрочем, знаю я это еще с осени 1939 года), что в руководстве партии, равно как и в некоторых политических и военных нацистских кругах, лелеют надежду на компромисс с Западом и что если и будет какой-то сепаратный мир, то заключат его с "капиталистами-плутократами" — будь они "алкоголиками" или "паралитиками" — и, само собой разумеется, за спиной СССР».

Тут Треппер лукавит. Осенью 39-го, когда были заключены советско-германские пакт о ненападении и договор о дружбе и границе, когда Сталин и Гитлер по-братски разделили Польшу, мысль о мирном соглашении Германии с Западом, да еще за спиной СССР, вряд ли могла прийти в голову советскому разведчику. На самом деле в руководящих кругах Германии имелись сторонники сепаратного

мира как с Москвой, так и с Западом. К последним, в частности, принадлежал Вальтер Шелленберг, который, в свою очередь, подозревал Бормана и Мюллера в намерении достичь соглашения с Советским Союзом.

Понятно, почему Гиринг раскрыл перед Треппером все карты. Ведь гестапо было заинтересовано в том, чтобы в Москве как можно скорее узнали о провале «Красной капеллы». Передавать через нее стратегическую дезинформацию не было никакой возможности. К тому времени советская сторона уже знала о провале наиболее ценных берлинских агентов. Оставшаяся агентура на оккупированной территории, работавшая под контролем гестапо, ранее доступом к серьезной информации не располагала, и было очень трудно разработать правдоподобную версию, почему они вдруг такой доступ получили. Сообщать же в Москву ложные сведения о положении во Франции и Бельгии и передвижении там немецких войск, что, в принципе, можно было делать от имени Треппера и его людей, не имело большого смысла. Ситуация на Западе имела для Москвы лишь второстепенное значение. Потому-то Мюллер и Борман изначально решили использовать оказавшуюся в их распоряжении радиосеть «Красной капеллы» для зондажа сепаратного мира. Причем делали они это втайне от Гитлера. Вплоть до поражения на Курской дуге и краха Италии фюрер и слышать не хотел о сепаратном мире ни с западным, ни с восточным противником. Позднее же он был уверен, что сносных условий ни в Москве, ни в Вашингтоне и Лондоне добиться не удастся, пока западные союзники и Советский Союз не вступят в открытую конфронтацию друг с другом. Очевидно, «Сладкая парочка» Мюллер и Борман собиралась сообщить Гитлеру о своих контактах с Москвой только тогда, когда удастся выработать приемлемые условия мирного договора. До тех пор зондаж сепаратного мира с Москвой приходилось маскировать под разведывательную радиоигру.

Треппер увлеченно описывает, как он дурил гестаповцев и не раз посылал в Москву и оставшимся на воле соратникам сигналы о своем провале. Как пишет в послесло-

вии к русскому изданию его мемуаров А. И. Галаган, «с 25 декабря 1942 года начала работать под контролем гестапо радиостанция Л. Треппера... После ареста Треппер, будучи хорошо осведомленным о полном провале всей нашей сети в Бельгии, Голландии и во Франции, а также о планах, замыслах и целях затеваемой гестапо радиоигры с Центром и понимая последствия этой игры, принимает решение во что бы то ни стало предупредить Центр о действительном положении вещей и дать ему возможность взять инициативу в свои руки, повернуть игру в обратную сторону в целях дезинформации немецкого командования... Первым его шагом в этом направлении была попытка предупредить представителя ФКП Мишеля о своем аресте в надежде, что последний сообщит об этом в Центр. Ему удалось это сделать.

29 декабря 1942 года Центром была получена телеграмма по линии ФКП, в которой говорилось, что дней 12 назад исчез Лео (псевдоним Треппера. — Б. С.)... Однако эта телеграмма также осталась в Центре без внимания.

После этой операции Л. Треппер убеждает гестапо в необходимости проведения с той же целью второй операции с использованием кондитерского магазина Жюльетты. В результате этой весьма рискованной для него операции он сумел передать Жюльетте написанное им в гестапо подробное и чрезвычайно важное сообщение, которое она переправила в нужный адрес. В нем говорилось, что в результате заговора немецкой контрразведки Треппер, Гроссфогель, Кац, Робинсон и другие находятся в течение пяти месяцев в тюрьме...

О получении доклада Треппера Центр был информирован телеграммой от 7 июня 1943 года (в редакционном примечании же, содержащемся в тексте мемуаров, утверждается, что телеграмма поступила в Москву только в июле 1943 года. — Б. С.).

После получения доклада Л. Треппера Центр взял инициативу в свои руки и начал вести радиоигру с гестапо в своих интересах...

В середине августа 1943 года Л. Треппер узнает об аресте работника ФКП Фернана Пориоля (Дюваля), через которого, как он полагал, прошел доклад, переданный им в Центр. Опасаясь, что Дюваль может не выдержать пыток и сообщить гестапо об этом факте, он в сентябре 1943 года совершает побег из гестапо и скрывается до освобождения Парижа».

Обстоятельства этого побега просто поразительны. Настоящая сказка со светлым концом, где герой дурачит силы зла. Вот что рассказывает об этом сам Треппер: «Мы с Бергом (заместителем начальника зондеркоманды "Красная капелла" Хайнца Паннвица, сменившего умершего от рака горла Гиринга. — Б. С.) едем по Парижу, приближаемся к цели. Берг, как и полагается, вручил мне мое удостоверение и банкноту в пятьсот франков. С предельно участливым видом я осведомляюсь:

— Как вы себя чувствуете сегодня?

— Все хуже и хуже... (Кажется, он как-то особенно удручен...) Нам нужно заехать в аптеку.

Мы подъезжаем к аптеке Байи. Берг объят полудремой. Я легонько толкаю его локтем и говорю:

— Приехали, вы войдете?

В ответ я слышу совершенно невероятное:

— Поднимитесь, купите лекарство и быстро возвращайтесь...

Что у него на уме? Что еще за маневр? Хочет меня испытать? Я очень спокойно смотрю ему в глаза и говорю:

— Но, позвольте, Берг, в этой аптеке есть другой выход.

— Я всецело доверяю вам, — отвечает он, смеясь, — и потом, я слишком устал, чтобы карабкаться по этажам.

Я не заставляю его повторять это дважды. Вхожу в аптеку и... почти сразу же покидаю ее с другой стороны. Через несколько минут я в метро. Сажусь в поезд».

Как мы только что убедились, Треппер был немало удивлен поведением гестаповца, сделавшего все необходимое для успешного побега. Вилли Берг не только снабдил двойного агента деньгами и аусвайсом, но и позволил ему в одиночку пойти туда, откуда не бежать мог только

ленивый. И, самое интересное, после, казалось бы, столь очевидного провала, заместитель Паннвица благополучно остался на своем посту.

Треппер после побега посетил несколько квартир. И по странной закономерности их хозяева вскоре арестовывались гестапо. Вот как Треппер описывает свой дальнейший путь: «В половине первого я в Сен-Жермене... Мне известно, что летом 1942 года сын Джорджи, Патрик, был помещен в какой-то пансион в Сен-Жермене, руководимый двумя сестрами-учительницами... Легко нахожу упомянутый пансион... Что касается Джорджи, то она... быть может, продолжает жить в Везине. Поздно вечером Джорджи... оказывается на проводе. Она немедленно прибегает, очень взволнованная встречей со мной... Мы решаем просить супругов Кейри, у которых живет Патрик, приютить меня. У них свой особняк в Сюрене... В Сен-Жермене зондеркоманда арестовывает обоих сестер... На другой день гестапо наносит удар по вилле в Везине. Свора приближается, и через несколько дней, если не через несколько часов, ее громкий лай раздастся в Сюрене... Теперь я спрятан у Спааков... 17 октября... арестовывают Джорджи... 8 ноября 1943 года Сюзанна Спаак оказалась жертвой доноса. Тогда-то и начались ее мучения, завершившиеся лишь смертью в августе 1944 года...».

Мы видим, что люди Паннвица идут буквально по пятам «Большого шефа», арестовывают почти всех, с кем он контактирует, но самому Трепперу каждый раз удается в последний момент улизнуть.

Единственное правдоподобное объяснение всем этим чудесам следующее. Мюллер и Паннвиц не были вполне уверены, что Москва знает о провале «Красной капеллы». Поэтому они посчитали, что будет лучше выпустить Треппера, организовав ему побег, а тот уж наверняка предупредит Центр, что все радисты работают под контролем гестапо, и, значит, предложения о сепаратном мире действительно исходят из руководящих кругов нацистской Германии. Ведь война приобретала все более неблагоприятный для Рейха оборот, и единственное спасение Борман

и Мюллер видели в соглашении с Советами. Параллельно же гестапо использовало «Большого шефа» как наживку, с помощью которой удалось поймать на крючок многих участников антифашистского подполья.

Версия о «Красной капелле» как канале связи для зондажа германо-советского сепаратного мира хорошо объясняет, почему руководители спецслужб Рейха, Шелленберг и Гелен, в своих мемуарах считали соответственно Мюллера и Бормана... советскими агентами. Шеф зарубежной разведки РСХА, выступавший, как я уже говорил, за сепаратный мир с западными союзниками, утверждал: «В 1945 году, здраво оценивая общую ситуацию и учитывая опасность, связанную с занимаемым им положением, Борман предпринял решительную попытку перейти в восточный лагерь.

Вторым представителем руководящих кругов, имевших явную склонность к России, был Мюллер. Серьезные подозрения относительно искренности его работы против России у меня впервые возникли весной 1943 года, после окончания совещания атташе по делам полиции в иностранных государствах. Мюллер, мои отношения с которым становились все более враждебными, в тот вечер был подчеркнута корректен и вежлив. Я думал, что это оттого, что была уже почти ночь и он порядком успел напиться, но вдруг он сказал, что желал бы поговорить со мной.

Разговор пошел о «Красной капелле». Он весьма настойчиво стремился выяснить причины, которые крылись за фактами измены, и хотел получить представления об образе мыслей, на основе которых такая измена стала возможной...

Вдруг Мюллер заявил: "...Если нам суждено проиграть эту войну, то причиной проигрыша будет не недостаточный военный потенциал, причиной будет духовная неспособность наших руководителей. У нас нет настоящих руководителей. Правда, у нас есть наш руководитель — фюрер, но на нем все замыкается. Возьмем толпу, находящуюся в его непосредственном подчинении. Кого вы там найдете? Они дни и ночи проводят в непрерывных ссорах: одни стремят-

ся заручиться расположением фюрера, другие закрепить за собой власть. Несомненно, что фюрер давно уже это видит, но... предпочитает именно такой порядок вещей, для того чтобы властвовать. Вот в чем его главный недостаток. Как бы я ни хотел думать иначе, но я все более склоняюсь к выводу, что Сталин умеет делать эти вещи лучше. Подумайте только, что пришлось перенести его системе в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было бы высказаться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для зараженного проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда не смог бы оправиться... Говоря с русскими, всегда ясно понимаешь, как обстоят дела: или они вам снимут голову, или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора все толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придет к выводу, что это соответствует его интересам...".

Для того чтобы направить беседу по иному пути, я беспечным и шутивным тоном заявил:

— Превосходно, господин Мюллер. Давайте сразу начнем говорить "Хайль Сталин", и наш маленький папа Мюллер станет главой НКВД.

Он посмотрел на меня, в его глазах таилась зловещая усмешка.

— Это было бы превосходно, — ответил он презрительным тоном, и его баварский акцент проявился сильнее. — Тогда бы вам и вашим твердолобым друзьям буржуа пришлось бы качаться на виселице...

Наш разговор происходил как раз в то время, когда Мюллер стал идеологическим перевертышем. Он уже не верил больше в победу Германии и считал единственно возможным выходом из положения заключение сепаратного мира с Россией. Это находилось в полном соответствии с его образом действий. Насколько можно было судить по ним, его концепция взаимоотношений государства

с отдельной личностью с самого начала не была ни германской, ни национал-социалистической, а фактически была коммунистической. Кто знает, сколько людей под его влиянием перешло в восточный лагерь?

Мюллер прекрасно знал, что ему не удалось произвести на меня впечатление. Перемирие, которое мы заключили на один вечер, закончилось. Впоследствии из-за его враждебного отношения я потратил впустую немало нервов и сил. Между нами шла своеобразная дуэль в темноте, причем преимущество было на его стороне. Враждебность его особенно усилилась с конца 1943 года, когда он установил контакт с русской секретной службой, и мне пришлось считаться не просто с его личной неприязнью: я был объектом ненависти фанатика.

В 1945 году он присоединился к коммунистам, а в 1950 году один немецкий офицер, возвратившийся из русского плена, рассказал мне, что в 1948 году видел Мюллера в Москве. Вскоре после той встречи Мюллер умер».

Шелленбергу, конечно же, выгодно было представить шефа гестапо работающим на советскую разведку. Тогда и собственные провалы в работе на Востоке и неудачные попытки достичь сепаратного мира на Западе можно было хотя бы частично оправдать кознями «предателя Мюллера».

Идею Шелленберга о том, что Борман принадлежал к «восточному лагерю», подхватил и развил Гелен. В своих мемуарах бывший начальник отдела «Иностранные армии — Восток» сделал из рейхсляйтера чуть ли не главного советского шпиона. Объявил он о своем открытии весьма торжественно: «Здесь я хочу нарушить свое длительное молчание и сообщить о тщательно скрывавшемся Советами секрете, который может стать ключом к пониманию одной из самых удивительных и загадочных историй нашего века. Речь идет о роковой роли, которую сыграл ближайший соратник и доверенное лицо Гитлера — Мартин Борман — во время войны и первые послевоенные годы. Он был важнейшим источником информации и консультантом Советов, начав работать на Москву еще до русской кампании.

Канарис и я — каждый своим путем — установили следующий неоспоримый факт: Борман располагал единственной в Германии неконтролируемой радиостанцией. Однако для нас было абсолютно ясно: скрытно наблюдать за одним из могущественных людей, стоявшим в национал-социалистической иерархии сразу после Гитлера, в то время было невозможно. Любой неосторожный шаг означал бы, что с нами мгновенно будет покончено. Канарис поделился со мной казавшимся ему подозрительным фактом и попытался выяснить мотивы изменнической деятельности рейхсляйтера. Он не исключал того, что Бормана шантажировали, но полагал, что, скорее всего, побудительными причинами стали безграничное тщеславие и закомплексованность, а также неудовлетворенные амбиции занять, естественно в подходящий момент, место Гитлера...

Мои предположения подтвердились лишь после 1946 года, когда представилась возможность произвести расследование обстоятельств таинственного исчезновения Бормана из бункера Гитлера в Берлине. Неоднократно появлявшиеся в международной прессе утверждения, что бывший рейхсляйтер якобы живет в непроходимых джунглях между Парагваем и Аргентиной в окружении вооруженной до зубов личной охраны, лишены всякого основания.

Две полученные мною в 50-е годы заслуживающие доверия информации позволяют утверждать, что Борман находился в Советском Союзе, само собой разумеется, под чужой фамилией и надежной охраной.

Бывший заместитель Гитлера по партии переметнулся к Советам в тот момент, когда Красная армия, завершив штурм Берлина, окружила здание новой имперской канцелярии, под которым в глубоком бункере скрывался Гитлер со своими приспешниками.

Сейчас (мемуары писались в 1971 году. — Б. С.) Бормана уже нет в живых».

Версия о Бормане опровергается одним твердо установленным фактом. В 1998 году генетическая экспертиза однозначно доказала, что труп человека, найденного недалеко от имперской канцелярии и покончившего с со-

бой 2 мая 1945 года, принадлежит Борману. С какой стати рейхслайтеру, если он действительно был советским агентом, раскусывать ампулу с цианистым калием в тот момент, когда его хозяева взяли столицу Рейха?

Что же касается Мюллера¹⁵, то сообщение Шелленберга выглядит ничуть не достовернее свидетельства Гелена о Бормане. Здесь настораживают некоторые детали. Офицер, будто бы в 50-м году вернувшийся из русского плена и утверждавший, что встречал бывшего шефа гестапо в Москве, — это из области фантастики. Ведь Мюллер отнюдь не был кинозвездой, чьи фотографии публикуются в газетах и журналах. В лицо его знал только очень узкий круг офицеров спецслужб Рейха. А таких людей в советском плену держали как можно дольше — до 1955 года, когда последние из тех, кого обвинили в военных преступлениях, вернулись домой после московского визита канцлера Аденауэра. Да и кто бы стал демонстрировать Мюллера пленным немецким офицерам, если само его пребывание в СССР было тайной за семью печатями? Интересно также, каким образом Шелленберг узнал о контактах Мюллера с советскими спецслужбами. Неужели у него были агенты в руководстве НКГБ?

Что же было на самом деле? Было 6 радиопередатчиков «Красной капеллы», использовавшиеся гестапо для зондажа сепаратного мира с Москвой. Один из них, очевидно, Гелен и принял за «неконтролируемый передатчик» Бормана. Призывы же Мюллера заключить сепаратный мир с СССР Шелленберг расценил как доказательство его готовности сотрудничать с советской разведкой. «Западникам» Шелленбергу и Гелену Борман и Мюллер, пытавшиеся достичь соглашения со Сталиным, были костью в горле. Поэтому в послевоенных мемуарах они выставили рейхслайтера с группенфюрером советскими агентами, пусть и незаурядными.

Сепаратный мир для Германии был недостижим ни на Западе, ни на Востоке. Рузвельт и Черчилль не питали особо теплых чувств к дядюшке Джо и были встревожены его планами наложить свою руку на Польшу и Балканы. Одна-

ко сохранять третью сильную фигуру на мировой шахматной доске в лице еще не добитой гитлеровской Германии, могущую внести опасную неопределенность в послевоенный расклад сил, ни Сталин, ни лидеры США и Англии не собирались. Нацизм требовалось сбросить в небытие, прежде чем переходить к новому противостоянию коммунистической России и западных демократий.

В последние дни войны Хайнц Паннвиц, взвесив все обстоятельства и опасаясь, что в Париже за репрессии против французских граждан его может ждать гильотина, предпочел сдаться представителям «Смерш», прихватив с собой архив зондеркоманды «Красная капелла». До сих пор тексты радиogramм, которые Мюллер и Борман посылали в Москву, равно как и ответные радиogramмы, не опубликованы. Вероятно, здесь все еще есть что скрывать. Переговоры о сепаратном мире — вещь тонкая. Паннвиц же до 1955 года оставался в лубянской тюрьме, а затем был репатриирован в Западную Германию. Не исключено, что он успел спрятать копии (или подлинники) радиogramм где-то на Западе и пригрозил их передачей в руки западных союзников, если в СССР его расстреляют. Быть может, «Красная капелла» еще преподнесет нам свои сюрпризы.

«СМЕРШ» БЕЗ КАРНАВАЛЬНОЙ МАСКИ

В художественной литературе и документальных работах, вышедших из-под пера отставных чекистов, «Смерш» встает грозной и эффективной организацией, поставившей надежный заслон германским шпионам и диверсантам. Все мы хорошо помним роман Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого...», где бравые и благородные контрразведчики во главе с капитаном Алехиным ловко скручивают неприятельскую разведгруппу. А заодно эти душевные офицеры — настоящие профессионалы — помогают стать на правильный путь людям, случайно попавшим в сети германских спецслужб или невольно ставших пособниками врага. Начальник «Смерш» у Богомолова, хотя и не называется по имени (в 70-е годы оно было табуировано), но показан человеком смелым, решительным, не боящимся спорить с самим Сталиным и как будто не причастным ни к каким незаконным репрессиям.

«Момент истины» представляет «Смерш» организацией высокоэффективной, где работали классные профессионалы. А глава военной контрразведки генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов у Богомолова — человек, безусловно, симпатичный: «Дюжий, светловолосый, с открытым, чуть простоватым, очень русским лицом, он стоял прямо перед Сталиным и смело смотрел ему в глаза».

Но есть люди, у которых человек «с очень русским лицом» вызывает совсем иные ассоциации. Актриса Татьяна Окуневская вспоминает, как по личному приказу Абакумова ее бросили в камеру-холодильник — его собственное изобретение. Ощущения еще те! Их сполна испытал и сам Виктор Семенович, когда после ареста в 1951 году жаловался Берии и Маленкову, что его держат в камере-холодильнике. Это была настоящая холодильная камера без окон, но с трубопроводной установкой, постоянно нагне-

тавшей холод, как в каком-нибудь «Минске» или «Саратове»: «Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут», — лил крокодиловы слезы генерал-полковник. Ощущения, согласимся, разные. Одно дело, когда сам сажаешь, и совсем другое — когда тебя сажают.

Заместитель Министра внутренних дел И. А. Серов, у которого с Абакумовым возник острый конфликт, в письме Сталину от 8 февраля 1948 года рисовал весьма неприглядный образ бывшего главы «Смерша», ставшего к тому времени министром государственной безопасности: «Мне неприятно, товарищ Сталин, вспоминать многочисленные факты самоснабжения Абакумова, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, Абакумов не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы Абакумова из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «Абакумову».

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов... прилетел к начальнику управления контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, так как горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел... Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными»...

Пусть Абакумов откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

Замечу, по части «самоснабжения» Абакумов среди генералов его уровня не был оригинален. Тащили все, что попадется под руку, и тот же Серов, и маршал Жуков, член Военного Совета 1-го Белорусского фронта генерал К. Ф. Телегин, и командир 2-го гвардейского кавалерийского

корпуса генерал В. В. Крюков, и многие другие. Где уж тут было заботиться о сбережении солдатских жизней или ловить настоящих шпионов.

Нет, военная контрразведка работала совсем не так, как показано в талантливом романе Богомолова — гимне доблестным контрразведчикам. Чем на самом деле занимались «смершевцы», можно узнать из приказа № 0089, изданного наркомом обороны товарищем Сталиным 31 мая 1943 года. Незадолго перед этим, в апреле, органы военной контрразведки перешли в его ведение, став частью наркомата обороны, и Иосиф Виссарионович решил немного припугнуть новых подчиненных, чтобы не слишком увлекались самодеятельностью. Благо и повод хороший нашелся — письмо командующего действовавшей в Карелии 7-й Отдельной армии генерал-лейтенанта А. Н. Крутикова, поступившее в апреле. Алексей Николаевич, очевидно, не ладил со своим особым отделом. А тут как раз в конце апреля получил очередное звание. По всей вероятности, Крутиков решил, что Сталин к нему благоволит. И поскольку контрразведка теперь — часть наркомата обороны, значит, горячо любимому вождю сам бог велел навести порядок в этом хозяйстве.

Генерал не ошибся. Сталинский приказ обрушил суровые кары на горе-контрразведчиков:

«Проверка работы Особого отдела 7-й Отдельной армии вскрыла отдельные факты извращений и преступных ошибок в следственной работе Особого отдела 7-й Отдельной Армии.

Приказываю:

- За извращение в следственной работе заместителя начальника Особого отдела 7-й Отдельной армии, начальника следственной части подполковника Керзона и старшего следователя Ильяхина уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого совещания к 5 годам лагерей.

- За преступные ошибки в следственной работе следователей Седогина, Изотова и Соловьева уволить из органов контрразведки и направить их в штрафной батальон при Начальнике тыла Красной армии.

• Начальнику Особого отдела 7-й Отдельной Армии т. Добровольскому за отсутствие контроля за работой следственной части, в результате чего в следственной части имели место грубые ошибки и извращения, объявить выговор с предупреждением.

• Помощника прокурора армии майора юстиции Васильева за плохое осуществление прокурорского надзора за следствием в Особом отделе снять с работы с понижением в должности и звании и направить в распоряжение Главного военного прокурора Красной армии.

• Военному прокурору Армии полковнику юстиции Герасимову за самоустранение от надзора и за отсутствие контроля за работой своих помощников — объявить выговор с предупреждением».

Основанием для приказа стал доклад секретаря ЦК ВКП(б) и начальника ГлавПУРа А. С. Щербакова, по поручению Сталина проверявшего деятельность Особого отдела 7-й Отдельной армии. Картина вскрылась весьма неприглядная. 22 мая 1943 года Александр Сергеевич сообщал наркому обороны о том, что удалось установить:

«Военный Совет 7-й Отдельной армии взял под сомнение правильность обвинений Никулина и Шведова в шпионаже. По материалам следствия, проведенного Особым отделом Армии, дело рисовалось следующим образом:

Резидент немецкой разведки Никулин, снабженный немецкой разведкой оружием (пистолетом и гранатами), получил от немецкой разведки задание вести обширную шпионскую деятельность в Красной армии — вербовать шпионов, взрывать мосты, поджигать воинские склады, советские учреждения и т. д. Никулин имел в своем распоряжении агентов-связистов, которые, переходя линию фронта, передавали немцам шпионские сведения, собранные Никулиным. В числе других шпионов Никулин завербовал командира Красной армии младшего лейтенанта Шведова.

Проверка этого дела дала следующие результаты:

Никулин И. А., 1910 года рождения, служил в Красной армии в 1939 году, участвовал в боях с белофиннами, был ранен, после чего признан негодным к военной службе.

Никулин совершенно неграмотный (умеет только расписываться), работал до войны и во время войны плотником Тихвинской лесобиржи. Четыре брата Никулина служат в Красной армии. Во время оккупации Никулин полтора месяца проживал на территории, занятой немцами. Со Шведовым Никулин познакомился в то время, когда воинская часть, в которой состоял Шведов, располагалась по соседству, где проживал Никулин.

По материалам следствия, как агент-связист, завербованный Никулиным, проходит Иванова Екатерина, 15 лет. Три брата и сестра Ивановой служат в Красной армии.

Младший лейтенант Шведов после нескольких недель знакомства с Никулиным уехал вместе со своей частью на Волховский фронт, под Синявино, откуда и дезертировал. Шведов был задержан Особым Отделом 7-й Армии, ему первоначально было предъявлено обвинение в дезертирстве, а затем в шпионаже. Через некоторое время после ареста Шведов сознался в шпионской работе и показал, что в шпионы он был завербован Никулиным.

На допросе мне и товарищу Абакумову Шведов заявил, что, после того как следователь Ильейнен потребовал от него назвать сообщников, он, Шведов, назвал двух красноармейцев из взвода, которым он командовал. Но Ильейнен отклонил этих людей и потребовал назвать других лиц. После этого Шведов оговорил Никулина (поскольку часть Шведова только что прибыла на фронт, солдаты-новобранцы, ранее не воевавшие, на роль немецких резидентов никак не годились; другое дело — побывавший под оккупацией Никулин. — Б. С.).

Будучи арестованным, Никулин ни в чем себя виновным не признавал, после пребывания в карцере признал себя виновным в шпионаже.

Расследованием установлено, что объективных фактов для обвинения Никулина и Шведова в шпионаже нет. Так, например, неграмотному во всех отношениях Никулину, проживающему в глухой деревушке, немцами якобы были даны следующие задания:

“Я должен был собирать сведения:

- О расположении, количественном составе и вооружении пехотных, артиллерийских, минометных, автобронетанковых, саперных, инженерных, специальных и тыловых частей Красной армии.

- О дислокации штабов воинских частей и соединений.

- О расположении складов с боеприпасами, вооружением, взрывчатыми веществами, продовольствием, фуражом, горюче-смазочными материалами и другим военным имуществом.

- О расположении и составе оборонительных сооружений.

- О расположении аэродромов и количестве самолетов на них.

- О расположении средств ПВО.

- О состоянии дорог и интенсивности движения по ним.

- О строительстве новых дорог.

- О политико-моральном состоянии личного состава частей Красной армии и гражданского населения.

Наряду со сбором шпионских сведений офицер поручил мне совершать диверсионные акты, организовывать взрывы мостов, поджигать воинские склады и советские учреждения”.

Эта часть показаний Никулина была целиком и полностью написана старшим следователем Ильейнином, а едва умеющий расписываться Никулин подписал такой протокол допроса (резиденту полагалась бы радиостанция, но ее требовалось еще где-то найти, да и делать из неграмотного инвалида радиста “смершевцы” все-таки поостереглись. — Б. С.).

Особый отдел Армии имел полную возможность проверить деятельность “связиста” Ивановой Екатерины. Однако Иванова Екатерина не только не была арестована, но не была и допрошена, хотя для этого была полная возможность, так как она продолжала жить безвыездно в том же самом месте (все-таки следователь Ильейнин не был совсем уж бездушным человеком и не стал губить несовершеннолетнюю девушку, которую силой собственного вооб-

ражения произвел во вражеского агента-связника. — Б. С.). Расследованием установлено, что Иванова Екатерина заданый от Никулина по шпионажу не получала и линию фронта не переходила.

Особый отдел имел полную возможность выяснить, как попали к Никулину пистолет и гранаты. Расследованием, как попало к Никулину оружие, установлено: брат Екатерины Ивановой — мальчик 13 лет — однажды сказал Никулину, что у него имеются трофейные гранаты и пистолет (прямо как в хите “черного юмора”: “Вовочка в поле гранату нашел...” — Б. С.). Никулин отобрал оружие у мальчика Иванова, пистолет Никулин отдал Шведову за хлеб, а гранаты использовал для глушения и ловли рыбы. Работники Особого отдела вопрос о происхождении оружия могли бы легко выяснить, вызвав и опросив мальчика Иванова — брата Ивановой Екатерины. Этого также сделано не было. Так в результате недобросовестного отношения к следствию было создано обвинение Никулина и Шведова в шпионаже.

Шведова надо было арестовать и судить как дезертира. Никулин виноват в незаконном хранении и несдаче трофейного оружия, но фактов и материалов для обвинения его в шпионаже не было. Военный трибунал 7-й Отдельной армии отклонил обвинение в шпионаже.

Следственное дело Никулина и Шведова вел ст. следователь Особого отдела Ильяйнен, по национальности финн. Ильяйнен ранее работал в органах НКВД и был уволен.

Непосредственное руководство следствием и активное участие в нем принимал заместитель начальника Особого отдела 7-й Отдельной армии Керзон. Керзон с 1929 года по 1938 год работал в органах НКВД. В 1938 году он был арестован по подозрению в причастности к контрреволюционной организации. Затем был признан невиновным и с 1939 года вновь работает в органах НКВД.

Ильяйнен и Керзон являются виновными в недобросовестном ведении следствия в отношении Никулина и Шведова».

Далее Щербаков перечислил еще несколько случаев явно вздорных обвинений в шпионаже. Наиболее подробно он остановился на деле рядового Ефимова: «Красноармеец Ефимов 29 ноября 1942 года был вызван следователем Особого отдела на допрос в качестве свидетеля. На допросе Ефимов рассказал следователю Особого отдела, что он, Ефимов, в 1941 году был в плену у немцев и оттуда бежал. Это вызвало подозрение и, по существу, явилось основанием для его задержания. 30 ноября Ефимов на допросе признался в шпионской деятельности.

Анализ следственных материалов показал, что следствие по делу Ефимова проведено крайне поверхностно и недобросовестно. Все обвинения построены только на признании самого подсудимого. Причем все эти признания пестрят противоречиями и неправдоподобностями.

Особый отдел имел полную возможность проверить личность Ефимова и собрать о нем более глубокий материал. Однако этого сделано не было. Единственным объективным доказательством виновности Ефимова является его сдача, будучи в окружении, в плен в сентябре месяце 1941 года и пребывание на территории, оккупированной немцами. После возвращения Ефимова из плена и освобождения Красной армией территории, на которой проживал Ефимов (Торопецкий район), он вновь после проверки его в лагерях НКВД был призван в ряды Красной армии, где и служил в течение 8 месяцев.

В результате категорического отказа Ефимова на заседании Военного трибунала 30 апреля 1943 года от своих показаний и отсутствия в деле каких-либо других материалов, свидетельствующих о его виновности, Ефимов был оправдан.

Для проверки поведения Ефимова в период проживания его на оккупированной территории, впоследствии освобожденной Красной армией, в Торопецкий район Калининской области были командированы старший инспектор Главного Политического Управления РККА полковник т. Долин и старший следователь Главного управления контрразведки майор т. Коваленко. Проверкой на месте (опрошены

ряд лиц, знающих Ефимова) ими установлено, что Ефимов в конце декабря 1941 года явился из немецкого плена (вероятно, был отпущен домой как местный уроженец. — Б. С.), жил все время у отца, из деревни никуда не отлучался, за время пребывания немцев в этом районе связи и общения с ними не имел, антисоветской агитации не вел и никого из советских активистов не предавал. Между тем по материалам следствия дело рисовалось таким образом, что Ефимов, проживая в Торопецком районе, якобы был близко связан с немцами, пьянствовал с ними в ресторане (интересно, куда фантазия контрразведчиков поместила этот ресторан? Неужели в глухую калининскую деревню, оставшуюся к тому же в прифронтной полосе? — Б. С.), выдал немцам жену политрука Никифорову Марию и вел среди населения антисоветскую агитацию.

Виновными в создании бездоказательного обвинения Ефимова в шпионаже является старший следователь Особого отдела армии капитан Седогин и начальник следственной части, он же заместитель начальника Особого отдела армии подполковник Керзон».

Тут Щербаков говорит о самом страшном — о тех, кто был виноват ничуть не больше Шведова, Никулина или Ефимова, но кого уже успели расстрелять: «После дела Никулина, Шведова и дела Ефимова Военный Трибунал 7-й армии и его председатель т. Севостьянов стали выражать сомнение в правильности проведения следствия в отношении ряда людей, которые уже прошли через трибунал и осуждены трибуналом за шпионаж. Так, Военный Трибунал стал выражать сомнение в правильности следственных материалов по обвинению в шпионаже Пышнова и Лялина, Масленникова и Никитина, Стафеева. Провести надлежащее расследование по этим делам не представляется возможным, так как осужденные (кроме Лялина) расстреляны».

Дальше перечислялись дела более удачливых «шпионов» и «антисоветчиков», которых не успели вывести в расход. Тут был и красноармеец Яковлев, которому сданную в Особый отдел финскую листовку следователь капитан Изотов записал как изъятую при обыске. На суде подлог выяс-

нился, и трибунал Яковлева оправдал. Также был оправдан красноармеец Гусев, поскольку его высказывания трибунал счел «нездоровыми, политически неправильными, граничащими с антисоветскими», но все-таки не антисоветскими. Интересно, как судьи проводили эту грань? А вот лейтенант Григорьян, имевший несчастье в первые дни войны 5 часов пробыть в немецком плену и потом раненый при побеге 15 месяцев спустя был арестован по обвинению в добровольной сдаче в плен и «диверсионных намерениях». И это несмотря на то, что Григорьян был вторично ранен в битве за Москву и, по утверждению командования, являлся «волевым и смелым командиром».

Гвардии старшина стрелок-радист Федорцев, награжденный орденом Красного Знамени еще за финскую кампанию, а за Великую Отечественную имевший на своем счету 128 боевых вылетов и орден Красной Звезды, попал в Особый отдел по обвинению в антисоветской агитации. Но трибунальцы над ним сжалились. Вроде бы и рассказывал старшина товарищам «содержание прослушанной им по радио фашистско-белогвардейской передачи», но, учитывая «боевую работу» Федорцева, дело прекратили.

Щербаков констатировал, что аресты без достаточных на то оснований вошли у «особистов» в систему: «По 4-му стрелковому корпусу за второе полугодие 1942 года было арестовано 215 человек за контрреволюционные преступления. 43 человека, или 20 процентов из числа арестованных, были освобождены за недоказанностью обвинений... Начальник Особого отдела 272 стрелковой дивизии майор Божичко на одном из совещаний заявил, что ничего плохого в этих арестах и вызовах свидетелей не видит, так как вызов красноармейцев в Особый отдел является своего рода политической работой». Хорошенькое «политическое просвещение», когда у вызываемых «на беседу» поджилки тряслись!

В докладе Щербакова было показано, с помощью каких методов фабриковались дела о шпионаже: «...Особые отделы в качестве камерной агентуры использовали лиц, уже осужденных за шпионаж к ВМН (высшей мере наказа-

ния. — Б. С.). Так, по делу красноармейца Горячева, обвинявшегося в проведении антисоветской агитации, после того как следствием не было собрано достаточных материалов для обвинения, в качестве свидетеля был приглашен осужденный 29 января 1943 года к расстрелу шпион Желудков. Этот Желудков 8 февраля 1943 года на допросе показал, что Горячев, находясь с ним вместе в камере, проводит антисоветскую агитацию. Характерно при этом, что следователь Особого отдела 4-го района авиабазирования Виноградов в протоколе допроса записал о Желудкове, что он "со слов не судим", т. е. Виноградов совершил явный подлог.

В деле Масленникова, осужденного за шпионаж, в качестве камерного свидетеля был привлечен шпион Карнышев, приговоренный к ВМН.

О том, что такого рода камерные свидетели использовались и в других делах, свидетельствует такой факт. 2 февраля 1942 года Военный Трибунал 114 стрелковой дивизии за подготовку группового перехода на сторону врага осудил к ВМН красноармейцев Кучерявого и Гушеля. Над красноармейцами, которые проходили по этому же делу, приговор был приведен в исполнение через два дня — 4 февраля, а в отношении Кучерявого и Гушеля приговор не приводится в исполнение несколько месяцев. И когда в начале мая 1942 года Военный совет армии стал интересоваться, почему над этими лицами приговор не приводится в исполнение, начальник Особого отдела Армии полковник Добровольский возбудил ходатайство перед Военным советом армии о замене им ВМН лишением свободы за разоблачение ими других лиц.

В практике работы Особого отдела армии имели место факты, когда подсудимых перед отправлением на судебное заседание вызывали в следственную часть для дачи указаний, чтобы они показывали на суде то, что показывали на следствии в Особом отделе. Это подтвердил старший следователь Особого отдела Ильейнен, который признал, что по приказу Керзона подсудимых перед судом вызывали в следственную часть и там инструктировали, как вес-

ти себя на суде. Подполковник Керзон сначала отрицал эти факты, затем заявил, что, может быть, такие факты и были, но он об этом не был осведомлен, а потом признал, что вызов подсудимых в следственную часть проводился, но якобы с целью инструктажа конвоя, хотя известно, что инструктаж конвоя проводит начальник камеры предварительного заключения.

В практике работы Особого отдела имели место факты назойливого и ненужного присутствия следователей Особого отдела армии на судебном заседании. Приведенный в донесении командующего 7 Отдельной армией генерал-майора Крутикова факт удаления старшего следователя Ильяхина из суда при слушании дела Шведова и Никулина и посылки после этого писаря следственной части Карначева на суд в качестве конвоира соответствует действительности. Сделано это было по приказу заместителя начальника Особого отдела армии подполковника Керзона.

Факт угощения папиросами подсудимых в перерывах судебного заседания подполковник Керзон отрицает. Старший следователь Особого отдела Некрашевич заявил, что один раз он угощал подсудимых папиросами. Секретарь Военного трибунала Зайцев утверждает, что делал это систематически старший следователь Некрашевич и дважды — подполковник Керзон».

Общий вывод, к которому пришел Щербаков в своем докладе, сводился к следующему: «Донесение на ваше (Сталина. — Б. С.) имя командующего 7-й Отдельной армией генерал-майора Крутикова в части, касающейся конкретных фактов извращений в работе Особого отдела армии, в основном правильно. Что касается обобщений, имеющих в донесении, то они являются неправильными.

Проверка показала, что по ряду шпионских дел обвинения были построены только на признаниях самих подсудимых. Однако сделанное в донесении командующего обобщение о том, что общей чертой большинства шпионских дел являлось полное отсутствие объективных доказательств и что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены на признании самих подсудимых, яв-

ляется неправильным. Особый отдел 7-й Отдельной армии в общем проделал значительную работу по разоблачению немецкой и финской агентуры, и утверждать, что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены только на признании самих подсудимых, неправильно.

Обобщение, сделанное в донесении командарма 7-й Отдельной армии о том, что органы следствия не принимают мер к розыску и аресту резидентов иностранных разведок, неточно. Так, из 30 агентов и резидентов, прошедших по показаниям подсудимых за 1942–1943 годы — 5 разыскано и осуждено к ВМН».

Интересно, сколько среди них было таких, как Никулин?

Признав, что «Смерш» будто бы ловил и настоящих шпионов, Щербаков вывел из-под удара как начальника контрразведки 7-й Отдельной армии, так и самого Абакумова, вместе с которым проводил проверку. Основную вину свалили на Керзона и Ильейнена: «...Установлено, что если ошибки в работе таких людей, как Седогин, Изотов, Соловьев, Николаев (убит) могли явиться результатом неопытности и являются действительно следственными ошибками, то ошибки в работе Керзона и Ильейнена являются извращениями, продиктованными карьеристическими соображениями. В этом особенно убедило меня нечестное поведение Керзона. По делу Никулина и Шведова Керзон заявил мне, что его “подвел следователь”, что Никулина он допрашивал много раз. Керзон вначале говорил, что обвиняемых для инструктажа в следственную часть не вызывали, потом сказал, что вызывали, но что это делали следователи без его ведома и т. д. Таким образом, Керзон врет и запирается в мелочах, а после этого трудно ему верить и в более серьезных делах.

Начальник Особого отдела 7-й Отдельной армии полковник Добровольский плохо контролировал следствие и слишком многое передоверил Керзону.

Следует отметить, что при расследовании материалов Военного совета армии, некоторые работники Особых отделов или отрицали уже установленные факты, или их всячески смягчали и смазывали остроту, придерживаясь

принципа “не выносить сор из избы”. Даже начальник Особого отдела т. Добровольский заявил: “И зачем надо было беспокоить товарища Сталина, сказали бы мне, все бы на месте исправили и устранили”.

Надо отметить еще один принципиальный недостаток в работе карательных органов 7-й Отдельной армии — это фактически отсутствие прокурорского надзора за следствием со стороны военного прокурора полковника юстиции Герасимова и его помощника майора юстиции Васильева. Герасимов самоустранился от надзора, свалив эту деятельность на своего помощника Васильева. Васильев же, а также прокуроры соединений в значительной мере штамповали обвинительные заключения, не входя в суть вопроса.

В работе Военных трибуналов имела место перестраховка, боязнь взять на себя всю полноту ответственности (за оправдание лиц, подозреваемых в шпионаже и других контрреволюционных преступлениях. — Б. С.) при рассмотрении дел. Доказательством этого является большое количество неутвержденных приговоров Военных трибуналов командирами соединений, Военным Советом и Военной Коллегией. Так, за 1942–1943 годы из 1529 приговоров к ВМН 577 приговоров, или 37 процентов ВМН, заменены лишением свободы. Во многих случаях эти изменения явились результатом фактического помилования осужденных, но в ряде случаев эти изменения явились результатом несогласия по существу дела. Среди работников Особых отделов (ныне “Смерш”) много неопытных, малограмотных людей. Этот недостаток следует поправить переводом нескольких тысяч политработников в органы контрразведки».

В заключение Щербаков предложил проект приказа, который Сталин и издал от своего имени, предварительно внося в текст некоторые коррективы. Так, Керзона и Иль-яйнена — носителей «государственных секретов» — отправили не в штрафной батальон, как предлагал начальник ГлавПУРА, а в ГУЛАГ.

Бросается в глаза, что за безобразия, творившиеся в Особых отделах 7-й Отдельной армии, были наказаны только люди, занимавшие второстепенные должности, в сущ-

ности стрелочники. Главные начальники, Добровольский и Герасимов, отделались, в сущности, легким испугом. Председатель же трибунала армии Севостьянов, послушно проштамповавший сотни сомнительных приговоров, в тексте приказа и вовсе не упоминался. А ведь он вынес оправдательный приговор красноармейцу Ефимову и выразил сомнение в доказанности обвинений по нескольким ранее рассмотренным шпионским делам только после того, как командующий армией генерал Крутиков направил донесение Сталину о беспорядках в работе Особых отделов. В противном случае Севостьянов продолжал бы вместе с Особым отделом обрекать на смерть невинных людей.

Но Сталина судебные инстанции и правовые нормы вообще волновали мало. Неслучайно в приказе от 31 мая 1943 года приговор Керзону и Ильяхину был предрешен. Особому совещанию прямо предписывалось осудить их на 5 лет лагерей еще до всякого рассмотрения дела. Главными виновниками происшедшего Сталин и Щербаков решили сделать людей с иностранными фамилиями (может, подозревали подполковника Керзона в родстве со знаменитым лордом Керзоном?).

Это не было случайностью. Именно в годы Великой Отечественной войны, а особенно после Сталинградской победы, закладывались основы будущей кампании по борьбе с «космополитизмом». Тот же Щербаков еще 17 августа 1942 года получил записку начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, где выражалось беспокойство по поводу того, что «в управлениях Комитета по делам искусств во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)... В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры, руководящий состав целиком нерусский... Такая же картина и в Московской государственной консерватории, где директор — Гольденвейзер, а его заместитель — Столяров (еврей). Все основные кафедры консерватории возглавляют евреи... Неслучайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народ-

ной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своем репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов». Георгий Федорович предлагал «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства». В рамках этого обновления 19 ноября, в день начала советского контрнаступления под Сталинградом, было заменено руководство Московской консерватории. «Космополита» Гольденвейзера сменил «славянин» Шебалин. А 24 октября на имя Щербакова поступило предложение председателя Комитета по делам кинематографии И. Г. Большакова не утверждать на роль «русской княгини Ефросиньи» в фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» актрису Фаину Раневскую, поскольку «семитские черты у Раневской особенно ярко выступают, особенно на крупных планах». И ведь не утвердили! Правда, по иронии судьбы заменили Раневскую на актрису, также не отличавшуюся «расовой чистотой» — Серафиму Бирман. В июле 1943 года поста главного редактора «Красной Звезды» лишился Д. И. Ортенберг, которому несколькими месяцами раньше Щербаков выговаривал за то, что в редакции «слишком много евреев», и потребовал их число немедленно сократить. Давида Иосифовича не спасла даже дружба с Мехлисом.

Неудивительно, что из Керзона и Ильяинена сделали «козлов отпущения». Это вполне вписывалось в рамки одобренной Сталиным политики.

В приказе Сталина ничего не говорилось о конкретных методах ведения следствия, практиковавшихся «Смершем». Он и Щербаков прекрасно знали, что иными методами люди Абакумова работать просто не умеют. Начальник ГлавПУРа также прекрасно понимал, что на самом деле в своих обобщениях командарм Крутиков совершенно прав, но твердо придерживался старого партийного принципа — нельзя обобщать «нетипичные явления», а проще говоря, те, которые шли в разрез с марксистско-ленинской

теорией и взглядами Сталина. Если признать, что органы контрразведки 7-й армии с начала войны так и не поймали ни одного шпиона, придется или ликвидировать, или коренным образом менять всю систему органов контрразведки, которая сама — плоть от плоти и кровь от крови НКВД и советской партийно-государственной системы. А покушения на устои ни Александр Сергеевич, ни Иосиф Виссарионович допустить не могли. Напротив, Абакумов, практически с самого начала войны руководивший столь бесславной работой Особых отделов, на некоторое время стал одним из сталинских фаворитов и после войны возглавил Министерство государственной безопасности.

Если внимательно проанализировать доклад Щербакова, неизбежно приходишь к выводу: генерал Крутиков был прав в своем выводе, что подавляющее большинство дел о шпионаже было фальсифицировано Особыми отделами армии. Если хотя бы по некоторым из этих дел имелись объективные доказательства вины осужденных, а не только их собственные признания, начальник ГлавПУРа не преминул бы привести их в своем докладе. Что могло служить доказательством шпионской и диверсионной деятельности? Это прежде всего радиостанции, шифровальные блокноты, записи, содержащие разведывательную информацию, а также взрывчатка. Хотя, как это было в случае с Никулиным, взрывчатка могла предназначаться для глушения рыбы, а не для подрыва мостов. Между прочим, сын Сталина Василий незадолго до того, как появился приказ о безобразиях в Особых Отделах 7-й Отдельной армии, сам пострадал при браконьерском промысле, будучи 4 апреля 1943 года ранен осколками разорвавшегося раньше времени снаряда РС.

Неслучайно Керзон и Ильяйнен так ухватились за найденный у Шведова трофейный пистолет — появилась возможность хоть таким образом связать его и Никулина с немецкой разведкой. На худой конец, неприятельские разведгруппы могут быть задержаны при попытке перейти линию фронта. Но и подобных эпизодов в докладе Щербакова нет. Очевидно, подавляющее большинство шпион-

ских дел в 7-й армии фабриковали точно так же, как и дела Шведова, Никулина, Ефимова и Масленникова. Только проверить обоснованность обвинений уже не было возможности: подсудимых успели расстрелять.

Метод, когда приговоренных к смерти подсаживали в качестве «наседок» к подсудственным, от которых нужно было получить признательные показания, безусловно, не является изобретением особистов 7-й Отдельной армии и даже НКВД в целом. Он стар как мир. Если кто смотрел гениальный фильм венгерского режиссера Миклоша Янчо «Разбойники» (в советском прокате — «Без надежды»), то наверняка запомнил его сюжет. Действие происходит вскоре после подавления венгерской революции 1848–1849 годов. Полицейский комиссар изобличает убийцу четверых и засылает его в лагерь, где содержатся люди, подозреваемые в уголовных и политических преступлениях. Убийце обещано помилование, если он найдет хотя бы одного преступника, который погубил больше четырех человек. Ясно, что тот, кто осужден к смерти, готов будет оговорить любого, надеясь, что «вышку» ему заменят тюрьмой.

Подобный метод может применяться только при тоталитарных и диктаторских режимах, когда отсутствует независимая судебная система. И во время чисток 1937–38 годов широко практиковался оговор одними подсудственными, которые уже признались в расстрельных преступлениях, других, которые еще находились на свободе или, будучи арестованными, отказывались признать свою вину. Нередко осужденных к смертной казни подсаживали в камеры к арестованным, чтобы спровоцировать последних на сотрудничество со следствием. Наверняка такие методы в войну использовали чекисты не одной только 7-й армии, но и остальных армий и фронтов. Люди там были в основном одни и те же — из низовой прослойки участников «большого террора».

В 43-м году следователи Особого отдела перед заседанием Военного Трибунала внушали своим подсудственным, что они ни в коем случае не должны отказываться от ранее данных показаний, а то хуже будет. А потом следи-

ли в зале суда за их поведением. Точно так же в 37-м году следователи по делу Тухачевского беседовали со своими клиентами перед заседанием Специального Судебного присутствия, а затем сидели вместе с подсудимыми в зале суда. И угощение папиросами — старый прием. Для одного из ближайших друзей Тухачевского, Бориса Мироновича Фельдмана, следователь З. М. Ушаков не только папирос, а и свежих яблок не пожалел, лишь бы тот не отказался от оговора себя и своих товарищей.

Кто-то может возразить, что так плохо обстояло дело только в Особых отделах 7-й Отдельной армии, а на других фронтах смершевцы были на высоте. Однако объективных данных для такого вывода нет. Почему вдруг именно в Карелии должны были собраться сплошь самые худшие кадры следователей и оперуполномоченных? Не могли же их туда специально отбирать по этому принципу. Единственное серьезное отличие было в том, что на участке 7-й Отдельной армии (а ее командующий обладал правами командующего фронта) активных боевых действий с конца 41-го года не велось. Поэтому здесь можно было в сравнительно спокойной обстановке организовать более или менее тщательную объективную проверку работы Особых отделов. На других фронтах почти непрерывно шли бои, линия фронта постоянно менялась, поэтому уследить за особистами, а тем более организовать комплексную проверку следственных дел было гораздо труднее. Но нет оснований думать, что в Особых отделах Воронежского или Западного фронтов, в Отдельной Приморской армии или на Ленинградском фронте было меньше туфты, чем в 7-й Отдельной армии.

Может быть, именно эта армия попала в приказ наркома обороны, потому что ее командующий оказался одним из немногих генералов, рискнувших открыто протестовать против произвола всемогущего «Смерш». Алексей Николаевич Крутиков был человеком весьма образованным. Еще до войны он успел окончить командные курсы «Выстрел», Военную академию имени Фрунзе и Академию Генерального штаба. Крутикова его бывший началь-

ник маршал Мерецков назвал «до мозга костей военным человеком», который «доказал на деле, что ему по плечу не только штабные, но и крупные командные должности». А С. М. Штеменко в связи с приходом Алексея Николаевича в сентябре 44-го на должность начальника штаба Карельского фронта охарактеризовал его как человека «энергичного и лучше подготовленного во всех отношениях», чем ранее занимавший этот пост генерал Б. А. Пигаревич. Командовавший же фронтом Мерецков отметил умелую постановку Крутиковым штабной работы.

Добавлю, что на карьере и судьбе Крутикова конфликт со «Смершем» никак не отразился. Он закончил Вторую мировую войну начальником штаба 1-го Дальневосточного фронта, удостоился ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова 1-й степени и ордена Красной Звезды. Алексей Николаевич тихо скончался в 1949 году в возрасте 54 лет, работая в центральном аппарате Министерства Вооруженных сил. Абакумов отнюдь не был так всемогущ, как многие думали.

Создается впечатление, что у органов контрразведки существовала своего рода разнарядка, сколько шпионов, диверсантов, дезертиров и лиц, виновных в антисоветской агитации они должны были поймать за месяц и за квартал. Вот и расстреливали, направляли в лагеря или в штрафные батальоны тех, кто под руку попадет, в первую очередь из числа проживавших на оккупированной территории или побывавших в плену. Арестованных всеми средствами заставляли признаться в подлинных или мнимых преступлениях, чтобы потом проштамповать в трибунале обвинительный приговор и не утруждать себя другими доказательствами. Средства же были старые, проверенные: холодный карцер и избиение кулаками и резиновыми дубинками. Впрочем, в полевых условиях использовали и простые палки.

Из доклада Щербакова можно заключить, что только за 1942 год и первый квартал 1943 года по приговорам Военных Трибуналов 7-й Отдельной армии было расстреляно 952 человека. Всего же, по данным известного военного

историка генерала Д. А. Волкогонова, в годы Великой Отечественной войны в Красной армии было приведено в исполнение около 300 тысяч смертных приговоров. Страшно подумать, сколько среди них было ни в чем не повинных людей.

Помимо ловли шпионов и дезертиров, Особым отделам много сил приходилось отдавать выявлению случаев «антисоветской агитации». Очевидно, по этому пункту контрреволюционных преступлений тоже существовал свой план. Всего за войну Военными Трибуналами было осуждено около 2,5 миллионов военнослужащих, в том числе 472 тысячи — за контрреволюционные преступления, включая шпионаж. Четверть контрреволюционных преступлений — более 117 тысяч — пришлось на антисоветскую агитацию. На борьбу с разговорами отвлекались люди и средства, которым лучше было бы ловить агентов Гелена и Шелленберга.

Антисоветские разговоры — материя тонкая. От оперуполномоченного и следователя зависит, какое высказывание счесть антисоветским, а какое — нет. Поди отличи «нездоровые, политически неправильные, иногда граничащие с антисоветскими высказывания» от просто «антисоветских». В первом случае только пожурят, а во втором как минимум отправят в штрафбат. При желании и ругань в адрес начальства, не приславшего вовремя боеприпасы, можно счесть «антисоветчиной». А иногда и пересказ неприятельской радиопропаганды с рук сойдет.

Многое в делах об антисоветской агитации и шпионаже определялось позицией командира. Часто ему удавалось отстоять своих подчиненных от особистов или не утвердить вынесенный трибуналом приговор. А иногда, наоборот, тех, кто был неугоден, командиры своей властью или приговором трибунала отправляли в штрафные роты или даже под «вышку» подводили. Настоящих шпионов среди осужденных трибуналами по обвинению в шпионаже было меньшинство.

Даже осторожный Щербаков вынужден был признать, что в Особых отделах немало «малограмотных, неопыт-

ных людей». Вернее было бы сказать, что опыт у Керзона, Ильяйнена и их коллег был, но весьма специфический. Это опыт фабрикации политических дел при Ягоде и Ежове, когда требовалось придумать сценарий заговора, а потом всеми средствами выбить из подсудимых нужные показания. Начальник ГлавПУРа предлагал направить на укрепление «Смерш» несколько тысяч политработников, рассчитывая, может быть, благодаря этому обрести какое-то влияние на органы контрразведки. Однако вчерашние партийные активисты, ставшие политработниками, никакого опыта оперативно-следственной работы не имели, а страсть к показухе испытывали ничуть не меньшую, чем ветераны карательного ведомства.

Вероятно, оптимальным решением было бы направить в органы контрразведки тех сотрудников НКВД и прокуратуры, которые занимались прежде преимущественно борьбой с уголовной преступностью. Здесь фальсификаций все же было поменьше, чем в области борьбы с «контрреволюционными преступлениями». Но ни Сталин, ни Абакумов не могли столь явно выразить неверие в компетентность «бойцов невидимого фронта», уже дважды основательно почищенных Ежовым и Берией. В конце концов главной функцией «Смерш» был надзор за командирами и политработниками и выявление неблагонадежных в красноармейской среде. Поэтому в области собственно контрразведки все осталось по-прежнему. Ведомство Абакумова чаще несло смерть не настоящим шпионам, а ни в чем не повинным бойцам и командирам Красной армии.

Точнее, чем в созданном в духе социалистического реализма романе Богомолова, суть деятельности «Смерш» передана в постмодернистском романе «Норма» Владимира Сорокина, написанном в 1979 году. Там люди Абакумова действуют в двух метафорических микроновеллах «Искупление» и «В память о встрече», основанных на популярных песнях сталинской эпохи. Вот что можно прочесть в «Искуплении»:

«— С нами рядом бежал человек, — задумчиво проговорил капитан СМЕРШа, снимая португепю с уставших

плеч. — Нам казалось: отстанет — могила. Он, понимаешь, упал у траншеи на снег. Малодушие его повалило.

Лейтенант СМЕРШа понимающе кивнул, поставил котелок на прокопченную, монотонно гудящую печку:

— Как же. Помню. Помню, как он перед строем смотрел в тишину. Каждый думал: он должен в сражении искупить своей кровью вину перед павшим вторым отделением...

Капитан помешал ложкой в дымящемся вареве, выловил белое разварившееся ухо, устало посмотрел на него. Разбухшую мочку пересекал лиловый шрам.

— А это откуда него? — спросил он у лейтенанта.

— Да это под Брестом его царапнуло. В страшном шквале огня, в рыжем облаке пыли, — с готовностью ответил лейтенант.

— Понятно.

Капитан долго дул на ухо. Потом отправил его в рот и принялся жевать — тщательно и сильно».

Во второй новелле перед нами предстает столь же веселенькая картина: «Сережа одел шинель и повернулся к Лиде:

— Слушай, подари мне на прощанье пару милых пустьков. Папирос хороших, чайник, томик пушкинских стихов... Жизнь армейца не балует, что ты там ни говори... Только ты знаешь, я б хотел и поцелуи захватить, как сухари...

Лейтенант СМЕРШа Горностаев, лично расстрелявший рядового Сергея Ивашова по приговору военного трибунала за распространение пораженческих слухов, лично же и распределял его вещи.

Жестяной чайник достался сержанту Сапунову, запасные сапоги — старшине Черемных, флягу со спиртом лейтенант отдал майору Крупенко.

Вечером, когда усталые офицеры СМЕРШа пили чай в землянке, Горностаев вспомнил про оставшиеся ивашовские сухари, достал мешочек и потряс над грубым столом.

Сухари вперемешку с поцелуями посыпались на свежеструганные доски.

— Что это такое? — Крупенко взял поцелуй.

— А черт его знает, товарищ майор, — пожал плечами Горностаев...

Капитан Воронцов откусил:

— Жвачка, наверно. Американцы, наверно.

— Та ну ее к бису эту живачку! Поотравимсь еще... — Крупенко выбрал поцелуи из сухарей, протянул лейтенанту Огурееву:

— Ну-ка, Сашок, кинь у печурку...

Огуреев отворил дверцу печки и швырнул поцелуи в огонь. Затрещало, запахло чем-то приторным...».

Образно выражаясь, «смершевцы» поедом ели армию, за что их искренне ненавидели красноармейцы и командиры боевых частей. Людоедские и мародерские манеры были среди контрразведчиков в порядке вещей. «Смершевцы» творили постмодернистский мир задолго до появления термина «постмодернизм». В этом мире дезертиры по мановению пера превращались в шпионов, браконьеры, глушившие рыбу, — в диверсантов, а сказавшие спьяну лишнего — в злостных агитаторов-антисоветчиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На профессиональном языке контрразведчиков радистов называют «пианистами». Отсюда сеть радиопередатчиков объединяется в «оркестр» («капеллу»).

² Вскоре Штумме и Франц были помилованы и возвращены на службу в прежних званиях. 20 сентября 1942 года Георг Штумме сменил заболевшего Роммеля на посту командующего танковой армией «Африка». Он умер от сердечного приступа 24 октября, в самом начале сражения у Эль-Аламейна.

³ До 20 августа 1942 года Германская Восточная армия потеряла пропавшими без вести 69 510 человек. Но далеко не все они оказались в плену. По советским данным, до 19 ноября 1942 года неприятельских пленных было всего около 20 тысяч человек, и значительную часть их составляли не немцы, а румыны.

⁴ 70-й моторизованной дивизии в вермахте никогда не было. 18-я моторизованная дивизия реально существовала, но действовала в составе группы армий «Север». 5-я легкопехотная (егерская) дивизия находилась в составе группы армий «Центр». 99-я легкопехотной дивизии весной и летом 1942 года уже не существовало, так как еще в ноябре 1941 года она была переформирована в 7-ю горнострелковую дивизию, с февраля 1942 года дислоцировавшуюся в Норвегии и Финляндии. 7-я танковая дивизия с июня 1942 года находилась на Западе и на Восточный фронт вернулась только в январе 43-го. 35-я, 95-я, 211-я и 216-я пехотные дивизии действовали в составе группы армий «Центр». Полк СС из датских и норвежских добровольцев еще в апреле 1941 года вместе с другими частями был развернут в дивизию СС «Викинг». 15-я пехотная дивизия с июня 1942 года находилась на Западе, а 22-я пехотная с августа 1942 года — в Греции. 24-я пехотная дивизия бессленно действовала в группе армий «Север», 28-я пехотная дивизия еще в январе 1942 года была преобразована в 28-ю легкопехотную дивизию. 132-я и 170-я пехотные дивизии действовали в составе группы армий «Север». 164-я пехот-

ная дивизия была расформирована еще в начале 1942 года. Два ее полка были в августе переброшены в Северную Африку и стали основой 164-й легкой африканской дивизией. 221-я пехотная дивизия еще в апреле 1941 года была переформирована в 221-ю охранную дивизию. 257-я пехотная дивизия в августе 1942 года находилась на Западе. 262-я пехотная дивизия действовала в группе армий «Центр». 312 пехотной дивизии в вермахте никогда не существовало.

⁵ 25-я танковая дивизия в тот момент находилась в Норвегии и на Восточный фронт не перебрасывалась вплоть до ноября 1943 года. 27-я танковая дивизия размещалась в Германии. 9-я танковая дивизия входила в группу армий «Центр». 12-й и 26-й моторизованных дивизий и 103-й легкопехотной дивизии в германской армии вообще не существовало.

⁶ К концу 1941 года люфтваффе располагали только 3306 боевыми самолетами. В этом году авиапромышленность Германии выпускала в среднем не более 3 пикировщиков за 2 дня. Общие потери германских ВВС на всех фронтах за период с июня 1941 года по июнь 1942 года составили в среднем 12 самолетов в день. Никакой переброски авиации в декабре 41-го на Восточный фронт из бассейна Средиземного моря не производилось. Наоборот, штаб и часть сил 4-го воздушного флота, поддерживавшего группу армий «Юг», во главе с фельдмаршалом Кессельрингом была переброшена в Средиземноморье.

⁷ Me-109E развивал скорость в 550 км/час и был вооружен двумя 20-мм пушками и двумя 7,9-мм пулеметами. Но этот самолет появился еще в 1939 году и не составлял секрета для советской стороны. Что же касается его модификации Me-109F, выпущенной в 1941 году, то его максимальная скорость не превышала 580 км/час, а вооружение состояло из одной 15-мм пушка и двух 13-мм пулеметов, располагавшихся не на крыльях, а в развале блока цилиндров (пушка) и над двигателем (снабженные синхронизатором для стрельбы через винт пулеметы).

⁸ В группе армий «Центр» ударная группировка к 30 июня 1943 года располагала всего 746 танками и 280 штурмовыми орудиями. В группе армий «Юг» танков было побольше — 1493, а штурмовых орудий поменьше — 253. Южная группировка имела 253 штурмовых орудий, а северная — 253. Но на юге две танко-

вые дивизии — 23-я и «Викинг», располагавшие 117 танками и 6 штурмовыми орудиями, не участвовали в наступлении на Курск, оставаясь в составе резервного 24-го танкового корпуса.

⁹ 19-я, 6-я и 7-я в составе 3-го танкового корпуса, «Рейх», «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» в составе 2-го танкового корпуса СС и 11-я, 3-я и дивизия «Великая Германия» в составе 48-го танкового корпуса.

¹⁰ В докладе приводились конкретные примеры безграмотных действий артиллеристов: «В проведенных операциях наша артиллерия, несмотря на сосредоточение ее в больших количествах и превосходство над артиллерией противника, как в период артподготовки, так и в процессе боя не могла подавить огневую систему противника. Зачастую артиллерия вела огонь по пустому месту, не выполняла заявок пехоты, теряла с ней взаимодействие, иногда вела огонь даже по своей пехоте. Пехота шла в атаку на неподдавленную огневую систему противника, несла громадные потери и не продвигалась вперед... В операции 33 армии 23 декабря 1943 года на наблюдательных пунктах некоторых артполков были не офицеры, а рядовые бойцы. Не везде были наблюдатели в первом эшелоне пехоты. В результате этого 194 стрелковая дивизия была обстреляна своей артиллерией. В этой же армии дело доходило до того, что орудия прямой наводки вели огонь по своей пехоте...»

¹¹ С января по май 1943 года эта дивизия находилась на Западе, с июня по октябрь — на Балканах и только в ноябре прибыла на Восточный фронт, но в группу армий «Юг», а не «Центр».

¹² 104-й пехотной дивизии в вермахте вообще не было, а 104-я егерская дивизия находилась на Балканах; 179 и 236-й пехотных дивизий в природе не существовало; 239-я пехотная дивизия была расформирована еще в январе 1942 года; 96-я пехотная дивизия действовала в 1943 году сначала в составе группы армий «Север», а затем в составе группы армий «Юг», переименованной в апреле 1944 года в группу армий «Северная Украина», и к группе армий «Центр», противостоявшей Западному фронту, не имела никакого отношения. Таким образом, вся Спас-Деменская группировка немцев, по донесениям фронтовой разведки, состояла сплошь из виртуальных дивизий.

¹³ Германская разведка на 1 апреля 1943 года оценивала силы Красной армии на фронте в 408 стрелковых дивизий и в 143 танковых дивизии (танковых и механизированных корпусов). Вермахт мог противопоставить им лишь 169 дивизий, в том числе 22 танковых.

¹⁴ Мы берем только данные о числе убитых, поскольку цифра пропавших без вести слишком ненадежна. Оценка основана на данных о безвозвратных потерях вермахта, приведенных в труде Мюллера-Гиллебранда.

¹⁵ Его тело до сих пор не найдено, но по наиболее распространенной версии Мюллер покончил с собой (или погиб от взрыва снаряда или бомбы) в начале мая в Берлине. В могиле, над которой установлено надгробие Мюллера, был найден погон группенфюрера СС, но других подтверждений, что там покоится шеф гестапо, обнаружено не было. Поэтому сейчас нельзя достоверно утверждать, где и когда нашел свой последний приют папаша Мюллер.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Соколов Борис Вадимович

**НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Редактор *Н. Мезина*
Художник *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.03.2017.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20, 16.

Тираж 1500 экз. Заказ 1475.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-906842-68-8

9 785906 842688 >

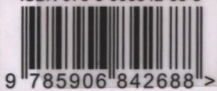

В книге известного историка Бориса Соколова представлен новый взгляд на историю борьбы советской и германской разведок в годы Второй мировой. Воспитанная в романах и кинофильмах романтика деятельности разведчиков, как убедительно показывает автор, зачастую ничего общего с реальностью не имеет. Информация же, добытая агентами, способна повлиять на судьбы мира, лишь когда она используется штабами и ведомствами... — а вот с этой стороны изучать деятельность разведки у нас как-то не принято, сетует автор и предлагает свои ответы на вопросы:

- Как борьба разведок отразилась на ходе боев на советско-германском фронте?
- Что противники действительно знали друг о друге?
- Кем был Штирлиц и что из истории легендарного Николая Кузнецова из разряда вымысла?
- Как на самом деле «Смерш» ловил вражеских лазутчиков и кто в действительности шпионил на Гитлера?
- Кто из числа выдающихся агентов вел двойную игру?
- Что в известных фильмах о разведчиках является правдой?

ISBN 978-5-906842-68-8

9 785906 842688 >